

ИМПЕРАТОРСКАГО
Юридическій Кабинетъ
С.-Петербургск. Университета

ЮРИДИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

МОСКОВСКИМЪ ЮРИДИЧЕСКИМЪ ОБЩЕСТВОМЪ.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

КНИЖКА ДЕВЯТАЯ.

ДЕКАБРЬ.

МОСКВА.
1871.

СОДЕРЖАНІЕ.

(См. на оборотъ).

ЮРИДИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

МОСКОВСКИМЪ ЮРИДИЧЕСКИМЪ ОБЩЕСТВОМЪ.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

КНИЖКА ДЕВЯТАЯ.

ДЕКАБРЬ.

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи (Катковъ и К°),
на Страстномъ бульварѣ.

1871.

РЕДАКЦІЯМЪ ПОВРЕМЕННЫХЪ ИЗДАНІЙ

ОТЪ

РЕДАКЦІИ ЮРИДИЧЕСКАГО ВѢСТНИКА.

Въ истекающемъ 1871 году Редакціи нѣкоторыхъ журналовъ и газетъ высылали свои изданія въ обмѣнъ на нашъ журналъ, за что редакція Юридическаго Вѣстника приноситъ имъ нынѣ искреннюю благодарность и вмѣстѣ съ тѣмъ покорнѣйше проситъ какъ высылавшія до сихъ поръ, такъ и остальныя Редакціи повременныхъ изданій высылать эти послѣднія и въ наступающемъ 1872 году, начиная съ 1-хъ № №, такимъ-же образомъ въ обмѣнъ на Юридическій Вѣстникъ, адресуя въ Московское Юридическое Общество, въ зданіи Университета.

Редакціямъ повременныхъ изданій

отъ

Редакціи Юридическаго Вѣстника.

Въ истекающемъ 1871 году Редакціи нѣкоторыхъ журналовъ и газетъ высылали свои изданія въ обмѣнъ на нашъ журналъ, за что редакція Юридическаго Вѣстника приноситъ имъ нынѣ искреннюю благодарность и вмѣстѣ съ тѣмъ покорнѣйше проситъ какъ высылавшія до сихъ поръ, такъ и остальныя Редакціи повременныхъ изданій высылать эти послѣднія и въ наступающемъ 1872 году, начиная съ 1-хъ №, такимъ-же образомъ въ обмѣнъ на Юридическій Вѣстникъ, адресуя въ Московское Юридическое Общество, въ зданіи Университета.

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ ПРОТОКОЛОВЪ МОСКОВСКАГО ЮРИДИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА 1871 ГОДА.

8 февраля. По вопросу: „Членъ полнаго торговаго товарищества имѣетъ ли право отъ своего лица производить самостоятельную, отдѣльную торговлю? (Т. XI уст. торг. ст. 763 и 764).“

К. П. Палибинъ. Опредѣленіе полнаго торговаго товарищества, порядокъ его составленія, заступленія хозяина или товарища торговаго дома на случай смерти кого-либо изъ нихъ, права, обязанности и отвѣтственность членовъ товарищества изложены въ 756—771 ст. т. XI учр. и уст. торг. и 2126—2183 т. X зак. гражд. ч. I. По закону, полное торговое товарищество составляется изъ двухъ или многихъ товарищей, положившихъ *заедино* торговать подъ общимъ названіемъ всѣхъ; товарищи торговаго дома отвѣтствуютъ за всѣ долги онаго, вообще и порознь, всѣмъ имуществомъ своимъ, движимымъ и недвижимымъ. *Товарищъ одного торговаго дома не можетъ въ одно и тоже время быть товарищемъ другаго дома.*

Приведенныя мною узаконенія, кажется, достаточно опредѣляютъ значеніе торговаго дома. При такой солидарности членовъ его, положившихъ *заедино* торговать, при такомъ соединеніи всѣхъ личныхъ и имущественныхъ ихъ силъ немыслима самостоятельность и отдѣльное производство каждымъ изъ нихъ торговли. Оно разрушало-бы единство, лежащее въ основаніи полнаго товарищества и противорѣчило-бы обязанностямъ членовъ его, установленнымъ закономъ для охраненія торговаго кредита и наконецъ на практикѣ вызвало-бы неминуемо важныя затрудненія въ случаяхъ несостоятельности кого-либо изъ нихъ. Поэтому, полагаю, что вопросъ нашъ долженъ быть разрѣшенъ отрицательно.

Я. И. Любимцевъ. По своему предмету и объему полное торговое товарищество хотя и дѣйствительно установляетъ между членами его, по закону, полное общеніе имущественныхъ средствъ (societas omnium bonorum) и создаетъ не только взаимныя обязанности товарищей (socii), но и съ посторонними лицами опредѣляемыя договоромъ (т. XI учр. и уст. торг. ст. 757 и 765), который имѣетъ силу равную закону (тамъ же ст. 762),—но такъ какъ всякое товарищество установляется въ видахъ достиженія опредѣленной и невоспрещенной закономъ цѣли и имѣетъ основаніемъ своимъ договоръ, то понятно, что возникающія отсюда юридическія отношенія должны быть опредѣляемы по началамъ права по обязательствамъ и договорамъ. Законъ воспрещаетъ положительно товарищу одного торговаго дома быть товарищемъ другаго дома (тамъ же ст. 764), но отсюда не слѣдуетъ, чтобы товарищъ торговаго дома не вправѣ былъ производить отдѣльную самостоятельную торговлю, если противное сему не установлено договоромъ полнаго товарищества. Запрещеніе, выраженное въ 764 ст., не можетъ идти далѣе его буквальнаго смысла, и я не нахожу основаній къ толкованію распространительному (interpretatio extensiva) этого узаконенія.

Н. Я. Березницкій. Не думаю, чтобы во всякомъ полномъ товариществѣ установлялось общеніе всей совокупности имуществъ товарищей, societas omnium bonorum; законъ прямо указываетъ на установленіе такого товарищества *для производства общей торговли на складочный капиталъ* (т. XI учр. и уст. торг. ст. 758). Правило же, выраженное въ 763 ст., объ отвѣтственности товарищей торговаго дома за всѣ долги онаго, нисколько не лишаетъ каждаго изъ нихъ права производить отдѣльную, самостоятельную торговлю, когда это по договору товарищества не воспрещено.

А. М. Хоткевичъ. Выраженіе закона „заедино торговать" (тамъ же ст. 756) не выражаетъ, по мнѣнію моему, общенія всей совокупности имуществъ товарищей торговаго дома, такъ какъ объемъ этого выраженія можетъ только опредѣлиться изъ основнаго договора, въ которомъ и должны быть выражены взносы товарищей. Во всякомъ случаѣ, полагаю, что толкованіе всякаго запретительнаго закона не должно

выходить за предѣлы его буквальнаго смысла, и въ особенности въ сферѣ гражданскаго права.

А. И. Харлампговичъ. Цѣли торговаго товарищества могутъ быть различны и законъ не въ состояніи ихъ вполнѣ опредѣлить, поставляя въ зависимость отъ дѣйствія взаимнаго договора: взаимныя обязательства между товарищами, обязательства съ посторонними, на общее имя дома дѣлаемыя, срокъ или безсрочность товарищества (т. XI учр. и уст. торг. ст. 765). Почему то или другое право товарища, за исключеніемъ случаевъ положительно опредѣленныхъ закономъ, вполнѣ зависитъ отъ взаимнаго соглашенія контрагентовъ. Для поддержанія-же кредита и огражденія правъ третьихъ лицъ достаточно той гарантіи, которая установлена 763 ст., опредѣляющею отвѣтственность товарищей торговаго дома. При одновременномъ же стеченіи кредиторовъ въ случаѣ неоплатности торговаго дома и одного изъ его товарищей, производившаго самостоятельную торговлю, по ст. 763, преимущественно должны быть удовлетворены кредиторы торговаго дома, когда при его открытіи и знаменованіи соблюдены были установленные 766—768 ст. порядки. Слѣдовательно и практическихъ затрудненій не представляется въ признаніи права за товарищами торговаго дома производить отдѣльную торговлю, въ случаѣ если такое право не ограничено особыми условіями акта, установляющаго полное товарищество.

А. М. Фальковскій. По законамъ гражданскимъ товарищества составляются изъ лицъ, *соединенныхъ въ одинъ составъ* и дѣйствующихъ въ ономъ подъ однимъ *общимъ именемъ.* Итакъ существеннымъ признакомъ товарищества вообще служитъ не то или другое общеніе имуществъ, а соединеніе лицъ для предпріятій полезныхъ и общему благу не противныхъ (т. X ч. I ст. 2126 и 2127). Различные виды товариществъ, допускаемые закономъ (тамъ же ст. 2128), основаны главнымъ образомъ на томъ, что въ товариществѣ полномъ члены его *дѣйствуютъ заедино общимъ именемъ всѣхъ* (тамъ же ст. 2129); въ товариществѣ неполномъ (на вѣрѣ) пріобщаются одинъ или многіе вкладчики, ввѣряющіе одному или многимъ товарищамъ извѣстныя суммы своихъ капиталовъ, *которымъ и принадлежитъ право распоряженія дѣлами товарищества.* Въ компаніяхъ-же на акціяхъ складочный капиталъ

составляется изъ опредѣленнаго числа частныхъ вкладовъ единообразнаго размѣра, *а компанія управляется сперва ея учредителями, а потомъ правленіемъ компаніи* (тамъ же ст. 2130 и 2131). Отсюда различіе и въ имущественной отвѣтственности за всѣ долги: *въ полномъ*—всѣхъ товарищей вообще и порознь всѣмъ имуществомъ своимъ движимымъ и недвижимымъ; *въ неполномъ*—наличнымъ вкладомъ; *въ акціонерномъ*—вкладомъ каждаго изъ акціонеровъ (тамъ же ст. 2134, 2135 и 2136). Тогда какъ первые два вида товарищества установляются договоромъ, послѣдній требуетъ сверхъ сего утвержденія правительства. Такимъ образомъ между членами полнаго товарищества, въ отношеніи ихъ правъ и обязанностей, существуетъ солидарность; между членами товарищества на вѣрѣ, вкладчики, ввѣрившіе свои капиталы товарищамъ-учредителямъ, сами не пользуются правомъ распоряженія дѣлами товарищества и отъ своего имени не могутъ вступать въ обязательства; въ акціонерномъ—право распоряженія принадлежитъ учредителямъ или правленію. Въ наше время экономическое и юридическое значеніе товарищества заслуживаетъ особеннаго вниманія. Оно должно занимать видное мѣсто въ системѣ гражданскаго права, и точное и ясное установленіе юридическаго понятія о немъ въ высшей степени важно. Законъ говоритъ: предметомъ товарищества могутъ быть всякаго рода полезныя и общему благу не противныя предпріятія по торговлѣ, по застрахованію, по перевозкамъ и вообще по какой бы то ни было промышленности (тамъ же ст. 2127). Но вѣдь имъ допускаются же и другія общества, думаю, все тѣ же товарищества, для отправленія службъ и работъ, силамъ одного человѣка несоразмѣрныхъ, напр. артели (т. XI торг. уст. ст. 2409—2421). Наконецъ едвали законъ ограничиваетъ товарищество вкладами матеріальными. Думаю, что знанія, промыселъ и т. п. могутъ также быть предметомъ обязательства товарищей и замѣнять вклады капиталомъ, почему понятіе о товариществѣ по отношенію къ предметамъ онаго и не исчерпывается вполнѣ 2127 ст. Будучи основано на договорѣ, оно дѣйствительно можетъ имѣть предметомъ своимъ не только одни имущества, но и *всѣ дѣйствія,* не воспрещенныя закономъ (т. X ч. I ст. 1528). Въ нашемъ вексельномъ уставѣ можно указать на случаи солидарности

имущественной отвѣтственности (ст. 565 и 596); тѣмъ не менѣе никто не станетъ утверждать, чтобы этимъ установлялось между такими должниками полное общеніе ихъ имуществъ и ограниченіе права распоряжать ими.

Недоразумѣнія, возникающія по вопросамъ, подобнымъ настоящему, легко могутъ быть устранены подраздѣленіемъ полнаго товарищества, принятымъ итальянскимъ гражданскимъ уложеніемъ: 1) товарищество по всѣмъ имуществамъ и 2) общее товарищество по прибылямъ (ст. 1700—1702).

В. Н. Лешковъ. Въ нашемъ законодательствѣ не выражено прямо различія между видами полнаго товарищества. Но когда вопросъ идетъ о товариществѣ по всѣмъ имуществамъ, то очевидно, что высказанное уважаемымъ нашимъ сочленомъ К. П. Палибинымъ мнѣніе непосредственно вытекаетъ изъ существа юридической сдѣлки. Во всякомъ случаѣ товарищество по всѣмъ имуществамъ не можетъ быть подразумѣваемо, а должно быть выражено въ договорѣ. Наконецъ запрещеніе, установленное 764 ст., не должно быть распространяемо за предѣлы словеснаго его смысла.

Большинство членовъ, обсуждавшихъ вопросъ, нашло: „что товарищъ торговаго дома вправѣ производить отдѣльную, самостоятельную торговлю, когда въ договорѣ товарищества противное сему не установлено."

15 марта. По вопросу: „Недѣйствительность духовныхъ завѣщаній несовершеннолѣтнихъ, выраженная въ 1019 ст. т. X зак. гражд. ч. I, имѣетъ ли безусловное значеніе?".

По закону всѣ духовныя завѣщанія тогда только могутъ быть дѣйствительны, *когда они составляются лицами, имѣющими по законамъ право отчуждать свое имущество* (тамъ же ст. 1018), *посему недѣйствительны завѣщанія: 1) несовершеннолѣтнихъ, недостигшихъ двадцати лѣтъ съ годомъ* (ст. 1019). Сопоставленіе приведенныхъ узаконеній съ ст. 770 того же т. и ч. зак., въ которой выражено: „запрещается писать и совершать отъ имени малолѣтнихъ, безумныхъ и сумасшедшихъ, банкротовъ и несостоятельныхъ должниковъ, публично наказанныхъ и лишенныхъ чести, всякіе вообще акты о имѣніи или о займѣ, а отъ имени *несовершеннолѣтнихъ* акты на продажу и закладъ недвижимаго ихъ имѣнія или на заемъ *безъ согласія и подписи попечителей или опекуновъ ихъ*" и послужило основаніемъ къ возбужденію настоящаго вопроса.

Въ самомъ дѣлѣ, если постановленіе 1019 ст. есть только выводъ изъ предыдущей, то его нельзя признать вполнѣ логичнымъ, потому что несовершеннолѣтнимъ, хотя и условно, однако же принадлежитъ право отчуждать свое имущество (ст. 220 тамъ же). Послѣ этого вопросъ сводится лишь къ тому, дѣйствительно ли завѣщаніе несовершеннолѣтняго, составленное съ согласія попечителя его? Прямаго отвѣта на это въ законахъ нѣтъ. Поэтому, обращаясь къ толкованію, основанному на общемъ смыслѣ законовъ, оказывается, что духовное завѣщаніе есть законное объявленіе *воли владѣльца* о его имуществѣ, на случай его смерти (ст. 1010). Ни одного постановленія нѣтъ въ Св. Закон., которымъ-бы установлялось въ завѣщаніи дополненіе воли владѣльца, въ случаѣ его несовершеннолѣтія, волею попечителя. Ст. 1019 не можетъ быть разсматриваема какъ выводъ изъ предыдущей, потому что въ этомъ случаѣ, въ ней было бы исчисленіе всѣхъ лицъ, поименованныхъ въ 770 ст. Правило, въ ней выраженное, должно быть понимаемо безусловно. Въ завѣщаніи, несомнѣнно, законъ предполагаетъ полнѣйшую свободу личной воли завѣщателя, которою несовершеннолѣтніе, по закону, не пользуются. Различіе возрастовъ въ несовершеннолѣтіи впервые точно опредѣлено закономъ 1785 года. Послѣдующими узаконеніями опредѣлены были и права несовершеннолѣтнихъ, достигшихъ 17-лѣтняго возраста, и затѣмъ указомъ 1 октября 1831 года (4844) § 7 постановлено, что недѣйствительны завѣщанія лицъ, не достигшихъ 21 года отъ рожденія, чѣмъ, очевидно, закономъ изъята возможность совершенія завѣщанія даже и съ согласія своего попечителя. Различныя законодательства допускали и допускаютъ полную завѣщательную власть въ разные возрасты. Такъ напримѣръ итальянское уложеніе признаетъ неспособными завѣщать неимѣющихъ 18-ти лѣтъ отъ роду. Этого же правила придерживаются и новѣйшіе германскіе законы. Но наше гражданское право, очевидно, признаетъ неспособными завѣщать неимѣющихъ 21 года отъ роду. Авторитетъ наиболѣе извѣстныхъ нашихъ цивилистовъ подкрѣпляетъ это мнѣніе.

На основаніи изложенныхъ соображеній члены Общества, участвовавшіе въ обсужденіи вопроса, единогласно полагали, что по разуму законовъ несовершеннолѣтній не

вправѣ составить духовное завѣщаніе даже и съ согласія своего попечителя.

Мая 1. По вопросу, предложенному дѣйствительнымъ членомъ И. И. Тоблеръ: „съ какого момента долженъ исчисляться десятилѣтній срокъ, указанный въ 1246 ст. т. X зак. гр. ч. I, для отсутствующихъ наслѣдниковъ, для полученія наслѣдства, если не было учинено публикаціи о вызовѣ наслѣдниковъ?"

И. И. Тоблеръ. Право на открывшееся наслѣдство принадлежитъ, по закону, наслѣдникамъ съ самой кончины владѣльца (т. X ч. I ст. 1254). Право это пріобрѣтается у насъ принятіемъ наслѣдства (тамъ же ст. 1255). Для признанія его, когда оно не состоитъ въ спорѣ, не требуется безусловно судебное опредѣленіе (уст. гражд. судопр. ст. 1408). Кто въ теченіи десятилѣтняго срока *не явится для полученія наслѣдства,* тотъ лишается онаго навсегда (т. X ч. I ст. 1246). Съ какого же момента исчислять означенный срокъ? Со дня-ли открытія наслѣдства, или со дня послѣдняго припечатанія въ публичныхъ вѣдомостяхъ объявленій о вызовѣ наслѣдниковъ и какимъ образомъ поступать, когда подобной публикаціи не было сдѣлано? Первый вопросъ мнѣ представляется достаточно разрѣшаемымъ 1239 и 1241 ст. т. X ч. I. Во всѣхъ случаяхъ, когда наслѣдникамъ чрезъ надлежащее судебное мѣсто учиненъ былъ вызовъ чрезъ публикаціи, имѣетъ примѣненіе правило, выраженное для исчисленія срока въ 1241 ст. Но когда этого вызова не послѣдовало, то чѣмъ-же слѣдуетъ руководствоваться въ исчисленіи начала срока, указаннаго въ 1246 ст. того же тома и ч. зак.? Вопросъ этотъ не лишенъ и теоретическаго и практическаго значенія, тѣмъ болѣе что вызовъ наслѣдниковъ не составляетъ общаго правила и дѣлается въ опредѣленныхъ закономъ случаяхъ и что, по винѣ судебнаго мѣста, и въ требуемыхъ закономъ случаяхъ можетъ не послѣдовать публикаціи. Наконецъ, несмотря на всѣ предосторожности со стороны общественной власти, могутъ вступить въ наслѣдство лица помимо ближайшаго наслѣдника. По моему мнѣнію вызовъ наслѣдниковъ составляетъ формальность, неимѣющую существеннаго значенія. Вопервыхъ потому, что онъ не требуется безусловно и вовторыхъ, у насъ по крайней мѣрѣ, при недостаточномъ распространеніи грамотности и

газетъ оффиціальныхъ, публикаціи рѣдко достигаютъ предположенной цѣли. Для дѣйствія давности едва-ли необходимо законное предположеніе, что субъектъ права зналъ о немъ и не осуществилъ его. Смерть владѣльца имущества составляетъ столь важный моментъ для близкихъ ему по родству, лицъ, что о судьбѣ, постигшей его, возможно въ продолженіи 10 лѣтъ узнать тѣмъ, кто принималъ въ немъ родственное участіе при жизни, и поэтому, по справедливости, долженъ наслѣдовать въ оставшемся послѣ него имуществѣ. Но такъ какъ въ 1241 ст. для отсутствующихъ наслѣдниковъ опредѣленъ срокъ, то, по мнѣнію моему, оный и долженъ служить общимъ правиломъ. Поэтому думаю, что давность не распространяется на случаи, когда не было вызова наслѣдниковъ.

Ф. Ф. Коврайскій. Я не стану отрицать сдѣланныхъ И. И. Тоблеръ замѣчаній о дѣйствительномъ значеніи у насъ публикацій. Но вѣрны ли эти замѣчанія въ юридическомъ отношеніи? Вызовъ наслѣдниковъ, по разуму законовъ, имѣетъ значеніе охранительныхъ мѣръ не только въ отношеніи самаго наслѣдства, но и въ отношеніи правъ отсутствующихъ наслѣдниковъ. Законъ, говоря о десятилѣтнемъ срокѣ (т. X ч. I ст. 1246), разумѣетъ въ этомъ случаѣ срокъ, установленный 1241 ст. (тамъ же). Почему и полагаю, что вызовъ наслѣдниковъ въ опредѣленныхъ 1239 ст. (тамъ же) случаяхъ имѣетъ существенное значеніе въ исчисленіи срока, въ теченіи котораго наслѣдники вправѣ явиться для полученія наслѣдства. При несоблюденіи этого правила, будетъ ли то по винѣ судебнаго мѣста, или другимъ причинамъ, дѣйствіе давности не можетъ быть распространяемо на наслѣдниковъ, лишившихся, такимъ образомъ, законныхъ способовъ имѣть извѣстіе объ открывшемся наслѣдствѣ. Смерть владѣльца имущества хотя и составляетъ крупное событіе въ кругу его семьи и родственниковъ, но право наслѣдованія опредѣляется не степенью родственныхъ чувствъ, неуловимыхъ для права, а близостью кровнаго родства. Отсутствующимъ наслѣдникамъ важно знать не только событіе смерти наслѣдодателя, но и осталось-ли послѣ него наслѣдство.

А. М. Фальковскій. Соглашаясь съ послѣднимъ мнѣніемъ, остается еще одинъ случай, требующій разъясненія и имен-

но, когда наслѣдство не остается открытымъ и въ оное вступятъ, помимо ближайшаго наслѣдника, другіе родственники наслѣдодателя, которые, слѣдовательно, владѣя наслѣдственнымъ имуществомъ, на правѣ собственности, въ продолженіи болѣе 10 лѣтъ, могутъ противопоставить иску прямаго наслѣдника право ихъ, основанное на давности. Какимъ-же образомъ разрѣшить дѣло при столкновеніи такого рода правъ, когда притомъ о вызовѣ наслѣдниковъ не послѣдовало публикаціи? Полагаю, что въ этомъ случаѣ, въ виду предлагаемаго здѣсь разрѣшенія занимающаго насъ вопроса, отсутствовавшій наслѣдникъ не теряетъ своего права на открытіе своего спора установленнымъ порядкомъ, и отводъ противъ такого спора, основанный на истеченіи земской давности, не можетъ имѣть мѣста, коль скоро мы придаемъ существенное значеніе вызову наслѣдниковъ чрезъ надлежащее судебное мѣсто. Симъ однако же, думаю, не устраняется право вступившихъ во владѣніе наслѣдствомъ доказать на судѣ, что истцу—отсутствовавшему наслѣднику—извѣстно было тѣмъ или другимъ образомъ объ открывшемся наслѣдствѣ, составляющемъ предметъ его иска. Такъ какъ наслѣдство, по русскому праву, пріобрѣтается не въ силу закона, а изъявленіемъ согласія, явнаго или подразумѣваемаго, на принятіе онаго (т. X ч. I ст. 1255 и 1261), то очевидно, что для устраненія возникающихъ на практикѣ сомнѣній правильнѣе и послѣдовательнѣе было-бы установленіе обязательнаго вызова наслѣдниковъ безъ всякаго исключенія, что не нарушало-бы нисколько основнаго начала русскаго наслѣдственнаго права, по которому наслѣдники вступаютъ въ права свои въ силу событія смерти наслѣдодателя. Для малоцѣнныхъ же дѣлъ о наслѣдствѣ въ движимомъ имуществѣ, подвѣдомственныхъ мировымъ судебнымъ установленіямъ, крайне необходимо допустить облегчительныя правила, которыя всегда и всюду были-бы благодѣяніемъ для народа. Эти правила должны-бы во многомъ измѣнить и порядокъ принятія охранительныхъ мѣръ и систему доказательствъ, опредѣляющихъ близость родства. Необходимо постоянно имѣть въ виду, что не народъ существуетъ для закона, а законъ для народа и притомъ для блага его.

В. Н. Лешковъ. Не смотря на казуистическій характеръ

нашихъ гражданскихъ законовъ, въ нихъ заключается безчисленное множество данныхъ для извлеченія основныхъ началъ гражданскаго права, не отрѣшаясь притомъ отъ историческаго развитія его. Думаю, что дѣятельность нашего Общества съ каждымъ днемъ приводитъ насъ къ такому заключенію. Проведенное здѣсь начало о пріобрѣтеніи наслѣдства дѣйствительно уясняетъ намъ все значеніе вызова наслѣдниковъ. Законодательство всегда заботилось особенно объ извѣщеніи отсутствующихъ наслѣдниковъ объ открывшемся наслѣдствѣ, чему служитъ несомнѣннымъ доказательствомъ правило, выраженное въ 1240 ст. т. X ч. I, къ сожалѣнію невошедшее въ наше новое охранительное судопроизводство. Поэтому полагаю, что упущеніе въ вызовѣ наслѣдниковъ должно имѣть своимъ юридическимъ послѣдствіемъ для отсутствующихъ наслѣдниковъ прерваніе дѣйствія земской давности безусловно.

Съ этимъ мнѣніемъ г. предсѣдателя согласились всѣ члены, участвовавшіе въ обсужденіи вопроса.

О ПРАВѢ НАСЛѢДОВАНІЯ

въ боковыхъ линіяхъ единокровныхъ и единоутробныхъ братьевъ и сестеръ.

Вопросъ о наслѣдованіи единоутробныхъ и единокровныхъ въ благопріобрѣтенномъ имуществѣ наслѣдодателя, вопросъ о примѣненіи на практикѣ ст. 1140 т. X ч. I зак. гражд., возбуждалъ и возбуждаетъ по настоящее время множество недоумѣній и спорныхъ положеній.

Въ 60-хъ годахъ въ нашей юридической литературѣ возгорѣлась даже цѣлая полемика о томъ, какъ понимать 1140 ст. X т. Св. Зак. *). Вотъ почему нельзя не отнестись съ особеннымъ вниманіемъ къ рѣшенію Московскаго окружнаго суда, помѣщенному въ іюльской книжкѣ Юридическаго Вѣстника по вопросу о правѣ наслѣдованія въ боковыхъ линіяхъ единокровныхъ въ благопріобрѣтенномъ имуществѣ наслѣдодателя, когда послѣ него остались родные братья, или сестры, или ихъ потомство.

Рѣшеніе это представляетъ собою не только строго правовое опредѣленіе въ предѣлахъ возникшаго въ практикѣ вопроса, но и содержитъ въ себѣ богатый матеріалъ для исторіи русскаго законодательства по вопросу о наслѣдованіи единокровныхъ и единоутробныхъ вообще.

Съ одной стороны научный отпечатокъ, лежащій на этомъ рѣшеніи суда; съ другой—полнота изложенія, строгость и послѣдовательность выводовъ рѣзко выдѣляютъ его изъ ряда судебныхъ рѣшеній по дѣламъ подобнаго рода. Это вызы-

*) См. Юрид. Вѣстн. Калачова вып. II, IV, IX, XIV, XVIII; Моск. Вѣд. за 1860 г., № 273, статья А. Зарина; за 1865 г. Ж. М. Ю. сентябр. кн. ст. Китицина; ноябр. книжка ст. А. Любавскаго.

ваетъ насъ къ посильной краткой обработкѣ какъ самаго ученія о правѣ наслѣдованія въ боковыхъ линіяхъ единокровныхъ и единоутробныхъ, такъ и тѣхъ матеріаловъ, которые воспроизведены въ ходѣ литературной полемикѣ, о которой я упомянулъ выше, а равно изложенныхъ и въ рѣшеніи суда.

По естественному порядку наслѣдство идетъ въ семью, т.-е. тѣмъ родственникамъ, кто ближе всего къ умершему. Но какіе родственники призываются закономъ—это зависитъ отъ воззрѣній народа и государства на семейную организацію.

Въ Римѣ, гдѣ семья имѣла искусственный, строго юридическій характеръ, гдѣ она была ничто иное какъ политическая корпорація, основанная на началѣ власти, наслѣдственное право опредѣлялось далеко не тѣмъ кровнымъ, естественнымъ характеромъ, который присущъ ему настолько-же, насколько онъ является существеннымъ элементомъ семейнаго организма. Кругъ наслѣдственный ограничивался членами гражданской семьи, т.-е. лицами, кои состояли въ родительской власти умершаго, или состояли бы, еслибы живъ былъ глава семейства.

Характеристику древне-римской *legitima successio* составляетъ ограниченіе семьи агнатствомъ, т.-е. родствомъ гражданскимъ. Отсюда вышло, что всѣ притязанія на наслѣдованіе безъ завѣщанія долгое время исключительно основывались на агнатствѣ и на болѣе широкой родовой сферѣ *(gentilitas)*, которая впрочемъ къ концу республиканскаго періода уже окончательно исчезла, какъ третья ступень наслѣдственнаго преемства послѣ *sui* и *agnati*. Такъ было по строго цивильному праву, которое, создавая изъ римской гражданской правовой жизни чуждо естественный организмъ, забыло, или лучше сказать, игнорировало кровное родство *(cognatio)*.

Но тамъ, гдѣ разумъ и природа, искусственный и естественный элементъ въ борьбѣ, тамъ подавленіе послѣдняго не можетъ быть продолжительно. *Jus gentium*—это общечеловѣческое право, въ своей конструкціи и въ своихъ безчисленныхъ опредѣленіяхъ проникнутое всецѣло естественнымъ началомъ, скоро выдвинуло когнатство, какъ начало опредѣляющее право наслѣдованія. Если мы посмотримъ на

ходъ развитія наслѣдственнаго права отъ законовъ XII таблицъ до Импер. Юстиніана, то для насъ все существо этого развитія прямо сведется къ одному положенію—борьба агнатства и когнатства, постепенное уничтоженіе перваго подъ вліяніемъ преторовъ и юрисконсультовъ и наконецъ полное торжество когнатства надъ искусственнымъ строемъ наслѣдственнаго движенія по началамъ агнатства.

Блестящее выраженіе новаго воззрѣнія на начала, опредѣляющія наслѣдственную связь между людьми, представляетъ собою 118 Novella, изданная въ 543 г. Имп. Юстиніаномъ. Въ ней по естественному порядку къ наслѣдству ближе тотъ, кто ближе къ умершему по крови. Образовалось четыре класса. Во 2-й классъ отведены полнородные братья и сестры и дѣти ихъ, племянники и племянницы.

Въ III главѣ 118 новеллы, впервые вполнѣ точно и опредѣленно обозначились права и порядокъ призванія къ наслѣдству единокровныхъ и единоутробныхъ. Такъ какъ римская наслѣдственная система послужила для всѣхъ европейскихъ народовъ готовымъ образцомъ, къ которому всѣ рано или поздно должны были обратиться за готовыми опредѣленіями, когда явилась въ нихъ надобность, то я считаю умѣстнымъ буквально изложить здѣсь содержаніе третьей главы, тѣмъ болѣе что на происхожденіе нашей 1140 ст. т. X, ч. I, отчасти вліяло и римское наслѣдственное право чрезъ наполеоновъ кодексъ, послужившій для Коммиссіи составленія законовъ руководительнымъ началомъ при опредѣленіи порядка наслѣдованія единоутробныхъ и двоюродныхъ братьевъ къ благопріобрѣтенному имуществу бездѣтнаго наслѣдодателя.

118 новелла Юстиніана, глава III говоритъ *): „Итакъ если умершій не оставилъ ни восходящихъ, ни нисходящихъ, то мы призываемъ къ наслѣдству родныхъ (germani) братьевъ и сестеръ. Если нѣтъ родныхъ братьевъ, то мы во второмъ порядкѣ призываемъ братьевъ, которые соединены съ умершимъ чрезъ одного только родителя, будетъ ли это отецъ одинъ, или одна мать. Но если умершій оставилъ братьевъ и въ тоже время дѣтей другаго брата или сестры прежде

*) Les Novel. de l'Empereur Justinien trad. par M. Berenger-fils, съ латинскимъ текстомъ, стр. 152, т. I, изд. 1811 г.

умершихъ, то эти послѣднія дѣти будутъ призваны къ наслѣдству и каково бы ни было ихъ количество, они получаютъ такую часть наслѣдства, какую получилъ-бы ихъ отецъ, еслибы онъ былъ живъ. Отсюда слѣдуетъ, что еслибы прежде умершій братъ, дѣти котораго живы, былъ роднымъ (germani) братомъ наслѣдодателя и если въ тоже время существуютъ братья, которые были соединены съ наслѣдодателемъ чрезъ одного только отца (единокровные) или мать (единоутробные), то дѣти этого роднаго брата, хотя бы они были въ 3-й степени, тѣмъ не менѣе будутъ предпочтены послѣднимъ, хотя бы эти послѣдніе происходили по мужскому или женскому колѣну отъ матери или отца умершаго наслѣдодателя; точно также, какъ былъ бы предпочтенъ ихъ отецъ, еслибы онъ находился въ живыхъ въ моментъ открытія наслѣдства. Точно также еслибы пережилъ братъ, который былъ роднымъ (germani) умершему, мы исключили-бы изъ наслѣдства прежде умершаго брата, который былъ соединенъ съ первымъ чрезъ одного только родителя (единокровный); точно также какъ бы этотъ прежде умершій братъ былъ бы исключенъ, еслибы онъ былъ живъ. Мы даемъ привилегію въ этомъ порядкѣ родства только сыновьямъ или дочерямъ, дабы они вступили въ права своего родителя. Мы отрицаемъ это право представительства за всякимъ другимъ. Но если восходящіе призваны къ наслѣдству съ братьями умершаго, мы допускаемъ только, чтобы къ наслѣдству были призваны дѣти братьевъ, какъ скоро ихъ отецъ или мать были родные (germani) съ умершимъ. Слѣдовательно, такъ какъ мы сообщили привилегію представительства дѣтямъ умершаго роднаго брата и сестры, съ тѣмъ чтобы, вступая на мѣсто своего родителя и будучи въ 3-й степени, они были бы призваны къ наслѣдству съ тѣми, которые находятся во 2-й степени, то ясно, что они предпочтены единокровнымъ и единоутробнымъ, соединеннымъ съ умершимъ наслѣдодателемъ посредствомъ отца или матери, хотя они находились бы одинаково въ 3-й степени родства.“

Такимъ образомъ въ первоначальномъ источникѣ, откуда всѣ европейскія законодательства заимствовали порядокъ и систему наслѣдованія, вполнѣ точно опредѣлено, что въ боковыхъ линіяхъ при совмѣстномъ наслѣдованіи братьевъ или сестеръ единокровныхъ, единоутробныхъ и родныхъ, послѣд-

ніе всегда предпочитаются двумъ первымъ. Право представительства простирается только на дѣтей умершихъ родныхъ братьевъ; за всякимъ другимъ лицомъ въ боковыхъ линіяхъ это право представительства отрицается, ибо право представительства для дѣтей умершаго роднаго брата есть не болѣе какъ привилегія. Кромѣ того права наслѣдованія единокровныхъ и единоутробныхъ уравнены между собою.

Въ Германіи римская наслѣдственная система взяла верхъ надъ національной. Въ порядкѣ призванія къ наслѣдству господствуетъ правило: „въ степень умершихъ вступаетъ ихъ потомство."

Въ боковыхъ линіяхъ неполнородные братья и сестры или ихъ потомство,—точно также какъ и въ римской наслѣдственной системѣ,—являются первою ступенью въ порядкѣ преемства наслѣдственнаго перехода послѣ ближайшихъ восходящихъ и полнородныхъ братьевъ и сестеръ съ ихъ потомствомъ, образуя собою въ порядкѣ раздѣленія на наслѣдственные классы классъ четвертый. Прусское право второй классъ наслѣдниковъ по римскому праву раздробило на два класса, поставивши во 2-мъ классѣ отца и мать, а въ 3-мъ только полнородныхъ братьевъ и сестеръ, тогда какъ въ римскомъ правѣ восходящіе полнородные составляютъ одинъ классъ.

По наполеоновскому кодексу родственники единоутробные и единокровные не устраняются родными (germani); но они имѣютъ участіе только въ своей линіи; родные же имѣютъ участіе въ обѣихъ линіяхъ.

По итальянскому уложенію, которое составляетъ—по справедливому выраженію одного писателя—примѣненіе римскаго права къ современнымъ потребностямъ гражданской жизни и вполнѣ удовлетворяетъ общимъ началамъ науки и требованіямъ практики,—по ст. 741, лицу, не оставившему по смерти своей ни дѣтей, ни родителей, ни другихъ восходящихъ родственниковъ, наслѣдуютъ братья или сестры поголовно и ихъ нисходящіе поколѣнно. Впрочемъ братья или сестры единокровные или единоутробные и ихъ нисходящіе, если они предъявляютъ права на наслѣдство совокупно съ родными (germani) братьями или сестрами или ихъ нисходящими, имѣютъ право только на половину части слѣдующей роднымъ.

Этихъ примѣровъ совершенно достаточно, чтобы убѣдиться въ томъ, что при опредѣленіи порядка наслѣдованія принимается въ уваженіе близость степеней родства, а не преимущество той или другой линіи, какъ въ нашемъ законодательствѣ. При наслѣдованіи законныхъ родственниковъ наслѣдуютъ всегда нисходящіе, а за недостаткомъ ихъ наслѣдство обращается къ отцу или матери, а если ихъ нѣтъ, то предполагается, что каждый оставилъ слѣдующую ему часть своему потомству, т.-е. братьямъ или сестрамъ умершаго вотчиника и ихъ дѣтямъ. При чемъ въ боковыхъ линіяхъ родные всегда предпочитаются единокровнымъ и единоутробнымъ братьямъ или сестрамъ или ихъ потомству. Однимъ словомъ въ системѣ наслѣдованія, какъ въ нисходящихъ, такъ и въ боковыхъ степеняхъ, признано главнымъ основаніемъ близость кровнаго родства отъ общихъ родоначальниковъ—отца и матери.

Благодаря такой опредѣленности въ порядкѣ призыва къ наслѣдованію единокровныхъ и единоутробныхъ, въ иностранной судебной практикѣ, а тѣмъ менѣе въ юридической литературѣ, никогда не можетъ возбуждаться никакихъ споровъ и недоразумѣній о томъ: какими правилами руководствоваться при совмѣстномъ наслѣдованіи родныхъ, единокровныхъ и единоутробныхъ къ имуществу бездѣтно умершаго наслѣдодателя. Весь споръ по дѣламъ подобнаго рода въ иностранной практикѣ сосредоточивается на фактической сторонѣ дѣла, т.-е. на вопросахъ о томъ, что извѣстный претендентъ дѣйствительно ли умершему наслѣдодателю есть родной, или единокровный или единоутробный братъ?

Иныхъ началъ держится русское законодательство по вопросу о наслѣдованіи въ боковыхъ линіяхъ.

Издревле оно отличалось крайнею неопредѣленностью. Во времена варяжскаго господства, изъ договоровъ съ греками можно вывести, что родственники въ боковыхъ линіяхъ кромѣ братьевъ не допускались. Здѣсь разумѣется и не могло быть рѣчи объ опредѣленіи совмѣстнаго наслѣдованія между братьями родными, единокровными и единоутробными. По Русской Правдѣ о наслѣдованіи въ боковыхъ линіяхъ вовсе не упоминается, и наслѣдство за отсутствіемъ нисходящаго родственника шло къ князю. Изъ этого можно вывести, что политическій элементъ въ то время поглотилъ въ порядкѣ

наслѣдованія тѣ естественныя начала крови, которыя присущи институту наслѣдственному. И дѣйствительно въ Псковѣ, гдѣ вліяніе княжеской власти было незначительно, упоминается по Псковской грамотѣ, что боковые допускались къ наслѣдованію. Наконецъ по Судебникамъ выработалось правило для наслѣдниковъ въ боковыхъ линіяхъ, что „ближайшая линія исключаетъ дальнѣйшую.“ Но порядокъ, въ какомъ призывались члены семьи къ наслѣдованію, былъ неопредѣленъ, равно и о правѣ членовъ рода на наслѣдство не упоминается, потому что за семьей не видно рода ни въ юридическомъ, ни въ политическомъ значеніи *). Таже неопредѣленность въ порядкѣ призыва къ наслѣдованію, въ боковыхъ линіяхъ господствовала и въ Уложеніи Алексѣя Михайловича и новоуказныхъ статьяхъ. Здѣсь примѣнялось коренное правило Уложенія (гл. 17, ст. 1, 2, 4), что если послѣ умершаго владѣльца не осталось нисходящихъ, то право наслѣдованія переходитъ въ боковыя линіи, въ родъ, кто кому ближе. Упоминалось о *сводныхъ* братьяхъ, то-есть рожденныхъ отъ разныхъ браковъ, которые наслѣдовали послѣ общаго ихъ отца или матери; но въ какомъ порядкѣ они должны наслѣдовать въ боковыхъ линіяхъ — этого не было опредѣлено. Самой терминологіи, въ томъ смыслѣ какъ она понимается по западнымъ кодексамъ, родной, единокровный и единоутробный не существовало. Эта неопредѣленность, или лучше сказать отсутствіе постановленій о порядкѣ призванія къ наслѣдованію послѣ бездѣтнаго наслѣдодателя братьевъ и сестеръ родныхъ, единокровныхъ и единоутробныхъ, очевидно должна была вызывать рядъ недоразумѣній, рядъ споровъ. Одно изъ такихъ дѣлъ дошло до Сената: дѣло о раздѣлѣ благопріобрѣтеннаго имущества, оставшагося послѣ Павла Бурцева, между его братьями: канцеляристомъ Иваномъ Бурцевымъ, рожденнымъ отъ одного отца, но отъ другой матери и другими братьями, рожденными съ Павломъ отъ одного отца и матери **). Правительствующій Сенатъ въ общемъ собраніи Московскихъ депар-

---

*) См. К. Неволина т. V, разд. I. П. Цитовича „Исходные моменты въ исторіи русскаго права наслѣдованія.“ Въ этомъ очеркѣ мы разумѣется не касаемся народныхъ обычныхъ воззрѣній на порядокъ наслѣдованія, существующій у великороссовъ и малороссовъ до настоящаго времени.

**) См. Полн. Собр. Зак. 1817 г. 16 мая № 26,867.

таментовъ разсмотрѣлъ это дѣло и вопросъ о томъ: „слѣдуетъ ли лицу, рожденному отъ одного отца, но отъ другой матери имѣть участіе въ наслѣдствѣ, оставшемся послѣ бездѣтно умершаго, имъ благопріобрѣтенномъ, наравнѣ съ другими двумя братьями, рожденными съ умершимъ отъ одного отца и матери?“ и пришелъ къ тому выводу, что по Уложенію 1649 г. (гл. 17, ст. 1, 4) опредѣляется одинъ только порядокъ наслѣдія и при томъ такъ, что послѣ умершаго бездѣтно вотчинника имѣніе его надлежитъ отдать прежде всего братьямъ его роднымъ, если же ихъ нѣтъ, то двоюроднымъ, если и сихъ нѣтъ, тогда въ родъ, кто ближе по нисходящей линіи; но въ разсматриваемомъ законоположеніи ни мало не содержится того правила, чтобы братья рожденные отъ одного отца, но только отъ разныхъ матерей въ степени и линіи родства были между собою неравны: ибо самая линія родства происходитъ не отъ матери, а отъ отца, почему и дѣти рожденные отъ разныхъ матерей, но отъ одного отца почитаются между собою не иначе какъ *родными*: „поелику они одного и того же рода и не наслѣдуютъ въ имѣніи только своихъ мачихъ, какъ другаго уже съ ними рода.“ Этотъ сенатскій указъ важенъ для насъ въ томъ отношеніи, что здѣсь впервые было опредѣлено, что братья родные и единокровные синонимы, что въ правахъ наслѣдованія въ боковыхъ линіяхъ они совершенно уравнены, такъ какъ стоятъ въ одной линіи и степени отъ общаго отца, родоначальника. Кромѣ того этотъ указъ послужилъ, между прочимъ, какъ источникъ подъ статьею 1140. Но очевидно, что этимъ сепаратнымъ указомъ вопросъ о призывѣ къ наслѣдованію въ боковыхъ линіяхъ не былъ исчерпанъ. На очереди стояли вопросы о томъ, какими правилами руководствоваться при опредѣленіи наслѣдственныхъ правъ между единоутробными братьями или сестрами и двоюродными братьями наслѣдодателя, предъявлявшими совмѣстно притязанія на открывшееся благопріобрѣтенное имущество? Далѣе. Если роднаго брата послѣ наслѣдодателя не осталось, а остались единокровные и единоутробные братья или сестры, то въ какомъ порядкѣ призывать ихъ къ наслѣдству? Устраняютъ ли единокровные единоутробныхъ? Если остались родные (полнородные) и единоутробные, то устраняютъ ли первые послѣднихъ?

Дѣйствительно, въ 1812 году одинъ изъ такихъ вопросовъ представленъ былъ генералъ-губернаторомъ Тверскимъ, Новгородскимъ и Ярославскимъ Государю Императору Александру I при рапортѣ о томъ, что во ввѣренныхъ управленію его губерніяхъ нерѣдко встрѣчаются такія дѣла, которыя возникаютъ *благодаря неопредѣленности* законовъ, чему примѣромъ можетъ служить слѣдующій вопросъ: послѣ смерти пріобрѣтателя имѣнія умершаго бездѣтно и не оставившаго о своемъ имѣніи распоряженія—кто долженъ быть почитаемъ ближайшимъ наслѣдникомъ благопріобрѣтенному имѣнію: братъ ли единоутробный той же матери, но другаго отца, или двоюродный по отцѣ. Сенатъ передалъ этотъ вопросъ на обсужденіе Коммиссіи составленія законовъ, и въ государственный совѣтъ внесенъ былъ проектъ 9 статей: „предварительнаго закона о взаимномъ наслѣдованіи благопрі„обрѣтеннаго имѣнія въ боковыхъ линіяхъ, умершихъ без„дѣтно и безъ завѣщанія братьевъ и сестеръ отъ одного „отца, но отъ разныхъ матерей и отъ разныхъ отцовъ, но „отъ одной матери рожденныхъ.“ При этомъ Коммиссія разъяснила свой проектъ слѣдующимъ образомъ *): „изъ разума „существующихъ въ Россіи законовъ о правѣ наслѣдованія „никакого удовлетворительнаго рѣшенія на сей вопросъ из„влечь не можно: ибо хотя въ уложеніи, глава XVII, въ статьѣ „5 въ новоуказныхъ статьяхъ: 184 марта 14, 185 августа 10; „ст. 4, въ указахъ: 195 февраля 17, 1714 г. марта 23 п. 8, „1774 г. декабря 9 и сказано, что сводные, т.-е. рожденные „отъ разныхъ браковъ дѣти наслѣдуютъ послѣ общаго ихъ „отца или матери, но въ разсужденіи наслѣдованія ихъ въ „боковыхъ линіяхъ не имѣется никакого послѣдованія. При„чина сего недостатка есть та, что система, принятая по „существующимъ законамъ о порядкѣ наслѣдованія вообще „не можетъ почитаема быть ни полной, ниже сообразной съ „самой собою, потому что вопервыхъ самое главное пра„вило въ сей системѣ, а именно, что ближайшій по родству

---

*) Я привожу это мнѣніе in extenso, какъ любопытный памятникъ, указывающій какихъ правильныхъ, строго правовыхъ началъ держалась Коммиссія при опредѣленіи наслѣдственныхъ правъ между людьми. Извѣстно также, что эта коренная реформа русскаго законодательства неосуществилась, и вмѣсто гражданскаго уложенія у насъ появился сводъ гражданскихъ законовъ, съ его, въ большинствѣ случаевъ, казуальными статьями закона.

„почитается ближайшимъ и къ наслѣдству, весьма неопредѣленно и находится въ противорѣчіи съ постановленіями „закона, ибо самые близкіе родственники, т.-е. отецъ и мать „не наслѣдуютъ, и нигдѣ неопредѣлено, кого почитать ближайшимъ или дальнѣйшимъ въ равныхъ степеняхъ по боковымъ линіямъ; вовторыхъ право представленія, отъ котораго также зависитъ порядокъ въ наслѣдствѣ, равномѣрно „не съ совершенною точностью изъяснено; но ни того, ни „другаго нельзя исправить, не стѣснивъ самую систему нынѣ „существующую, хоть бы и войти въ многочисленныя постановленія, всегда поводъ дающія къ безконечнымъ спорамъ „и сомнѣніямъ о близости родства или права къ наслѣдію." Чтобы избѣгнуть этихъ затрудненій, Коммиссія составленія законовъ въ новомъ проектѣ гражданскаго уложенія предполагала совсѣмъ другой порядокъ наслѣдованія, хотя оный и основанъ на томъ же правилѣ о близости родства. Порядокъ этотъ, изложенный въ главѣ XII ст. 145 и пр. сего проекта есть самый простой. Въ недостаткѣ нисходящей линіи наслѣдство всегда обращается къ отцу и матери, а если ихъ нѣтъ въ живыхъ, то полагается, что каждый изъ нихъ оставилъ слѣдующую ему часть своему потомству, т.-е. братьямъ и сестрамъ умершаго вотчинника или ихъ дѣтямъ. При такомъ порядкѣ единоутробный сынъ самъ по себѣ получаетъ половину той части, какая слѣдуетъ сыну, происходящему отъ одного отца и отъ одной матери. Въ недостаткѣ родителей и ихъ потомства наслѣдство поступаетъ къ двумъ дѣдамъ и двумъ бабкамъ; каждый изъ нихъ получаетъ четвертую часть и оставляетъ оную на томъ же основаніи своему потомству, т.-е. двоюроднымъ братьямъ и сестрамъ и ихъ потомству, считая право представительства до безконечности, потому что оно всегда простирается въ прямой линіи. По сей системѣ всѣ встрѣтиться могущіе случаи сами собою разрѣшаются безъ малѣйшаго затрудненія и никогда никакого сомнѣнія не можетъ возникнуть о порядкѣ наслѣдованія и о томъ, какая часть наслѣдникамъ, равнымъ линіями и степенями, принадлежитъ. Поелику же о такой перемѣнѣ неиначе разсуждать можно какъ по окончательномъ разсмотрѣніи новаго проекта въ государственномъ совѣтѣ, то нынѣ Коммиссія можетъ представить только предварительный законъ и то единственно о порядкѣ наслѣдованія между своими

братьями, не касаясь до наслѣдованія между прочими родственниками, пока представленный уже ею проектъ будетъ утвержденъ, или ей будутъ предписаны другія правила, по которымъ она должна будетъ основываться при составленіи общаго закона о правѣ наслѣдованія. Посему Коммиссія составленія законовъ принуждена была принять въ соображеніе, какъ единственный законъ, который по мнѣнію всѣхъ лучшихъ правовѣдцевъ признаетъ родство, существующее между сводными братьями, хоть бы они были единоутробные, ближайшимъ нежели родство, находящееся между прочими родственниками по отцѣ; съ симъ согласно также каноническое право грекоримской церкви, которое считаетъ братьевъ какъ родныхъ, такъ и сводныхъ во 2-й степени; двоюродныхъ же братьевъ, не взирая на ихъ происхожденіе въ 4-й степени родства, равно и славнѣйшіе гражданскіе законы въ Европѣ, а именно: римскіе, прусскіе и французскіе, кои поставляютъ, что въ недостаткѣ братьевъ и сестеръ родныхъ и ихъ потомства имѣютъ вступить въ наслѣдство послѣ бездѣтно умершаго братья и сестры единокровные и единоутробные. Сими законами не полагается никакого различія въ происхожденіи имѣнія, но какъ по коренному праву, принятому въ россійскомъ законодательствѣ, родовое имѣніе ни въ какихъ случаяхъ по праву наслѣдованія (кромѣ указной части женѣ въ собственность ея выдѣляемой) не можетъ выходить изъ того рода, которому оно принадлежитъ и что самъ владѣлецъ, на основаніи 23 ст. жалованной благородному дворянству грамоты, невластенъ распоряжаться имъ иначе какъ по закону, то Коммиссія, впредь до изданія общаго закона о правѣ наслѣдованія, не считаетъ нужнымъ нарушать сіе коренное правило; но что касается до имѣнія благопріобрѣтеннаго, то она не могла не признать за справедливое и согласное съ самою природою принять правило, утвержденное всѣми лучшими законодательствами, тѣмъ болѣе что однофамильцы пріобрѣтателя не могутъ почесть права свои нарушенными, ибо такое имѣніе никогда роду ихъ не принадлежало и что подобное сему и правительствующій сенатъ въ 1801 г. рѣшилъ дѣло о недвижимомъ имѣніи, оставшемся послѣ подпоручика Бабунина. По сей причинѣ согласно съ естественнымъ правиломъ, съ римскими и прусскими законами и съ вышеупомянутымъ рѣ

шеніемъ Сената, постановлено, чтобы послѣ умершаго безъ завѣщанія и безъ дѣтей вотчинника благопріобрѣтенное его имѣніе, въ случаѣ неимѣнія родныхъ братьевъ и ихъ потомства, отдаваемо было его братьямъ и сестрамъ единоутробнымъ. §§ 3 и 4 основаны совершенно навновь указанныхъ статьяхъ 183 марта 14, ст. 13, 185 августа 10, ст. 13 и 14, указахъ 1774 г. марта 15 и 1791 г. іюля 10, въ коихъ именно постановлено, что ежели который сынъ или братъ умретъ прежде вотчинника, то они получаютъ всѣ вмѣстѣ ту часть, которая слѣдовала бы ихъ отцу. Въ § 5 принято правило издревле утвержденное русскими законами, что право представленія имѣетъ простираться токмо до правнучатъ вотчинника; правнучата-же его не должны въ наслѣдствѣ участвовать: см. указы 1770 г. марта 15, 1773 г. апрѣля 26 и 1781 г. мая 25. Въ § 6 постановлено, какія части имѣютъ получать жена умершаго пріобрѣтателя и сестры при жизни братьевъ на основаніи указа 1731 г. марта 17. § 7 предписываетъ, согласно съ указами 1764 г. апрѣля 26, 1766 г. августа 10, 1772 г. октября 3, чтобы въ случаѣ неимѣнія единоутробныхъ братьевъ и сестеръ, ни ихъ потомства имѣніе обращалось въ родъ пріобрѣтателя. § 9 распространяетъ тѣ же правила и на братьевъ единокровныхъ, ибо и они по праву естественному не должны имѣть никакого преимущества предъ братьями единоутробными. Департаментъ Законовъ, куда 9 августа 1817 г. препровождены были проектъ Коммиссіи составленія законовъ, объясненіе и выписи, утвердилъ по большинству голосовъ заключеніе Коммиссіи и затѣмъ относительно вопроса, кто долженъ быть почитаемъ ближайшимъ наслѣдникомъ благопріобрѣтенному имѣнію по смерти пріобрѣтателя онаго, умершаго бездѣтнымъ и не сдѣлавшаго имѣнію никакого распоряженія — братъ ли единоутробный той же матери, но другаго съ нимъ отца, или двоюродный братъ по отцѣ, постановилъ: *братья единоутробные и единокровные, въ наслѣдствѣ благопріобрѣтеннаго имѣнія послѣ вотчинника, неимѣвшаго родныхъ братьевъ и сестеръ, ни ихъ потомства, умершаго бездѣтнымъ и безъ завѣщанія, должны быть предпочитаемы прочимъ его родственникамъ*, присовокупляя къ тому, что *таковое наслѣдство поступаетъ къ нимъ въ одинаковомъ порядкѣ, какъ отъ пріобрѣтателей мужескаго пола, такъ и женскаго, и что какъ единоутробные и единокровные призна-*

ются въ равныхъ правахъ на наслѣдство, то тамъ, гдѣ наслѣдники тѣ и другіе, имѣніе дѣлится между ними на законномъ основаніи, какъ бы между родными братьями. Въ общемъ собраніи Государственнаго Совѣта большинство членовъ согласилось съ утвержденнымъ мнѣніемъ Департамента Законовъ, которое и было конфирмовано въ 14 день августа 1818 г. и распубликовано ноября 25 того же года *).

Положеніе это внесено было въ X т. Св. Зак. Гражд. изд. 1832 г., ст. 710. Впослѣдствіи Государственный Совѣтъ, имѣя въ виду, что его мнѣніе по означенному вопросу пояснено Высочайше утвержденнымъ рапортомъ общаго собранія Сената, 1819 г. октября 3, о томъ, что право, предоставленное братьямъ единоутробнымъ и единокровнымъ, въ случаѣ когда ихъ нѣтъ, переходитъ въ той же силѣ къ сестрамъ единоутробнымъ и единокровнымъ съ ихъ потомствомъ, опредѣлилъ 4 іюня 1836 г. пополнить этими словами означенную выше 710 статью, что и было исполнено, и во 2-е изданіе свода законовъ статья 710 внесена вмѣстѣ съ ея дополненіемъ, какъ статья 959, и въ томъ же видѣ вошла въ изданіе свода 1857 г. Вотъ историческое происхожденіе нынѣ дѣйствующей 1140 статьи.

Статья эта по своду гражданскихъ законовъ, изданія 1857 г., изложена такимъ образомъ: „*братья единоутробные* и *единокровные* въ наслѣдствѣ благопріобрѣтеннаго имущества послѣ владѣльца, умершаго бездѣтнымъ и безъ завѣщанія и неимѣвшаго *родныхъ* братьевъ и сестеръ, ни ихъ потомства, предпочитаются прочимъ его родственникамъ. Таковое наслѣдство поступаетъ къ нимъ въ одинаковомъ порядкѣ, какъ отъ пріобрѣтателей мужескаго пола, такъ и женскаго, и поелику единоутробные и единокровные признаются *въ семъ случаѣ* въ равныхъ правахъ на наслѣдство, то тамъ, гдѣ есть наслѣдники тѣ и другіе, имѣніе дѣлится между ними на законномъ основаніи, какъ бы между родными братьями. Когда братьевъ единоутробныхъ и единокровныхъ не осталось, то право, въ сей статьѣ опредѣленное, переходитъ въ той же силѣ къ сестрамъ единоутробнымъ и единокровнымъ съ ихъ потомствомъ.“

Прежде всего мы остановимся на терминологіи, которая

*) Пол. Собр. Зак. (изд. Островскаго и Грибовскаго) № 27579.

введена составителями Свода Законовъ въ настоящую статью, а именно на словахъ: *родные, единоутробные* и *единокровные*. Терминологія эта новая, вовсе несвойственная нашему законодательству и объясняется тѣмъ, что она появилась въ то время, когда Коммиссія составленія законовъ разработывала проектъ русскаго гражданскаго уложенія по образцу главнымъ образомъ Наполеонова кодекса, который въ то время составлялъ послѣднее слово кодификаціи и вводился у всѣхъ народовъ европейскихъ вслѣдъ за французскимъ оружіемъ и французскими идеями; а въ наполеоновскомъ кодексѣ съ словами *родной, единокровный* и *единоутробный* соединялись и соединяются точныя, опредѣленныя понятія.

Къ наслѣдству по французскому кодексу призываются по степенямъ отъ извѣстной опредѣленной пары, т.-е. отъ отца и матери. Дѣти отъ одного отца и матери имѣютъ полное общеніе двойной крови; но если отецъ по смерти матери (или мать послѣ отца) вступитъ въ другой бракъ, то рожденные отъ послѣдующаго брака съ рожденными отъ прежнихъ браковъ дѣтьми имѣютъ одного лишь общаго родителя, слѣдовательно имѣютъ не полное общеніе крови, а половинное. Отсюда одни братья и сестры считаются полнородными, въ тѣсномъ смыслѣ *родными* (germani, vollbürtige); другіе неполнородными: имѣющіе общую мать, но разныхъ отцовъ, именуются *единоутробными* (uterini) братьями и сестрами, а имѣющіе общаго отца, но разныхъ матерей именуются *единокровными* (consanguinei).

Совсѣмъ иное представленіе соединяетъ русское законодательство съ словомъ *родной;* что касается до словъ: *единокровный* и *единоутробный*, то этихъ словъ наше законодательство до изданія Свода Законовъ *) вовсе не знало.

Подъ словомъ *родные* русское законодательство, начиная съ Уложенія Алексѣя Михайловича, всегда разумѣло дѣтей, происходящихъ отъ одного отца, хотя бы и отъ разныхъ браковъ. Самый граматическій смыслъ слова *родной* указываетъ на *родъ* и на рожденіе отъ извѣстнаго лица, родоначальника; равно и *единокровный*—тоже на рожденіе отъ одного и того же родоначальника съ умершимъ наслѣдодателемъ, а такъ какъ родство есть связь всѣхъ членовъ мужескаго и

---

*) 1818 г.

женскаго пола *отъ одного общаго родоначальника* происходящихъ, то понятно, что терминологія статьи 1140 относительно словъ *родные и единокровные* должна была вызвать разнообразныя толкованія *).

Нѣкоторые думаютъ **), что подъ братьями и сестрами родными въ статьѣ 1140 разумѣются не только происходящіе отъ одного отца и одной матери съ умершимъ владѣльцемъ, но и тѣ, которые произошли отъ одного съ нимъ отца, но отъ другой матери. Иначе говоря, подъ родными слѣдуетъ разумѣть единокровныхъ.

Но мнѣніе это отчасти только справедливо въ томъ смыслѣ, что такъ какъ родъ по русскому законодательству ведется отъ одного общаго родоначальника, то слѣдовательно и дѣти происходящія отъ одного отца, хотя бы и отъ разныхъ браковъ, по закону суть никто иные какъ родные. Но съ другой стороны, основываясь на происхожденіи статьи 1140 нельзя не придти къ тому выводу, что подъ родными законъ здѣсь разумѣетъ братьевъ и сестеръ, происходящихъ отъ одного отца и матери, въ противоположность единокровнымъ—отъ одного и того же отца, но отъ другой матери. Такое соображеніе лучше всего доказывается тѣмъ проектомъ 9 статей, который представленъ былъ Коммиссіею составленія законовъ въ Государственный Совѣтъ, проектомъ, послужившимъ для происхожденія статьи 1140 и ея терминологіи.

Далѣе высказываютъ такія мнѣнія, что „подъ братьями *единокровными* слѣдуетъ понимать въ статьѣ 1140 *двоюродныхъ* братьевъ, ибо двоюродные братья суть дѣйствительно единокровные братья лицу, происходящіе съ нимъ отъ одной крови, т. е. отъ одного предка общаго ихъ отцамъ."

Но смѣшивать братьевъ единокровныхъ съ двоюродными нѣтъ никакого основанія. Государственный Совѣтъ на предложенный ему вопросъ о совмѣстномъ наслѣдованіи братьевъ единоутробныхъ и двоюродныхъ прямо отвѣтилъ словами: братья единоутробные должны быть предпочитаемы прочимъ родственникамъ, слѣдовательно и двоюроднымъ братьямъ.

---

*) Слово единоутробные не могло возбудить недоумѣнія, ибо граматическій смыслъ его понятенъ.

**) Юр. Вѣстн. Калачова, вып. II, 1860—61 г.

Кромѣ того въ опроверженіе этого мнѣнія нельзя не привести совершенно правильныхъ соображеній г. Лебедева *) „что если сказанное въ статьѣ 1140 о единокровныхъ братьяхъ считать относящимся до братьевъ двоюродныхъ, то это: будетъ противорѣчить статьѣ 1137 Т. X. Ч. I. Св. Зак., по которой родные дяди и тетки умершаго предпочитаются ихъ нисходящимъ, потому что они умершему приходятся въ третьей, а ихъ дѣти—въ четвертой степени; 2) если считать двоюродныхъ братьевъ тѣми единокровными, о которыхъ говорится въ статьѣ 1140, потому что они происходятъ отъ единой крови общей отцамъ, то придется называть единокровными братьями и троюродныхъ братьевъ; 3) что въ статьѣ 907 Т. IV. Устава Рекрутскаго постановлено несчитать родными братьямя дѣтей сводныхъ, но единокровныхъ и единоутробныхъ считать за родныхъ.“

Такимъ образомъ при ближайшемъ изученіи статьи 1140 терминологія ея становится понятной: подъ родными законодатель разумѣетъ въ данномъ случаѣ полнородныхъ, а подъ единокровными—неполнородныхъ, происшедшихъ отъ одного отца, но другой матери съ умершимъ братомъ.

Что касается до текста самой статьи, то онъ крайне неудовлетворителенъ; на немъ лежитъ отпечатокъ казуальнаго происхожденія.

Въ самомъ дѣлѣ разрѣшаетъ ли буквальный смыслъ 1140 статьи всѣ тѣ недоразумѣнія, которыя постоянно возникали въ нашей судебной практикѣ по вопросу о правѣ наслѣдованія въ боковыхъ линіяхъ братьевъ и сестеръ полнородныхъ и неполнородныхъ? Статья эта установила одно безспорное правило, это—расширила права единоутробныхъ братьевъ, которые сравнены съ единокровными въ наслѣдованіи благопріобрѣтеннымъ имѣніемъ при неимѣніи у бездѣтнаго владѣльца родныхъ братьевъ и сестеръ, ни ихъ потомства.

Но съ другой стороны статья эта не установила общаго правила по вопросу о совмѣстномъ наслѣдованіи братьевъ и сестеръ полнородныхъ и неполнородныхъ и по вопросу этому существуетъ нѣсколько взглядовъ.

Одни держатся того мнѣнія, что братья умершаго род-

*) Юр. Вѣстн. Калачова 1860—61 г., вып. IX.

ные и единокровные наслѣдуютъ поровну и поголовно. Въ подтвержденіе этого взгляда приводятъ, что всѣ родные братья (не отличая полнородныхъ отъ неполнородныхъ) находятся между собою въ одинаковой степени родства; что въ статьѣ 1140 говорится, что если нѣтъ полнородныхъ братьевъ, то неполнородные братья предпочитаются всѣмъ прочимъ родственникамъ; но изъ этого слѣдуетъ только, что полнороднымъ братьямъ не могутъ быть предпочтены братья неполнородные, но отнюдь нельзя вывести (до тѣхъ поръ пока нѣтъ прямаго закона), чтобы братья неполнородные отстранялись отъ наслѣдства полнородными.

Другіе, что братья умершаго полнородные, а изъ неполнородныхъ единокровные наслѣдуютъ поровну, отстраняя отъ наслѣдства братьевъ единоутробныхъ.

Соображенія сторонниковъ этого взгляда такія: „что право наслѣдованія, въ порядкѣ законами опредѣленномъ, простирается на всѣхъ членовъ рода, одно кровное родство составляющихъ (ст. 1111 т. X ч. I); родъ или родство есть связь всѣхъ членовъ мужескаго и женскаго пола, отъ одного общаго родоначальника происходящихъ (ст. 1112); близость родства опредѣляется линіями и степенями (ст. 1114); линія боковая ближайшая исключаетъ дальнѣйшую; если будетъ не одна, а многія равныя между собою, т.-е. отъ одного родоначальника исходящія боковыя линіи, то наслѣдство поступаетъ въ оныя (ст. 1136). Близость линій побочныхъ опредѣляется происхожденіемъ ихъ отъ общаго родоначальника (ст. 1118); имѣніе, самимъ бездѣтнымъ владѣльцемъ пріобрѣтенное, поступаетъ въ родъ отца (ст. 1138) за исключеніемъ случая, въ статьѣ 1140 означеннаго. Такимъ образомъ изъ сопоставленія этихъ статей закона выводятъ, что только родные и единокровные братья находятся въ одинаковой линіи и степени родства, а слѣдовательно должны дѣлить благопріобрѣтенное наслѣдство поровну. Статья-же 1140 при этомъ примѣнена быть не можетъ, ибо она разсматриваетъ только тотъ случай, когда *не осталось полнородныхъ* братьевъ и опредѣляетъ, что права единокровныхъ и единоутробныхъ братьевъ *въ семъ случаѣ* равны и лица эти предпочитаются прочимъ родственникамъ. Однимъ словомъ, въ статьѣ 1140 разбирается лишь отношеніе единокровныхъ

и единоутробныхъ братьевъ къ прочимъ родственникамъ и между собою, а не къ братьямъ ихъ полнороднымъ.

Третьи полагаютъ, что братья полнородные въ силу постановлелій свода законовъ исключаютъ отъ наслѣдства неполнородныхъ (единокровныхъ и единоутробныхъ) и ссылаются на прямой и точный смыслъ статьи 1140 *).

Въ ней опредѣлительно сказано: „что въ наслѣдованіи благопріобрѣтеннымъ имуществомъ послѣ владѣльца умершаго бездѣтнымъ и безъ завѣщанія и *неимѣвшаго родныхъ братьевъ и сестеръ, братья его единокровные и единоутробные* предпочитаются нрочимъ его родственникамъ и признаются *въ равныхъ правахъ.*“ Отсюда по *точному смыслу закона, недопуская самопроизвольныхъ толкованій*, по самомъ тщательномъ изученіи буквальнаго смысла статьи 1140 оказывается, что она содержитъ въ себѣ слѣдующія правила: 1) первое право на это наслѣдство принадлежитъ роднымъ братьямъ умершаго, или ихъ потомству; 2) при несуществованіи родныхъ братьевъ и ихъ потомства право это слѣдуетъ непосредственно роднымъ сестрамъ умершаго, *или ихъ потомству*; 3) когда не будетъ ни родныхъ братьевъ и сестеръ, *ни ихъ потомства*, то въ означенномъ наслѣдствѣ братья единоутробные и единокровные предпочитаются прочимъ родственникамъ умершаго; 4) такое наслѣдство поступаетъ къ симъ братьямъ въ одинаковомъ порядкѣ какъ отъ пріобрѣтателей мужескаго пола, такъ и женскаго; 5) въ семъ случаѣ единоутробные и единокровные признаются въ равныхъ правахъ на наслѣдство, а потому тамъ, гдѣ есть тѣ и другіе, наслѣдство дѣлится между ними какъ бы между родными братьями и 6) когда помянутыхъ братьевъ не осталось, то право, въ сей статьѣ опредѣленное, переходитъ въ той же силѣ къ сестрамъ единоутробнымъ и единокровнымъ съ ихъ потомствомъ.

Наконецъ высказано было еще четвертое мнѣніе, что вопросъ о совмѣстномъ наслѣдованіи братьевъ полнородныхъ и неполнородныхъ умершаго лица ни прямо, ни косвенно

*) Мнѣніе это господствующее въ нашей судебной практикѣ; его держится и московскій окружный судъ. См. дѣло Свиридовыхъ, Ж. М. Ю. мартъ 1861 г. Сборн. рѣш. Сенат. Т. II. Ч. I. № 164, 236, 343, 725; Юр. Вѣстн. за 1871 г. іюльская книжка. Калачовъ, см. Юр. Вѣстн. вып. II, стр. 55 и вып. IV, стр. 41. Китицинъ, Ж. М. Ю. за 1865 г. сентябрь.

не разрѣшенъ въ дѣйствующемъ законодателвствѣ; но такъ какъ судебныя мѣста должны основывать свои приговоры на точномъ смыслѣ законовъ (т. II, ст. 276), то вопросъ этотъ слѣдовало-бы при первомъ-же возникновеніи его возбудить въ законодательномъ порядкѣ.

Въ подтвержденіе этого мнѣнія приводятъ слѣдующія соображенія: „изъ точнаго смысла статьи 1140 логически можно вывести, что она предвидитъ только тотъ случай, когда нѣтъ полнородныхъ братьевъ и сестеръ, и опредѣляетъ при этомъ право наслѣдованія братьевъ единокровныхъ и единоутробныхъ, но нисколько не можетъ быть примѣнена къ тому случаю, когда братья полнородные конкурируютъ относительно полученія наслѣдства съ братьями неполнородными и что въ законодательномъ порядкѣ (мнѣніе Государственнаго Совѣта 1818 года) вовсе и не разсматривался вопросъ о совмѣстномъ наслѣдованіи братьевъ полнородныхъ и неполнородныхъ; а такъ какъ судебная практика разъясняетъ только существующіе законы, не создавая новыхъ, то всякое разрѣшеніе вопроса о совмѣстномъ наслѣдованіи братьевъ полнородныхъ и неполнородныхъ, по статьѣ 1140, самопроизвольно расширило-бы предѣлы закона; судебная практика сказала-бы болѣе, нежели сколько хотѣлъ сказать законъ *).

Оставляя безъ разсмотрѣнія послѣднее мнѣніе, какъ неимѣющее въ настоящее время практическаго приложенія, ибо иниціатива разъясненія истиннаго смысла закона лежитъ въ настоящее время на обязанности новыхъ судебныхъ учрежденій, которымъ воспрещено даже подъ страхомъ отвѣтственности, какъ за отказъ въ правосудіи, останавливать рѣшеніе дѣла подъ предлогомъ *неполноты*, *неясности*, *недостатка* или *противорѣчія законовъ* (ст. 10 уст. гр. суд.), мы остановимся лишь на трехъ высказанныхъ выше мнѣніяхъ практиковъ-юристовъ и сдѣлаемъ окончательные выводы о примѣненіи статьи 1140 къ вопросу о совмѣстномъ наслѣдованіи братьевъ и сестеръ полнородныхъ и неполнородныхъ.

Первое мнѣніе, что родные братья полнородные и неполнородные умершаго владѣльца-брата, какъ находящіеся въ

---

*) Мнѣніе это высказано въ 1865 году (Ж. М. Ю. ноябрь) до приведенія въ дѣйствіе уставовъ 20 ноября 1864 г.

одинаковой степени родства, наслѣдуютъ поровну, въ сущности ничѣмъ со стороны послѣдователей этого взгляда не подтверждается. Законъ нашъ нигдѣ этого вопроса не разрѣшаетъ. Напротивъ того, такъ какъ съ положительной точки зрѣнія (ст. 1112 т. X ч. I) родъ или родство есть связь всѣхъ членовъ мужескаго и женскаго пола, *отъ одного* общаго *родоначальника* происходящихъ, то мы можемъ придти къ тому только выводу, что во всякомъ случаѣ при состязаніи братьевъ полнородныхъ и неполнородныхъ, изъ неполнородныхъ единоутробные, какъ происходящіе изъ другаго рода, не могутъ быть уравнены съ родными; ихъ права при наслѣдованіи въ боковыхъ линіяхъ послѣ безпотомнаго владѣльца-брата расширены только въ одномъ смыслѣ по статьѣ 1140. Именно, при отсутствіи родныхъ полнородныхъ братьевъ и сестеръ и ихъ потомства единоутробные сравнены съ единокровными, какъ-бы съ родными.

Далѣе, другое мнѣніе, что братья полнородные, а изъ неполнородныхъ единокровные умершаго владѣльца наслѣдуютъ поровну, отстраняя отъ наслѣдства братьевъ единоутробныхъ, основывается главнымъ образомъ на смыслѣ 1138 статьи т. X ч. I, „что имѣніе самимъ бездѣтнымъ владѣльцемъ пріобрѣтенное, когда объ ономъ не сдѣлано распоряженія, поступаетъ въ родъ отца, за исключеніемъ случая, въ статьѣ 1140 означеннаго,"—опровергается тѣмъ соображеніемъ, что статья 1138 установляетъ лишь *вообще* правило о переходѣ имущества благопріобрѣтеннаго въ отцовскій родъ, т.-е. не только роднымъ братьямъ умершаго, но также его братьямъ по дѣду (двоюроднымъ), по прадѣду (троюроднымъ) и т. п. При разрѣшеніи-же практическаго случая: *кому* въ данномъ случаѣ *отъ одного рода по отцу владѣльца* слѣдуетъ дать преимущество въ наслѣдованіи, необходимо принять во вниманіе *близость* того или другаго къ умершему. Близость эта въ *исключительномъ случаѣ* (ст. 1140) *опредѣляется какъ* кровною связью и *близостью степеней* и линій, *такъ* и *естественною* связью, въ которой находился владѣлецъ съ наслѣдникомъ. По степенямъ братья родные и единокровные равны; по естественной-же связи родной братъ ближе къ умершему, чѣмъ единокровный: онъ связанъ *полною* кровью обоихъ родителей. Единокровный-же по естественной связи равенъ единоутробному: какъ тотъ, такъ и другой связанъ съ умер-

шимъ *половинною* кровью. Единокровный — чрезъ одного и того же отца; единоутробный—чрезъ одну и ту же мать съ умершимъ владѣльцемъ. При такомъ взглядѣ на статью 1140 понятно, что полнородные братья отстраняютъ отъ наслѣдованія неполнородныхъ.

Намъ остается сказать нѣсколько словъ по третьему мнѣнію, что при совокупномъ наслѣдованіи братья полнородные безусловно отстраняютъ отъ наслѣдованія братьевъ неполнородныхъ. Мы вполнѣ раздѣляемъ этотъ взглядъ, какъ соотвѣтственный естественнымъ началамъ, присущимъ институту наслѣдственному, такъ и наиболѣе сообразный съ тѣмъ разумомъ, съ тѣмъ смысломъ, который заключается въ стат ьѣ 1140

При историческомъ очеркѣ статьи 1140 мы видѣли, что по общимъ правовымъ началамъ, по первоначальному источнику Юстиніановой новеллы, послужившей прототипомъ для образцовыхъ кодексовъ Европы, къ наслѣдованію прежде всего призывается тотъ, кто съ умершимъ находился въ болѣе тѣсной естественной связи. Въ боковыхъ линіяхъ родной братъ, какъ находящійся въ полномъ общеніи, въ полной крови съ умершимъ наслѣдодателемъ отъ общей пары, исключаетъ въ порядкѣ наслѣдованія брата единокровнаго и единоутробнаго, какъ связанныхъ съ умершимъ половинною кровью, или чрезъ одного отца, или чрезъ одну мать. Такой взглядъ господствуетъ въ настоящее время въ положительныхъ кодексахъ западной Европы.

Русское законодательство въ порядкѣ призыва къ наслѣдованію въ боковыхъ линіяхъ принимало во вниманіе связь наслѣдника съ умершимъ наслѣдодателемъ отъ ихъ общаго родоначальника, отца. Такъ по дѣлу Бурцевыхъ сенатъ уравнялъ права наслѣдованія родныхъ братьевъ и единокровныхъ, потому что они должны считаться между собою не иначе какъ родными и наслѣдство дѣлить поровну, такъ какъ происходятъ отъ одного общаго родоначальника. Такимъ образомъ, при наслѣдованіи въ боковыхъ линіяхъ не принималась во вниманіе естественная связь умершаго съ наслѣдникомъ отъ общей пары. Но съ 1818 года 25 ноября и наше законодательство установило въ порядкѣ призыва къ наслѣдованію въ боковыхъ линіяхъ въ благопріобрѣтенномъ имуществѣ вотчинника иной порядокъ наслѣдованія, болѣе сообразный съ естественными началами института

наслѣдственнаго, но съ тѣмъ вмѣстѣ идущаго въ разрѣзъ съ воззрѣніями русскаго законодательства о наслѣдованіи вообще въ боковыхъ линіяхъ. Такъ когда возникъ вопросъ, кто долженъ быть почитаемъ ближайшимъ наслѣдникомъ благопріобрѣтеннаго имущества по смерти бездѣтнаго владѣльца: братъ-ли единоутробный той же матери, но другаго съ нимъ отца, или двоюродный братъ по отцу, Сенатъ разъяснилъ, что братья единоутробные при отсутствіи родныхъ братьевъ и сестеръ предпочитаются двоюроднымъ, и тѣ же правила постановилъ наблюдать и въ разсужденіи братьевъ или сестеръ единокровныхъ, ибо и они по праву естественному не должны имѣть никакого преимущества предъ братьями единоутробными. Итакъ единокровные поставлены въ одинаковыя условія съ единоутробными въ наслѣдованіи благопріобрѣтеннаго имущества. Единоутробные-же предпочтены двоюроднымъ по естественной связи, а не по буквѣ положительнаго русскаго закона, ибо двоюродный братъ (по отцу состоящій во 2-й линіи родства съ умершимъ) принадлежитъ къ роду отца, тогда какъ единоутробный не принадлежитъ къ оному. Далѣе, хотя единокровный и отъ одного отца съ роднымъ, слѣдовательно принадлежитъ къ роду умершаго, но такъ какъ по естественной связи онъ стоитъ съ умершимъ также, какъ и единоутробный въ половинной крови, то онъ и долженъ быть уравненъ въ порядкѣ наслѣдованія съ единоутробнымъ, связаннымъ съ умершимъ половинною кровью чрезъ мать. Вотъ мысль, которая руководила составителями свода при установленіи закона (ст. 1140) о порядкѣ призыва къ наслѣдованію въ боковыхъ линіяхъ братьевъ и сестеръ родныхъ, единокровныхъ и единоутробныхъ. Правда такой выводъ основывается на предположеніи прямо невысказанномъ, но явно вытекающемъ изъ редакціи закона и изъ тѣхъ источниковъ, которые послужили для происхожденія статьи 1140 *).

Что касается до текста закона, то онъ крайне неточенъ. На немъ лежатъ слѣды казуальнаго происхожденія. Впрочемъ это общій недостатокъ нашего Свода. Но тѣмъ не менѣе буквальный смыслъ статьи ясенъ: первоначально къ наслѣдованію призываются родные братья и сестры и ихъ по-

*) См. выше мнѣніе Ком. составленія законовъ.

томство. При отсутствіи ихъ, въ наслѣдство вступаютъ братья единоутробные и единокровные съ ихъ потомствомъ какъ-бы родные между собою. Наконецъ за отсутствіемъ братьевъ единокровныхъ и единоутробныхъ къ наслѣдству призываются сестры единоутробныя и единокровныя съ ихъ потомствомъ.

Такой порядокъ призыва къ наслѣдованію противорѣчитъ другимъ законоположеніямъ нашего права о наслѣдованіи, гдѣ господствуетъ правило, что въ степень умершаго вступаетъ его потомство отъ одного общаго родоначальника; но на статью 1140 слѣдуетъ смотрѣть какъ на изъятіе изъ общихъ правилъ о наслѣдствѣ, какъ это оговорено въ 1138 ст. и примѣнять ее только къ наслѣдованію въ благопріобрѣтенномъ имуществѣ безпотомнаго владѣльца.

Л. Ф. Снегиревъ.

15 ноября 1871 г.

ЮРИДИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

Распоряженіе г. министра юстиціи о вычетѣ 10% изъ вознагражденія присяжныхъ повѣренныхъ.—Какъ смотритъ самъ законодатель на этотъ вычетъ.—Причины, обусловливающія его.—Нѣкоторыя изъ мѣръ, способствующія къ болѣе справедливому распредѣленію занятій и средствъ между членами адвокатуры.—Адвокатура прежде всего въ средѣ себя должна находить источникъ своего матеріальнаго благосостоянія.—Слухи, распускаемые про адвокатуру.—Случай съ присяжнымъ повѣреннымъ въ Великолуцкомъ окружномъ судѣ.—Порядокъ приведенія въ исполненіе распоряженія г. министра о 10%-номъ вычетѣ.—Юбилей М. П. Погодина.

Въ предшедшей книжкѣ „Юридическаго Вѣстника“ въ отдѣлѣ „Разныхъ Извѣстій“ было заявлено, что въ совѣтѣ московскихъ присяжныхъ повѣренныхъ получено распоряженіе г. министра юстиціи объ удержаніи изъ вознагражденія, получаемаго присяжными повѣренными за веденіе гражданскихъ дѣлъ 10% для составленія суммы на вознагражденіе тѣхъ присяжныхъ повѣренныхъ, которые назначаются предсѣдателемъ суда для защиты подсудимыхъ.

Распоряженіе это, по тѣмъ впечатлѣніямъ, которыя вызвало оно, при своемъ появленіи, въ средѣ московской адвокатуры, заслуживаетъ того, чтобы войти въ болѣе подробное обсужденіе его.

Прежде всего мѣра эта не есть личное благоусмотрѣніе г. министра, продуктъ его административныхъ соображеній, это не болѣе какъ распоряженіе о приведеніи въ исполненіе органическаго закона судебныхъ уставовъ 20 ноября, выраженнаго въ 398 ст. учр. суд. устан. Сословіе присяжныхъ повѣренныхъ, будучи вызвано къ жизни впервые у насъ закономъ 20 ноября 1864 г., само собою разумѣется, должно было, по мысли законодателя, носить, при своемъ корпоративномъ устройствѣ, прежде всего въ самомъ себѣ

всѣ условія своего нравственнаго и матеріальнаго существованія. Стоя по самому принципу своего назначенія внѣ всякой зависимости отъ правительства въ средствахъ своего существованія, подчиняясь напротивъ въ этомъ отношеніи всевозможнымъ случайностямъ, сословіе присяжныхъ повѣренныхъ весьма естественно не могло быть организовано, со стороны матеріальныхъ своихъ средствъ, иначе, какъ это мы видимъ, между прочимъ, въ приведенной 398 ст. „Присяжные повѣренные, говорится въ мотивахъ къ этой статьѣ, изданныхъ госуд. канц. (ч. 3, стр. 230, 1866 г.), будутъ, на основаніи устава уголовнаго судопроизводства, назначаемы защитниками подсудимыхъ по распоряженію предсѣдателей судебныхъ мѣстъ, и какъ въ такихъ случаяхъ они не могутъ получить вознагражденія ни отъ подсудимыхъ, ни отъ казны, то и признано необходимымъ установить, для вознагражденія этихъ, оффиціально назначенныхъ защитниковъ, вычетъ опредѣленнаго процента изъ вознагражденія, получаемаго всѣми присяжными повѣренными. Такой вычетъ,—разъясняетъ далѣе законодатель,—вполнѣ справедливъ, потому что обязанность защищать подсудимыхъ есть, безъ сомнѣнія, одна изъ первыхъ обязанностей присяжныхъ повѣренныхъ и вслѣдствіе сего тѣ изъ нихъ, которые были избавлены отъ исполненія этой обязанности, должны вознаградить тѣхъ, которые исполняли ее не только за себя, но и за нихъ; притомъ же,—говорится далѣе въ мотивахъ,—какъ въ этомъ вычетѣ, такъ и въ пользованіи капиталомъ, образовавшимся отъ онаго, будутъ участвовать всѣ присяжные повѣренные, почему никто изъ нихъ не можетъ возбуждать какого-либо неудовольствія противъ этой мѣры.“ Такъ смотрѣлъ на дѣло вполнѣ разумно законодатель; къ сожалѣнію далеко не вся адвокатура смотритъ на этотъ вопросъ такимъ-же образомъ. Вычетъ представляется для большей части ея нарушеніемъ ея правъ, актомъ во всякомъ случаѣ преждевременнымъ. Пока у насъ нѣтъ комплекта, говорятъ адвокаты, подобный вычетъ невозможенъ. Но не нужно большой прозорливости ума, чтобы понять, что комплектъ здѣсь не при чемъ. Приведеніе въ исполненіе 398 ст. стоитъ, по мысли законодателя, внѣ всякой зависимости отъ того или другаго количества присяжныхъ повѣренныхъ въ данномъ округѣ. Единственная, внѣшнимъ

образомъ обусловливающая, причина приведенія въ исполненіе такого закона заключается въ возложенной на присяжныхъ повѣренныхъ обязанности защищать подсудимыхъ по назначенію предсѣдателя. Слѣдовательно, адвокаты были бы еще сколько-нибудь правы только тогда, когда-бы никто изъ присяжныхъ повѣренныхъ до сихъ поръ не долженъ былъ являться на обязательную защиту. Далѣе, съ ними можно было-бы согласиться пожалуй и въ томъ случаѣ, еслибы суммы, образовавшіяся такимъ путемъ, распредѣлялись не между самими членами сословія, а шли, я не знаю, куда. Правительство и такъ сдѣлало довольно, что въ теченіи 5 лѣтъ существованія въ Москвѣ новаго суда оставляло безъ исполненія 398 ст. Оно не желало съ первыхъ дней существованія сословія стѣснять его вычетами, не имѣя передъ собою указаній опыта до какихъ размѣровъ эти вычеты возможны безъ обремененія одной и безъ существенной пользы отъ этихъ вычетовъ для другой части сословія. Въ 1866 году, въ годъ открытія новыхъ судебныхъ установленій, трудно было предусмотрѣть до какихъ баснословныхъ размѣровъ будетъ простираться гонорарій однихъ, и до какого незавиднаго положенія можетъ дойти большинство остальныхъ членовъ сословія. Пятилѣтняя практика адвокатуры съ достаточною ясностью обозначила какъ то, такъ и другое. Изъ двухъ сотъ присяжныхъ повѣренныхъ, которыхъ можно насчитать теперь въ Петербургѣ и Москвѣ, едвали не $^3/_4$ находятся далеко не въ обезпеченномъ положеніи. А между тѣмъ эти 150 человѣкъ именно суть тѣ, которые по преимуществу, если не исключительно, являются на даровыя защиты. Въ то время когда благоденствующее меньшинство адвокатовъ, заваленное массою гражданскихъ дѣлъ, за которыми работаютъ десятки рукъ, никогда или почти никогда не является лично на защиту по назначенію, остальное большинство несетъ на себѣ все бремя „одной изъ первыхъ обязанностей присяжныхъ повѣренныхъ." Въ то время когда первые выступаютъ защитниками по такимъ дѣламъ, одно названіе которыхъ производитъ уже ажитацію въ обществѣ, большинство остальныхъ обречено на вѣчную защиту вѣчной кражи со взломомъ. Понятна, стало быть, та искусственная привилегированность, которая пріобрѣтается одними, и естественная заурядность, которая выпадаетъ на

долю другихъ.... На кражѣ со взломомъ не разовьешь себя въ Спасовича, на взысканіи 500 р. по роспискѣ не выработаешь изъ себя Потѣхина. Всякое человѣческое дѣло, а адвокатское въ особенности, для совершенствованія своего, требуетъ непрерывныхъ занятій. Тѣ пріемы, тотъ техническій навыкъ, который умный адвокатъ можетъ извлечь для себя изъ каждаго проведеннаго имъ дѣла на судѣ, гибнутъ для него безплодно, если онъ лишенъ возможности примѣнять ихъ возможно-чаще на практикѣ.

Вопросъ о томъ, какъ сдѣлать такъ, чтобы въ средѣ сословія присяжныхъ повѣренныхъ не было лицъ, сидящихъ сложа руки, долженъ-бы быть по справедливости предметомъ заботливости, какъ мы выше сказали, самого сословія. Къ сожалѣнію, мы видимъ на дѣлѣ совершенно обратное. Сословіе не только не считаетъ нужнымъ поработать надъ этимъ вопросомъ, напротивъ оно съ непростительнымъ равнодушіемъ относится даже и къ тѣмъ готовымъ мѣрамъ, которыя могли-бы способствовать болѣе справедливому распредѣленію занятій и средствъ между членами адвокатуры. Мѣры эти—консультація съ одной стороны, вышеприведенное распоряженіе г. министра юстиціи—съ другой. Но какъ къ тому, такъ и къ другому большинство сословія отнеслось отрицательно. Грустное явленіе, свидѣтельствующее о томъ, какъ далеко инициатива правительства опережаетъ во всѣхъ сферахъ русской жизни сознаніе обществомъ своихъ собственныхъ потребностей! Намъ могутъ возразить, и дѣйствительно возражали, что, какъ профессія свободная, адвокатура есть открытое поле для талантовъ и способностей каждаго, что такимъ образомъ всего для себя она должна ожидать отъ одного только общества и что слѣдовательно сумма благъ, пріобрѣтенныхъ адвокатомъ, находится въ полномъ соотвѣтствіи со степенью тѣхъ знаній, которыми располагаетъ онъ на пути достиженія своихъ цѣлей. Но не говоря уже о томъ, сколько правды перемѣшано съ ничего невыражающими фразами въ такомъ громкомъ афоризмѣ, мы укажемъ только на тѣ результаты, къ какимъ можетъ привести, и къ глубокому сожалѣнію приводитъ, это „открытое поле способностямъ каждаго.“ Сословіе, всего для себя ищущее отъ одного только общества, при такомъ порядкѣ вещей, неминуемо идетъ въ разбродъ. Каждый, весьма естественно, на-

чинаетъ преслѣдовать свои личныя цѣли. Корпорація, какъ живая связь живыхъ членовъ общества, для него не существуетъ. Воспитательный элементъ адвокатуры въ странѣ вызываетъ въ немъ одну только насмѣшку, и... какъ результатъ всего, весьма упорно поддерживающіеся въ обществѣ слухи, что адвокатура въ томъ смыслѣ, какъ понимаютъ ее на Западѣ, не для насъ, что не сегодня-завтра ее хотятъ низвести на степень канцелярскаго аппарата, приводимаго въ движеніе единоличною властью предсѣдателя суда...

Мы конечно не хотимъ сказать, чтобы адвокатъ былъ, такъ сказать, на жалованьи у своихъ товарищей, чтобы не дѣлая ничего, онъ все-таки имѣлъ-бы чѣмъ жить. Мы не предлагаемъ никакихъ проектовъ, мы только уясняемъ законъ, преподанный высшею властью. Мы говоримъ, что каждый изъ насъ дѣлаетъ достаточно много, чтобы имѣть право на полученіе тѣхъ выгодъ, которыя соединены съ исполненіемъ нашихъ обязанностей. Мы далѣе утверждаемъ, что какъ бы скроменъ ни былъ размѣръ того вознагражденія, которое придется на долю каждаго присяжнаго повѣреннаго за защиту имъ подсудимыхъ, тѣмъ не менѣе это сразу поставитъ сословіе въ болѣе независимое положеніе отъ общества; что адвокатура одинаково должна держать себя съ достоинствомъ какъ въ отношеніи правительства, такъ и въ отношеніи общества; что только при этомъ условіи въ ней можетъ развиться чувство живаго единенія членовъ между собою и что наконецъ само правительство въ той мѣрѣ станетъ уважать ее, въ какой она научится прежде всего уважать сама себя. Правительство не можетъ-же въ самомъ дѣлѣ не желать видѣть подлѣ себя свободное учрежденіе, крѣпкое зрѣлостью мысли, сильное чувствомъ законности, учрежденіе, въ свою очередь облегчающее ему многотрудное дѣло переустройства Россіи.

Живымъ примѣромъ того, какъ верховное учрежденіе въ странѣ, правительствующій сенатъ, блюдетъ неприкосновенность принциповъ самостоятельности совѣта присяжныхъ повѣренныхъ, можетъ служить недавній случай, именно 17 декабря, въ уголовномъ кассаціонномъ департаментѣ по поводу разсмотрѣнія жалобы защитника четырехъ подсудимыхъ на Великолуцкій окружный судъ, по обвиненію ихъ въ разбоѣ. Г. товарищъ оберъ-прокурора, давши заключе-

ніе по существу юридическаго вопроса, закончилъ свою рѣчь слѣдующими словами:

„Затѣмъ я не могу не остановиться,—сказалъ онъ,—на тѣхъ обстоятельствахъ, которыя происходили во время судебныхъ преній въ Великолуцкомъ окружномъ судѣ. Пренія эти совершенно выходили изъ тѣхъ предѣловъ, которые предоставлены закономъ сторонамъ. Какъ товарищъ прокурора, такъ, въ особенности, защитникъ, совершенно оставили соображенія по существу дѣла, которое разсматривалось, и перешли на почву личныхъ пререканій. Подобнаго рода веденіе преній нельзя не назвать неприличнымъ и подрывающимъ достоинство суда. Со стороны защитника это неприличіе совершенно ясно и не подлежитъ сомнѣнію. Употребленныя имъ выраженія „судебный грабежъ,“ „товарищъ прокурора не знаетъ рѣшеній кассаціоннаго департамента,“ „такую теорію поддерживать могутъ только фарисеи и разжирѣвшіе буржуа,“ нельзя допустить въ публичномъ засѣданіи суда. Съ другой стороны и товарищъ прокурора, не ограничиваясь хладнокровнымъ, безпристрастнымъ разсмотрѣніемъ обстоятельствъ дѣла, также дозволилъ себѣ увлечься на почву личныхъ пререканій, объясняя присяжнымъ, „что защитникъ сбиваетъ ихъ съ толку, что онъ называетъ ихъ разбойниками,“ и закончилъ свою рѣчь пожеланіемъ защитнику провести такую же ночь, какую провела потерпѣвшая отъ преступленія Виноградова. Конечно, товарищъ прокурора былъ до извѣстной степени вызванъ неприличными выраженіями защитника, но тѣмъ не менѣе и его слова нельзя признать согласными съ достоинствомъ прокурорскаго надзора, и произнесеніе ихъ публично указываетъ на неуваженіе какъ къ суду, такъ и къ тѣмъ обязанностямъ, которыя на лицо прокурорскаго надзора возложены. Я полагаю, что правительствующій сенатъ обратитъ свое вниманіе на эти дѣйствія, подрывающія достоинство правосудія, и передастъ поступокъ товарища прокурора Бабина на усмотрѣніе министра юстиціи, а дѣйствіе присяжнаго повѣреннаго Цитовича совѣту присяжныхъ повѣренныхъ. Но сверхъ того, въ данномъ случаѣ представляется еще болѣе виновнымъ предсѣдавшій въ судѣ. На его обязанности, по закону, лежало охраненіе преній въ тѣхъ предѣлахъ, которые предоставлены закономъ сторонамъ; имъ можетъ до извѣстной степени служить из-

виненіемъ увлеченіе каждаго изъ нихъ своимъ взглядомъ на дѣло, но предсѣдатель долженъ стоять выше этихъ увлеченій: ему вмѣнено въ обязанность руководить преніями и останавливать всякаго, кто нарушаетъ законъ; онъ обязанъ былъ не допускать и возможности явленій подобныхъ настоящимъ, и еслибъ онъ остановилъ ту или другую сторону на первой же попыткѣ перенести пренія на почву личныхъ пререканій, подобный настоящему фактъ былъ-бы невозможенъ. Независимо отъ этого, по самому существу преній, возбудившихъ пререканія, предсѣдатель не долженъ былъ вовсе допускать ихъ предъ присяжными, потому что они касались вопросовъ чисто юридическихъ, вовсе не подлежащихъ разсмотрѣнію присяжныхъ засѣдателей; слѣдовательно, самое допущеніе этихъ преній доказываетъ, что предсѣдавшій вовсе не руководилъ дѣломъ и не давалъ себѣ отчета, въ чемъ состоитъ обязанность, возложенная на него закономъ въ качествѣ предсѣдателя суда. Поэтому нельзя не признать, что предсѣдавшій въ этомъ засѣданіи членъ суда Ансіо не исполнилъ одной изъ главныхъ обязанностей, возложенной на него закономъ, и я полагалъ-бы дѣйствія его разсмотрѣть въ распорядительномъ засѣданіи."

Правительствующій сенатъ, вполнѣ раздѣляя взглядъ г. товарища оберъ-прокурора Сабурова на характеръ достоинства преній по настоящему дѣлу, по отношенію къ сказанному опредѣлилъ: неправильныя дѣйствія товарища прокурора передать на разсмотрѣніе министра юстиціи; дѣйствія защитника подсудимыхъ присяжнаго повѣреннаго Цитовича—на обсужденіе совѣта присяжныхъ повѣренныхъ, а дѣйствія предсѣдавшаго въ судѣ разсмотрѣть въ распорядительномъ засѣданіи.

Мы привели этотъ во многихъ отношеніяхъ заслуживающій вниманія случай въ томъ смыслѣ, какъ относится правительствующій сенатъ къ поступкамъ присяжныхъ повѣренныхъ, которые самъ онъ признаетъ непозволительными. Не беря на себя права подвергать тому или другому взысканію образъ дѣйствій защитника на судѣ, правительствующій сенатъ отсылаетъ поступокъ его на разсмотрѣніе самого совѣта присяжныхъ повѣренныхъ. Конечно сенатъ поступилъ въ этомъ случаѣ вполнѣ сообразно съ духомъ нашихъ Судебныхъ Уставовъ, и въ такомъ распоряженіи его

мы не видимъ ничего особеннаго. Но какое позднее сожалѣніе объ утраченномъ правѣ могли-бы вызывать эти обыкновенныя теперь слова его „а дѣйствія защитника подсудимыхъ присяжнаго повѣреннаго Цитовича передать на обсужденіе совѣта присяжныхъ повѣренныхъ,“ еслибы въ самомъ дѣлѣ исполнились ходячія теперь въ нашемъ обществѣ росказни, что предсѣдатель суда будетъ имѣть право собственною властью запрещать *даже* отправленіе обязанности повѣреннаго въ продолженіе опредѣленнаго срока.

Что касается до самаго приведенія въ исполненіе 398 ст. учр. суд. уст., то вопросъ этотъ, по нашему мнѣнію, разрѣшается весьма просто. Совѣту присяжныхъ повѣренныхъ не остается ничего болѣе, какъ передать это распоряженіе министра предсѣдателю суда, который долженъ поставить въ извѣстность о семъ окружный судъ. И со дня полученія товарищами предсѣдателей министерскаго распоряженія, во всѣхъ резолюціяхъ по гражданскимъ дѣламъ слѣдуетъ опредѣлять 10%-ный размѣръ съ суммы вознагражденія, причитающагося по таксѣ присяжному повѣренному за веденіе дѣла. Вычетъ этотъ, само собою разумѣется, долженъ быть точно опредѣленъ и въ рѣшеніи, изготовленномъ въ окончательной формѣ, и затѣмъ изложенъ,—что самое главное,—особымъ пунктомъ въ исполнительномъ листѣ. Такъ что исполнительный листъ долженъ писаться теперь, по отношенію къ такому распоряженію министра, по слѣдующей формулѣ: взыскать напримѣръ съ А 5000 руб. и 440 руб. за веденіе дѣла съ удержаніемъ изъ нихъ 44 р. для составленія, на основ. 398 ст. учр. суд. устан., общей суммы на вознагражденіе присяжныхъ повѣренныхъ, назначаемыхъ для защиты подсудимыхъ. Судебный приставъ, выдавая взысканныя деньги повѣренному, удерживаетъ въ приведенномъ напр. случаѣ 44 руб., которымъ, по записи у себя въ книгу, даетъ дальнѣйшій указанный закономъ ходъ. Такимъ намъ представляется въ главныхъ чертахъ несложный порядокъ удержанія 10%-го вычета. Конечно отъ добросовѣстности повѣреннаго здѣсь также будетъ много зависѣть правильное поступленіе 10%-го сбора въ общій фондъ, но этой стороны дѣла мы не касаемся. Насъ занимаетъ болѣе въ настоящую минуту оффиціальная, наружная, такъ сказать, сторона этого дѣла.

29 декабря, Москва, какъ извѣстно уже нашимъ читателямъ изъ газетъ, праздновала юбилей 50-лѣтней ученой и литературной дѣятельности извѣстнаго историка и публициста М. П. Погодина. Московское Юридическое Общество, сознавая вполнѣ высокія заслуги юбиляра въ дѣлѣ русскаго просвѣщенія, въ свою очередь считало для себя долгомъ почтить одного изъ извѣстнѣйшихъ дѣятелей русской науки и съ этою цѣлью, въ ряду депутацій отъ другихъ ученыхъ обществъ и учрежденій, привѣтствовало юбиляра адресомъ отъ Юридическаго Общества, слова котораго читатели найдутъ ниже.

Глубоко тронутый всѣмъ, что видѣлъ и слышалъ юбиляръ въ этотъ счастливѣйшій день своей жизни, Михаилъ Петровичъ, въ отвѣтъ на привѣтствія всѣхъ, прерывающимся отъ слезъ голосомъ, отвѣчалъ: „Не знаю какъ благодарить Бога, что далъ мнѣ дожить до этой радостной минуты.... Конечно, первая награда человѣку въ его собственной совѣсти, но услышать такое торжественное заявленіе, получить такое сильное удостовѣреніе отъ достойнѣйшихъ соотечественниковъ, что жилъ не даромъ, что работалъ не безъ пользы, что труды твои считаются не лишними, что твои завѣтныя мысли находятъ сочувствіе, о! это есть одно изъ самыхъ высокихъ наслажденій, которое дается посвятившему себя авторскому и ученому званію какъ бы въ возмездіе неразлучныхъ съ нимъ скорбей и превратностей“....

Глубоко-истинныя слова, да запечатлѣются они, какъ завѣтъ грядущему, какъ вдохновляющая сила настоящему, въ сердцахъ всѣхъ тѣхъ, чьими неослабными усиліями насаждается и крѣпнетъ животворный духъ въ нашемъ возрождающемся Юридическомъ Обществѣ!

В. И. Кохновъ.

СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА.

I.

Московской Судебной Палаты.

1871 года октября 21 дня, по указу Его Императорскаго Величества, московская судебная палата, по уголовному департаменту въ публичномъ судебномъ засѣданіи, подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя департамента П. Г. Извольскаго, при товарищѣ прокурора палаты И. В. Петровѣ и секретарѣ В. В. Добровѣ, слушала: докладъ члена палаты Д. П. Тихомирова по дѣлу о крушеніи поѣзда на Рязанско-Козловской желѣзной дорогѣ. Разсмотрѣвъ обстоятельства дѣла и постановленный по оному приговоръ рязанскаго окружнаго суда, судебная палата находитъ, что опредѣленная для движенія пассажирскихъ по Рязанско-Козловской желѣзной дорогѣ поѣздовъ скорость,—34 версты 200 саженъ въ часъ,—не была соблюдена при слѣдованіи экстренно-пассажирскаго поѣзда 8 февраля 1867 года. Всѣ свидѣтели говорятъ, что послѣ нѣсколькихъ часовъ остановки на Вороновской станціи по случаю снѣжныхъ заносовъ впереди дороги, поѣздъ пошелъ съ необыкновенною скоростію, которая все болѣе увеличивалась и наконецъ по выходѣ съ Никитинской станціи достигла чрезвычайныхъ размѣровъ. Эта быстрота движенія и была, по показанію нѣкоторыхъ свидѣтелей, ближайшею причиною паденія поѣзда. Нельзя не довѣрять вполнѣ показаніямъ этихъ свидѣтелей, потому что они передаютъ о событіи почти единогласно, какъ очевидцы, по личному своему удостовѣренію, и главное не противорѣчатъ при этомъ и отзыву начальства Рязанско-Козловской желѣзной дороги, въ лицѣ помощника управляющаго оной Ададурова, о томъ, что означенный поѣздъ потерпѣлъ крушеніе отъ слишкомъ усиленной скорости на спускѣ при переходѣ съ кривой линіи въ прямую. Также причину паденія поѣзда объясняетъ и сопровождавшій оный оберъ-кондукторъ Якоби, который, тотчасъ послѣ

произведеннаго на него событіемъ впечатлѣнія, послалъ телеграмму къ своему начальству, извѣщая его, что несчастіе случилось отъ того, „что шибко вдругъ поѣхали". Размѣръ этой скорости свидѣтели объяснили каждый по своему пониманію и какъ кто могъ передать. Такъ, свидѣтель Спасовскій, судя по движенію минутной стрѣлки, опредѣлилъ ее въ 100 верстъ въ часъ; свидѣтель Царевъ объяснилъ, что отъ быстроты поѣзда сваливались лежавшія на тендерѣ дрова. Эксперты-инженеры не отвергаютъ, что чрезмѣрная скорость, далеко превосходящая предѣльную для пассажирскихъ поѣздовъ, дѣйствительно могла повлечь сказанное несчастіе. Хотя нѣкоторые изъ нихъ и показываютъ въ то же время, что поѣздъ могъ сойти съ рельсовъ и отъ другихъ разнообразныхъ причинъ, напримѣръ, отъ соединенія въ одномъ поѣздѣ двухъ различныхъ по скорости паровозовъ,—но въ дѣлѣ не усматривается, чтобы слѣдствіемъ было обнаружено существованіе другихъ причинъ, обусловливавшихъ паденіе поѣзда, которыхъ невозможно было бы предотвратить никакими мѣрами предосторожности. Такимъ образомъ представляется совершенно правильнымъ мнѣніе окружнаго суда о томъ, что усиленная скорость движенія поѣзда 8 февраля 1867 года должна считаться доказанною причиною его паденія. Засимъ первоначально отвѣтственными лицами въ этомъ отношеніи должны явиться распоряжавшіеся движеніемъ поѣзда: машинистъ Ланге и оберъ-кондукторъ Якоби, потому что, по смыслу опредѣленныхъ для сихъ лицъ инструкцій, всякая неустановленная скорость движенія лежитъ на ихъ отвѣтственности. На основаніи 15 и 12 ст. инструкціи, мѣста, означенныя какъ опасныя, должно стараться проѣзжать безъ употребленія паровъ и вообще постоянное вниманіе машиниста главнымъ образомъ можетъ обезпечить безопасность поѣзда. Между тѣмъ машинистъ Ланге дозволилъ себѣ на склонѣ въ кривой линіи на 76 верстѣ и въ 25 саженяхъ отъ моста черезъ рѣку Проню пустить поѣздъ съ особенною быстротою, превышавшею опредѣленную для движенія пассажирскихъ поѣздовъ вообще. Хотя на 76 верстѣ, то-есть на мѣстѣ паденія поѣзда, и не было особенныхъ знаковъ, заставлявшихъ уменьшить движеніе, какъ въ мѣстѣ опасномъ, но тѣмъ не менѣе такое уменьшеніе движенія относилось къ заботливости Ланге въ силу приведенныхъ статей инструкціи, тѣмъ болѣе что по удостовѣренію свидѣтеля (Шишкова) въ этомъ мѣстѣ, гдѣ случилось паденіе, всегда пріостанавливаются и идутъ тише. По мнѣнію экспертовъ паденіе поѣзда послѣдовало отъ усиленной скорости именно на спускѣ при переходѣ съ кривой на прямую линію; на склонѣ машинистъ обязанъ быть остороженъ и не превышать предѣльной

скорости, а передъ мостами слѣдуетъ идти тихо. Все это не могло не быть извѣстно машинисту Ланге, какъ человѣку, который, по нахожденію въ этой должности въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, успѣлъ уже пріобрѣсть спеціальную опытность въ дѣлѣ управленія паровозами. Кромѣ того, по показанію нѣкоторыхъ свидѣтелей (Троицкаго, Дурасова, Кирсанова и Свирина) машинистъ Ланге при остановкѣ на Вороновской станціи пилъ водку и былъ въ пьяномъ видѣ при отправленіи поѣзда въ дальнѣйшій путь. Отсюда очевидна та опасность, какую можетъ представлять нетрезвое состояніе лица, которому ввѣряется управленіе паровозомъ и слѣдовательно участь всего поѣзда съ пассажирами. По симъ основаніямъ и другимъ приведеннымъ въ приговорѣ окружнаго суда соображеніямъ, машинистъ Ланге правильно признанъ виновнымъ въ увеличеніи, въ пьяномъ видѣ, вопреки инструкціи, быстроты движенія ввѣреннаго ему поѣзда, отчего, хотя и безъ намѣренія учинить убійство, неожиданно, чрезъ паденіе вагоновъ, причинилъ убійство 8 человѣкъ и раны и увѣчья многимъ пассажирамъ. Правильнымъ также представляется приговоръ окружнаго суда и въ отношеніи другаго лица, распоряжавшагося движеніемъ поѣзда— оберъ-кондуктора Якоби, признаннаго виновнымъ въ небреженіи къ своей обязанности и непринятіи должной предосторожности, при провожаніи поѣзда, для предупрежденія случившагося несчастія. Отвѣтственность его истекаетъ изъ обстоятельствъ дѣла и сущности лежавшихъ на немъ обязанностей. Между прочимъ въ инструкціи сказано, что оберъ-кондуктору поручается наблюденіе—соблюдается ли установленная по росписанію быстрота движенія, такъ какъ преждевременное прибытіе на станцію и слѣдовательно скорость ѣзды не дозволяется. Если съ одной стороны не подлежитъ сомнѣнію, что поѣздъ 8 февраля 1867 года съ необычайною скоростію до самаго мѣста паденія, а съ другой,—что всѣ пассажиры обратили вниманіе на эту скорость и чувствовали ее на себѣ,—то очевидно не могъ не замѣтить этой скорости начальствовавшій поѣздомъ и отвѣчавшій за него оберъ-кондукторъ Якоби (§§ 2, 3, 4 инструкціи), которому даже было сдѣлано заявленіе о семъ отъ нѣкоторыхъ пассажировъ (свидѣтели: Спасовскій, Лосевъ, Веселовъ). На основаніи § 9 инструкціи, оберъ-кондукторъ обязанъ смотрѣть, соблюдается ли должная осторожность при проходѣ поѣзда чрезъ насыпи, кривыя линіи и мосты. Между тѣмъ изъ изложеннаго видно, что несмотря на существованіе всѣхъ этихъ неудобствъ въ мѣстѣ паденія, поѣздъ шелъ весьма скоро, чего не отвергаетъ и самъ Якоби, не предпринявшій однако никакихъ мѣръ къ отвращенію случившейся опасности, тогда какъ въ

его распоряженіи заключалась возможность уменьшить скорость поѣзда чрезъ извѣщеніе о семъ машиниста, который обязанъ былъ подчиниться во всемъ, что касается движенія поѣзда на пути и внѣ станціи, приказаніямъ оберъ-кондуктора (инструкція § 2—7). Далѣе окружнымъ судомъ, на основаніи свидѣтельскихъ показаній, признано, согласно обстоятельствамъ дѣла, что подсудимый Якоби не обратилъ вниманія еще на то, что подчиненные ему кондукторы и даже машинистъ Ланге, управлявшій паровозомъ—были пьяны. Еслибъ Якоби наблюдалъ за порядкомъ, то онъ замѣтилъ бы пьяную прислугу на поѣздѣ и, зная какой опасности подвергается поѣздъ, управляемый пьяными служащими, своевременно распорядился бы объ удаленіи ихъ, чего однако имъ сдѣлано не было вопреки инструкціямъ. Опредѣливъ такимъ образомъ виновность машиниста Ланге и оберъ-кондуктора Якоби, окружный судъ призналъ дѣяніе ихъ соотвѣтствующимъ 1 отд. 1085 ст. Улож. о наказ. Если не по буквальному смыслу, то по внутреннему содержанію, приведенный законъ, на основаніи 151 ст. Улож. о нак., представляется наиболѣе сходнымъ съ дѣяніемъ подсудимыхъ. Что же касается до степени отвѣтственности, то опредѣленное оберъ-кондуктору Якоби наказаніе по 1085 и 1466 стт. въ высшей онаго мѣрѣ (4 мѣсяца тюрьма) должно быть признано вполнѣ соотвѣтствующимъ его виновности, ибо къ назначенію сего наказанія въ размѣрѣ менѣе слабомъ не представляется никакихъ уменьшающихъ вину его обстоятельствъ. На томъ же основаніи и въ той же мѣрѣ слѣдовало бы опредѣлить наказаніе и подсудимому Ланге, но онъ, однако, за отсутствіемъ протеста прокурорскаго надзора, въ настоящее время не можетъ быть подвергнутъ наказанію болѣе строгому, чѣмъ то, къ которому онъ присужденъ окружнымъ судомъ и которое посему слѣдуетъ оставить безъ измѣненія (ст. 891 Уст. Угол. Суд.). По изложеннымъ выше соображеніямъ должно считать доказаннымъ, что на Вороновской станціи, во время остановки поѣзда 8 февраля 1867 года, машинисты и кондукторы пили вино въ вокзалѣ и въ вагонахъ, и, напившись до пьяна, отправились въ дальнѣйшій путь съ поѣздомъ. Начальникъ названной станціи подполковникъ Алексѣевъ не могъ не замѣтить сего безпорядка, а замѣтивъ долженъ былъ удалить оный, такъ какъ по должности своей, будучи начальникомъ и поѣзда во время его остановки, обязанъ наблюдать за правильностью и безопасностью движенія и отправлять поѣздъ на слѣдующую станцію не прежде, какъ убѣдившись, что вся поѣздная прислуга на своихъ мѣстахъ, а нетрезвыхъ долженъ былъ немедленно отставить отъ поѣзда, ибо напившаяся допьяна прислуга могла только пре-

пятствовать свободному и безопасному его ходу. Не исполнивъ этихъ правилъ, указанныхъ въ инструкціи начальникамъ станцій, подполковникъ Алексѣевъ является тѣмъ самымъ обвиняемымъ по 2 отд. 1084 ст. Улож. о наказ., въ чемъ онъ правильно, на основаніи свидѣтельскихъ показаній, и признанъ виновнымъ по приговору окружнаго суда. Опредѣленная же Алексѣеву мѣра наказанія, также какъ и подсудимому Ланге, должна быть оставлена безъ измѣненія, за невозможностію увеличить оной по отсутствію прокурорскаго протеста (891 ст. Уст. Угол. Суд.). Что же касается до подсудимаго Петропавлова, то виновность его доказывается показаніями свидѣтелей, удостовѣряющихъ, что поѣздная прислуга, напившись на Вороновской станціи, была въ нетрезвомъ состояніи въ продолженіи всей дороги до самаго паденія поѣзда, а слѣдовательно и во время прослѣдованія онаго чрезъ Никитинскую станцію, на которой Петропавловъ служилъ начальникомъ. На основаніи инструкціи, на немъ лежали тѣ же обязанности, какъ и на начальникѣ Вороновской станціи. Для безопасности дальнѣйшаго слѣдованія поѣзда, онъ обязанъ былъ осмотрѣть всѣхъ бывшихъ на поѣздѣ служащихъ и удалить тѣхъ изъ нихъ, которые были тогда въ нетрезвомъ видѣ. Это тѣмъ болѣе представлялось ему возможнымъ исполнить, что поѣздъ на его станціи, вмѣсто опредѣленныхъ по росписанію 11 минутъ, простоялъ, какъ говорятъ свидѣтели Кротковъ, Веселовъ и Бабинъ,—отъ 20 минутъ до одного часа. Посему признавъ Петропавлова виновнымъ по 1084 ст. Ул. о нак., рязанскій окружный судъ поступилъ правильно и согласно обстоятельствамъ дѣла. Мѣру же опредѣленнаго ему наказанія хотя и слѣдовало бы увеличить, по отсутствію смягчающихъ вину его обстоятельствъ, но за силою 891 ст. Уст. Угол. Суд.. она должна быть оставлена безъ измѣненія. Останавливаясь засимъ на разсмотрѣніи возбужденнаго повѣреннымъ Петропавлова въ аппелляціонной жалобѣ вопроса о давности, оказывается, что назначенное подсудимому наказаніе за давностью отмѣнено быть не можетъ. Поводомъ къ возбужденію сего вопроса послужило то обстоятельство, что предусмотрѣнное 1084 ст. Улож. о нак. преступленіе, въ которомъ обвиняется Петропавловъ, совершилось 8 февраля 1867 года, а спрошенъ онъ былъ въ качествѣ обвиняемаго лишь въ 1870 году, то-есть по прошествіи давностнаго срока, погашающаго преслѣдованіе обвиняемыхъ по преступленіямъ сего рода (4 п. 158 ст. Улож. о нак.). По закону, такъ-называемая *давность личности* (рѣш. кас. деп. 1869 года № 933) относится къ тому случаю, когда со времени противозаконнаго дѣянія, несмотря на обнаруженіе его, въ теченіи указаннаго въ законѣ срока, *не обнаружено виновнаго въ этомъ дѣ-*

янію (рѣш. угол. кас. деп. 1869 г. № 1027). Между тѣмъ изъ показанія свидѣтелей, спрошенныхъ вскорѣ послѣ событія, въ февралѣ, мартѣ и апрѣлѣ мѣсяцахъ 1871 года,—уже было указаніе на виновность Петропавлова, а слѣдовательно было обнаружено приписываемое ему дѣяніе. Что же касается до оставленія Петропавлова безъ допроса въ качествѣ обвиняемаго болѣе или менѣе значительное время, то произошло это, какъ видно изъ заключенія рязанскаго прокурорскаго надзора, по неоткрытію мѣстожительства Петропавлова. Во всякомъ случаѣ означенное обстоятельство, по обнаруженіи виновности Петропавлова, уже не имѣло никакого вліянія на теченіе давности и примѣненія оной къ подсудимому. По симъ соображеніямъ судебная палата опредѣляетъ: аппелляціонныя жалобы подсудимыхъ Ланге, Якоби, Алексѣева и повѣреннаго подсудимаго Петропавлова, какъ уваженія незаслуживающія, оставить безъ послѣдствій, и обжалованный ими приговоръ рязанскаго окружнаго суда въ своей силѣ

Что касается до порядка предъявленія гражданскаго иска къ обществу желѣзной дороги, то соображенія палаты, послужившія къ разрѣщенію сего вопроса, помѣщены въ числѣ юридическихъ вопросовъ подъ № XLI.

Д. Тихомировъ.

II.

Гражданскаго Кассаціоннаго Департамента Правительствующаго Сената.

„*Искъ строенія, проданнаго на сносъ, какъ относящійся къ требованію исполненія по договору, не подходитъ подъ дѣйствіе 384 ст. т. X ч. I. и подсуденъ мировымъ судебнымъ установленіямъ.*"

По указу Его Императорскаго Величества, правительствующій сенатъ, въ судебномъ засѣданіи, слушалъ дѣло по кассаціонной жалобѣ повѣреннаго мѣщанина Николая Кокорева, присяжнаго повѣреннаго Фальковскаго на рѣшеніе Дмитровскаго мироваго съѣзда. Мѣщанинъ Кокоревъ предъявлялъ у мироваго судьи искъ о предоставленіи ему права снести деревянную кухню, купленную имъ на сносъ у подпоручика Михайлова. По разборѣ сего дѣла, Дмитровскій мировой съѣздъ, имѣя въ виду, что по ст. 384 т. X ч. I отыскиваемое Кокоревымъ имущество принадлежитъ къ недвижимымъ имуществамъ и что посему настоящій искъ за силою 1 п. 31 ст. уст. гр. суд. не подлежитъ вѣдомству мировыхъ учрежденій признала дѣло это неподсуднымъ мировымъ установленіямъ и предоставилъ Кокореву съ искомъ своимъ обратиться въ окружный судъ. Въ кассаціонной

жалобѣ повѣренный Кокорева, присяжный повѣренный Фальковскій проситъ объ отмѣнѣ рѣшенія мироваго съѣзда по неправильному толкованію 384 ст. I ч. X т. По выслушаніи заключенія товарища оберъ-прокурора правительствующій сенатъ находитъ, что предметомъ иска Жукова въ настоящемъ дѣлѣ было не опредѣленіе правъ собственности или владѣнія кухни съ землею, на которой она построена, но исполненіе договора о сносѣ кухни, купленной именно на сносъ, слѣдовательно нѣтъ основанія полагать предметомъ дѣла сего недвижимое имущество, подводить оное подъ силу 384 ст. I ч. X т. и 1 п. 31 ст. уст. гр. суд. и признать посему неподсуднымъ мировому суду. По симъ соображеніямъ правительствующій сенатъ опредѣляетъ: рѣшеніе Дмитровскаго мироваго съѣзда по нарушенію 384 ст. I ч. X т. отмѣнить и дѣло передать на разсмотрѣніе въ Московскій уѣздный съѣздъ мировыхъ судей, о чемъ обоимъ съѣздамъ послать указы.

ЮРИДИЧЕСКІЕ ВОПРОСЫ, РАЗРѢШЕННЫЕ МОСКОВСКОЮ СУДЕБНОЮ ПАЛАТОЮ.

XLVIII.

По поводу примѣненія 312 ст. Улож. о нак. изд. 1866 года.

Прокурорскимъ надзоромъ нѣкоторыхъ окружныхъ судовъ подсудимый за побѣгъ изъ мѣстъ заключенія во время предварительнаго слѣдствія, безъ насилія противу стражи и взлома тюрьмы, преслѣдуется по 312 ст. улож. о наказ., но судебная палата, измѣняя подобные обвинительные акты, держится иного взгляда. Изъ сопоставленія приведенной статьи съ 178 ст. уст. о содерж. подъ стражею т. XIV видно, что побѣгъ заключенныхъ или содержащихся подъ стражею, безъ особо увеличивающихъ вину обстоятельствъ, бываетъ двухъ родовъ: а) если кто бѣжитъ до окончанія надъ нимъ слѣдствія и суда или до исполненія приговора, и б) если кто бѣжитъ до отбытія имъ заключенія, опредѣленнаго ему по приговору судебнаго мѣста. Побѣгъ перваго рода влечетъ за собою заключеніе въ отдѣльномъ уединенномъ мѣстѣ, и наложеніе сего взысканія предоставлено тюремному начальству (прилож. къ ст. 1214 уст. угол. суд. и 178 ст. уст. о содерж. подъ стражею); между тѣмъ втораго рода побѣгъ соединенъ съ болѣе строгимъ наказаніемъ, превышающимъ предѣлы вѣдомства административной власти, а именно: время заключенія бѣжавшему считается снова, т. е. со дня доставленія его вторично въ мѣсто заключенія. — Посему преслѣдованіе по суду можетъ быть направлено прокуроромъ лишь противу тѣхъ бѣжавшихъ изъ мѣстъ заключенія, которые относятся къ послѣдней категоріи (Докладъ мой 4 ноября 1871 г.).

XLIX.

По поводу примѣненія 300 ст. Улож. о наказ. къ случаямъ, когда подсудимый обвиняется не „въ представленіи," а въ составленіи подложныхъ, исчисленныхъ въ этой статьѣ документовъ?

Изъ поступающихъ на утвержденіе палаты актовъ видно, что

прокурорскій надзоръ не всѣхъ окружныхъ судовъ одинаково примѣняетъ 300 ст.—Одинъ примѣненіе ея ограничиваетъ, по буквальному смыслу, лишь случаями *представленія* подложныхъ исчисленныхъ въ ней документовъ; *составленіе* же ихъ преслѣдуетъ по 294 ст.; а другой—относитъ 300 ст. безразлично *и къ представленію и къ составленію* документовъ. — Въ опредѣленіи 29 октября, по дѣлу Орлова, судебная палата высказала, что для примѣненія 300 и 294 ст. слѣдуетъ принимать за исходную точку *не степень участія подсудимаго въ представленіи или составленіи подложныхъ документовъ,* а важность оныхъ и степень опасности, угрожавшей отъ преступленія ихъ или цѣлому обществу, или отдѣльнымъ лицамъ, какъ говоритъ о семъ сенатъ въ рѣш. 1869 г. подъ № 117. — Поэтому одно неупоминаніе въ 300 ст. о составленіи подложныхъ документовъ не исключаетъ еще возможности примѣненія сего закона, по внутренному его содержанію *), къ подсудимымъ обвиняемымъ не только въ представленіи, но и въ составленіи указанныхъ въ ней документовъ, ибо высказанный сенатомъ мотивъ одинаково относится къ тому и другому случаю.

L.

Подъ какую статью закона подходитъ дѣяніе подсудимаго, который за купленный товаръ отдалъ вексель, оказавшійся писаннымъ не подъ чужую руку, а самимъ же подсудимымъ безъ всякаго измѣненія своего почерка?

Дворянинъ Верещагинъ сознался, что за купленный у мѣщанина Прокудина овесъ и крупу выдалъ ему вексель, писанный и подписанный имъ отъ имени Барона Фитингофа безъ всякаго измѣненія своего собственнаго почерка. Такимъ образомъ означенный вексель составленъ былъ не для взысканія денегъ, а съ цѣлью употребить его орудіемъ обмана Прокудина. Онъ не былъ подписанъ подъ чужую руку, а писанъ свободнымъ почеркомъ Верещагина, неимѣющимъ ничего общаго съ оригинальнымъ почеркомъ Фитингофа, лица Прокудину извѣстнаго, что и не вызывало надобности подписывать документъ подъ руку мнимаго векселедателя.—Не усматривая поэтому въ дѣяніи Верещагина признаковъ подлога, московскій прокурорскій надзоръ составилъ обвинительный актъ о мошенничествѣ подсудимаго, сопровождавшемся особыми приготовленіями (1665, 1666 и 1671 ст. улож. о нак.).—Взгляда этого судебная палата не раздѣ-

*) См. мой докладъ о 300 ст. улож. о нак. въ Юридич. Вѣст. 1871 г. кн. 5, стр. 77.

лила.—Изъ сопоставленныхъ статей раздѣла VIII главы 12 и раздѣла XII главы 5-й улож. о наказ., истекаетъ тотъ выводъ, что законъ, за весьма немногими исключеніями (ст. 1693), признаетъ подлогомъ составленіе или употребленіе документовъ однимъ лицомъ за другое безъ всякаго съ его стороны уполномочія. — Это самовольное присвоеніе принадлежащаго другому лицу права облекать свои распоряженія въ ту или другую законную форму, — есть характеристическій признакъ подлога. — Посему для бытія подлога вообще и векселя въ особенности не требуется безусловно, чтобы составленный документъ былъ подписанъ подъ чужую руку. — На основаніи 1160 ст. ул. о нак., съ лицемъ, подписавшимъ подъ чужую руку вексель, преслѣдуется одинаково и составлявшій оный другимъ какимъ-нибудь образомъ подложно. — Изъ сего явствуетъ, что Верещагинъ, написавшій своею рукою вексель за другое лицо, которое его на то не уполномочивало, совершилъ дѣяніе, предусмотрѣнное приведенною 1160 ст. Изъ содержанія этой статьи видно (рѣш. кас. деп. 1869 г. № 992), что примѣненіе ея должно обусловливаться между прочимъ „*требованіемъ по векселю, составленному подложно, уплатъ денегъ.*“ Хотя Верещагинъ по составленному имъ векселю не требовалъ уплаты отъ Фитингофа, но тѣмъ не менѣе самъ сдѣлалъ платежъ, т. е. передалъ вексель вмѣсто денегъ въ уплату за купленный у Прокудина товаръ. — Посему нельзя не признать, что въ этомъ отношеніи дѣяніе Верещагина, по своей цѣли и послѣдствіямъ, также удовлетворяетъ требованію 1160 ст. — Такимъ образомъ судебная палата, сказано въ опредѣленіи по моему докладу 22 ноября, нашла, что приписываемое Верещагину преступленіе не можетъ быть подведено подъ категорію мошенничества, потому что мошенничество есть похищеніе денегъ или иныхъ вещей чрезъ *обманъ*, а не чрезъ подлогъ, который, во всѣхъ его проявленіяхъ, составляетъ преступленіе бо̀льшей важности, нежели обманъ, почему законъ и не упоминаетъ о немъ ни въ одной статьѣ о мошенничествѣ какъ о средствѣ для извлеченія противозаконной выгоды. — Отсюда понятно, почему сенатъ призналъ, что подъ особыми приготовленіями, исчисленными въ 3 пун. 1671 ст. улож. о нак., законъ никогда не подразумѣвалъ и не подразумѣваетъ составленія подложныхъ актовъ или обязательствъ (рѣш. кас. деп. 1869 г. № 979).—Согласно съ изложенными соображеніями, дѣло о Верещагинѣ направлено по 1160 ст. улож. о наказ.

LI.

Подлежатъ ли разсмотрѣнію составленныя прокурорскимъ надзоромъ заключенія о прекращеніи дѣлъ, получившихъ направленіе по 396 ст. уст. угол. судопр?

Къ отрицательному разрѣшенію сего вопроса послужило между прочимъ составленное калужскимъ прокурорскимъ надзоромъ заключеніе о прекращеніи дѣла о кражѣ со взломомъ у Павлова вещей, по коему заподозрѣнный въ преступленіи отставной рядовой Соловьевъ не былъ привлеченъ къ слѣдствію и не былъ спрошенъ въ качествѣ обвиняемаго, по совершенному отсутствію достаточныхъ къ тому основаній, какъ значится о семъ въ постановленіи судебнаго слѣдователя (396 и 294 ст. уст. уг. суд.). По разсмотрѣніи всякаго заключенія о прекращеніи какого-нибудь дѣла, палата постановляетъ обыкновенно окончательное опредѣленіе о прекращеніи возбужденнаго противу извѣстнаго обвиняемаго преслѣдованія. Цѣль и значеніе такого опредѣленія очевидно заключается въ стремленіи законодателя доставить освобожденному обвиняемому твердую гарантію отъ вторичнаго произвольнаго привлеченія его къ отвѣтственности (542 ст. уст. угол. суд.).—Изъ сего слѣдуетъ, (докладъ 22 ноября), что если къ дѣлу никто въ качествѣ обвиняемаго привлеченъ не былъ, то нѣтъ и правильнаго основанія къ постановленію означеннаго опредѣленія, а равно и къ разсмотрѣнію заключеній по дѣламъ, направляемымъ по 396 ст.

LII.

Какимъ закономъ предусмотрѣна кража документовъ, похищенныхъ вмѣстѣ съ деньгами?

Прокурорскій надзоръ составилъ обвинительный актъ о преслѣдованіи крестьянина П., на основаніи 1657 ст. улож. о нак., за кражу документовъ, хранившихся въ одномъ сундукѣ съ похищенными имъ деньгами и другими вещами.—Но судебная палата признала это простою кражею.—Въ 2241 ст. 1 кн. XV т. изд. 1857 г. было сказано, что когда крѣпости, планы, или иные акты или документы и бумаги похищены вмѣстѣ съ чѣмъ либо другимъ, и укравшій ихъ не имѣлъ намѣренія похитить именно эти бумаги, то виновный подвергался наказанію, *опредѣленному за кражу на основаніи общихъ о томъ правилъ.*—Изъ сравнительнаго же указателя къ Улож. о Наказ. изд. 1866 г. видно (стр. 52), что статья эта замѣнена нынѣ 169 и 170 ст. уст. о наказ. налаг. мир. судьями.—Такимъ образомъ, для опредѣленія

свойства кражи документовъ вмѣстѣ съ чѣмъ-либо другимъ, закономъ принимается во вниманіе намѣреніе похитителя: если оное направлено на кражу именно документовъ, то преступленіе относится къ предусмотрѣнному 1657 или 1622 ст. улож. о наказ.; а если нѣтъ, то документы, какъ и всякое другое движимое имущество, не дѣлаетъ похищеніе квалифицированнымъ. (Докладъ 26 ноября).

LIII.

Можно-ли укрывателей, наравнѣ съ обвиняемыми по 180 ст. Уст. о Наказ. отдѣлять отъ главныхъ виновныхъ въ случаѣ преданія сихъ послѣднихъ суду съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей?

Съ недавняго времени судебная палата проводитъ взглядъ, что обвиняемые по 180 ст. Уст. о Нак. не должны быть предаваемы суду вмѣстѣ съ главными виновными, на основаніи 207 ст. Уст. Угол. Суд., такъ какъ они, не будучи признаны соучастниками преступленія, не имѣютъ съ ними ничего юридически общаго *). Прокурорскій же надзоръ нѣкоторыхъ окружныхъ судовъ идетъ далѣе.—По его мнѣнію, укрыватели также не могутъ быть названы соучастниками и на основаніи 207 ст. также должны быть судимы отдѣльно отъ главныхъ виновныхъ.—Мнѣніе это опирается на 14 ст. Улож. о Наказ., по смыслу которой укрыватели отнесены къ прикосновеннымъ къ дѣлу лицамъ, а по 207 ст. Уст. Уг. Суд. въ одномъ судѣ съ главными виновными судятся только ихъ соучастники.—Но палата не раздѣляетъ такого мнѣнія.—Подъ соучастниками въ преступленіи, которыхъ подсудность опредѣляется по 207 ст., Уставъ подразумѣваетъ исключительно тѣхъ, кого называетъ этимъ именемъ Уложеніе о Наказаніяхъ.—Участіе въ преступленіи имѣетъ два вида: 1) *участіе* въ собственномъ смыслѣ, т. е. какъ стеченіе преступниковъ, распадающихся, сообразно своимъ ролямъ, на главныхъ виновниковъ, зачинщиковъ, сообщниковъ, участниковъ, подговорщиковъ и пособниковъ; и 2) *прикосновенность*, образующая попустителей, укрывателей и недоносителей.—Что укрыватели относятся къ одной изъ категорій соучастниковъ видно уже изъ одного помѣщенія укрывателей подъ рубрикою „о участіи въ преступленіи“ (разд. I, глав. 1, отд. 3).—Кромѣ того законъ признаетъ укрывателей отвѣтственными за вредъ и убытки отъ преступленія, совершеннаго главными виновными въ случаѣ несостоятельности сихъ послѣднихъ (60

*) См. вопросъ XLVI и II.

и 61 ст. Улож. о Нак. и 644 ст. и друг. т. X ч. I Зак. Гражд.).— На нихъ же при постановленіи обвинительнаго приговора обращается и взысканіе судебныхъ издержекъ, если полнаго возмѣщенія оныхъ невозможно произвести съ имущества главныхъ виновныхъ. — Въ семъ послѣднемъ случаѣ законъ называетъ укрывателей *участвовавшими* въ преступленіи (195, 990, 991, 992 ст. Уст. Уг. Суд.—Изъ этого явствуетъ, что укрыватели, будучи отвѣтственными въ уголовномъ и гражданскомъ отношеніяхъ за главныхъ виновныхъ, должны быть признаны соучастниками ихъ въ преступленіи, и на основаніи 207 ст. судиться съ ними въ одномъ судѣ.

LIV.

Возможно-ли обвиняемаго въ кражѣ вещей преслѣдовать въ тоже время за продажу этихъ вещей (1647 и 2 отд. 1701 ст. Улож. о Наказ.)?

Законъ (2 отд. 1701 ст. Улож.) говоритъ, что когда проданное кому-либо имущество похищено или получено чрезъ обманъ самимъ продавцемъ, то наказаніе виновнымъ опредѣляется по правиламъ, въ статьѣ 152 Улож. постановленнымъ, о совокупности преступленій.—На основаніи сего, лицо, учинившее кражу со взломомъ и успѣвшее продать похищенныя вещи, прокурорскимъ надзоромъ преслѣдуется иногда по 1647, 152 и 2 отд. 1701 ст. Улож. о Наказ., т. е. за кражу и пособничество къ оной (рѣш. кас. деп. 1870 г. № 156).—Существованіе пособничества въ какомъ нибудь противозаконномъ дѣяніи неминуемо предполагаетъ совершеніе этого дѣянія какимъ либо другимъ лицомъ. Наказуемое пособничество своего собственнаго преступленія есть юридическая невозможность, потому что оно противорѣчитъ основному принципу уголовнаго права: semper in eo quod plus est et minus continetur, т. е. большое содержитъ въ себѣ и меньшее.—Поэтому напр. сенатъ призналъ, что участіе въ преступленіи поглощаетъ понятіе укрывательства (1867 г. № 190), или что совершившаяся кража поглощаетъ покушеніе на это преступленіе (1870 г. № 215).—Если вообще предумышленный убійца, приготовившій себѣ заранѣе пристанище и скрывшійся туда вмѣстѣ съ ограбленными вещами, преслѣдуется обыкновенно не по совокупности преступленій, а только за убійство, то нѣтъ правильнаго основанія и вора-продавца наказывать по совокупности его дѣяній. По симъ соображеніямъ палата постоянно измѣняетъ обвинительные акты, составленные въ означенномъ направленіи, неоправдываемомъ ни практикою, ни закономъ. (Докладъ 22 ноября).

LV.

Подъ какую статью уголовнаго закона подлежитъ дѣяніе подсудимаго, сдѣлавшаго на паспортѣ подложную отъ имени священника надпись о своемъ бракосочетаніи, котораго на самомъ дѣлѣ никогда не было?

Прокурорскимъ надзоромъ по 300 ст. улож. о нак. направлено было дѣло по обвиненію крестьянина Вырыпаева въ представленіи волостному правленію паспорта, на которомъ написано было подложное отъ имени священно-церковныхъ служителей свидѣтельство о вступленіи его въ бракъ съ дѣвицею Федоровой. Но палата нашла приведенный законъ къ настоящему случаю непримѣнимымъ. (Докладъ мой 22 декабря). За исходную точку при примѣненіи 300 ст. слѣдуетъ принимать важность поддѣльнаго документа и степень опасности отъ его употребленія (рѣш. кас. деп. 1869 г. № 117). Дѣяніе же подсудимаго состоитъ въ поддѣлкѣ такого акта, который имѣетъ цѣлью удостовѣрить событіе брака, т. е. начало брачнаго сожитія супруговъ, могущаго имѣть важныя послѣдствія въ семейномъ и гражданскомъ быту человѣка. Хотя законъ не предусматриваетъ прямо означеннаго дѣянія, но это еще не значитъ, что оное должно остаться безъ преслѣдованія, такъ какъ преступность и наказуемость этого рода поступковъ не подлежитъ сомнѣнію. Поэтому, руководствуясь 151 ст. ул. о нак., въ настоящемъ случаѣ слѣдуетъ лишь разрѣшить вопросъ о томъ, какому изъ воспрещенныхъ закономъ дѣяній соотвѣтствуетъ приписываемый Вырыпаеву проступокъ? Если не по буквѣ закона, то по духу и внутреннему содержанію его, ближе всего къ дѣянію Вырыпаева подходитъ 1441 ст., предусматривающая между прочимъ всякаго рода подлоги въ актахъ бракосочетанія какъ въ подлинныхъ, такъ и въ копіяхъ съ нихъ. Главнымъ доказательствомъ бракосочетанія почитаются метрическія книги (34 ст. X т. I ч.), но замѣною ихъ могутъ служить также и гражданскіе документы (35 ст. того же тома). Законъ не опредѣляетъ какія именно документы принимаются въ доказательство, но требуетъ только, чтобы изъ нихъ было видно, что именующійся или именуемые супругами признавались законными въ присутственныхъ мѣстахъ и пользовались гражданскими правами и преимуществами, зависящими отъ законнаго супружества. Документы сего рода, смотря по званію брачущихся, суть послужные списки, аттестаты, указы объ отставкѣ, паспорты, въ коихъ обыкновенно подлежащимъ начальствомъ означается событіе брака. Изъ сего слѣдуетъ, что обвиняемые въ составленіи подложнаго свидѣ-

тельства на паспортѣ, съ цѣлью удостовѣренія брака, должны быть преслѣдуемы одинаково съ обвиняемыми вообще въ подлогахъ актовъ бракосочетанія, независимо отъ того—будутъ ли это метрическія книги или гражданскіе документы (паспорты), ибо цѣль у подсудимаго въ томъ и другомъ случаѣ одна и таже.

LVI.

Могутъ ли окружные суды входить въ обсужденіе порядка подсудности дѣла, предложеннаго ему прокуроромъ на основаніи 527 ст. уст. угол. судопр?

Окружный судъ принялъ къ своему разсмотрѣнію безъ участія присяжныхъ засѣдателей обвинительный актъ, предложенный ему прокуроромъ по дѣлу, ему неподсудному, въ томъ убѣжденіи, что онъ, окружный судъ, вообще не вправѣ возвращать прокурору обвинительнаго акта обратно на основаніи 527 ст. уст. уг. суд. На судебномъ слѣдствіи судъ оправдалъ подсудимаго крестьянина Вырыпаева не по недостатку уликъ, а потому что не вправѣ былъ опредѣлить ему, съ лишеніемъ правъ состоянія, наказаніе, выходящее изъ предѣловъ его власти (200 и 201 ст. уст. уг. суд.). По апелляціонному протесту прокурора дѣло это представлено было въ судебную палату, которая, разсмотрѣвъ оное въ публичномъ засѣданіи, признала нужнымъ (2 п. 249 ст. учр. суд. уст.) обратить вниманіе на примѣненіе судомъ 527 ст. уст. уг. суд. Статья эта, сказано въ палатскомъ опредѣленіи, предписывая окружному суду приступать непосредственно къ производству по обвинительнымъ актамъ прокурора, ссылается на 547 ст., которая, излагая правила приготовительныхъ къ судебному засѣданію распоряженій, говоритъ, между прочимъ, что судъ прежде всего *обязанъ обсудить, не требуетъ ли дѣло какихъ либо особыхъ распоряженій.* Въ комментаріи подъ этою статьею (стр. 204 ч. II.) указано шесть пунктовъ, на что именно должно обращать вниманіе и между прочимъ на то, *подсудно ли предложенное дѣло окружному суду.* Очевидно, что сіе послѣднее относится только до дѣлъ, предлагаемыхъ прокуроромъ непосредственно, потому что въ случаѣ преданія суду обвинительною камерою судъ уже не вправѣ входить въ обсужденіе порядка подсудности (549 ст.) Напротивъ во всѣхъ другихъ случаяхъ, кромѣ указаннаго въ 549 ст., окружный судъ обязанъ войти въ разсмотрѣніе вопроса о подсудности и, усмотрѣвъ, что предложенный актъ составленъ по дѣлу ему неподсудному, долженъ возвратить его обратно прокурору, на точномъ основаніи I ст. уст. уг. судопр. Опредѣленіе надлежащей подсудности всякаго дѣла, по рѣшенію

сената, есть такое важное обстоятельство въ уголовномъ процессѣ, что не должно быть постановлено въ зависимость отъ заявленія сторонъ, а составляетъ прямую обязанность суда (1868 г. № 748). И это совершено понятно. Коллегіальное учрежденіе суда служитъ бо́льшимъ ручательствомъ о правильномъ и юридическомъ разсмотрѣніи обвинительнаго акта, чѣмъ единоличная власть прокурора, которая, какъ сторона, не можетъ представлять тѣхъ же гарантій. Что 527 ст. не даетъ прокурору безконтрольнаго права направленія дѣла по своему усмотрѣнію видно изъ того, что, на основаніи 893 ст., на постановленіи суда о подсудности дѣла допускаются протесты прокурорскаго надзора. Значитъ, что судъ, а не прокуроръ разрѣшаетъ вопросъ о подсудности, въ противномъ же случаѣ не могло быть и протестовъ. Взгляду этому не противорѣчитъ нисколько и употребленное въ 527 ст. выраженіе о томъ, что окружный судъ не постановляетъ опредѣленій о преданіи обвиняемыхъ суду. Опредѣленіе о преданіи суду равносильно возбужденію обвиненія, которое предоставляется или прокурору, или обвинительной камерѣ. Предоставить же эту власть окружному суду было бы противно закону, потому что сохраняя за собою право только судебной власти, судъ не вправѣ возбуждать преслѣдованіе противу лицъ, прокуроромъ непривлеченныхъ (комментаріи подъ 527 ст. стр. 196 ч. II). Изъ сего явствуетъ, что приведенное выраженіе употреблено лишь въ томъ смыслѣ, что окружный судъ не возбуждаетъ по своей иниціативѣ преслѣдованія и не постановляетъ по сему предмету особыхъ опредѣленій, но тѣмъ не менѣе *„обязанъ,“* предварительно принятія обвинительнаго акта, разрѣшить вопросъ о подсудности по дѣлу, которое онъ будетъ обсуждать въ публичномъ засѣданіи. (Мой докладъ 22 декабря 1871 г.).

LVII.

Какою статьею закона предусмотрѣнъ побѣгъ изъ Сибири арестанта, который, бывъ уволенъ изъ арестантскихъ ротъ по окончаніи опредѣленнаго срока, сосланъ былъ туда вслѣдствіе непринятія его своимъ обществомъ?

Прокурорскій надзоръ разрѣшаетъ этотъ вопросъ въ смыслѣ 313 ст. улож. о наказ., судебная же палата направляетъ подобныя дѣла по 63 ст. уст. о наказ. нал. мир. судьями. Всѣ освобожденные изъ арестантскихъ ротъ въ продолженіе четырехъ лѣтъ остаются подъ непосредственнымъ надзоромъ полиціи или общества и не могутъ перемѣнять мѣста жительства и удаляться отъ онаго безъ особеннаго на каждый разъ дозволенія. Та-

кому же надзору подвергаются уволенные изъ ротъ и по переселеніи ихъ въ Сибирь на водвореніе, въ случаѣ непринятія ихъ обществомъ (1083 и 1086 ст. уст. о содер. подъ стражею XIV т., 906, 907 и 4 п. 11 ст. устава о ссыльныхъ XIV т.). По прежде дѣйствующему закону виновные въ побѣгѣ изъ мѣстъ, назначенныхъ для ихъ жительства, подвергались наказанію какъ за самовольную безъ разрѣшенія начальства отлучку, предусмотрѣнную 355 и 356 ст. 1 кн. XV т. изд. 1857 года. Изъ сравнительнаго же указателя къ уложенію о наказ. изд. 1866 года видно (стр. 36), что приведенныя статьи закона замѣнены нынѣ 63 ст. уст. о нак. нал. мир. судьями; изъ чего слѣдуетъ заключить, что дѣла подобныя настоящему должны быть направлены не въ окружный судъ безъ участія присяжныхъ, а въ мировыя учрежденія (33 ст. уст. о наказ.).

Членъ Судебной Палаты Тихомировъ.

ЮРИДИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

I.

СУЩЕСТВУЕТЪ ЛИ „COLLATIO" ПО РУССКОМУ ПРАВУ?

Подъ именемъ collatio извѣстенъ въ римскомъ правѣ юридическій институтъ, сущность котораго состоитъ въ обязанности каждаго изъ сонаслѣдниковъ внести въ общую массу наслѣдственнаго имущества все полученное имъ отъ наслѣдодателя дарственнымъ способомъ для равномѣрнаго распредѣленія между всѣми наслѣдниками. По происхожденію своему collatio имѣетъ чисто историческій, національно-римскій характеръ.

Какъ извѣстно, по строгому jus civile дѣти, эманципированныя изъ власти родителей, не считались уже членами семьи и потому не участвовали въ законномъ наслѣдованіи послѣ своихъ родителей. Но преторъ, руководимый чувствомъ естественной справедливости (naturali aequitate motus), требующей, чтобы всѣ дѣти одинаково пользовались правомъ наслѣдованія въ имуществѣ родителей, установилъ, чтобъ эманципированныя дѣти наслѣдовали наравнѣ съ тѣми, которыя находятся подъ patria potestas, своимъ родителямъ (lib. III inst. t. I. § 9). Но призывая своимъ эдиктомъ эманципированныхъ дѣтей къ участію въ наслѣдствѣ отца, преторъ считалъ послѣдовательнымъ, какъ говоритъ римскій юристъ (consequens esse credit); чтобъ они вносили въ массу наслѣдства ту долю отцовскаго имущества, которую они получили въ качествѣ выдѣла отъ родителей, такъ какъ это имущество вѣроятно дано было имъ взамѣнъ утрачиваемыхъ ими наслѣдственныхъ правъ, и потому было бы несправедливо оставить его безъ вниманія при раздѣлѣ между всѣми дѣтьми отцовскаго имѣнія (fr. I. D. 37. 6 de collatione).

Въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи институтъ collatio изъ этого частнаго случая пріобрѣлъ характеръ общаго юридическаго

учрежденія, въ томъ видѣ, какъ мы его опредѣлили выше, и сдѣлался обязательнымъ для всѣхъ вообще законныхъ наслѣдниковъ.

Въ этомъ видѣ collatio существуетъ въ французскомъ code civil, который содержитъ весьма обстоятельныя опредѣленія относительно возникающихъ отсюда вопросовъ (code civil art. 843—868).

Справедливость этого института и его сообразность съ основными началами развитой системы наслѣдственнаго права очевидна. Въ самомъ дѣлѣ, съ одной стороны всякому развитому законодательству свойственно сознаніе того, что наслѣдованіе есть ничто иное, какъ переходъ имущественныхъ правъ извѣстнаго лица дарственнымъ образомъ къ другимъ лицамъ послѣ его смерти, такъ что наслѣдованіе разсматривается здѣсь, какъ одинъ изъ видовъ дарственнаго перехода имущества. Такъ въ системѣ французскаго гражданскаго права наслѣдованіе по завѣщанію разсматривается какъ видъ даренія. Съ другой стороны развитое законодательство стремится къ тому, чтобы всѣ лица, имѣющія по закону право наслѣдованія въ имуществѣ даннаго лица, воспользовались этимъ правомъ по возможности въ *равной мѣрѣ*, не подчиняясь ни противнымъ началу равенства опредѣленіямъ самаго закона (маіораты, минараты, сеньораты и т. п.), ни даже произволу собственника (отсюда lex Falcidia, réserve и пр.). При такомъ направленіи законодательства естественно являются въ немъ опредѣленія о томъ, чтобы тѣ изъ наслѣдниковъ, которые получили уже при жизни наслѣдодателя часть его имущества по безмездному укрѣпленію, внесли это имущество, натурой или равной цѣнностью, въ составъ массы наслѣдства, или получили соразмѣрно меньшую долю наслѣдства; несуществованіе такого правила, будучи противно началу равенства, явно шокировало бы правовое сознаніе общества.

Будучи основанъ такимъ образомъ на общихъ началахъ права и справедливости, институтъ collatio уже по этому самому не можетъ быть чуждъ и нашему праву, основанному въ сущности на тѣхъ же принципахъ по отношенію къ наслѣдству, которые вызвали этотъ институтъ въ другихъ законодательствахъ.

Но такого апріористическаго довода недостаточно, когда дѣло идетъ о томъ или другомъ положительномъ правѣ, ибо дѣйствующимъ правомъ можетъ быть признано лишь то, что явно или хоть скрытно высказывается въ системѣ права, а не то, что только согласно съ духомъ и направленіемъ законодательства. Попытаемся поэтому поискать въ нашихъ гражданскихъ законахъ основанія для вывода, что *collatio существуетъ въ нашемъ наслѣдственномъ правѣ*, по крайней мѣрѣ въ древнѣйшей его

формѣ: обязанности дѣтей выдѣленныхъ (liberi emancipati римлянъ) возвращать въ массу наслѣдственнаго родоваго имущества полученный ими излишекъ противъ слѣдуемой имъ по разсчету доли.

Но прежде чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію тѣхъ соображеній, которыя говорятъ въ пользу нашего мнѣнія, укажемъ на тѣ возраженія, которыя можно сдѣлать противъ выставленнаго положенія.

Первое и самое вѣское, повидимому, возраженіе состоитъ конечно въ томъ, что законы наши нигдѣ прямо не возлагаютъ такой обязанности на наслѣдниковъ, почему и судебныя мѣста, обязанныя руководствоваться лишь положительнымъ закономъ, не вправѣ своей властью налагать обязанность колляціи на того изъ сонаслѣдниковъ, который выдѣленъ при жизни наслѣдодателя, хотя бы по требованію прочихъ сонаслѣдниковъ. Но это возраженіе только повидимому неопровержимо. Въ самомъ дѣлѣ, нашъ сводъ законовъ гражданскихъ такъ не полонъ, такъ казуистиченъ, что отсутствіе въ немъ прямаго указанія на то или другое юридическое учрежденіе вовсе не доказываетъ, чтобъ это учрежденіе не допускалось имъ, не находилось въ немъ in potentia. Задача суда—вникнуть въ смыслъ всѣхъ постановленій закона, относящихся къ извѣстному роду правовыхъ отношеній, опредѣлить: не допускаетъ ли законъ въ томъ или другомъ случаѣ, имъ прямо не предусмотрѣнномъ, примѣненіе такой-то юридической нормы, не противорѣчащей положительнымъ опредѣленіямъ закона. Такой характеръ дѣятельности суда при толкованіи законовъ рѣшительно высказанъ судебными уставами (ст. 9 уст. гр. суд.). Поэтому коль скоро намъ удастся найти въ нашихъ гражданскихъ законахъ точки опоры для высказаннаго положенія, отсутствіе прямой статьи закона, установляющей колляцію, не можетъ служить судебной практикѣ препятствіемъ къ признанію ея существованія.

Второе возраженіе можетъ состоять въ слѣдующемъ. Положимъ, что одинъ изъ сыновей даннаго лица получилъ отъ отца въ выдѣлъ часть его родоваго имущества, превышающую ту часть, которая ему приходится по разсчету (а такой случай возможенъ, какъ увидимъ ниже). По нашему мнѣнію сонаслѣдники могутъ требовать отъ отдѣленнагося сына возвращенія въ массу наслѣдства имѣющагося у него излишка натурой или равной цѣнностью. Но законъ не ограничиваетъ свободы владѣльца въ отчужденіи родоваго имущества чужеродцамъ способами возмездными. А потому какъ наслѣдники не могутъ требовать отъ чужеродца возвращенія купленнаго имъ у наслѣдодателя родоваго его имущества (если они не пользуются въ данномъ случаѣ

правомъ выкупа), то, казалось бы, тѣмъ менѣе они могутъ требовать подобнаго возвращенія отъ члена своего-же рода, получившаго родовое имущество по выдѣлу, такъ какъ право его на это имущество гораздо прочнѣе правъ чужеродца, ибо въ его рукахъ имущество не подлежитъ выкупу. Но такой выводъ ошибоченъ и можетъ быть основанъ только на непониманіи юридической природы выдѣла, какъ способа пріобрѣтенія имуществъ. Выдѣлъ, какъ видно изъ всѣхъ постановленій о немъ въ законѣ (т. X ч. I. ст. 994—1000), есть ничто иное, какъ *антиципированное наслѣдованіе*, т. е. полученіе лицомъ, имѣющимъ право законнаго наслѣдованія въ имуществѣ восходящаго родственника, извѣстной доли этого имущества при жизни наслѣдодателя взамѣнъ будущаго наслѣдства. Этимъ опредѣляется различіе между выдѣломъ и дареніемъ во первыхъ, такъ какъ даръ не замѣняетъ наслѣдства, и во вторыхъ—между выдѣломъ и возмездным отчужденіемъ, такъ какъ выдѣлъ можетъ быть только безмездный, какъ это признано рѣшеніемъ сената по одному дѣлу (Сб. рѣш. сен. I, № 619).

Изъ этого характера выдѣла вытекаетъ то послѣдствіе, что право собственности отдѣленнаго наслѣдника на выдѣленное ему имущество есть какъ бы условное, именно *sub conditione resolutiva*: въ случаѣ несостоятельности выдѣлившаго выдѣленное имущество можетъ быть возвращено въ составъ имущества выдѣлившаго (прим. къ ст. 1000 т. X ч. I). Будетъ по этому вполнѣ сообразно съ природой выдѣла признать, что такое же резолютивное условіе существуетъ для права отдѣленнаго на его имущество по отношенію къ наслѣдственнымъ правамъ его сонаслѣдниковъ: именно, что право это дѣлается окончательнымъ и безповоротнымъ только въ томъ случаѣ, если въ моментъ открытія и пріобрѣтенія наслѣдства, когда вполнѣ опредѣляются права выдѣленнаго къ имуществу выдѣлившаго, права эти не придутъ въ столкновеніе съ правами другихъ, невыдѣленныхъ наслѣдниковъ къ этому же имуществу.

Перейдемъ къ разсмотрѣнію тѣхъ указаній въ нашихъ гражданскихъ законахъ, которыя, по моему мнѣнію, даютъ основаніе думать, что законодательство наше допускаетъ обязанность колляціи.

Въ ст. 997 т. X ч. I читаемъ слѣдующее. „Дѣти, получившія при жизни владѣльца посредствомъ выдѣла изъ родоваго имущества сполна ту часть, которая бы слѣдовала имъ по его смерти, почитаются отдѣленными, и въ позднѣйшемъ раздѣлѣ того имущества не участвуютъ; *когда же наслѣдственная доля не была имъ отдѣлена вполнѣ, дополняется оная при семъ раздѣлѣ имущества по мѣрѣ того, что имъ еще причтется.*“ Смыслъ

этой статьи очевиденъ. Законъ, принимая въ соображеніе тождественность выдѣла съ наслѣдованіемъ въ родовомъ имуществѣ, заботится о томъ, чтобъ отдѣленныя дѣти получили равную долю съ неотдѣленными, поэтому онъ установляетъ, что въ случаѣ, когда при выдѣлѣ они получили менѣе того что приходится на ихъ долю, они вправѣ требовать дополненія своей доли. Но законъ заботится лишь о *равенствѣ* между отдѣленными и неотдѣленными дѣтьми, но вовсе не о преимуществѣ первыхъ предъ послѣдними: для такого предпочтенія нѣтъ рѣшительно никакихъ основаній, ни логическихъ, ни законныхъ. Отсюда очевидно, что если законъ даетъ возможность отдѣленнымъ дѣтямъ восполнить свои наслѣдственныя права посредствомъ требованія участія въ наслѣдованіи вмѣстѣ съ ихъ неотдѣленными сонаслѣдниками, то и послѣднимъ должно быть дано право возстановить свои законныя права наслѣдованія въ родовомъ имуществѣ, въ случаѣ нарушенія ихъ правъ выдѣломъ, такъ какъ права эти гарантируются имъ самимъ закономъ, недопускающимъ измѣненія этихъ правъ волей настоящаго владѣльца, и гарантируются имъ, повторяемъ, наравнѣ съ дѣтьми отдѣленными. А что выдѣлъ одного изъ наслѣдниковъ можетъ нанести ущербъ интересамъ другихъ наслѣдниковъ, въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Г. Побѣдоносцевъ справедливо замѣчаетъ (курсъ гражд. права, ч. I. т. II. стр. 212), что по смыслу нашихъ законовъ о совершеніи актовъ судъ или нотаріальное учрежденіе при совершеніи отдѣльной записи не вправѣ по собственному побужденію войти въ разсмотрѣніе того, не выдѣлена ли наслѣднику часть, большая той, на которую онъ имѣетъ право. Поэтому выдѣляющій легко можетъ выдѣлить тому наслѣднику, которому онъ отдаетъ почему либо предпочтеніе, часть родоваго имущества, большую той, которая ему слѣдуетъ по числу равноправныхъ съ нимъ наслѣдниковъ. Было бы совершенно несообразно съ духомъ нашего законодательства о родовыхъ имуществахъ допустить такимъ образомъ явное нарушеніе постановленій закона о равномъ наслѣдованіи одинаково близкихъ къ владѣльцу родоваго имущества лицъ въ его имуществѣ, независимо отъ воли владѣльца.

Такимъ образомъ смыслъ ст. 997 приводитъ насъ къ допущенію обязанности колляціи для отдѣленныхъ дѣтей, въ случаѣ, когда выдѣлъ ихъ нарушаетъ право неотдѣленныхъ наслѣдниковъ.

Но этого мало. Могутъ быть случаи, когда исполненіе 2 половины ст. 997 сдѣлается невозможнымъ безъ допущенія этой обязанности.

Представимъ себѣ слѣдующій случай. Владѣлецъ родоваго иму-

щества, цѣнностью въ десять тысячъ р. (10,000), выдѣляютъ одному изъ своихъ 5 сыновей участокъ въ 3000 р., а другому въ 1000 р. (то и другое важно, какъ мы видѣли). Затѣмъ владѣлецъ умираетъ. Отдѣленный сынъ, получившій часть родоваго имущества въ 1000 р., обращается къ неотдѣленнымъ сонаслѣдникамъ, на основаніи ст. 997, съ требованіемъ дополненія своей доли до 2000 р. Спрашивается, какъ эти наслѣдники могутъ удовлетворить его законному требованію, если имъ самимъ не предоставлено будетъ право требовать съ другаго отдѣленнаго наслѣдника, получившаго 3000 р., возвращенія въ массу наслѣдства излишка въ 1000 р.? Вѣдь безъ этого у нихъ въ рукахъ родоваго имущества лишь на 6000 р., т. е. столько, сколько имъ самимъ причитается, и они вправѣ неудовлетворить законному требованію выдѣленнаго наслѣдника, неполучившаго сполна своей доли. Не допустить въ такомъ случаѣ колляціи значило бы признать, что нарушеніе владѣльцемъ 2 половины ст. 996 и общаго правила о недозволеніи наслѣдодателю измѣнять размѣръ правъ его наслѣдниковъ въ родовомъ его имуществѣ,—что такое нарушеніе закона можетъ лишить одного изъ наслѣдниковъ части имущества, по закону ему принадлежащей, что было бы нелѣпо.

Затѣмъ въ пользу выставленнаго положенія можно привести еще слѣдующее. Выдѣлу, какъ это прямо высказано въ ст.1001 т. X ч. I., вполнѣ соотвѣтствуетъ дача приданаго родственницамъ при выходѣ ихъ замужъ. Между выдѣломъ и приданымъ существуетъ только то различіе, обусловливаемое различіемъ положенія мужчинъ и женщинъ въ родѣ, что мужчины не могутъ быть ограничены выдѣломъ въ своихъ наслѣдственныхъ правахъ, а женщины, которыхъ связь съ родомъ значительно ослабѣваетъ съ выходомъ ихъ замужъ, могутъ при полученіи приданаго отречься отъ дальнѣйшаго участія въ наслѣдствѣ выдѣлившаго ихъ лица. Въ этомъ случаѣ онѣ не могутъ уже потомъ требовать дополненія своей доли при раздѣлѣ наслѣдства, но точно также не лишаются ни малѣйшей части выдѣленнаго имъ приданаго, хотя бы приданое это превышало размѣръ слѣдуемой имъ наслѣдственной доли и такимъ образомъ нарушались бы права прочихъ наслѣдниковъ (ст. 1004 т. X. ч. I.). Итакъ только въ случаѣ, когда выходящая замужъ женщина отрекается совершенно отъ имущественной связи съ оставляемымъ ею родомъ, законъ положительно освобождаетъ ее отъ обязанности колляціи. Очевидно, что въ случаѣ, когда выдѣляемая женщина отъ участія въ наслѣдствѣ не отрекается, она, сохраняя право требовать дополненія своей доли при открытіи наслѣдства, вмѣстѣ съ тѣмъ сохраняетъ и обязанность

возвращенія излишка сонаслѣдникамъ. А какъ положеніе получающей приданое, но не отрекающейся отъ наслѣдства, женщины совершенно соотвѣтствуетъ положенію выдѣленнаго члена рода мужскаго пола, то ясно, что по мысли закона и послѣдній носитъ ту же обязанность колляціи. Кромѣ того статья эта осязательно показываетъ, что законодательство наше сознаетъ необходимую внутреннюю связь между правомъ выдѣленнаго требовать дополненія своей доли и обязанностью его возвращать излишекъ полученнаго. („Дочь отдѣленная... не можетъ ничего требовать изъ имущества... родителей, но *вмѣстѣ съ тѣмъ* она не лишается ни малѣйшей части выдѣленнаго ей приданаго").

Любопытную аналогію для подтвержденія нашего взгляда представляетъ разрѣшеніе еще въ старой судебной практикѣ вопроса о томъ, какъ слѣдуетъ поступить въ случаѣ, когда продающееся съ публичнаго торга за долгъ по закладной имѣніе оцѣнено въ сумму большую указаннаго долга и продажа не состоялась? Долженъ ли залогодержатель принять имѣніе въ оцѣночной суммѣ, какъ другіе кредиторы, въ силу ст. 2145 т. X ч. 2, или въ суммѣ своего долга? Сенатъ разрѣшилъ этотъ вопросъ въ послѣднемъ смыслѣ, руководствуясь главнымъ образомъ тѣмъ соображеніемъ, что въ случаѣ если имѣніе, подвергшееся продажѣ за долгъ по закладной, оцѣнено въ низшую противъ долга сумму, залогодатель долженъ удовольствоваться или самимъ имѣніемъ, или вырученной отъ продажи его суммой, хотя такимъ образомъ долгъ его не покрывается вполнѣ (ст. 2067 т. X. ч. 2); поэтому было бы несправедливо, въ томъ случаѣ когда имѣніе оцѣнено выше долговой претензіи и продажа не состоялась, обязать залогодержателя принять имѣніе не въ суммѣ долга, какъ въ первомъ случаѣ, а въ оцѣночной суммѣ. Такой взглядъ сената находитъ подтвержденіе въ одномъ указѣ его отъ 22 сентября 1852 г., вошедшемъ въ полное собраніе законовъ (II, № 22587) *). Хотя эти соображенія касаются сферы юридическихъ отношеній, совершенно чуждыхъ нашему предмету, но въ нихъ высказывается слѣдующій общій юридическій принципъ: во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ объемъ имущественныхъ правъ извѣстнаго лица можетъ увеличиваться и уменьшаться въ силу причинъ отъ этого лица независящихъ, одна изъ этихъ вѣроятностей не должна быть допускаема безъ другой; возможность увеличенія должна допускать и возможность уменьшенія, и наоборотъ. И если это общее юридическое начало присуще нашему законодательству въ одномъ случаѣ, то нѣтъ разум-

---

*) Любавскій въ Юридическомъ Вѣстникѣ 1869 г. кн. 9 стр 17.

наго основанія не допускать его и въ другомъ. А на этомъ-то зиждется институтъ колляціи вездѣ, гдѣ онъ существуетъ.

Наконецъ, въ пользу нашего мнѣнія можно было бы привесть еще слѣдующее, повидимому довольно солидное доказательство. Въ ст. 999 т. X. ч. I. относительно Полтавской и Черниговской губерній постановлено, что отдѣленныя дѣти тамъ не могутъ требовать ничего изъ отцовскаго имущества при открытіи наслѣдства, но не могутъ также быть лишены ни малѣйшей доли полученнаго, хотя бы другіе наслѣдники и получили вслѣдствіе этого менѣе того, что имъ слѣдуетъ. А такъ какъ по общему правилу lex specialis derogat generali, то изъ ст. 999 можно кажется вывести a contrario, что по общимъ нашимъ законамъ получившіе при выдѣлѣ болѣе того, что имъ причитается, обязаны возвратить излишекъ прочимъ наслѣдникамъ. Но какъ ни логиченъ повидимому этотъ выводъ, онъ въ сущности неоснователенъ.

Дѣло въ томъ, что надо быть очень осторожнымъ въ примѣненіи общихъ началъ юридической интерпретаціи къ нашему своду. Правило о томъ, что мѣстный или спеціальный законъ необходимо предполагаетъ законъ общій, ему противоположный, можетъ оказаться иногда невѣрнымъ въ приложеніи къ нашему своду, такъ какъ онъ не есть кодексъ, одновременно и систематически задуманный, а собраніе отдѣльныхъ узаконеній. Такъ, при введеніи въ сводъ статей литовскаго статута, имѣющихъ силу въ Полтавской и Черниговской губерніяхъ, законодатель внесъ сюда не только тѣ статьи, которыя противны общимъ законамъ, но также и тѣ, которымъ соотвѣтствующихъ вовсе не было въ русскомъ законодательствѣ. Поэтому справедливо говоритъ г. Д. С., что изъ ст. 1256 т. X ч. I нельзя вывести заключенія, что общіе законы не допускаютъ уступки правъ на будущее наслѣдство, а только то, что русское право еще не выработало такой правовой нормы, а статутъ предусмотрѣлъ это *). Другой примѣръ: изъ буквальнаго смысла ст. 430 т. X. ч. I. можно заключить, что общіе законы не признаютъ права на вознагражденіе за лицомъ нашедшимъ кладъ. Между тѣмъ изъ соображенія этой статьи съ ст. 536 и приложеніемъ къ ст. 539 г. Мулловъ справедливо выводитъ заключеніе, что законъ нашъ допускаетъ требованіе вознагражденія за находку клада, но прямо этого не высказываетъ, а въ статутѣ случай этотъ предусмотрѣнъ, и потому статья статута внесена въ сводъ въ видѣ мѣстнаго закона, хотя она и не составляетъ изъятія изъ общаго права **).

---

*) Журн. Мин. Юст. 1861, кн. 4, стр. 170.

**) Журн. Мин. Юст. 1863, т. 1, стр. 22.

Еще очевиднѣе вѣрность этого взгляда въ отношеніи статьи 2327 т. X ч. I, гдѣ читаемъ слѣдующее: „Въ губерніяхъ Черниговской и Полтавской повѣренный обязанъ вознаградить убытки происшедшіе отъ его нерадѣнія въ исполненіи данныхъ ему порученій, а въ случаѣ злаго при томъ умысла подвергается суду по законамъ." Подобнаго правила нѣтъ въ общихъ гражданскихъ законахъ, но тѣмъ не менѣе нелѣпо было бы утверждать, что опредѣленія этой статьи объ отвѣтственности повѣренныхъ предъ довѣрителями не имѣютъ мѣста во всей Россіи кромѣ Малороссіи. Такой выводъ, самъ по себѣ невыдерживающій ни какой критики, опровергается еще содержаніемъ ст. 684 т. X. ч. I, и ст. 1709—1711 Улож. о Нак. изд. 1866 г. (о преступленіяхъ по довѣренностямъ).

Поэтому ст. 999 т. X ч. I не можетъ служить прямымъ подтвержденіемъ нашего мнѣнія. Но и она вполнѣ подтверждаетъ сказанное нами относительно связи между правомъ требовать дополненія выдѣленной доли и обязанностью колляціи, такъ какъ и въ ней, какъ въ ст. 1004, первое поставлено въ необходимую зависимость отъ втораго

Сказаннаго, я думаю, достаточно, чтобъ вывести слѣдующее положеніе. Судъ, организованный по началамъ новыхъ судебныхъ уставовъ, обязанный рѣшать всякое дѣло, не отговариваясь недостаткомъ законовъ, и для этого уполномоченный руководиться общимъ смысломъ законовъ (ст. 9 и 10 Уст. Граж. Суд.), такой судъ не можетъ отказать неотдѣленнымъ наслѣдникамъ въ ходатайствѣ о возвращеніи изъ владѣнія отдѣленныхъ сонаслѣдниковъ въ массу наслѣдства излишка противъ слѣдуемой имъ доли родоваго имущества.

Съ этимъ выводомъ согласенъ, повидимому, и К. П. Побѣдоносцевъ *); но онъ только намекаетъ на возможность колляціи въ родовыхъ имуществахъ, не останавливаясь вовсе на этомъ вопросѣ.

Ил. Оршанскій.

---

*) Курсъ гражданскаго права, ч. 2 стр. 350.

II.

ОПРАВДАТЕЛЬНЫЕ ПРИГОВОРЫ МИРОВЫХЪ СУДЕЙ.

I.

При возбужденіи уголовнаго преслѣдованія противу какого-нибудь лица въ такомъ преступленіи, которое по закону должно разсматриваться въ общихъ судебныхъ мѣстахъ, судебный слѣдователь, если не найдетъ достаточныхъ данныхъ для продолженія производства слѣдствія, ходатайствуетъ о прекращеніи, и окружный судъ или судебная палата, смотря по важности преступленія, прекращаютъ начатое производство; но если впослѣдствіи откроются новыя изобличающія обстоятельства, обвиняемый можетъ быть вновь привлеченъ къ слѣдствію и суду (24, 277 и 534 ст. уст. уг. суд.). Совершенно инымъ характеромъ отличается порядокъ преслѣдованія проступковъ и преступленій, подсудныхъ мировымъ учрежденіямъ. Здѣсь при отсутствіи достаточныхъ уликъ и доказательствъ, мировой судья правда хотя и можетъ поручить полиціи собрать необходимыя свѣдѣнія, но если и затѣмъ ничего не откроется, онъ обязанъ по точной силѣ 119 и 121 ст. уст. уг. суд. признать подсудимаго невиновнымъ, и разъ уже оправданный вошедшимъ въ законную силу приговоромъ—не можетъ быть вторично подвергнутъ слѣдствію и суду по тому же самому преступленію, хотя бы впослѣдствіи и открылись къ изобличенію его новыя обстоятельства (21 ст. уст. уг. суд.). Этими двумя, такъ сказать, основными положеніями проводится рѣзкая грань въ порядкѣ преслѣдованія преступленій въ тѣхъ и другихъ судебныхъ мѣстахъ. Прежнія наши судебныя учрежденія при слѣдственномъ порядкѣ судопроизводства, смѣшивая и соединяя вмѣстѣ обвинительную власть съ судебной, естественно не могли и выработать тѣхъ правилъ, на которыя мы только что указали; и какъ результатъ такого смѣшенія являются въ нашихъ старыхъ судахъ аномальныя явленія—оставленіе человѣка въ болѣе или менѣе сильномъ подо-

зрѣніи. Иначе и быть не могло. Обвинительнаго начала, какъ отдѣльной отъ судебной власти функціи, не существовало, самъ судъ долженъ былъ и обвинять и рѣшать всякое дѣло по существу, каковы бы ни были собранныя улики. Что же оставалось ему дѣлать. Взять назадъ обвиненіе, отказаться отъ него это значило бы отречься отъ самого себя,—и вотъ судъ съ одной стороны въ виду недостаточности уликъ и доказательствъ, съ другой стѣсненный цѣлой теоріей легальныхъ доказательствъ, въ оставленіи человѣка въ подозрѣніи находилъ для себя исходъ изъ безвыходнаго положенія. Со введеніемъ въ дѣйствіе уставовъ 20 ноября порядокъ вещей измѣнился. Судебная власть строго отдѣлена отъ обвинительной. Дѣятельность ихъ совершенно независима и самобытна. Суду нѣтъ дѣла до того — достаточно ли собрано уликъ и доказательствъ противу подсудимаго для признанія его виновнымъ: пусть заботится объ этомъ обвиненіе, онъ же безстрастно произноситъ свой приговоръ, и если оправдаютъ человѣка виновнаго—судъ тутъ не причемъ, онъ умываетъ себѣ руки,—пусть вся вина падетъ на обвинительную власть, которая не должна была давать хода дѣлу, если видѣла недостаточность уликъ для признанія вины. Но разъ допустила она дѣло до суда и судъ оправдалъ человѣка, это значитъ, что судъ не можетъ признать его виновнымъ въ взводимомъ на него подозрѣніи, не потому что недостаточно уликъ и доказательствъ, а потому что по убѣжденію суда человѣкъ не виновенъ въ такомъ то дѣяніи и таковымъ онъ долженъ остаться навсегда, несмотря на то что въ послѣдствіи и открылись бы новыя обстоятельства къ его изобличенію. Разумѣется здѣсь не говорится о томъ случаѣ, когда рѣшеніе суда было дѣломъ подлога, подкупа и тому подобное (23 ст. уст. уг. суд.).

Каковъ же порядокъ преслѣдованія проступковъ и преступленій въ мировыхъ учрежденіяхъ? Здѣсь уже мы видимъ, что обличеніе обвиняемыхъ предъ судомъ возлагается по закону (3 ст. уст. уг. суд.) на частныя лица, полицію и разныя административныя власти. Особаго органа обвинительной власти, какъ въ общихъ судебныхъ мѣстахъ, здѣсь не существуетъ, даже присутствующее въ съѣздѣ лицо прокурорскаго надзора не есть обвинитель, а только блюститель правильнаго и единообразнаго примѣненія законовъ имперіи. Отсутствіе публичнаго обвинителя и особаго слѣдователя при производствѣ дѣлъ въ мировыхъ учрежденіяхъ конечно объясняется тою маловажностью преступныхъ дѣяній, кои подсудны этимъ мѣстамъ. Оно и понятно: чѣмъ важнѣе преступленіе, чѣмъ болѣе въ немъ умысла, болѣе квалификаціонныхъ признаковъ, тѣмъ труднѣе разслѣдованіе и обсужденіе его, тѣмъ большей сложности формъ судо-

производства вызываетъ оно, и наоборотъ—чѣмъ незначительнѣе преступленіе, чѣмъ менѣе обнаруживаетъ оно злаго умысла, тѣмъ легче раскрытіе и обсужденіе его, тѣмъ менѣе вызываетъ оно необходимости въ сложной процедурѣ суда. Такъ бы оно должно быть, но на дѣлѣ выходитъ иначе. Не говоря уже о томъ, что, во имя принципа справедливости, мы должны одинаково разслѣдовать злое дѣяніе, совершено ли оно со взломомъ или безъ взлома, на большую или меньшую сумму, не говоря уже объ этомъ, мы замѣтимъ, что иногда самая маловажная кража, совершенная безъ всякаго взлома, обнаруживаетъ въ преступникѣ такое искусство, такое умѣнье прятать, какъ говорится, всѣ концы въ воду, что всѣ усилія частныхъ лицъ и дополнительныя свѣдѣнія, собираемыя полиціею, остаются тщетными и преступленіе остается ненаказуемымъ; мало того оно становится подъ защиту законовъ. А если мы представимъ себѣ насколько опытны и искусны частныя лица въ дѣлѣ преслѣдованія преступленій, насколько они въ силахъ располагать тѣми средствами, какими располагаютъ судебные слѣдователи, насколько наконецъ приносятъ пользы эти дополнительныя свѣдѣнія, собираемыя полиціей, то въ концѣ концовъ мы придемъ къ очень грустному результату. Съ одной стороны потерпѣвшее лицо, неопытное въ дѣлѣ представленія надлежащихъ доказательствъ, тѣмъ болѣе что и самъ законъ не обязываетъ его къ тому (308 ст. уст. уг. суд.), съ другой стороны—мировой судья, совмѣщающій въ себѣ обѣ функціи и судьи и слѣдователя, съ дополнительными свѣдѣніями полиціи въ рукахъ и кучей свидѣтелей передъ собою, которыхъ ему еще нужно допрашивать, балансируя между двумя противоположными ролями. Но вотъ свидѣтели допрошены, показанія ихъ таковы, что изъ нихъ нельзя вынести никакого убѣжденія. Самъ судья—ни обвинитель, ни защитникъ; онъ предлагаетъ свидѣтелю разсказать по совѣсти все, что ему извѣстно объ обстоятельствахъ дѣла (718 ст. уст. уг. суд.), но руководить показаніемъ свидѣтеля, направлять его разсказъ на обстоятельства, клонящіяся въ пользу обвиненія—не есть дѣло судьи, а частнаго обвинителя, а этотъ послѣдній въ этомъ дѣлѣ не навыченъ: дополнительныя свѣдѣнія полиціи дѣла не разъяснили, само потерпѣвшее лицо не съумѣло достать надлежащихъ доказательствъ. Суду остается въ этомъ случаѣ постановить оправдательный приговоръ, такъ какъ нельзя же откладывать рѣшеніе дѣла на неопредѣленное время отсылкою дѣла вновь въ полицію для открытія новыхъ обстоятельствъ и понапрасну томить можетъ быть совершенно невиннаго человѣка. Мы не хотимъ сказать, чтобы такіе случаи имѣли постоянное мѣсто въ судебной практикѣ нашихъ мировыхъ судей—они могутъ быть

и весьма рѣдкими, но если они могутъ быть, этого уже довольно для того, чтобы призадуматься надъ такимъ явленіемъ и постараться найти какой нибудь исходъ. Такимъ исходомъ намъ казалось бы предоставленіе мировымъ судьямъ права по такимъ сообщеніямъ полиціи или жалобамъ частныхъ лицъ, кои, уже, будучи отсылаемы въ полицію для дополнительныхъ свѣдѣній, не представляютъ надлежащихъ данныхъ для обвиненія,—постановлять частныя опредѣленія о прекращеніи такихъ дѣлъ, предоставляя разумѣется право обжалованія такихъ опредѣленій въ частномъ порядкѣ. Если въ силу 50 ст. уст. уг. суд. мировые судьи могутъ, не приступая къ разбирательству, возвращать обратно такія сообщенія полицейскихъ и другихъ административныхъ мѣстъ, въ которыхъ не соблюдены всѣ условія, предписываемыя этою властью,—то тѣмъ болѣе намъ казалось бы, что предоставленіе мировымъ судьямъ права прекращенія дѣлъ въ вышеуказанномъ случаѣ нисколько не исказило бы характера мировыхъ учрежденій, а напротивъ упростило бы задачу суда и было бы несравненно цѣлесообразнѣе и съ общимъ духомъ новыхъ уставовъ и съ законами справедливости.

II.

Съ отмѣною прежней теоріи такъ называемыхъ законныхъ доказательствъ для признанія виновности и со введеніемъ суда совѣсти—достиженіе справедливаго приговора стало несравненно вѣрнѣе и надежнѣе. Уголовный, какъ и всякій другой законъ, не есть нѣчто незыблемое, постоянное и неизмѣнное, онъ вырабатывается въ жизни и сознаніи народа и идетъ рука объ руку съ ними. Чѣмъ прогрессивнѣе становится общество, тѣмъ болѣе чувствуется потребность въ измѣненіи и дополненіи закона, который можетъ оказаться отставшимъ отъ уровня нравственнаго и интеллектуальнаго развитія общества, устарѣлымъ. И вотъ привлеченіе въ сферу судебной власти самого общества, въ лицѣ его выборныхъ, вноситъ съ собою освѣжающій элементъ, съ постоянно обновляющимися взглядами народа на самую жизнь и ея потребности. Безспорно, что при такомъ порядкѣ достиженіе правды на судѣ вѣрнѣе и безопаснѣе: присяжные засѣдатели, не стѣсняемые никакими юридическими тонкостями и руководимые единственно только народнымъ сознаніемъ, безошибочнѣе опредѣлятъ виновность тамъ, гдѣ судьи-юристы должны бы были постановить оправдательный приговоръ, и наоборотъ—они могутъ вынести оправдательный вердиктъ и при наличности вины подсудимаго. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ еще не значитъ, чтобы присяжные *прощали* человѣка, нѣтъ—они просто не

считали его преступникомъ: такъ человѣкъ можетъ быть виновнымъ передъ закономъ и правымъ въ глазахъ общества. Это благодѣтельное начало суда совѣсти положено въ основу новыхъ судовъ, но во всей своей силѣ проявляется лишь въ судѣ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей. Въ мировыхъ учрежденіяхъ уже мы видимъ извѣстныя ограниченія, такъ напр. при наличности вины подсудимаго и при отсутствіи законныхъ причинъ невмѣняемости—судья не вправѣ освободить его отъ наказанія. Намъ довелось слышать курьёзное разбирательство, производившееся у мироваго судьи М . . . . . участка. Нѣмецъ обвинялъ русскаго купца въ нанесеніи ему обиды дѣйствіемъ. Обида заключалась въ томъ, что купецъ ударилъ нѣмца собакою по лицу. Обвиняемый сознался и при этомъ объяснилъ, что придя въ трактирное заведеніе напиться чайку, онъ прежде всего по обычаю хотѣлъ сотворить крестное знаменіе, обратился ко святымъ иконамъ и видитъ, что въ переднемъ углу передъ образами „песъ поганый на столѣ,“ а кругомъ все нѣмцы. Возмущенный такимъ обстоятельствомъ онъ обратился къ знакомому ему буфетчику съ просьбою унять нѣмцевъ, чтобы они не творили такого безобразія; тотъ отвѣчалъ ему, что молъ это хорошіе, завсегдашніе посѣтители его и что онъ тутъ ничего не можетъ. Далѣе купецъ продолжалъ такъ: „тогда я, ваше благородіе, обратился къ нѣмцамъ и *вѣжливо* попросилъ ихъ принять пса со стола. Тогда одинъ нѣмецъ мнѣ сказалъ, чтобы я не совался не въ свое дѣло и что я, русскій —свинья.—Конечно, отвѣчалъ я: тебѣ, колбаса, это все равно, а по нашему это не ладно: у насъ что столъ, то и престолъ, мы на немъ трапезу совершаемъ. Взгляни, молъ, тутъ святыя иконы....—Убирайся ты въ . . . . . и со святыми иконами!.... Какъ онъ, ваше благородіе, выговорилъ это слово, я схватилъ собаку за шиворотъ да со всего розмаху и хватилъ ею въ богохульца.... Только, должно, не попалъ, потому такъ говорю, что если бы я попалъ, кажется убилъ бы его на мѣстѣ.... и жалѣю, что не убилъ.“ Спрошенный буфетчикъ показалъ, что обвиняемый точно сначала обратился къ нему съ просьбою унять нѣмцевъ и когда онъ ему въ этомъ отказалъ, купецъ подошелъ къ нѣмцамъ и тотчасъ у нихъ началась ссора, ругались съ обѣихъ сторонъ, но бранныхъ словъ на святыя иконы онъ не слыхалъ и затѣмъ онъ видѣлъ, какъ купецъ схватилъ собаку за шиворотъ и швырнулъ въ нѣмца, но попалъ ли—сказать не можетъ. Причемъ дополнилъ, что собака сидѣла не на столѣ, а рядомъ на стулѣ и положила одну лапу на столъ. Остальные свидѣтели русскіе, бывшіе въ этотъ разъ въ трактирномъ заведеніи, показали во всемъ согласно съ буфетчикомъ, съ тѣмъ разъясненіемъ, что съ того

мѣста, откуда купецъ хотѣлъ помолиться, дѣйствительно виднѣлась голова собаки какъ разъ подъ иконами, которыя висѣли очень низко, а комната не высокая. Свидѣтели нѣмцы объяснили, что собака не на столѣ была, а сидѣла на стулѣ и случайно положила лапу на столъ, что обвиняемый подошелъ къ нимъ, началъ ихъ ругать колбасниками и дерзко требовать выгнать собаку и когда одинъ изъ ихъ товарищей замѣтилъ ему, что его собака никому не мѣшаетъ и чтобы онъ отошелъ прочь, тогда купецъ схватилъ собаку и бросилъ ею въ голову ихъ товарища. Къ счастію ударъ былъ не силенъ и знаковъ побой не осталось. Бранныхъ словъ на святыя иконы никто изъ нихъ не произносилъ." Вотъ въ чемъ заключались всѣ обстоятельства настоящаго дѣла. Судья вышелъ въ другую комнату для постановленія приговора и чрезвычайно долго не выходилъ: очевидно, что какъ самъ судья, такъ и вся публика, большею частью русская, находились подъ сильнымъ обаяніемъ разсказа обвиняемаго. Да и нельзя было не увлечься: разсказъ его дышалъ такою искренностью и въ то же время въ немъ было столько страсти, что каждый невольно увлекался, слушая его. Мировой судья вынесъ оправдательный приговоръ и разумѣется произвелъ фуроръ въ русской части публики. Мы сами сочувствовали этому, но въ тоже время не можемъ не сознаться, что приговоръ все таки неправиленъ и долженъ подлежать отмѣнѣ. 138 ст. Уст. о нак. нал. мир. суд., единственно относящаяся къ настоящему случаю требуетъ, чтобы обиженный самъ нанесъ обидчику *равную* или *болѣе тяжкую* обиду. Развѣ можно считать бранныя слова: русскій — свинья и т. п. равною обидою или еще болѣе тяжкою? Что же касается до оскорбленія купца въ его религіозныхъ вѣрованіяхъ поруганіемъ святыхъ иконъ, то фактъ этотъ ничѣмъ не доказанъ: всѣ свидѣтели положительно показали, что бранныхъ словъ на святыя иконы они не слыхали. Остается одно только показаніе обвиняемаго, но ему въ данномъ случаѣ нельзя безусловно вѣрить: онъ былъ въ взволнованномъ состояніи, могъ наконецъ ослышаться и мировой судъ, опредѣляющій вину или невиновность подсудимаго по своему внутреннему убѣжденію, обязанъ все таки руководиться совокупностью всѣхъ обстоятельствъ дѣла. Все что могъ сдѣлать судья, это значительно смягчить наказаніе, но вовсе же освобождать отъ него онъ не имѣлъ права: на это пока еще наши уставы не даютъ права мировымъ судьямъ. *)

И. И. Тоблеръ.

---

*) Судья, по нашему мнѣнію, имѣлъ полное право дать вѣру обвиняемому— оправдать его на томъ основаніи, что дѣяніе, при наличности данныхъ, подлежавшихъ его разсмотрѣнію, не должно быть вмѣнено въ вину (ст. 119 уст. угол. суд). Ред.

III.

ТАКЪ ЛИ ЭТО?

Унтеръ-офицеръ, состоящій по вѣдомству государственнаго коннозаводства, совершилъ кражу со взломомъ. Есть мнѣніе что такіе виновные за всѣ преступленія, хотя бы не относящіяся до военной службы, должны подлежать военному суду, потому что по 224 ст. уст. угол. суд. уголовнымъ судомъ гражданскаго вѣдомства за общія преступленія судятся только воинскіе чины, состоящіе по вѣдомствамъ межевому, лѣсному, горному, путей сообщенія, телеграфному и карантинному. При такомъ опредѣленномъ значеніи закона казалось бы нѣтъ мѣста никакому сомнѣнію. Мотивомъ къ приведенной статьѣ послужило то обстоятельство, что названныя вѣдомства и принадлежащіе къ составу ихъ чины исполняютъ или обязанности гражданской службы вообще, или обязанности полицейскія въ особенности, а обязанностей исключительно воинскихъ на нихъ не возлагается. Только особыя соображенія законодателя убѣдили въ невозможности распространить изображенное въ 224 статьѣ правило лишь къ одному вѣдомству, которое поэтому въ ней и не упоминается, а именно къ вѣдомству пограничной стражи, подсудной за всѣ преступленія суду военному (жур. 1864 года № 47 стр. 23). За симъ не сдѣлано уже никакого исключенія относительно вѣдомства государственнаго коннозаводства, которое, судя по изложеннымъ мотивамъ, въ сущности ничѣмъ не отличается отъ другихъ исчисленныхъ въ 224 ст. вѣдомствъ Поэтому нельзя не признать, что лица, входящія въ составъ этого вѣдомства за преступленія, не касающіяся нарушенія воинской дисциплины, должны судиться гражданскимъ, а не военнымъ судомъ, въ чемъ убѣждаетъ и 244 ст. военно-судебнаго устава 15 мая 1867 года, въ которой прямо узаконено, что воинскіе чины названнаго вѣдомства, въ случаяхъ подобныхъ приведенному, подлежатъ суду гражданскому. Итакъ изъ сопоставленія всего сказаннаго приходится сдѣлать тотъ выводъ, что въ 224 ст. уст. уг. суд. сдѣланъ пропускъ.

Д. П. Тихомировъ.

IV.

КЪ ВОПРОСУ ОБЪ УГОЛОВНОМЪ ПРЕСЛѢДОВАНІИ ПОКУСИВШИХСЯ НА САМОУБІЙСТВО.

Изложивъ въ сентябрьской книжкѣ „Юридическаго Вѣстника“ всѣ тѣ основанія, по которымъ дѣла о покусившихся на самоубійство (1473 ст. Улож. о Наказ.) подлежатъ, по нашему мнѣнію, исключительно суду духовному (1002 ст. Уст. Угол. Суд.), мы имѣли затѣмъ случай встрѣтить слѣдующее возраженіе, разбивающее будто бы всѣ эти основанія:

Въ комментаріи къ 1002 ст. Уст. Угол. Суд. между прочимъ значится: „это постановленіе основано на ст. 671 тома XV книги 2-й, которую, согласно съ заключеніемъ святѣйшаго синода, признано возможнымъ оставить безъ измѣненія“; 671 ст., говорятъ, упомянута здѣсь по очевидной ошибкѣ; слѣдуетъ же разумѣть здѣсь 791 ст., гласящую такъ: „лица гражданскаго вѣдомства подлежатъ исключительно суду духовному по дѣламъ о преступленіяхъ, за которыя въ законахъ полагается лишь церковное покаяніе, или отсылка виновныхъ къ духовному начальству“, а именно по дѣламъ, означеннымъ въ 201, 206, 216 п. 4, 230, 231, 1344, 1979, 2156, 2157 и 2169 ст. Улож. 1857 года; преступленія, предусмотрѣнныя въ этихъ статьяхъ, подробно перечислены въ 791 ст., но между ними не упомянуто о покушеніи на самоубійство (2022 ст. Улож. по изд. 1857 г.), а слѣдовательно и обвиняемые въ этомъ преступленіи „лица гражданскаго вѣдомства“ не „подлежатъ исключительно суду духовному“.

Возраженіе это не разбиваетъ высказанныхъ нами основаній, даже не колеблетъ ихъ, но все таки мы благодарны случаю, представляющему возможность разсмотрѣть вопросъ и съ этой, опущенной нами, стороны и такимъ образомъ способствовать къ установленію путемъ спора однообразнаго взгляда на порядокъ производства этого рода дѣлъ.

Мы остаемся при своемъ прежнемъ мнѣніи, руководствуясь слѣдующими соображеніями:

Историческое толкованіе Уставовъ 20 ноября 1864 года для насъ кажется немыслимымъ: наша судебная *„реформа“* не вытекла органически изъ прежде существовавшихъ у насъ законовъ о судопроизводствѣ, а напротивъ того вызвана совершенно новыми, чуждыми и даже противуположными имъ въ своихъ существеннѣйшихъ основаніяхъ требованіями правосудія; всего же менѣе возможно толкованіе Уставовъ 20 ноября при помощи второй книги XV тома свода законовъ 1857 г. Вотъ что между прочимъ сказано объ этой книгѣ въ “Общихъ Положеніяхъ“ по изданію Госуд. Канцеляріи. “Наше уголовное судопроизводство никогда не подвергалось общему полному пересмотру и не было предметомъ особой систематической законодательной работы. Между тѣмъ, при первоначальныхъ же попыткахъ къ его улучшенію признано, что *всякое частное измѣненіе законовъ уголовнаго судопроизводства не только неудобно, но и невозможно.* Вторая книга XV тома св. зак. 57 г. есть ни что иное, какъ собраніе разнородныхъ постановленій, вообще неполныхъ, *неимѣющихъ необходимой между собою связи и надлежащаго единства,* а иногда *и противорѣчащихъ одно другому.* Недостатки содержащагося въ сводѣ 1857 года уголовнаго судопроизводства не могутъ быть устранены *безъ измѣненія основаній* судоустройства и судопроизводства“ (стр. 19—21). При такомъ взглядѣ составителей Уставовъ 20 ноября на 2-ю книгу XV т. св. зак. очевидно, что между этими двумя законодательствами никакой органической связи не существуетъ, и что первые навсегда и во всѣхъ отношеніяхъ отмѣняютъ вторую.

Такъ смотритъ на это и Правительствующій Сенатъ, признавая въ кассаціонномъ рѣшеніи по дѣлу Максимова (1869 г. № 466), что *„съ изданіемъ уставовъ 20 ноября 1864 года потеряли свою силу и значеніе всѣ постановленія 2-й книги XV т. св. зак.“*. Слѣдовательно руководствоваться 791 статьей этой книги при разрѣшеніи дѣлъ о покусившихся на самоубійство судъ *не имѣетъ даже права,* и всякая попытка толковать уставы 20 ноября, сопоставляя ихъ съ XV томомъ, будетъ дѣломъ не только празднымъ и ошибочнымъ, но нерѣдко и опаснымъ для правильнаго примѣненія къ дѣлу тѣхъ новыхъ началъ уголовнаго судопроизводства, которыя даны намъ реформою 20 ноября.

Въ комментаріи къ 1002 ст. Уст. Угол. Суд. дѣйствительно *„признано возможнымъ“* оставить 791 ст. безъ измѣненія; но комментаріи вообще и „признаніе возможнымъ“ въ особенности не имѣютъ обязательнаго значенія; а выраженіе „оставить безъ измѣненія“ не можетъ быть толкуемо безусловно относительно всего содержанія 791 ст., говорящей, между прочимъ, и „о при-

нужденіи ко вступленію въ бракъ, или къ постриженію въ монашество *крѣпостныхъ людей по злоупотребленію помѣщичьей власти*", слѣдовательно и о дѣлахъ, невозможныхъ съ 19 февраля 1861 года. Такимъ образомъ, очевидно, что безъ измѣненія признано возможнымъ оставить лишь общую часть этой статьи, которая и повторена въ *замѣнившей ее* 1002 ст. Уст. Угол. Суд. Итакъ, еслибы и мыслимо было теперь руководствоваться этою „потерявшею свою силу и значеніе" 791 статьей, то все таки такое руководство имѣло бы лишь ограничительное примѣненіе.

Изъ всего сказаннаго выше очевидно: а) что если въ 791 ст., перечисляющей всѣ преступленія, наказуемыя только церковнымъ покаяніемъ, не упомянуто о дѣлахъ по обвиненіямъ въ покушеніи на самоубійство, тогда какъ по 2022 ст. т. XV 1 книги такія преступленія караются только церковнымъ покаяніемъ, то это произошло вслѣдствіе той „неполноты", того отсутствія „единства" и тѣхъ „противорѣчій", которыя офиціально признаны за этимъ кодексомъ составителями Уставовъ 20 ноября; б) что 1002 ст. Уст. Угол. Суд., замѣнивъ собою эту 791 ст. и опустивъ ея вторую часть, гдѣ перечислены предусматривавшіеся ею случаи, тѣмъ самымъ лишила эту часть всякаго значенія какъ для руководства, такъ и для толкованія; в) что еслибы перечисленіе этихъ случаевъ (гдѣ хотя и опущена 2022 ст., но за то упомянута 1979 о крѣпостныхъ и помѣщикахъ), признано было бы при составленіи Уставовъ необходимымъ, то эти случаи съ соотвѣтствующими измѣненіями непремѣнно вошли бы и въ редакцію 1002 ст. Уст. Угол. Суд. и г) что восполнять эту послѣднюю статью содержаніемъ 791 ст. XV т. 2 кн. будетъ дѣломъ въ настоящее время не только немыслимымъ, но и положительно воспрещеннымъ вышеприведеннымъ нами кассаціоннымъ рѣшеніемъ Прав. Сената, рѣшеніемъ вѣрнымъ духу и разуму основныхъ началъ новаго судопроизводства, выразившихся относительно разсматриваемаго вопроса въ слѣдующихъ, выбранныхъ нами эпиграфомъ, словахъ: „предавать же суду тѣхъ, кому не угрожаетъ ни уголовное, ни исправительное наказаніе, было бы *вовсе не согласно* съ цѣлью уголовнаго правосудія. (Комментарій *къ 1004 ст.* Уст. Угол. Суд. по изд. Гос. Канц.).

Слова эти мы и теперь повторяемъ съ прежнимъ же убѣжденіемъ.

П. Н. Обнинскій.

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ЮРИДИЧЕСКАГО ВѢСТНИКА

Ст. 1692 и 1706 Т. X. Зак. Гражд. ч. I.

Вслѣдствіе невозвращенія купцомъ З. взятыхъ имъ у разныхъ лицъ залоговыхъ свидѣтельствъ, которыя были представлены имъ въ залогъ по подряднымъ дѣламъ, наложено было на него, З., въ 1860 году, по распоряженію мѣстной полиціи, нѣсколько повсемѣстныхъ запрещеній. Но въ слѣдующемъ 1861 г. купецъ З., удовлетворивъ окончательно казенное вѣдомство принявшее упомянутыя свидѣтельства, возвратилъ ихъ залогодателямъ и вполнѣ расчитался съ ними, тѣмъ не менѣе наложенныя запрещенія остались неснятыми. Въ 1862 г. купецъ З. заключилъ съ сыномъ своимъ нотаріальный договоръ, по которому предоставилъ ему въ пользованіе участокъ своей городской земли, съ правомъ возвести разныя постройки, срокомъ на 48 лѣтъ, съ обязательствомъ за себя и своихъ наслѣдниковъ возобновлять этотъ договоръ каждыя 12 лѣтъ опредѣливъ арендную плату извѣстною суммою, которая должна уплачиваться ежегодно впередъ. На основаніи этого контракта арендаторъ построилъ на этой землѣ каменный домъ значительной цѣнности. Въ 1868 г. по разнымъ мелкимъ взысканіямъ разыскивалось имущество З. и по указанію одного кредитора описана полиціею выше прописанная законтрактованная земля, на которой построенъ каменный домъ арендаторомъ, и таковая пріобрѣтена съ публичныхъ торговъ, въ 1869 г., купеческимъ сыномъ П. Во время торговъ, происходившихъ въ полицейскомъ управленіи, объявлено было торговавшимся, что на продаваемой землѣ существуетъ каменный домъ, построенный арендаторомъ на основаніи выше прописаннаго контракта. Еще до полученія данной покупщикъ П. просилъ Уѣздный Судъ объ уничтоженіи

этого арендиаго договора на томъ основаніи, что онъ заключенъ при существованіи на прежнемъ собственникѣ З. запрещеній (какъ выше приведено оплаченныхъ). Уѣздный Судъ, по односторонней просьбѣ покупщика, основываясь на 2033 ст. т. X ч. II, въ частномъ порядкѣ, призналъ договоръ ничтожнымъ. Но Гражданская Палата отмѣнила постановленіе Уѣзднаго Суда, признавъ, что въ частномъ порядкѣ, безъ выслушанія объясненій отвѣтчика, Уѣздный Судъ неимѣлъ права рѣшить это дѣло. Это заключеніе Палаты утверждено Сенатомъ и о томъ помѣщено въ данной.

Получивши данную, покупщикъ П. предъявилъ искъ въ Смоленскомъ окружномъ судѣ, ходатайствуя 1) объ уничтоженіи аренднаго контракта и 2) о поступленіи съ домомъ по 611 ст. т. X ч. I. Основаніемъ своего ходатайства истецъ привелъ два обстоятельства: 1) что контрактъ заключенъ, при существованіи запрещеній, посему, согласно 2033 ст. т. X. ч. II, онъ имѣетъ силу только до публичной продажи; и 2) что по ст. 1692 т. X. ч. I запрещается отдавать въ наемъ частныя недвижимыя имущества на срокъ свыше 12 лѣтъ. На судебномъ разбирательствѣ повѣренный истца выяснилъ суду, что исковое требованіе о поступленіи съ домомъ по ст. 611 т. X. ч. I, заключаетъ въ себѣ ходатайство о сносѣ каменнаго дома, построеннаго на законтрактованной землѣ, впослѣдствіи истцомъ пріобрѣтенной. Отвѣтчикъ, представляя удостовѣреніе полиціи, что всѣ претензіи, по которымъ наложено запрещеніе удовлетворены и очищены, указалъ на непримѣнимость къ этому дѣлу ст. 2033 законовъ о судопроизводствѣ гражданскомъ; что же касается 1692 ст. законовъ гражд. то какъ дозволенный закономъ 12-лѣтній арендный срокъ истекаетъ 18 октября 1874 г. и въ контрактѣ сказано, что по истеченіи этого періода договоръ долженъ быть возобновляемъ, то онъ находитъ искъ преждевременнымъ и неосновательнымъ. Просьба же о сносѣ дома не оправдывается 611 ст. и противорѣчитъ 1706 ст. законовъ гражданскихъ. Истецъ отъ просьбы о сносѣ дома отказался. Окружный Судъ, не касаясь дома, призналъ договоръ ничтожнымъ. Вотъ извлеченіе изъ рѣшенія окружнаго суда, заключающее въ себѣ мотивы его:

„Изъ соображеній обстоятельствъ настоящаго дѣла оказывается, что въ предѣлахъ объясненій сторонъ и согласно 332 и 334 Уст. Гр. Суд., обсужденію суда подлежитъ исковое требованіе купеческаго сына П. объ уничтоженіи договора, заключеннаго 18 октября 1862 года между купцомъ И. З. и сыномъ его Ш. З., на отдачу послѣднему первымъ подъ возведеніе разныхъ построекъ на 48 лѣтъ принадлежавшей ему въ г. Смоленскѣ, на Малоодегитріевской улицѣ, землѣ, впослѣдствіи, а именно, въ ав-

густѣ 1869 года, купленной имъ П. съ публичнаго торга. Входя въ обсужденіе этого требованія П. и принимая во вниманіе съ одной стороны, что по 1 пункту означеннаго договора купецъ И. З. отдалъ въ наймы принадлежащую ему землю въ г. Смоленскѣ, на Малоодегитріевской улицѣ, въ количествѣ 279 квадр. сажень, сыну своему Ш. З., отъ 18 октября 1862 года, впредъ на 48 лѣтъ, т. е., по 18 октября 1910 г., для возведенія на той землѣ разнаго рода построекъ, а съ другой, что по силѣ 1692 ст. I ч. X т. недвижимыя частныя имущества запрещается отдавать въ наемъ или содержаніе срокомъ свыше 12 лѣтъ и что въ случаѣ отдачи таковыхъ въ наймы изъ выстройки на большее число лѣтъ, нежели какое закономъ допускается, договоръ такого рода, по силѣ 1706 ст. той же части и тома, можетъ быть уничтоженъ,—Окружный Судъ, признавая съ своей стороны заключенный И. З., 18 октября 1862 г., съ сыномъ его Ш. З., договоръ, на отдачу въ 48 лѣтнее арендное содержаніе подъ разнаго рода постройки земли, въ послѣдствіи купленной съ публичныхъ торговъ П., составленнымъ въ нарушеніе установленныхъ 1692 ст. I ч. X т., правилъ, не можетъ счесть таковаго обязательнымъ для новаго собственника той земли, купеческаго сына П., и объ уничтоженіи того договора вполнѣ заслуживающимъ уваженія и согласнымъ съ 1706 ст. I ч. X т. Хотя же повѣренный З. возражаетъ, что требованіе П. не можетъ подлежать удовлетворенію за неистеченіемъ еще первыхъ 12 лѣтъ аренды послѣ которыхъ, по силѣ 5 пунк. контракта, таковой долженъ быть возобновленъ, но принимая во вниманіе, что означеннымъ пунктомъ неизмѣненъ 1 п. того контракта, по которому срокъ аренды опредѣленъ 48 лѣтній, а напротивъ контрагенты принимаютъ на себя лишь новое обязательство возобновленія контракта чрезъ каждыя 12 лѣтъ въ теченіи 48 лѣтъ, каковое обязательство противорѣчитъ духу вышеприведенныхъ узаконеній, Окружный Судъ находитъ, что изложенное возраженіе З. не уничтожая противозаконности совершеннаго довѣрителемъ его договора, не можетъ быть признано имѣющимъ какое либо значеніе. Переходя засимъ къ обсужденію остальныхъ доводовъ, приводимыхъ истцомъ въ основаніе своего ходатайства, объ уничтоженіи договора, заключеннаго З., т. е., того, что договоръ подписанъ лишь одною изъ договаривающихся сторонъ и совершенъ въ 1862 г. при существованіи запрещенія, припечатаннаго И. З. еще въ 1860 году, Окружный Судъ не можетъ признать таковыхъ имѣющими силу: перваго, потому, что означенный договоръ, хотя подписанный лишь однимъ И. З., былъ принятъ къ исполненію Ш. З., основавшимъ на немъ свои дѣйствія по постройкѣ (рѣшеніе Сената Жур. Мин. Юстиціи 1862 г. № 6); а втораго

въ виду представленныхъ повѣреннымъ отвѣтчика доказательствъ въ томъ, что числившіяся И. З. запрещенія были уничтожены еще въ 1861 г., за устраненіемъ причинъ существованія ихъ,какъ это видно изъ представленнаго свидѣтельства Смоленскаго Градскаго Полицейскаго Управленія за № 5711."

Соглашаясь съ взглядомъ Окружнаго Суда на значеніе въ этомъ дѣлѣ оплаченнаго запрещенія, нельзя признать правильнымъ толкованіе имъ ст. 1692 и 1706 т. X. ч. I. Въ подкрѣпленіе перваго положенія о недѣйствительности не снятаго, но оплаченнаго запрещенія, можно привести слѣдующія соображенія (коихъ нѣтъ въ рѣшеніи).

Въ законѣ нѣтъ прямаго указанія, какое значеніе имѣетъ оплаченное, запрещеніе, но изъ разныхъ законоположеній усматривается, что оно считается недѣйствительнымъ. Въ ст. 1388 законовъ гражданскихъ постановлено: „продавать можно имущество токмо свободное, т. е., несостоящее подъ запрещеніемъ въ письмѣ купчихъ и закладныхъ крѣпостей. Изъ сего правила изъемлются случаи: если имущество состоитъ подъ запрещеніемъ по иску или взысканію въ извѣстной и опредѣленной суммѣ, то продажа онаго разрѣшается, какъ скоро предъ совершеніемъ купчей крѣпости внесена будетъ въ то самое мѣсто вся сумма иска или взысканія, и тѣмъ самымъ причина запрещенія уничтожится". Отсюда очевидно, что законъ придаетъ значеніе только причинѣ, вызвавшей запрещеніе, а не фиктивному, погашенному запрещенію, ибо со внесеніемъ денегъ, слѣдующихъ для покрытія запрещенія до напечатанія разрѣшительной статьи, неизбѣжно проходитъ промежутокъ времени, а между тѣмъ *законъ считаетъ это безпричинно существующее запрещеніе неимѣющимъ препятствія къ совершенію отчуждительнаго акта.* Это правило больше развито въ Уставѣ Гражданскаго Судопроизводства 20 ноября 1864 г., по которому представленіе копіи опредѣленія суда о сложеніи запрещенія имѣетъ одинаковую силу съ печатнымъ оглашеніемъ разрѣшенія (ст. 622, 623); при дѣйствіи же прежнихъ законовъ о судопроизводствѣ гражданскомъ предписывалось мѣстамъ и лицамъ, наложившимъ запрещеніе, по уничтоженіи причины, по которой оно наложено, распорядиться о его разрѣшеніи. Объ этомъ постановлено въ ст. 1840 т. X ч. I слѣдующее: „Буде на чье либо недвижимое имущество наложено повсемѣстное запрещеніе, въ послѣдствіи же взысканіе, по которому наложено запрещеніе, пополнится, тогда мѣсто или лицо, производящее о семъ розысканіе, обязано сообщить въ сенатскую типографію объ уничтоженіи установленнымъ порядкомъ запретительной статьи;" слѣдовательно фиктивное или

оплаченное запрещеніе предъ лицомъ закона не имѣетъ никакого значенія.

Что же касается уничтоженія договора по его долгосрочности, даже до истеченія дозволеннаго закономъ срока, то положеніе это не подкрѣпляется ст. 1706 и несогласно съ мнѣніемъ юристовъ. Въ Русскомъ Гражданскомъ Правѣ профессора Мейера (4 изданія стр. 486), ссылаясь на 1706 ст., говорится слѣдующее: „Установленіе законнаго maximum'а срока найма имѣетъ то значеніе, что наемъ, заключенный на срокъ болѣе продолжительный, дѣйствителенъ только на 12 лѣтъ, съ истеченіемъ же ихъ прекращается, а не то, чтобы наемъ былъ недѣйствителенъ отъ начала. И что наше разрѣшеніе вопроса не противорѣчитъ законодательству—это подтверждается тѣмъ, что само оно указываетъ на случаи прекращенія договора по истеченіи 12 лѣтняго срока, тогда какъ до того времени признаетъ договоръ дѣйствительнымъ." Изъ буквальнаго же смысла 1706 ст. тоже нельзя вывести того заключенія, чтобы договоръ, заключенный на продолжительный срокъ считался ничтожнымъ и до истеченія дозволеннаго срока. Въ этой статьѣ прямо сказано, что „наемщикъ, за лишеніе до срока сей временной своей собственности долженъ быть удовлетворенъ"; здѣсь не сказано, за лишеніе до узаконеннаго срока, хотя и не сказано до условленнаго срока; но если бы имѣлось въ виду лишить арендатора права пользованія и до истеченія дозволеннаго закономъ срока, то неслѣдовало вовсе упоминать о срокѣ, а достаточно было выраженія „за лишеніе его временной собственности," и тогда не могло быть никакого сомнѣнія о какомъ срокѣ идетъ рѣчь. Нужно къ этому добавить, что въ мнѣніи Члена Государственнаго Совѣта по дѣлу о заключенномъ купцомъ Екимовымъ контрактѣ на содержаніе Новгородскаго Архіерейскаго въ Москвѣ подворья, удостоенномъ Высочайшаго утвержденія, на которомъ основана 1706 ст. т. X ч. I (первое полн. собр. закон. 30 іюня 1824 г.) не видно, когда заведено дѣло объ уничтоженіи этого контракта—послѣ истеченія дозволеннаго закономъ срока, или прежде. Между тѣмъ вопросъ этотъ кажется не разрѣшенъ еще окончательно ни судебною практикою, ни юридическою литературою, а во всѣхъ трехъ книгахъ Сборника рѣшеній Правительствующаго Сената говорится объ этомъ предметѣ въ № 900 2 т., но, къ сожалѣнію, рѣшеніе Казанской Палаты въ этомъ отношеніи не разсматривалось Сенатомъ.

М. Градъ.

30 ноября 1871 г.
Смоленскъ.

АДРЕСЪ

ОТЪ

МОСКОВСКАГО ЮРИДИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

МИХАИЛУ ПЕТРОВИЧУ ПОГОДИНУ.

Читанъ на юбилеѣ 29 декабря 1871 года депутатомъ отъ Юридическаго Общества А. М. Фальковскимъ.

„Достойнѣйшій Михаилъ Петровичъ!

Состоящее при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ Юридическое Общество вмѣняетъ себѣ въ истинную честь присоединиться къ сонму нашихъ высшихъ ученыхъ учрежденій и Обществъ, для совмѣстнаго привѣтствія Васъ съ годовщиной пятидесятилѣтняго юбилея Вашей благотворной для Россіи служебной, ученой и литературной дѣятельности, на поприщѣ русской исторіи.

По тѣсной, неразрывной связи, установленной природою дѣла и наукою, между исторіею народа и развитіемъ его права, Московское Юридическое Общество считаетъ себя вправѣ возвысить наравнѣ съ другими свой голосъ, для того чтобы публично свидѣтельствовать здѣсь важность заслугъ, оказанныхъ Вашими трудами исторіи и праву. Ваши изслѣдованія о древнихъ учрежденіяхъ, о власти князей и вѣчъ, о боярахъ и городахъ и о другихъ явленіяхъ древняго быта, останутся навсегда памятникомъ Вашего трудолюбія, обширности Вашихъ знаній и правильности Вашего взгляда. Ваше постоянное вниманіе къ низшему слою русскаго населенія и Ваше изслѣдованіе о прикрѣпленіи крестьянъ къ землѣ послужитъ образцомъ независимости мнѣній и тщательнаго изученія темныхъ и запутанныхъ вопросовъ исторіи. Наконецъ Ваше изысканіе по дѣлу о печальной

жертвѣ политики, царевичѣ Алексѣѣ Петровичѣ, всегда будетъ свидѣтельствовать, что Вы имѣли необходимый для историка даръ—сочувствіе къ страданію человѣчества.

Все это налагаетъ на Московское Юридическое Общество обязанность заявить здѣсь, что пять десятилѣтій, пять земскихъ давностей такой дѣятельности, упрочиваютъ за Вами, даже нашимъ закономъ безповоротно и безлѣтно, т.-е. неотъемлемо и независимо отъ теченія лѣтъ, имя одного изъ благотворнѣйшихъ дѣятелей въ области русской науки и литературы."

Вслѣдъ за прочтеніемъ адреса другой депутатъ отъ Юридическаго Общества В. И. Кохновъ обратится къ юбиляру съ слѣдующимъ привѣтственнымъ словомъ:

„Имѣя весьма лестную для меня честь представлять въ настоящую минуту наравнѣ съ почтеннымъ сотоварищемъ моимъ Адамомъ Михайловичемъ, Московское Юридическое Общество, я въ свою очередь прошу позволенія привѣтствовать Васъ, высокочтимый юбиляръ Михаилъ Петровичъ. Какъ сверстникъ того поколѣнія, которое не далѣе какъ вчера заняло роль общественныхъ дѣятелей подъ живымъ еще напутствіемъ своихъ отцовъ, я, не касаясь заслугъ Вашихъ въ многообразныхъ отрасляхъ Вашей пятидесятилѣтней просвѣщенной дѣятельности, позволю себѣ указать на высокую заслуженность Вашего права на ту дань общественнаго уваженія, которую Вы такъ завидно стяжали себѣ въ настоящую минуту Вашей жизни. Ваше положеніе въ средѣ просвѣщеннаго рускаго общества, Ваша пятидесятилѣтняя дѣятельность во всѣхъ сферахъ человѣческой мысли отъ живыхъ вопросовъ публициста до глубокихъ изысканій мужа науки, самый взглядъ Вашъ на дѣло русской цивилизаціи, взглядъ, который еслибы и расходился иногда съ требованіями нашихъ дней, но который по тому самому, что онъ есть взглядъ человѣка, умъ котораго переносился всюду, вездѣ себя чувствовалъ на своемъ мѣстѣ, умъ, который чѣмъ болѣе мужалъ, тѣмъ болѣе вносилъ всюду теплоты, все это говорю, увѣковѣчило за Вами право на высокое уваженіе къ Вашей дѣятельности всякаго истинно просвѣщеннаго человѣка. Едва ли справедливо то общество, которое, во имя новыхъ требованій, проводитъ въ жизнь съ безпощаднымъ приговоромъ свои воззрѣнія, каковы бы они ни были, не чтя, не преклоняясь предъ истиною тѣхъ, которыя предшествовали имъ. Настанутъ времена, появятся умы, разовьются иныя формы, но духъ жизни, которымъ всегда жила и будетъ жить мысль человѣческая, не прейдетъ во вѣки. Вы живете и дѣйствовали въ ту эпоху развитія русскаго народа, когда каждый расчищенный шагъ на непроторенныхъ путяхъ русской цивилизаціи долженъ составлять пред-

метъ,—я рѣшаюсь сказать прямо,—благоговѣйнаго уваженія въ глазахъ просвѣщеннаго потомства. Но заслуга Ваша далеко не исчерпывается этимъ. Вы принадлежите къ тѣмъ избраннымъ натурамъ, которыя, дѣлая шагъ въ неизвѣданной области, проливаютъ обильный свѣтъ на все окружающее Васъ. Отсюда Ваша изумительная многосторонность, отсюда пытливость ума отъ неразгаданныхъ вопросовъ варяжской дружины до неизвѣданныхъ судебъ славянскаго племени.

Велика Ваша заслуга въ томъ, что Вы сдѣлали, но для насъ, Вашихъ преемниковъ въ дѣлѣ русской цивилизаціи, едва ли не большая заслуга въ томъ, на что Вы указали какъ и что слѣдуетъ дѣлать.

И съ этой стороны Ваша дѣятельность всецѣло принадлежитъ новымъ поколѣніямъ, грядущимъ дѣятелямъ. Пусть же сердце Ваше преисполнится въ сію минуту гордостью человѣка, что слова только что сказанныя нами, быть можетъ не безъ борьбы, оправдаются исторіей. Какъ представитель Юридическаго Общества, какъ свидѣтель зачинающагося въ немъ новаго духа жизни, я преподношу привѣтствіе Вамъ, глубоко счастливый тѣмъ, что на рубежѣ этой новой его жизни для него можетъ всегда оставаться вдохновительнымъ примѣромъ Ваша личная жизнь во всей красѣ ея почестей и заслугъ.“

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

—*Голосъ* передаетъ слухъ, что по дѣлу Мясниковыхъ обвинительный актъ утвержденъ въ концѣ ноября санктпербургскою судебною палатою. Суду преданы Александръ и Иванъ Мясниковы и служившій у нихъ конторщикомъ А. Карагановъ. Относительно же Бѣляевой слѣдствіе прекращено, потому что преступленіе покрылось уже давностью.

—Таже газета сообщаетъ извѣстіе, что одесскій военный судъ приговорилъ военнаго арестанта Яна Унилова къ смертной казни за дерзкіе поступки противъ офицера при исполненіи имъ служебныхъ обязанностей и за оскорбленіе членовъ суда. Изъ подробнаго отчета, напечатаннаго въ *Одесскомъ Вѣстникѣ* оказывается, что Униловъ рѣшился на свой дерзкій поступокъ изъ желанія избѣгнуть арестантскихъ ротъ и попасть въ Сибирь, гдѣ „лучше".

—Въ *Русскій Міръ* пишутъ изъ Саратова, что тамъ возбуждено уголовное преслѣдованіе прокуроромъ окружнаго суда противъ члена городской управы, на обязанности котораго лежитъ завѣдываніе очисткой городскихъ площадей, за бездѣйствіе.

—Въ *Петербургской Газетѣ* сообщаютъ, что изъ числа содержавшихся въ исправительной тюрьмѣ и въ тюремномъ замкѣ, по приговору санктпербургской судебной палаты, подсудимыхъ по нечаевскому дѣлу, до настоящаго времени освобождены изъ подъ стражи, за окончаніемъ срока заключенія, 13 человѣкъ, а именно: Рахимовъ, Свѣчинъ, Рязанцевъ 1-й, Рязанцевъ 2-й, Скипскій, Бѣляева, Ланге, Коробьинъ, Пирамидовъ, Мустафовъ, Коведяевъ, Ивакинъ и Поповъ; изъ оправданныхъ же подсудимыхъ нѣкоторые снова поступили въ число студентовъ.

—Въ газетѣ *Новости* пишутъ, что избранный въ началѣ минувшаго мѣсяца въ предсѣдатели мироваго петербургскаго съѣзда гофмейстеръ двора ея высочества великой княгини Елены Павловны, О. И. Квистъ, какъ слышно, вынужденъ отклонить лестное для него избраніе, такъ какъ 4 декабря истекъ установленный мѣсячный срокъ для окончательнаго выраженія, по

упоминаемому предмету, своего желанія, и въ этотъ день онъ не имѣлъ еще возможности дать рѣшительнаго отвѣта.

16-го же декабря, какъ сообщаетъ *Русскій Міръ*, въ распорядительномъ засѣданіи мироваго съѣзда поручено временное исправленіе обязанностей предсѣдателя одному изъ двухъ другихъ кандидатовъ, баллотировавшихся въ эту должность, именно мировому судьѣ г. Меньшуткину, ибо другой кандидатъ, мировой судья г. Закревскій, получилъ только 8 изъ 38 избирательныхъ голосовъ.

—Въ *Биржевыхъ Вѣдомостяхъ* напечатано, что въ одномъ изъ предмѣстьевъ Лондона скончалась недавно мистрисъ Ревисъ, героиня одной cause célèbre, нѣсколько лѣтъ тому назадъ занимавшей англійскіе суды. Въ качествѣ дочери знаменитой Оливіи Вильспатъ, извѣстной подъ именемъ принцессы Оливіи Кумберлендской, дочери Генри Фредерика герцога Кумберлендскаго брата Георга III, она предъявила права на англійскій престолъ и затѣяла по этому поводу процессъ, который проиграла. Г-жа Ревисъ, извѣстная въ своемъ кварталѣ подъ именемъ „маленькой старушки въ черномъ,“ скончалась 75 лѣтъ отъ роду.

—Въ настоящее время, по словамъ *Петербургской Газеты*, въ кассаціонномъ департаментѣ правительствующаго сената разсматривается интересный гражданскій искъ на сумму до 3 милліоновъ рублей, между графомъ Уваровымъ и гг. Билибиными Интересы перваго защищаетъ нашъ извѣстный адвокатъ, присяжный повѣренный И. А. Потѣхинъ. Дѣло это началось еще въ 1824 г.

—Корреспондентъ *Биржевыхъ Вѣдомостей* пишетъ изъ Иркутска, что при ревизіи, сдѣланной генералъ-губернаторомъ въ полиціи, оказалось, что число нерѣшенныхъ дѣлъ простирается до 20,000, въ числѣ которыхъ были дѣла 1848 года.

— По свѣдѣніямъ *Голоса* дѣло именующаго себя княземъ Шахъ Назаровымъ Гокчайскимъ, назначенное на 16 декабря, отложено, такъ какъ въ петербугскомъ окружномъ судѣ, по гражданскому 6-му отдѣленію, возбуждено противъ Гокчайскаго прямое обвиненіе въ подлогѣ. Вновь возникшее дѣло передано прокурору окружнаго суда, и въ настоящее время вѣроятно уже начато предварительное слѣдствіе по этому новому, падающему на лицо, выдающее себя за князя Гокчайскаго, обвиненію. При томъ быстромъ ходѣ слѣдствій, какой сдѣлался уже нормальнымъ явленіемъ въ Петербургѣ, гдѣ, среднимъ числомъ, слѣдствіе не продолжается болѣе мѣсяца, надо ожидать, что дѣло Гокчайскаго, въ совокупности съ новымъ, возникшимъ противъ него обвиненіемъ, будетъ разсмотрѣно въ одинъ изъ первыхъ мѣсяцевъ будущаго года.

—На разсмотрѣніе правительства, какъ сообщаютъ *Московскія Вѣдомости*, поступило ходатайство одного изъ земскихъ собраній объ отмѣнѣ обязательности представленія вводнаго листа на недввжимыя имущества при совершеніи купчихъ, закладныхъ и проч., предоставивъ пріобрѣтеніе вводнаго листа на волю собственниковъ.

— *Голосъ* передаетъ слухъ, что въ половинѣ декабря слушалось въ комитетѣ министровъ представленіе министерства внутреннихъ дѣлъ объ освобожденіи 44 лицъ отъ присужденныхъ имъ наказаній за неправильное окрещеніе дѣтей по римско-католическому обряду и вообще за отпаденіе отъ православія.

— Таже газета сообщаетъ, что 21 декабря въ 9 часовъ утра происходило публичное объявленіе приговора главнымъ виновнымъ по нечаевскому дѣлу: Успенскому, Кузнецову и Прыжову. Николаевъ же, какъ несовершеннолѣтній, по закону избавляется отъ публичнаго лишенія правъ.

— *Биржевыя Вѣдомости* отмѣчаютъ появленіе въ продажѣ новой книги, изданной министерствомъ юстиціи, имѣющей немаловажное значеніе. Книга эта—переводъ уголовнаго уложенія для Сѣверо-Германскаго Союза. Это первый опытъ перевода цѣлаго отдѣла иностраннаго кодекса на русскій языкъ, сдѣланнаго, какъ слышала газета, для пособія при пересмотрѣ нашего уложенія 1866 г., надъ которымъ теперь работаетъ коммиссія. По всей вѣроятности, сѣверо-германское уложеніе, изданное только въ нынѣшнемъ году и разработанное при содѣйствіи лучшихъ нѣмецкихъ юристовъ, послужитъ для коммиссіи богатымъ матеріаломъ при ея трудахъ.

— Въ *Правительственномъ Вѣстникѣ* напечатаны судебно-статистическія свѣдѣнія, извлеченныя изъ справокъ о судимости съ 1 іюля 1870 г. по 1 іюля 1871 года, изъ которыхъ оказывается, что изъ общаго числа 25,009 лицъ, справки о которыхъ помѣщены въ вѣдомости справокъ о судимости съ 1 іюля 1870 г. по 1 іюля 1871 г., присуждено: судебными палатами 24, окружными судами 5,927, мировыми судьями и съѣздами 19,058. Итого 25,009. По полу: мужчинъ 22,007, женщинъ 3,002. По возрасту: отъ 10 до 20 лѣтъ—4,049, отъ 20 до 30 лѣтъ—7,788, отъ 30 до 40 лѣтъ—5,826, отъ 40 до 50 лѣтъ—3,227, отъ 50 до 60 лѣтъ—1,528, свыше 60 лѣтъ—747; въ остальныхъ лѣта не обозначены—1,844. По сословію: привиллегированныхъ 338, военнаго сословія 4,262, мѣщанъ 5,300, крестьянъ 15,650 (въ остальныхъ 459 справкахъ сословіе не обозначено). По роду наказаній: арестъ на военной гауптвахтѣ 13, въ арестантскія роты 2,284, въ отдѣленіе малолѣтнихъ 61, въ монастырь 18, въ рабочій домъ 1,156, въ тюрьму 20,673, ссылка въ Сибирь на каторгу 306, ссылка въ Си-

бирь на житье 290, ссылка въ отдаленныя губерніи 184, тѣлесное наказаніе 15, отдача родителямъ на исправленіе 9.

— Въ *Петербургской Газетѣ* сообщаютъ, что докторъ богословія Алоизій Пихлеръ, приговоренный петербургскимъ окружнымъ судомъ за кражу книгъ изъ публичной библіотеки къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ на поселеніе не могъ исходатайствовать себѣ смягченія наказанія. Во второй половинѣ декабря Пихлеръ съ партіей арестантовъ отправленъ въ Тобольскую губернію.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ
АВТОРОВЪ и СТАТЕЙ,
ПОМѢЩЕННЫХЪ ВЪ „ЮРИДИЧЕСКОМЪ ВѢСТНИКѢ"
ЗА 1871 ГОДЪ.

Устав. 20 ноября и рѣшеніямъ правительствующаго сената (ноябрь 95).

Лешковъ В. Н. О частномъ поземельномъ правѣ по Своду Законовъ (апр. 24; май 13).—Юридическая библіографія (апр. 86).—Библіографическія замѣтки (май 106).—Смыслъ пословицы „вдова—мірской человѣкъ" (іюнь, 106).

Любавскій А. Д. Юридическія замѣтки: Замѣна неустойкой взысканія убытковъ.—Ссылка въ завѣщаніи на довѣренность.—Отсрочка давности.—Примѣненіе давности къ дѣламъ объ отводѣ пожалованныхъ земель.—Общее право собственности на домъ—казны и частнаго лица (май, 113).—Уголовные романы (іюнь, 19).—Опытъ комментарія на нѣкоторыя статьи законовъ гражданскихъ (ноябрь 16).

Ляпидевскій Н. П. Значеніе римскаго права (май, 42).—Римская наслѣдственная система въ ея вліяніи на наслѣдственное право новыхъ народовъ (сент. 15).—Статистическія свѣдѣнія объ отношеніи численности адвокатовъ и стряпчихъ къ количеству народонаселенія въ государствахъ Западной Европы (ноябрь 47).

М. П. Примѣненіе 294 ст. уст. гр. суд. (ноябрь 92).

Милашевичъ С. О. По поводу исполненія судебныхъ рѣшеній по Устав. 20 ноября (окт. 80).

Обнинскій П. Н. О значеніи оправдательныхъ приговоровъ при наличности вины.—Ст. 145 уст. гр. суд. навыворотъ. (Быль) (іюль, 92, 95).—Вердикты присяжныхъ (авг. 11).—Объ уголовномъ преслѣдованіи покусившихся на самоубійство.—Приговоры нашихъ присяжныхъ засѣдателей (сент. 30, 88).—303 ст. Уложенія о Наказаніяхъ (окт. 48). Къ вопросу объ уголовномъ преслѣдованіи покусившихся на самоубійство (дек. 82).

Обсужденія Юридическимъ Обществомъ 42 вопросовъ (апр.—дек., перв. стр.).

Оршанскій И. Существуетъ-ли „collatio" по русскому праву (дек. 66).

Отчетъ Московскаго Юридическаго Общества за 1870 годъ (апр. 3).

Поддѣлка автографовъ и Парижская Академія Наукъ (сент., окт. 1—59, въ прилож.).

Протоколъ годичнаго засѣданія Московскаго Юридическаго Общества 17 февраля 1871 г. (апр. 5).

В. К.

ДѢЛО

Г-жи АЛЫМОВОЙ СЪ НАСЛѢДНИКАМИ КОРБЕ.

(Приложеніе къ Юридическому Вѣстнику 1871 г.)

ДѢЛО

Г-жи АЛЫМОВОЙ СЪ НАСЛѢДНИКАМИ КОРБЕ

ВЪ ЕКАТЕРИНОСЛАВСКОМЪ ОКРУЖНОМЪ СУДѢ. *)

27 декабря 1870 года скончался въ Екатеринославѣ помѣщикъ Верхнеднѣпровскаго уѣзда отставной штабъ-ротмистръ Константинъ Ѳедоровичъ Корбе. Послѣ него осталось домашнее духовное завѣщаніе, въ двухъ тождественныхъ экземплярахъ, писанныхъ съ начала до конца рукою завѣщателя. Завѣщаніе составлено 29 апрѣля 1869 г., и одинъ экземпляръ съ 12 мая того же года отданъ запечатанный

*) Намъ доставленъ этотъ процессъ при слѣдующемъ письмѣ:

„М. Г! Препровождая къ Вамъ отчетъ о разбиравшемся въ здѣшнемъ окружномъ судѣ процессѣ наслѣдниковъ Корбе съ г-жею Алымовою для напечатанія въ уважаемомъ журналѣ Вашемъ, я прошу Васъ заявить печатно, что отчетъ этотъ составленъ мною, повѣреннымъ г-жи Алымовой. Этимъ заявленіемъ Вы слагаете на меня всю отвѣтственность предъ публикой за полноту и безпристрастіе этого отчета. И я смѣло принимаю на себя эту отвѣтственность не только предъ публикой, но и предъ противною стороною. Я думаю, что никто не упрекнетъ меня въ томъ, чтобы я упустилъ хотя одно изъ существенныхъ обстоятельствъ дѣла. А дѣло заслуживаетъ того, чтобы ознакомить съ нимъ публику во всѣхъ подробностяхъ. До сихъ поръ хотя и являлись отчеты и статьи объ этомъ дѣлѣ, но всѣ они до такой степени односторонни и неполны, что судить по нимъ о дѣлѣ и о состоявшемся рѣшеніи суда нѣтъ никакой возможности. Меня лично побуждало принять на себя нелегкій трудъ составленія отчета не столько интересы моей довѣрительницы, для охраненія коихъ имѣются еще другія инстанціи, кромѣ суда общественнаго, сколько огражденіе памяти покойнаго Корбе отъ незаслуженнаго поруганія. Корбе умеръ до суда надъ нимъ. Въ настоящемъ процессѣ его судили и засудили, хотя и на другомъ основаніи. Какъ бывшій защитникъ его, я счелъ своимъ долгомъ представить общественному мнѣнію *всѣ* данныя для сужденія о немъ, былъ ли онъ сумасшедшій, какъ доказываютъ послѣ его смерти, былъ ли онъ преступникъ, какъ доказывали при его жизни.

Примите и пр. М. Гольденвейзеръ."

Екатеринославъ. 30 декабря 1871 г. Ред.

на храненіе нотаріусу. Завѣщаніе это слѣдующаго содержанія:

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь.

Я нижеподписавшійся, отставной штабъ-ротмистръ Константинъ Ѳедоровъ Корбе, будучи въ здравомъ умѣ и твердой памяти и помня, что жизнь человѣка зиждется въ рукахъ Всевышняго Творца, дозволяющаго сократить ее, дѣлаю это завѣщаніе о благопріобрѣтенномъ имуществѣ моемъ, на случай моей смерти, а именно: 1) Имущество мое заключается въ слѣдующемъ: а) имѣніи Смоленскомъ въ Верхнеднѣпровскомъ уѣздѣ со всѣми постройками и движимостію, при немъ земли съ двумя смежными участками всего *тысяча семьсотъ четыре* десятины; б) имѣніи Константиновкѣ Верхнеднѣпровскаго уѣзда со всѣми постройками и движимостію, при ней земли *семьсотъ* десятинъ; в) имѣніи Божедаровкѣ Верхнеднѣпровскаго уѣзда, при ней *тысяча* десятинъ земли; г) при Софіевкѣ Екатеринославскаго уѣзда пустопорожней земли *пятьсотъ* десятинъ, и д) хуторѣ Ганновкѣ Верхнеднѣпровскаго уѣзда, при немъ *тристъ десять* десятинъ земли. А всей земли во всѣхъ имѣніяхъ *четыре тысячи двѣсти четырнадцать* десятинъ. 2) Скотоводство и овцеводство, а именно: а) *пять тысячъ двѣсти* испанскихъ овецъ; б) *триста* штукъ простыхъ овецъ; в) *сто сорокъ* штукъ всѣхъ вообще лошадей; г) *сто сорокъ* штукъ всего вообще рогатаго скота; движимости эти находятся какъ въ исчисленныхъ въ первомъ пунктѣ сего завѣщанія—имѣніяхъ, такъ и въ родовомъ моемъ имѣніи Михайловкѣ, не показанномъ въ этомъ завѣщаніи, какъ не подлежащемъ завѣщанію помимо ближайшихъ наслѣдниковъ. 3) Капиталы, заключающіеся: а) *Сто десять* пятипроцентныхъ билетовъ 1 и 2 внутренняго займовъ, на сумму *одинадцать* тысячъ. б) Тридцать билетовъ четырехъ-процентныхъ металлическихъ, на сумму *девять* тысячъ руб. в) Три билета пятипроцентныхъ государственныхъ, на сумму *тысяча шестьсотъ* руб. сер. г) По безсрочному вкладу Государственнаго Банка Одесской Конторы по книжкѣ за № 3792-мъ, на сумму *пять тысячъ* съ процентами. д) По расчетной книжкѣ Екатеринославскаго Отдѣленія за № 38-мъ, на сумму *двадцать одна тысяча* съ процентами. е) По векселямъ помѣщика Александра Александровича Бѣлаго *четыре тысячи пять сотъ* рублей; по сохранной роспискѣ помѣщика Аркадія Петровича Чебатарева *тысячу двѣсти* руб.; по закладной Кременчугскаго мѣщанина Самойла Реглавскаго *двѣ тысячи* руб. и въ шкатулкѣ *одна тысяча шесть сотъ* руб. ж) Въ правѣ на аренду казеннаго участка въ *пять сотъ* десятинъ земли, въ Александрійскомъ уѣздѣ, отданномъ мною Еврею Барсуку на пять лѣтъ, который обязанъ платить ежегодно въ

казначейство *шесть сотъ шестьдесятъ* четыре рубля и мнѣ *триста тридцать шесть* рублей серебромъ. Цѣну всему имуществу по совѣсти объявляю во *сто восемьдесятъ тысячъ* рублей серебромъ (180 т.). 4) Изъ этого имущества назначаю: а) старшему сыну моему Ѳедору Корбе имѣніе Смоленское со смежными двумя участками, *тысячу семь сотъ четыре* десятины земли съ постройками и движимостію; овецъ испанскихъ *двѣ тысячи* штукъ, лошадей *семьдесятъ* штукъ, рогатаго скота *семьдесятъ* штукъ; б) младшему сыну моему Сергѣю Корбе земли *тысячу пятьсотъ десять* десятинъ при имѣніяхъ Константиновкѣ, Ганновкѣ и Софіевкѣ съ постройками и движимостію; *двѣ тысячи* испанскихъ овецъ, лошадей *семьдесятъ* штукъ, рогатаго скота, *семьдесятъ* штукъ и простыхъ овецъ *триста* штукъ и капитала *девять тысячъ* въ тридцати металлическихъ билетахъ; в) дочери моей Натальѣ Корбе завѣщаю деревню Божедаровку, *тысячу* десятинъ земли и *тысячу двѣсти* испанскихъ овецъ и денежные капиталы: *сто десять* билетовъ пятипроцентныхъ 1-го и 2-го внутренняго займа на сумму *одинадцать тысячъ*; три билета пятипроцентныхъ государственныхъ, на сумму *тысячу шестьсотъ* рублей; долгъ помѣщика Александра Александровича Бѣлаго — *четыре тысячи пятьсотъ* рублей; долгъ помѣщика Аркадія Петровича Чеботарева *тысячу двѣсти* рублей и долгъ мѣщанина Реглавскаго на сумму *двѣ тысячи* рублей серебромъ. г) Завѣщаю получить сейчасъ послѣ моей смерти другу моему капитаншѣ Екатеринѣ Максимовнѣ Алымовой *четырнадцать тысячъ* рублей серебромъ изъ Государственнаго Одесскаго Банка по безсрочному вкладу, по книжкѣ за № 3792-мъ *пять тысячъ* руб. (5 т.) съ процентами, и по расчетной книжкѣ за № 38-мъ Екатеринославскаго Отдѣленія Государственнаго Банка *девять тысячъ* рублей (9 т.), а остальные *двѣнадцать тысячъ*, хранящіяся въ Отдѣленіи Екатеринославскаго Государственнаго Банка по той же книжкѣ, за № 38-мъ, должны поступить на уплату слѣдуемыхъ по роспискѣ моей—женѣ моей Марьѣ Николаевнѣ Корбе *пять тысячъ* руб. и на уплату акцизныхъ недоимокъ *семь тысячъ* рублей. д) Назначаю за усердную службу крестьянамъ: Владиміру Минѣеву, Ивану Либенку и Ѳедору Хисту, каждому *по двѣсти* рублей; Платону Сербенку и Онисиму Калещуку каждому по *сту* руб., которые и выдать сейчасъ же изъ денегъ, находящихся въ шкатулкѣ, а остальныя на похороны и для раздачи нуждающимся. 5) Распредѣливъ въ четвертомъ пунктѣ благопріобрѣтенное мое имущество между наслѣдниками, я предоставляю пожизненно пользоваться всѣмъ вообще имуществомъ безотчетно другу моему Екатеринѣ Максимовнѣ Алымовой и по усмотрѣнію ея давать на воспитаніе дѣтямъ моимъ

содержаніе. Отъ нея будетъ зависѣть помѣщеніе дѣтей моихъ въ какое ей угодно заведеніе, также и по достиженіи дѣтей совершеннолѣтія отъ Екатерины Максимовны Алымовой будетъ зависѣть выдавать имъ на жизненныя потребности или отдать имущество, согласно моему завѣщанію, во всякое время, когда Екатерина Максимовна Алымова пожелаетъ; но выдачу денегъ, назначенныхъ мною въ четвертомъ пунктѣ сего завѣщанія подъ литерами *г* и *д*, прошу Екатерину Максимовну Алымову сейчасъ выдать по назначенію моему послѣ моей смерти. Апрѣля 29 дня 1869 года. Отставной Штабъ-Ротмистръ Константинъ Өедоровъ Корбе.

Кромѣ того, покойный Корбе совершилъ 25 октября того же года купчую крѣпость на родовое свое имѣніе, селеніе Михайловку, 1386 дес., продавъ оное той же г-жѣ Алымовой за 34,000 р. Купчая крѣпость утверждена старшимъ нотаріусомъ 25 іюня 1870 г.

Противъ этихъ двухъ актовъ опекуны надъ малолѣтними дѣтьми Корбе, жена послѣдняго и помѣщикъ Шишкинъ, предъявили въ февралѣ настоящаго года искъ въ окружномъ судѣ, домогаясь уничтоженія какъ духовнаго завѣщанія, такъ и купчей крѣпости.

Но прежде чѣмъ перейти къ изложенію гражданскаго процесса, необходимо вернуться нѣсколько назадъ и изложить обстоятельства, предшествовавшія смерти Корбе. Корбе умеръ, находясь подъ домашнимъ арестомъ, по опредѣленію одесской судебной палаты, предавшей его суду за истязанія и мученія своего 11-лѣтняго сына. Обвиненіе это началось по жалобѣ его жены, поданной въ маѣ 1869 года. По этому поводу было допрошено множество лицъ, преимущественно изъ прислуги Корбе, которые показали, что Корбе во все продолженіе великаго поста 1869 г. часто, то-есть черезъ день и черезъ два дня, а иногда и нѣсколько дней сряду, наказывалъ своего сына, давая ему отъ 10 до 15 розогъ, а одинъ разъ наказалъ его бичемъ на конюшнѣ. Наказывалъ Корбе всегда самъ и наказывалъ сильно, такъ какъ, по показанію прислуги, бѣлье мальчика бывало въ крови, а одинъ, лакей Скляровъ, показалъ, что ему приходилось вынимать у мальчика куски розогъ. Обвиняемый, не отрицая факта, показалъ, что онъ вынужденъ былъ прибѣгнуть къ розгамъ, чтобы отучить своего сына отъ гибельнаго порока, которому онъ выучился въ одномъ учебномъ заведеніи въ Никола-

евѣ. Когда слѣдственное дѣло было представлено въ судебную палату, послѣдняя, разсматривая дѣло 9 іюня, остановилась на слѣдующихъ соображеніяхъ: „имѣя въ виду, что отъ вѣрнаго и точнаго опредѣленія были ли Константиномъ Корбе нанесены сыну не только тяжкіе побои, но и что побои эти были опасны для его жизни и имѣли послѣдствіемъ разстройство его здоровья, зависитъ дальнѣйшее направленіе дѣла,“ то проситъ врачебное отдѣленіе екатеринославскаго губернскаго правленія произвести тщательный осмотръ сына Корбе и „увѣдомить палату положительно: а) слѣдуетъ ли „признать нанесенные Константиномъ Корбе сыну своему „побои тяжелыми; б) если они будутъ признаны тяжелыми „то были ли они опасны для его жизни? и в) имѣютъ ли они „вредное вліяніе на его здоровье въ будущемъ?“ 31 іюля 1870 г. былъ произведенъ осмотръ малолѣтняго Корбе во врачебномъ отдѣленіи. Вотъ что сказано, между прочимъ, въ актѣ осмотра:

По оказавшимся знакамъ, нанесенные Константиномъ Корбе сыну своему побои нельзя признать тяжкими, а тѣмъ болѣе опасными для жизни; судя же по удовлетворительному развитію организма Ѳедора Корбе нельзя и полагать, чтобы они имѣли вредное вліяніе на его здоровье въ будущемъ, отвергая при томъ всякое участіе ихъ въ образованіи у него болѣзни сердца, такъ какъ болѣзнь этого органа преимущественно происходитъ отъ ревматическихъ страданій вслѣдствіе вліянія простуды.

Августа 18-го 1870 г. судебная палата предала Корбе суду съ участіемъ присяжныхъ по ст. 1489 улож. о наказ., находя, что несмотря на заключеніе врачебнаго отдѣленія нельзя не признать по имѣющимся въ дѣлѣ даннымъ, что Корбе, „выходя изъ предѣловъ дозволенныхъ закономъ мѣръ для домашняго исправленія родителями своихъ дѣтей и нанося столь сильные побои 10-лѣтнему ребенку, страдающему пораженіемъ сердца и отличающемуся вообще слабымъ тѣлосложеніемъ, долженъ быть преслѣдуемъ за причиненіе сыну своему истязаній, предусмотрѣнныхъ 1489 ст. улож. о нак.“ Вмѣстѣ съ тѣмъ палата постановила подвергнуть Корбе домашнему аресту. Такое измѣненіе во взглядѣ судебной палаты, которая въ іюнѣ требовала положительнаго заключенія врачебнаго отдѣленія, высказавъ что отъ этого заключенія зависитъ дальнѣйшее направленіе

дѣла, а затѣмъ отвергла это заключеніе и предала Корбе суду, несмотря на благопріятное для него заключеніе врачебнаго отдѣленія,—эта радикальная перемѣна разъяснена вполнѣ только теперь. Оказывается, что въ судебной палатѣ возникло сомнѣніе относительно дѣйствій врачебнаго отдѣленія. Г-жа Корбе, какъ теперь оказывается, въ прошеніи, поданномъ ею въ судебную палату вскорѣ послѣ освидѣтельствованія ея сына, поддерживала такой взглядъ. Ей дали, повидимому, вѣру, такъ какъ покойный старшій предсѣдатель одесской судебной палаты сенаторъ Шахматовъ, въ отношеніи своемъ къ г. министру внутреннихъ дѣлъ отъ 8 октября за № 4993 прямо указывалъ на то, что врачебное отдѣленіе „при переосвидѣтельствованіи приняло во вниманіе не данныя, заключающіяся въ дѣлѣ и не то, что обнаружено при переосвидѣтельствованіи, но другія, исходящія изъ не совсѣмъ чистаго источника, побужденія“... На основаніи этого отношенія актъ освидѣтельствованія малолѣтняго Корбе былъ предложенъ на обсужденіе медицинскаго совѣта, который нашелъ: „что актъ переосвидѣтельствованія составленъ правильно и согласно съ уставомъ судебной медицины и что если врачебному отдѣленію не былъ предложенъ судебною палатою вопросъ о томъ былъ ли подверженъ малолѣтній Корбе онанизму или нѣтъ, то тѣмъ не менѣе, въ виду разсмотрѣннаго во врачебномъ отдѣленіи дѣла о подсудимомъ Константинѣ Корбе, изъ коего, между прочимъ, видно, что разрѣшеніе этого вопроса могло имѣть нѣкоторое значеніе для существа дѣла, врачебное отдѣленіе, на основаніи 1863 ст. уст. суд. мед. и въ особенности 333 уст. уг. суд., коснулось этого вопроса совершенно основательно.“

Для полной характеристики нареканій, направленныхъ на врачебное отдѣленіе, получившихъ оффиціальный ходъ и имѣвшихъ, какъ все заставляетъ думать, своимъ косвеннымъ послѣдствіемъ смерть Корбе,—не могу не замѣтить, что лица, составляющіе врачебное отдѣленіе екатеринославскаго отдѣленія, въ особенности врачебный инспекторъ П. Н. Бойченко, старикъ лѣтъ 70, пользуются въ Екатеринославѣ репутаціей людей безукоризненно честныхъ; г. Бойченко представляетъ собою типъ, весьма рѣдко теперь встрѣчаемый, медиковъ старой школы, умѣвшихъ согласовать свою

науку съ высокою религіозностью и истинно-христіанскимъ служеніемъ ближнему. Г. Бойченко практикуетъ въ Екатеринославѣ 30 лѣтъ, пользуется даже между своими собратьями репутаціей лучшаго практика, а въ городѣ и во всей губерніи—славой человѣка высокой честности. Въ виду указанной выше попытки набросить неблаговидную тѣнь на врачебное отдѣленіе, я не могъ не коснуться личности г. Бойченко, о которомъ, я увѣренъ, всякій его знающій (а его знаетъ цѣлый край) скажетъ то же самое. Не менѣе безупречны репутаціи другихъ двухъ медиковъ, участвовавшихъ въ освидѣтельствованіи, гг. Хорошевскаго и Рекса.

Возвращаюсь къ разсказу о Корбе. На основаніи постановленія палаты отъ 18 августа, онъ былъ арестованъ въ своемъ имѣніи и переведенъ въ Верхнеднѣпровскъ, гдѣ для него нанята была квартира изъ двухъ тѣсныхъ комнатъ, а къ дверямъ приставленъ полицейскій. Дѣло назначено было къ слушанію въ окружномъ судѣ на 9 декабря въ Екатеринославѣ. Между тѣмъ Корбе въ Верхнеднѣпровскѣ серьезно заболѣлъ. Несмотря на увѣщаніе врачей, онъ однако не согласился, чтобы засѣданіе было отложено за его болѣзнью, и больной выѣхалъ въ Екатеринославъ, куда онъ прибылъ 6 декабря. Болѣзнь его усилилась значительно. Тѣмъ не менѣе Корбе 9 декабря явился въ судъ, но засѣданіе не состоялось, ибо жена его, бывшая одною изъ главныхъ свидѣтельницъ обвиненія, не явилась и представила свидѣтельство о болѣзни своей и своего сына, который также не явился. Защитникъ подсудимаго заявилъ суду, что г-жа Корбе не далѣе какъ наканунѣ была въ канцеляріи суда. Ходатайство защитника о назначеніи засѣданія въ ту же сессію не было уважено и дѣло было отложено до февраля. Между тѣмъ болѣзненное состояніе Корбе увеличилось въ высшей степени послѣ несостоявшагося засѣданія. 15 декабря защитникъ его подалъ въ окружный судъ прошеніе, въ которомъ изложено слѣдующее:

Состояніе здоровья подсудимаго Корбе, о которомъ свидѣтельствуетъ прилагаемое при семъ удостовѣреніе доктора Стадіона, удостовѣреніе, въ справедливости котораго судъ имѣлъ возможность непосредственно убѣдиться при открытіи, 9-го декабря, засѣданія, несостоявшагося по неявкѣ нѣкоторыхъ свидѣтелей,—налагаетъ на меня обязанность, въ качествѣ защитни-

ка, ходатайствовать предъ судомъ объ облегченіи его участи настолько, насколько это не противорѣчитъ цѣлямъ правосудія. Засѣданіе отсрочено не по винѣ подсудимаго, а напротивъ, вопреки самому страстному, болѣзненному само по себѣ, желанію его освободиться какъ можно скорѣе отъ томительнаго ожиданія судебнаго рѣшенія. Онъ явился на судъ, несмотря на то что, по предостереженію врачей, онъ рисковалъ при этомъ своею жизнію. Домашній арестъ, нынѣ продолженный на неопредѣленный срокъ, въ высшей степени усиливаетъ то раздражительное состояніе, въ которомъ подсудимый находится вслѣдствіе своей болѣзни. Объ этомъ я имѣлъ честь лично заявить г. предсѣдателю суда во время ходатайства о скорѣйшемъ назначеніи засѣданія. По долгу совѣсти, свидѣтельствую предъ судомъ, что эта болѣзненная раздражительность возрастаетъ съ каждымъ днемъ, и я уже теперь имѣлъ случай убѣдиться, что подсудимый Корбе далеко не въ нормальной степени владѣетъ своими умственными способностями. Всѣ эти доказательства, безъ всякаго сомнѣнія, должны послужить поводомъ къ устраненію такихъ причинъ, которыя, вліяя губительно на его здоровье и умственное состояніе, не могутъ почитаться безусловною необходимостію съ точки зрѣнія закона. Подсудимый Корбе *доказалъ*, что онъ не имѣлъ ни малѣйшаго повода и желанія уклониться отъ суда. Почти полтора года прошло съ тѣхъ поръ какъ возбуждено настоящее дѣло, и во все это время онъ ни разу не отлучался за предѣлы Верхнеднѣпровскаго и Екатеринославскаго уѣздовъ. Кромѣ того, одно то соображеніе, что подсудимый владѣетъ въ этихъ уѣздахъ болѣе чѣмъ 5000 дес. земли, служитъ достаточнымъ ручательствомъ, что онъ не скроется.

Снятіе ареста и замѣна онаго другою, менѣе строгою мѣрою несомнѣнно будетъ содѣйствовать возстановленію физическаго и умственнаго здоровья подсудимаго.

Продолженіе ареста, не будучи вовсе необходимо какъ мѣра обезпеченія явки подсудимаго на судъ, можетъ повлечь за собою самыя трагическія послѣдствія.

Въ виду этого и въ интересахъ человѣколюбія, въ которомъ законъ отнюдь не отказываетъ и обвиняемымъ, хотя бы въ самыхъ тяжкихъ преступленіяхъ, я убѣжденъ, что судъ имѣетъ полное основаніе удовлетворить мое ходатайство объ освобожденіи подсудимаго изъ-подъ домашняго ареста и объ отдачѣ его на поруки или о взятіи залога въ размѣрѣ, какой судъ признаетъ соотвѣтствующимъ.

Нѣтъ также никакого сомнѣнія, что распоряженіе судебной палаты (о заключеніи Корбе), послѣдовавшее на основаніи 541 ст. уст.

уг. суд., обязательно лишь *до* поступленія дѣла въ окружный судъ и *до* начала приготовительныхъ къ суду распоряженій, принимаемыхъ въ силу ст. 547, 548 и 554 уст. угол. суд. Вообще, всякое частное распоряженіе, какъ принимаемое въ виду извѣстныхъ условій и обстоятельствъ и имѣющее своею цѣлью обезпечить правильное отправленіе правосудія, не можетъ не подлежать измѣненіямъ, вслѣдствіе тѣхъ или другихъ измѣнившихся обстоятельствъ. Судебная палата, предписывая арестъ Корбе, неимѣла въ виду ниодного изъ тѣхъ обстоятельствъ, которыя дѣлаютъ теперь необходимымъ его освобожденіе изъ-подъ ареста, какъ единственное средство спасти Корбе отъ смерти или умопомѣшательства.

На основаніи всего вышеизложеннаго, я прошу окружный судъ замѣнить для Корбе домашній арестъ другою, менѣе строгою мѣрой.

Къ этому прошенію приложено было докторское свидѣтельство слѣдующаго содержанія:

Я нижеподписавшійся, коллежскій совѣтникъ, медицины докторъ, Веніаминъ Стадіонъ, выдаю настоящее свидѣтельство Верхнеднѣпровскому землевладѣльцу, дворянину Константину Ѳедорову сыну Корбе, 49 лѣтъ отъ роду, въ томъ что онъ, Корбе, состоя въ моемъ леченіи, одержимъ нынѣ катарральнымъ воспаленіемъ нижней доли праваго легкаго, удушливымъ кашлемъ и обильнымъ выдѣленіемъ гноевидныхъ мокротъ; при чемъ пульсъ постоянно дѣлаетъ отъ 100 до 108 біеній въ минуту.

Такъ какъ домашній арестъ, коему нынѣ подверженъ больной, чрезвычайно его волнуетъ и тревожитъ, лишаетъ его сна и ночнаго спокойствія, отнимаетъ у него всякій позывъ къ пищѣ и держитъ его постоянно въ лихорадочномъ возбужденіи, вслѣдствіе чего до сихъ поръ употребленныя мною средства противъ его болѣзни и остаются безъ всякаго дѣйствія, то, въ огражденіе здоровья дворянина Корбе отъ неминуемыхъ послѣдствій подобнаго его состоянія, считаю долгомъ заявить, что необходимо хоть временно успокоить больнаго, возвратить ему хоть до выздоровленія его свободу и замѣнить, поколику возможно, домашній его арестъ инаго рода гарантіею, безъ чего нельзя ручаться за сохраненіе не только здоровья, но и жизни г-на Корбе.

Окружный судъ отказалъ въ ходатайствѣ защитника Корбе, основываясь на томъ, что окружный судъ не имѣетъ права измѣнить мѣру, предписанную судебною палатой. Корбе скончался спустя 12 дней послѣ подачи приведеннаго выше

прошенія. Вотъ актъ, составленный мировымъ судьею накануне его смерти:

1870 г. декабря 26 дня мировой судья 1-го уч. екатеринославскаго судебно-мироваго округа выслушалъ отношеніе г. екатеринославскаго полиціймейстера отъ 26 декабря, въ которомъ увѣдомляетъ, что состоящій подъ домашнимъ арестомъ штабъ-ротмистръ Корбе находится въ крайне-безнадежномъ къ выздоровленію состояніи, живетъ въ Екатеринославлѣ, 1 части въ Европейской гостинницѣ Николаева, и прямыхъ наслѣдниковъ при немъ нѣтъ, а окружаютъ его лица совершенно постороннія. Вслѣдствіе этого мировой судья явился къ больному Корбе при г. полиціймейстерѣ и нашелъ въ квартирѣ больнаго: нотаріуса г. Гальберштадта, слугу Корбе, мѣщанина Василія Гаврилова Гречанинова и докторовъ: Стадіона, Рекса, Вронскаго и Барафа, дающихъ больному Корбе медицинскія пособія и фельдшера Германа.

Усмотрѣвъ при этомъ, что больной Корбе хотя дѣйствительно сильно боленъ, но еще живъ, мировой судья предложилъ гг. докторамъ вопросъ: *въ какомъ состояніи теперь здоровье Корбе, при полномъ ли онъ сознаніи, и способенъ ли онъ распоряжаться собственнымъ имуществомъ?*

На предложенные выше вопросы мы, нижеподписавшіеся, отвѣчаемъ, что г. Корбе въ полномъ сознаніи, что положеніе его опасно, но не безнадежно и что появленіе всякихъ должностныхъ лицъ сильно тревожитъ и безпокоитъ больнаго, вслѣдствіе чего этого слѣдуетъ избѣгать за исключеніемъ случаевъ, предписанныхъ закономъ. Д-ръ медицины В. Стадіонъ, врачъ Вронскій, помощникъ губ. врачебнаго инспектора А. Рексъ и врачъ Барафъ.

По смерти Корбе все имѣніе его взято было въ опеку и опекунами надъ имѣніемъ и малолѣтними дѣтьми назначены: вдова покойнаго, Марья Николаевна Корбе и коллежскій ассессоръ Василій Алексѣевичъ Шишкинъ. Въ первыхъ числахъ февраля 1871 года повѣренный опекуновъ, коллежскій регистраторъ Конисскій, предъявилъ въ окружномъ судѣ искъ къ г-жѣ Алымовой, домогаясь признанія недѣйствительными какъ духовнаго завѣщанія покойнаго Корбе, такъ и купчей крѣпости на родовое его имѣніе. Въ исковомъ своемъ прошеніи г. Конисскій подкрѣплялъ свое домогательство слѣдующими доводами: Завѣщаніе недѣйствительно потому, что въ немъ содержится противозаконное распоряженіе, а именно то, по коему забота о воспитаніи дѣтей предостав-

лена г-жѣ Алымовой, тогда какъ у нихъ есть родная мать, которой принадлежитъ это право по закону. Далѣе г. Конисскій указывалъ на то, что благопріобрѣтенное имѣніе свое завѣщатель предоставилъ г-жѣ Алымовой въ пожизненное пользованіе только, безъ права владѣнія, а потому это распоряженіе, какъ неосуществимое на дѣлѣ, не можетъ быть признано законнымъ. Главный же мотивъ иска заключался въ томъ, что Корбе былъ умопомѣшанный. Истецъ доказывалъ это найденными послѣ смерти Корбе семью тетрадями записокъ, изъ которыхъ видно, что Корбе съ 13 февраля 1869 г. по 31 октября 1870 года велъ бесѣды съ различными духами и эти бесѣды изо дня въ день записывалъ собственноручно, такъ что по этимъ запискамъ дѣйствительно каждый, внимательно прочитывающій ихъ, имѣетъ рѣдкую возможность прослѣдить духовную жизнь покойнаго почти за два года до его смерти. Изъ содержанія записокъ явствуетъ несомнѣнно, что г-жа Алымова служила покойному Корбе медіумомъ въ сношеніяхъ съ духами. Это еще болѣе подтверждается найденными въ бумагахъ покойнаго тремя письмами г-жи Алымовой, писанными изъ Петербурга въ ноябрѣ 1870 г., къ коимъ приложены въ видѣ особыхъ приложеній бесѣды тѣхъ же духовъ, по содержанію своему существенно сходныя съ содержаніемъ записокъ. Г Конисскій считаетъ эти записки явнымъ признакомъ умопомѣшательства Корбе, доказывая, что подобное вѣрованіе обличаетъ вообще умственное розстройство и приписывая Алымовой главную вину въ умопомѣшательствѣ Корбе. Г. Конисскій именно разсказываетъ, что г-жа Алымова, поселившись въ концѣ 1868 г. въ домѣ Корбе, мало-по-малу и изъ корыстныхъ цѣлей свела Корбе съ ума. „Прибытіе ея, разсказываетъ повѣренный г-жи Корбе, внесло въ семейство Корбе страшныя перемѣны. Съ поселеніемъ Алымовой въ домѣ всѣ окружающіе его замѣтили, что онъ выступилъ изъ своего прежняго Я; что онъ вмѣсто ласкъ къ женѣ и дѣтямъ началъ обращаться съ ними не только грубо и сурово, но и жестоко.“ Затѣмъ Алымова, по словамъ г. Конисскаго, увѣрила Корбе въ возможности сношенія съ душами умершихъ людей, служила ему медіумомъ въ этихъ сношеніяхъ и дѣйствуя систематически и обдуманно съ корыстною цѣлью, этимъ путемъ свела Корбе съ ума, сдѣлавъ его слѣпымъ

исполнителемъ всѣхъ ея желаній, лишивъ его совершенно свободной воли и здраваго разсудка. Г. Конисскій доказывалъ цитатами изъ записокъ, что Корбе и сына своего истязалъ единственно по велѣнію духовъ, то-есть по наущенію Алымовой, и духовное завѣщаніе составилъ исключительно по внушенію тѣхъ же духовъ. Къ содержанію записокъ мы еще возвратимся.

Противъ исковаго прошенія г. Конисскаго, повѣренный Алымовой, помощникъ присяжнаго повѣреннаго М. С. Гольденвейзеръ, возразилъ: 1) по поводу юридическихъ доводовъ истца, что онъ признаетъ лишь одно нарушеніе закона, допущенное въ духовномъ завѣщаніи, именно то, что завѣщатель предоставилъ г-жѣ Алымовой исключительную заботу о воспитаніи дѣтей, тогда какъ у нихъ есть родная мать. Это распоряженіе, на основаніи 1029 ст. т. X ч. I, должно быть признано недѣйствительнымъ безъ всякаго ущерба дѣйствительности остальныхъ распоряженій. Для г-жи Алымовой вопросъ этотъ совершенно безразличенъ, ибо она смотритъ на упомянутое распоряженіе не какъ на право, а какъ на обязанность и поэтому повѣренный ея заявляетъ отъ ея имени, что она готова выдать г-жѣ Корбе обязательство на уплату ей 5000 руб. въ годъ съ единственнымъ условіемъ, чтобы она помѣстила дѣтей въ лучшія учебныя заведенія. Съ этою цѣлью г-жа Корбе и г-жа Алымова изберутъ сообща компетентныхъ людей, которые и должны указать лучшія, по ихъ мнѣнію, учебныя заведенія. Переходя затѣмъ къ разбору главнаго основанія иска, г. Гольденвейзеръ доказывалъ, что записки, оставшіяся послѣ Корбе, никоимъ образомъ не могутъ служить доказательствомъ его умственнаго разстройства, ибо вопервыхъ, спиритизмъ, какъ и всякое другое вѣрованіе, не можетъ быть принято, ipso facto, за такое доказательство; что ученіе это имѣетъ многихъ послѣдователей, цѣлую литературу и журналистику; а вовторыхъ, самое содержаніе записокъ Корбе не носитъ на себѣ ни малѣйшаго слѣда умственнаго разстройства. Кромѣ того изъ нѣкоторыхъ мѣстъ въ нихъ видно, что Корбе былъ давнишнимъ приверженцемъ этого ученія и не Алымова его посвятила въ тайны спиритизма, а наоборотъ. Непонятно, продолжалъ г. Гольденвейзеръ, къ чему понадобился этотъ доводъ, не выдер-

живающій ни малѣйшей критики, когда въ сущности истецъ доказываетъ, что духовное завѣщаніе и купчая крѣпость суть плодъ сознательнаго обмана со стороны Алымовой. Для того чтобы быть обманутымъ не нужно быть сумасшедшимъ, лучше сказать обманъ не можетъ быть совершенъ надъ умалишеннымъ. Преступленіе г-жи Алымовой, если оно будетъ доказано, можетъ быть подведено подъ 1688 ст. улож. о нак. и еслибъ она была признана виновною въ этомъ преступленіи, тогда указанные акты были бы уничтожены, какъ плодъ преступленія. Далѣе г. Гольденвейзеръ въ своемъ возраженіи противъ исковаго прошенія, продолжаетъ:

Интересъ настоящаго процесса, интересъ вполнѣ заслуженный заключается не въ одной своеобразности доказательствъ, представленныхъ истцами. Самая личность завѣщателя, столь недавно и такъ безвременно сошедшаго въ могилу, еще въ большей мѣрѣ привлекаетъ къ себѣ вниманіе. Въ этомъ гражданскомъ процессѣ затронутъ вопросъ о тѣхъ дѣйствіяхъ, за которыя Корбе былъ преданъ уголовному суду и обвинялся въ гнусномъ преступленіи, предусмотрѣнномъ ст 1489 улож. о наказ., которая караетъ за *умышленное* нанесеніе истязаній и мученій, подвергающихъ опасности жизнь истязуемаго. Корбе обвинялся въ совершеніи этого преступленія надъ роднымъ своимъ сыномъ. Я былъ защитникомъ Корбе по этому дѣлу, и преждевременная смерть его помѣшала мнѣ выполнить принятую мною на себя обязанность—очистить этого человѣка, предъ закономъ и общественнымъ мнѣніемъ, отъ тяготѣвшаго надъ нимъ тяжкаго обвиненія. Личность этого человѣка живо меня заинтересовала. Я не былъ съ нимъ въ отношеніяхъ особенно дружескихъ. На видъ онъ и мнѣ казался человѣкомъ сухимъ и черствымъ. Но я невольно чувствовалъ къ нему искреннее уваженіе. Онъ импонировалъ меня, вопервыхъ какъ несомнѣнно сильная натура, какъ человѣкъ съ желѣзной волей и энергіей; вовторыхъ, я уважалъ его за его правдивость. Презрѣніе ко всякой лжи на словахъ и на дѣлѣ, было выдающеюся чертою въ его характерѣ. Изъ общаго знакомства съ дѣломъ, въ соединеніи съ его несомнѣнно правдивыми разсказами о немъ, я вынесъ глубокое, непоколебимое убѣжденіе, что уголовное преслѣдованіе, возбужденное противъ него, было плодомъ интригъ, недоразумѣній, сплетень. Я вполнѣ убѣжденъ былъ, что Корбе наказывалъ своего сына съ благою цѣлью отучить его отъ опасной наклонности и въ устраненіи которой нельзя было терять ни минуты. Я лично не сочувствую и не одобряю розогъ, какъ педагогическое средство, и поэтому вовсе не одобрялъ наказаній. Не разъ я высказывалъ

это покойнику въ откровенныхъ разговорахъ объ его дѣлѣ. На это онъ мнѣ возражалъ, что онъ прибѣгъ къ нему только по истощеніи всѣхъ другихъ средствъ и указывалъ на то, что онъ достигъ цѣли, что мальчикъ теперь совершенно здоровъ, что въ немъ незамѣтно никакого умственнаго отупѣнія. Я не одобрялъ его дѣйствій съ педагогической точки зрѣнія, но вмѣстѣ съ тѣмъ я умѣлъ и отвлечься отъ личныхъ воззрѣній и сообразить, что Корбе, служившій 20 лѣтъ тому назадъ въ военной службѣ при господствовавшей тогда системѣ, что Корбе—помѣщикъ, пользовавшійся десятки лѣтъ такимъ правомъ, какъ крѣпостное, долженъ былъ иначе смотрѣть на розги нежели Добролюбовъ въ своей извѣстной статьѣ и что осуждать его на томъ, только основаніи, что онъ сѣкъ и сильно сѣкъ своего сына, имѣя въ виду несомнѣнно благую цѣль, невозможно. Я соображалъ этотъ выводъ съ взглядомъ нашего закона на родительскую власть, взглядомъ, конечно тоже устарѣлымъ, но тѣмъ не менѣе вѣрно выражающимъ господствующее въ народѣ убѣжденіе и я пришелъ къ окончательному выводу, что Корбе поступалъ bona fide и при томъ не выходилъ изъ предѣловъ предоставленной ему закономъ власти. Я разсуждалъ такимъ образомъ: законъ (ст. 164—174 т. X ч. I) предоставляетъ родителямъ огромную власть надъ дѣтьми и прямо указываетъ на домашнія исправительныя мѣры, не говоря уже о правѣ заключать дѣтей въ смирительные дома на четыре мѣсяца, безъ судебнаго разбирательства (ст. 1592 улож.) Я думаю поэтому что въ такого рода преступленіяхъ, даже при очевидномъ превышеніи власти со стороны родителей, важенъ прежде всего *умыселъ*: нужно доказать, что родитель употреблялъ во зло свою власть изъ какого-нибудь дурнаго побужденія, что у него дѣйствительно былъ *злой* умыселъ. За тѣмъ важенъ вопросъ о послѣдствіи побоевъ, ибо нѣтъ сомнѣнія, что не можетъ быть оставлено безъ наказанія даже добросовѣстное превышеніе власти, если оно имѣло вредныя послѣдствія. Вотъ почему въ дѣлѣ Корбе имѣлъ чрезвычайную важность вопросъ о послѣдствіяхъ для здоровья Ѳедора Корбе тѣхъ наказаній, коимъ онъ былъ подвергнутъ. Одесская судебная палата такъ и взглянула на дѣло. Она предписала освидѣтельствовать Корбе въ врачебномъ отдѣленіи губернскаго правленія. Въ постановленіи объ этомъ отъ 9 іюля 1870 года, копію коего при семъ прилагаю, прямо высказывается, что отъ разрѣшенія этого вопроса зависитъ дальнѣйшее направленіе дѣла, другими словами, что Корбе будетъ освобожденъ отъ суда, если будетъ найдено, что здоровье Ѳедора Корбе не пострадало отъ наказаній. Врачебное отдѣленіе нашло, что здоровье мальчика не пострадало, тѣмъ не менѣе палата не освободила Корбе отъ суда,

а напротивъ предала его суду, предписавъ при томъ личное его задержаніе. Что именно повліяло на такое коренное измѣненіе взгляда судебной палаты на свойства этого дѣла, это остается тайною того засѣданія обвинительной камеры, въ коемъ состоялось постановленіе о преданіи Корбе суду. Но здѣсь въ Екатеринославѣ ни для кого не тайна пущенная въ ходъ молва о мнимой связи между содержаніемъ акта врачебнаго отдѣленія и богатствомъ Корбе. Корбе зналъ объ этихъ слухахъ. При его фанатическомъ почти убѣжденіи въ томъ, что все уголовное дѣло есть не болѣе какъ плодъ интриги, что потдверждалось для него письмомъ нотаріуса Гальберштадта *), легко себѣ представить его нравственныя муки послѣ того какъ его арестовали. Но нѣтъ! этого не можетъ себѣ представить тотъ, кто его не видалъ и съ нимъ не говорилъ въ то время! Это были муки ужасныя. Но ничто не могло сломить его. Я припоминаю мой разговоръ съ нимъ по поводу этого письма Гальберштадта. Я уговаривалъ его удовлетворить требованіе г-жи Корбе, какъ матери его дѣтей, и что онъ во всякомъ случаѣ можетъ удовлетворить ея требованія ради дѣтей. Я указывалъ ему, что судъ присяжныхъ есть судъ въ высокой степени подчиняющійся настроенію общественнаго мнѣнія, что поэтому исходъ процесса въ Екатеринославѣ въ значительной степени зависитъ отъ показанія г-жи Корбе. Покойный рѣшительно отвергнулъ мое предложеніе: онъ сказалъ мнѣ, что совѣсть его покойна предъ Богомъ и людьми, что купить главнаго свидѣтеля, показывающаго противъ него, онъ не согласится, хотя бы пришлось пойти въ Сибирь. „Моя совѣсть чиста и потому никакой судъ и никакое наказаніе для меня не страшно“. Такъ говорилъ, такъ разсуждалъ этотъ сумасшедшій, и я вынужденъ былъ сознаться, что онъ правъ совершенно.

Среди ужасныхъ нравственныхъ истязаній, въ которыхъ томился этотъ несчастный, будучи арестованъ въ ожиданіи суда, онъ заболѣлъ воспаленіемъ легкихъ. Это было дней за 10 до 9 декабря—дня, назначеннаго къ слушанію дѣла. Несмотря на увѣщанія докторовъ, предварившихъ его, что онъ рискуетъ жизнію, Корбе за 4 дня до 9 декабря пріѣхалъ изъ Верхнѣпровска, гдѣ онъ содержался подъ домашнимъ арестомъ, въ Екатеринославъ. Болѣзнь его усилилась, онъ страдалъ невыразимо физически и нравственно. Наканунѣ засѣданія вечеромъ у него открылся страшный жаръ. При докторѣ Стадіонѣ, который его

*) Нотаріусъ Гальберштадтъ писалъ Корбе отъ имени его жены, что если онъ удовлетворитъ ея требованія—выдачу ей 3000 р. въ годъ, то онъ будетъ оправданъ.

лечилъ, я сталъ уговаривать Корбе не рисковать жизнью, доказывая ему, что продолжительное засѣданіе въ судѣ можетъ быть для него гибельно, что гораздо лучше если дѣло будетъ отложено до его выздоровленія. Я никогда не забуду отвѣта Корбе: „у меня завтра жару не будетъ и я поѣду въ судъ.“ На другой день у него дѣйствительно жару не было и онъ поѣхалъ въ судъ. Засѣданіе не состоялось по неявкѣ г-жи Корбе и ея сына, между тѣмъ какъ наканунѣ г-жа Корбе была въ канцеляріи суда. Страданія Корбе послѣ этого удесятерились. Онъ не вѣрилъ, чтобы его жену нельзя было принудить явиться въ судъ. Онъ былъ твердо убѣжденъ, что она это сдѣлала нарочно, чтобы истомить его, замучить до суда. „Она и послѣ не явится“ доказывалъ онъ. Онъ настойчиво требовалъ отъ меня, чтобы я исходатайствовалъ назначеніе засѣданія на слѣдующей недѣлѣ. Я дѣйстительно настаивалъ объ этомъ энергически предъ г. предсѣдателемъ окружнаго суда, предъ нѣкоторыми членами суда, въ присутствіи товарища прокурора. Я говорилъ, что если засѣданіе не будетъ назначено въ ту же сессію, то Корбе умретъ. Ходатайство это не было уважено. Между тѣмъ страданія Корбе достигли крайней степени. Я и теперь не могу вспомнить безъ содроганія его тогдашнихъ мукъ. Предполагая, что онъ всего болѣе мучится вслѣдствіе продолженія на неопредѣленное время его личнаго задержанія, я и докторъ Стадіонъ рѣшились доставить ему нравственное облегченіе, исходатайствовавъ снятіе съ него ареста. Практическаго значенія это освобожденіе не могло тогда имѣть, но оно облегчило бы его страданія чрезвычайно. Я подалъ объ этомъ прошеніе въ судъ съ приложеніемъ удостовѣренія доктора Стадіона; мы указывали на возможность трагическаго исхода, если просьба не будетъ уважена. Копіи этихъ бумагъ при семъ прилагаются. И это ходатайство было отвергнуто. Прошеніе было мною подано 15 декабря, 27 декабря Корбе умеръ. Наканунѣ смерти, томясь въ страшныхъ мукахъ и чувствуя приближеніе смерти, онъ пожелалъ увидѣть дѣтей своихъ, но прежде чѣмъ послать за ними лошадей, онъ велѣлъ ихъ проѣздить, дабы онѣ, застоявшись, не разнесли экипажа, въ которомъ должны были пріѣхать дѣти. Таковъ былъ этотъ сумасшедшій, этотъ истязатель и мучитель своихъ дѣтей за нѣсколько часовъ до смерти. Г-жа Корбе также явилась къ умирающему, для принятія охранительныхъ мѣръ....

Выше я указалъ на то, какимъ мнѣ казался Корбе при жизни. Личность его и его характеръ сосредоточенный и сильный очень меня заинтересовали. Я почувстволалъ къ нему уваженіе, не смотря на отсутствіе въ немъ симпатичности. Его записки

своимъ содержаніемъ поразили меня: предо мною раскрылись самые сокровенные помыслы этого человѣка. И что же оказывается! Подъ этою наружною черствостію скрывалась натура способная къ глубокой восторженной любви; ему доступны были нѣжнѣйшія чувства, самое экзальтированное религіозное настроеніе. Что бы ни говорили и ни думали о происхожденіи этихъ записокъ, никто не станетъ оспаривать, что въ нихъ нѣтъ притворства. Корбе несомнѣнно передумалъ и перечувствовалъ все то, что мы читаемъ въ запискахъ. Его отношенія къ г-жѣ Алымовой также выяснены вполнѣ: его влекло къ ней не плотское чувство пресыщеннаго семейною жизнію развратника, а именно глубокая потребность души въ семейной любви, любви мужа и отца, та потребность, которая не находила удовлетворенія въ его собственной семьѣ. Кто въ этомъ сомнѣвается, пусть прочтетъ любую изъ картинъ (то-есть задушевныхъ мечтаній), которыя рисуетъ духъ Василія своимъ любимцамъ.

Такова „нравственная" сторона этого дѣла. Изложивъ всѣ эти обстоятельства, я вовсе не имѣлъ въ виду подкрѣпить этимъ, усилить мои юридическія возраженія противъ иска, предъявленнаго г. Конисскимъ. Я только *не могъ* оставить безъ надлежащаго и правдиваго освѣщенія тѣ указанія, которыя относились до покойнаго Корбе—этого мученика своей судьбы. Вообще же мой взглядъ на такъ называемую „нравственную сторону" гражданскаго процесса вполнѣ согласенъ съ взглядомъ на этотъ предметъ К. П. Побѣдоносцева, который говоритъ: „Есть въ отдѣльныхъ отношеніяхъ лица къ лицу нравственныя требованія и обязанности, которыя для закона неуловимы, ибо выходятъ за предѣлы юридическаго отношенія. Такъ напр. безнравственно владѣльцу оставлять безъ пропитанія неимущаго сына, оставляя богатство стороннему лицу, но доколѣ владѣлецъ дѣйствуетъ въ предѣлахъ своего права собственности, закону нѣтъ дѣла до его побужденій." Въ силу этихъ самыхъ соображеній, въ силу той безспорной истины, что для суда неуловимы нравственныя требованія и обязанности, выходящія за предѣлы даннаго разбираемаго имъ юридическаго отношенія, я утверждаю, что высшая нравственная обязанность суда есть безусловное охраненіе закона.

Въ дальнѣйшихъ процессныхъ бумагахъ сущность спора заключалась въ томъ же, то-есть въ доказательствѣ, съ одной стороны, и въ опроверженіи, съ другой, положенія, что записки Корбе служатъ полнымъ доказательствомъ его сумасшествія. Къ этимъ запискамъ мы теперь и обращаемся.

При всемъ желаніи воздержаться въ настоящемъ отчетѣ отъ выраженія какихъ бы то ни было субъективныхъ взглядовъ и ограничиться *документальнымъ* изложеніемъ дѣла, мы не имѣемъ никакой возможности сохранить принятую нами систему относительно записокъ, которыя занимаютъ 800 слишкомъ страницъ довольно мелкаго письма. Поневолѣ приходится разсказать содержаніе ихъ, ограничиваясь по возможности немногими выписками. Общее содержаніе, основная тема записокъ есть религіозно-нравственная проповѣдь. Духи, говорящіе съ Корбе и съ Алымовою, сами выставляютъ эту тему, какъ свою главную миссію, возложенную на нихъ вообще въ ихъ сношеніяхъ съ смертными и въ особенности относительно Корбе, душу котораго они призваны уврачевать, обративъ ее отъ грѣховной тьмы, въ которой она пребывала прежде, на путь христіанской любви, смиренія, раскаянія, благотворительности и молитвы. Нравственное возрожденіе его, по словамъ духовъ, должно было совершиться и совершилось чрезъ Алымову. Встрѣча Корбе съ Алымовою и послѣдствія этой встрѣчи изображены аллегорически въ бесѣдѣ духа Василія, отъ 23 іюля 1869 г., слѣдующимъ образомъ:

„Степь безлюдная. По пути знойному и тяжелому шла молодая женщина. Тяжелъ и не подъ силу былъ путь ея, но вѣра въ Бога подкрѣпляла ее. Она время отъ времени подымала глаза къ небу и говорила: „Господь великъ, и я когда-нибудь дойду до конца, и я когда-нибудь залѣчу глубокія раны, и меня когда-нибудь руки человѣка поддержатъ. Неужели все безлюдная степь? Неужели не приведетъ меня ангелъ-хранитель въ страну, гдѣ я успокоюсь? И если даже не набреду на лучшій путь, то вѣрно на то воля Бога. Что же дѣлать? я грѣшная и Господь проститъ мнѣ за терпѣніе мое. Господи, Ты видишь мои язвы! Вотъ песокъ попалъ въ нихъ и боль едва выносима, но Твоя на то воля и я весело покоряюсь". На встрѣчу шелъ мущина. И ему труденъ былъ путь. Сердце у него иногда просило чего-то лучшаго, но чего—не знало. Вѣрилъ онъ въ Бога, послушно молился Ему, но потому, что другіе молились. Онъ жаждалъ чего-то и былъ почти всегда недоволенъ собою и другими; онъ хотѣлъ найти друга, но не вѣрилъ, что онъ можетъ быть любимъ. Часто говорилъ онъ: „возмите отъ меня деньги, и всѣ уйдутъ отъ меня. Знаю я друзей, были они у меня; знаю я любовь женщинъ, любили онѣ меня. Даже чувство отца какъ-то смутно понималось мнѣ". Куда онъ шелъ — и самъ не зналъ, за-

чѣмъ онъ вышелъ на дорогу жизни—не думалъ, да и зачѣмъ? Пилъ какой-то одуряющій напитокъ и забывалъ все. Вѣчно находился въ ненормальномъ состояніи и только любовь къ себѣ поддерживала жизнь его. Но когда по временамъ разсуждалъ онъ, то какой-то ужасъ охватывалъ его и душа просила иной жизни и духъ его просилъ покоя. Онъ шелъ быстро и не оглядываясь *топталъ ногами все, что попадало на дорогѣ.* Встрѣтивъ женщину, онъ остановился, какъ много разъ уже останавливался, и спросилъ: „куда вашъ путь? зайдите ко мнѣ немного". Чувство состраданія къ ней почувствовалъ путникъ. Онъ видѣлъ, что она больна. „Жаль, молодая и умная, жаль, что обманъ у нея на лицѣ, отчего не забыться съ нею на нѣсколько дней? А тамъ пусть идетъ своимъ путемъ, а я—своимъ; деньги есть, заплачу ей и разойдемся". Женщина посмотрѣла ему въ глаза и подумала: „могла бы полюбить его, но онъ не вѣритъ мнѣ, впрочемъ пойду съ нимъ. Невыносимо страдаю и идти дальше не могу". Прошло время, видимыя раны зажили, но въ сердцѣ образовалась глубокая—видя что онъ холоденъ къ ней, видя, что онъ не любитъ ее, потому еслибы любилъ, то не мучилъ бы. У нея былъ Духъ Святой и высокій, томился онъ невыносимо. Молился онъ за счастье дѣтей, такъ какъ видѣлъ душу путника и могъ перемѣнить его шаткія убѣжденія. Въ минуту, когда женщина хотѣла уйти отъ него, страдая сильнѣе, чѣмъ когда-либо, Духъ Василія сказалъ: „Остановитесь, дѣти души моей! взгляните на старика меня, на мои сѣдины, остановитесь друзья, не ступите послѣдній шагъ—упадете въ пропасть и не подняться вамъ". Они остановились. Они со слезами блаженства встрѣтили вѣстника правды, и слова милосердія приняли какъ награду страданіямъ. Она слушала чудный голосъ и сердце, полное благодарности, заставляло безъ словъ молиться. Она смѣло подняла глаза на спутника и кротко сказала: „вѣрь святому, если не вѣрилъ мнѣ". А онъ! Что онъ чувствовалъ—трудно передать. Душа его отъ бури прямо перешла къ покою. Господь явился ему такъ, какъ духъ объяснилъ ему. У него сейчасъ же явились дороги, прежде не замѣтныя, а именно: вѣра въ Бога, увѣренность въ духовную жизнь. Онъ жадно внималъ словамъ старика, который со слезами блаженства училъ его. Теперь онъ знаетъ мое ученіе; оно основано на вѣрѣ, надеждѣ и любви; онъ теперь гордость моя; онъ полюбилъ спутницу свою — повѣря словамъ моимъ; онъ не усомнился въ правдивости ихъ, и какже мнѣ не полюбить его? Какъ же мнѣ не прижать его къ груди и не назвать роднымъ сыномъ? Какъ же мнѣ не благословлять его, когда онъ помогъ мнѣ дать необходимое неимущей, томящейся и любимой мною дочери и другу любимому моему? Какъ же

мнѣ не просить Творца за него, когда онъ по просьбѣ моей успокоилъ любимицу души моей? Какъ же мнѣ не нѣжно и глубоко любить его, когда онъ любитъ и бережетъ радость мою? Клянусь подножіемъ Бога, клянусь Его милостію ко мнѣ, что я счастливъ, что я доволенъ вами, что я покоенъ съ вами, что я люблю васъ выше словъ,—все за покорность и довѣріе. Аминь.“

Кто же этотъ духъ Василія? Это духъ Василія Соколинскаго, о которомъ въ первый же день бесѣдъ, 13 февраля 1869 г., другой духъ, духъ Евгенія, на вопросъ г-жи Алымовой, отвѣчаетъ ей, что Василій Соколинскій, родной братъ ея дѣда по матери, умеръ 35 лѣтъ тому назадъ и похороненъ у Митрофанія. Въ другомъ мѣстѣ сказано о немъ, что при жизни онъ былъ человѣкъ высокаго образованія, говорилъ на шести языкахъ, былъ очень богатъ, потомъ разорился. Въ загробной жизни онъ духъ разумный и великій. „Дѣдушка Василій“ постоянно высказываетъ свою нѣжную, родственную любовь къ своему дитяти, своей „голубицѣ„ и за любовь къ ней онъ полюбилъ и Константина и поставилъ себѣ задачей его нравственное перерожденіе. Онъ называетъ себя „врачемъ души его.“ Вотъ что онъ говоритъ ему по этому поводу въ бесѣдѣ отъ 2 августа 1869 г.:

„Сынъ и другъ! скажи—правъ ли я, говоря, что я врачъ души твоей? Скажи, не болѣла ли у тебя вѣчно душа? Не правда ли безъ меня умеръ бы ты, и никто не зналъ бы, чѣмъ болѣлъ ты? У тебя болѣла душа; въ тебѣ говорила совѣсть; въ тебѣ были нѣжныя чувства; въ тебѣ было состраданіе; въ тебѣ была доброта. Но все болѣло, все страдало. Явился врачъ, онъ кротко, не задѣвая слабыхъ струнъ, началъ говорить о милосердіи Бога, постепенно началъ затрогивать больныя мѣста, не растравляя, а нѣжно прикрывая отъ всякаго вреда. Теперь почти ты здоровъ. По крайней мѣрѣ, если и болитъ у тебя подъ часъ, то ты знаешь что болитъ и отъ чего; прямо говоришь врачу и онъ исцѣляетъ боль. Скажи мнѣ, сынъ мой: правъ ли я, называя себя врачемъ души твоей? Я счастливъ, что могъ помочь страждущему. Я радъ, что могъ научить жаждущаго правды и блаженъ, что святой голосъ мой всегда ясно отзывается въ душѣ твоей, что слова мои часто смиряютъ тебя. Вотъ моя награда, за которую жму тебѣ руку и навсегда остаюсь врачемъ твоимъ. Аминь.“

17 апрѣля 1869 г., въ Великій Четвергъ, духъ Василія говоритъ Константину слѣдующее:

„Возлагаю руки мои на главы ваши и благословляю чисто и свято въ Чистый Четвергъ. Гдѣ же страсти, сынъ мой? Видишь, возлюбленный мой, хочешь и покоришь въ себѣ искушеніе. Я твой помощникъ, твой ангелъ-хранитель; крыло его спасаетъ тебя отъ вѣтра, и не достигаетъ удушливый воздухъ твоего дыханія. Ты прямо смотришь на свѣтъ и говоришь: „Господи, помоги мнѣ быть достойнымъ ученикомъ Духа Василія. Позволь мнѣ съ слѣпою покорностію его волѣ выразить всю глубокую вѣру и любовь мою къ нему. Ты видишь мою душу, Господи, помоги мнѣ выполнить свято тѣ обязанности, которыя возложилъ на меня Ты, Господь справедливый, Судія милосердный, Богъ великій, Творецъ могучій, Власть безпредѣльная, Всевѣдущій и Вездѣсущій. Передъ Тобою преклоняюсь горячо, молю Тебя, падаю ницъ и далеки въ эту минуту страсти отъ меня. Я чувствую величіе Бога, я вѣрю въ милосердіе Творца и смиренно преклонивъ голову, ожидаю правдиваго суда надъ покорнымъ рабомъ Константиномъ. Ты мой заступникъ, не оставь же меня на пути раскаянія. Помоги мнѣ, мой Творецъ, принести мою грѣшную душу къ подножію Твоему и съ полнымъ раскаяніемъ молить о прощеніи грѣховъ моихъ. Дозволь мнѣ быть ученикомъ ученія Христа. Я покорю всѣ страсти. Помоги мнѣ! Безъ Тебя я прахъ, безъ Тебя я пылинка, но при Твоемъ содѣйствіи я могу быть рабомъ Духа Василія и когда-нибудь съ блаженствомъ проповѣдывать о безпредѣльномъ милосердіи Твоемъ и о любви къ ближнему. Съ восторгомъ произношу обожаемое имя Господа моего, съ блаженствомъ падаю ницъ и со слезами молю Тебя, не оставь меня, Боже мой. Аминь".

Въ запискахъ встрѣчается множество молитвъ, которыя духъ Василія преподаетъ „любимому сыну своему." Вотъ для примѣра еще одна, отъ 25 апрѣля 1869 г.

„Господь, воскреси мою душу отъ смерти, сотвори чудо и надо мною, Господи! Ты Богъ мой и къ Тебѣ съ молитвою прибѣгаю. Избавь меня отъ искушенія, дай мнѣ силу быть ученикомъ ученія, за которое Ты былъ распятъ. Дай мнѣ твердость, когда я подобно Тебѣ былъ стоекъ въ убѣжденіяхъ ученія Святой Правды и чтобы твердо также пожертвовалъ жизнію какъ Ты, Господи! Обрати Свой кроткій взоръ на меня, услышь мою грѣшную молитву. Позволь мнѣ раскаяться въ проступкахъ моихъ какъ разбойникъ покаялся на крестѣ и Ты простилъ его и обѣщалъ царствіе небесное. Я знаю, Ты всемогущъ и всевѣдущъ, Ты святъ и мудръ, Ты правдивъ и милосердъ, Ты кротокъ и смиренъ! Господи, преклоняю голову предъ могуществомъ Твоимъ

и полный благоговѣнія молю Тебя: будь покровитель мой и я отдамъ душу за Тебя. Аминь".

Въ бесѣдѣ отъ 1 августа 1869 г. читаемъ:

„Благословеніе Господа и мое надъ вами, дѣти любимые духа моего! Я съ вами, да будетъ миръ въ душахъ вашихъ! Теперь я скажу тебѣ, сынъ мой, безъ аллегорій, то, что сказалъ вчера, и надѣюсь, что ты, какъ другъ, запомнишь слова мои. Я духъ правды, посланникъ Бога, говорю любимому ученику, да будетъ милость Бога, всегда съ тобою, сынъ и другъ! Христосъ, Сынъ Бога, училъ народъ, имѣлъ учениковъ преданныхъ учителю; они почти всѣ были казнены за ученіе Христа, ихъ не поколебала позорная смерть, но духи ихъ—святые. Тебя, какъ друга и ученика, прошу любить меня и возлюбитъ тебя Господь. Будь ты преданный мнѣ, и клянусь Богомъ, Его милостію, Его обителью, что я спасу тебя, что духъ твой будетъ чистъ, и смерть христіанина не страшна будетъ тебѣ, какъ ученику правды. Сынъ мой, будь строгъ къ себѣ, но снисходителенъ къ другимъ; будь судьею строгимъ и безпристрастнымъ своихъ дѣйствій, но слабымъ къ порокамъ людей; будь братомъ отчужденнаго, неразвитаго, жалкаго, презрѣннаго, порочнаго. Люби ближняго, какъ Христосъ возлюбилъ ихъ. Помоги неимущему, будь властелиномъ своихъ слабостей, будь могуществомъ своихъ страстей, будь хозяиномъ своей необузданности, будь смиренъ—стоитъ ли суета мірская, чтобы христіанинъ забылъ ученіе Христа? Христосъ сказалъ: *пріидите ко мнѣ труждающіеся и обремененные и Азъ упокою вы*. Сынъ мой, не суди и не судимъ будешь, прости врагамъ, будь кротокъ—какъ Господь училъ христіанъ, прости нерадѣніе и неблагодарности наемщиковъ и Господь будетъ судьею вашимъ; дай неимущимъ, чтобы лѣвая рука не знала, что даетъ правая; смирись и радость отца твоего будетъ безпредѣльна. Сынъ мой, съ какою горячностію скажешь самъ себѣ: „я поборолъ дурное; я ученикъ Христа; я не возмутимъ; нѣтъ на свѣтѣ порока, который бы заставилъ меня забыть слова Духа Василія; я помню все и съ гордостію зову его отцомъ, я сынъ его; онъ блаженъ и я причиною тому. Вотъ торжество христіанина". Развѣ это тотъ человѣкъ, которому не было преграды? Онъ все топталъ и я благословляю его за власть надъ собою. Развѣ это тотъ, которому не было ни чего невозможнаго, которому никто и ничто не могло противорѣчить?..."

О результатахъ своихъ поученій Константину духъ Василія 13 августа того же года говоритъ въ видѣ притчи слѣдующее:

„Сынъ и другъ! Въ февралѣ мѣсяцѣ хозяинъ мой далъ мнѣ кусокъ земли и сказалъ: „посѣй что хочешь, урожай твой". Сосѣди мнѣ сказали: „земля дурная, еще никогда не давала урожая". Я засмѣялся и сказалъ: „то сѣятели виноваты, хотѣли сразу золотыя горы; я буду доволенъ, если посѣю зерно, а соберу два; я буду доволенъ даже менѣе". Взялъ землю; она была истощена. Сѣяли на ней все какія-то одуряющія травы, такъ какъ къ произведенію лучшаго не сочли ее способною. Я взялъ, кротко обошелся съ нею, не рвалъ съ корнемъ посѣянную траву, не вырывалъ по частямъ землю, а нѣжно обрѣзывалъ каждый стебель, и корень дурной травы разложился въ землѣ и улучшилъ почву. Я не посѣялъ сейчасъ же, а далъ вздохнуть; только нѣжно обрѣзывая отростки другой травы—она теперь сгнила и служитъ воспоминаніемъ прежнихъ лѣтъ. Теперь на землѣ пшеница ровна и довольно высоко поднялась она, но ни въ соломѣ дѣло, а въ зернѣ. Я расчитывалъ вдвое, а получилъ въ десятеро. Получа такой урожай, я пришелъ къ хозяину и сказалъ: „Возьмите половину зерна, я такъ счастливъ, что не могу не подѣлиться. Возьмите и взгляните на землю, я теперь не отдамъ ее, тамъ посѣялъ я: вѣру, надежду и любовь. Нѣтъ цѣны ей для меня; тамъ посѣялъ я все высокое. Земля любитъ меня и не отдастся другому, она хочетъ вѣчно принадлежать мнѣ, отдай же мнѣ ее совсѣмъ, хозяинъ; я буду приносить тебѣ ежегодно сѣмя, которое соберу, а себѣ оставлю на посѣвъ. Изъ этой земли я сдѣлалъ землянку, тамъ пріютилъ безпріютную. Земля крѣпко держитъ ее и закрываетъ отъ непогоды. Тамъ есть баштанъ, гдѣ бѣднякъ сорветъ плодъ и земля довольна и горда, помогая неимущему; тамъ вьютъ гнѣзда жаворонки и земля прикрываетъ ихъ отъ хищныхъ птицъ. Позволь мнѣ, хозяинъ, благодарить тебя за даръ. Я горячо люблю землю; тамъ мой пріютъ; я счастливъ, бывая тамъ; тамъ молюсь я, и земля вторитъ мнѣ; а безпріютная, склонивъ голову на землю, благословляетъ день и часъ, когда земля позаботилась и пріютила ее". Горячо призываю имя Бога и благословеніе Его на землю. Тамъ все живетъ жизнію правды, тамъ любятъ Бога и Онъ, когда-нибудь, посѣтитъ обожающую его землю. Аминь."

Приведенныя выписки могутъ дать вполнѣ ясное понятіе объ основной темѣ записокъ. Выписки эти взяты нами рѣшительно наудачу. Можно привести *сотни* другихъ въ томъ же родѣ, ибо эта проповѣдь повторялась каждый день.

Духъ Василія играетъ рѣшительно первенствующую роль въ запискахъ и всѣ приведенныя выписки взяты изъ его бесѣдъ. Но духъ Василія не ограничивался религіозными

проповѣдями. Онъ былъ для Корбе и г-жи Алымовой также и врачемъ тѣлеснымъ. Весьма часто встрѣчаются въ запискахъ совѣты медицинскіе и гигіеническіе, относящіеся большею частью до г-жи Алымовой, а иногда и до Корбе. Средства лѣченія отъ разныхъ легкихъ болѣзней,указываемыя имъ,большею частью самыя невинныя, какъ-то: растиранія въ банѣ домашними средствами, холодныя и теплыя ванны, припарки, компрессы, валеріановы капли и тому подобное. Вообще дѣдушка Василій мало по малу принялъ относительно своихъ внуковъ тонъ семейнаго друга и патріарха, и часто послѣ религіозной проповѣди слѣдуетъ шутливый разговоръ болтливаго старика-дѣдушки, любующагося на счастіе своихъ внуковъ, балующаго ихъ дѣтей, одѣтаго въ жабо, нюхающаго табакъ и ѣдущаго съ ними вмѣстѣ гулять. Дѣдушка Василій часто говоритъ Константину, что онъ долженъ жить съ Алымовой какъ мужъ, а не какъ наложникъ, чрезвычайно часто рисуетъ онъ имъ картины ихъ будущаго семейнаго счастія, въ которомъ главную роль играютъ двое малютокъ Сережа и Вася, послѣдній—дитя, которое должно родиться у Алымовой, а Сережа младшій сынъ Корбе, которому въ началѣ 1869 года было три года. Постоянный сюжетъ этихъ картинъ, особенно часто встрѣчающихся въ первые мѣсяцы записокъ, это—кроткое семейное счастіе, сосредоточенное на любви къ этимъ двумъ дѣтямъ, на воспитаніи ихъ въ духѣ твердой вѣры, нравственности и любви къ ближнему, и также въ дѣлахъ благотворенія.—Въ 1870 году предсказанія о Васѣ приняли болѣе опредѣленный характеръ. Духъ Василія сообщаетъ, что дитя его, то-есть г-жа Алымова, уже беременна этимъ ребенкомъ. 15 февраля сообщается, что „Васѣ четыре мѣсяца,“ и затѣмъ почти ежедневно слѣдуютъ замѣчанія о развитіи зародыша и совѣты Алымовой—что она должно дѣлать, чтобы избѣгнуть выкидыша. Около того же времени духъ Василія заявляетъ „любимымъ дѣтямъ души своей,“ что онъ желаетъ ихъ „соединить“ и совѣтуетъ имъ купить для этого кольцо; 22 марта 1870 года онъ объявляетъ имъ, что обрученіе отложено. Предсказанія о Васѣ продолжаются и затѣмъ. Наконецъ 23 іюня, когда Васѣ, порасчету самого духа, пошелъ восьмой мѣсяцъ, дѣдушка Василій объявляетъ, что онъ обманулъ ихъ, что беременности не было, а былъ внутренній нарывъ, который былъ

необходимъ для спасенія жизни „голубицы“ и что обѣщанный Вася будетъ, но время еще не настало.

Вообще дѣдушка Василій, когда онъ говоритъ о самомъ себѣ, отличается крайнею болтливостью и безмѣрнымъ восхваленіемъ самого себя, какъ человѣка, въ прошедшемъ, и какъ духа, въ настоящемъ. Онъ называетъ себя духомъ высокимъ, святѣйшимъ, стоящимъ весьма близко къ Господу Богу и одинъ разъ 17 марта 1870 г., даже сказано, что „Господь повелѣлъ открыться мощамъ Василія.“

Нерѣдко встрѣчаются и совѣты духовъ, и въ особенности духа Василія, относящіеся до земныхъ дѣлъ Корбе, его хозяйства, поѣздокъ, отношеній къ роднымъ и пр. Совѣты эти даются большею частью, какъ видно изъ содержанія ихъ, въ отвѣтъ на предлагаемый со стороны Корбе или Алымовой вопросъ. Но въ самый первый день бесѣдъ внушается, что духи посылаются смертнымъ для нравственно-религіознаго наставленія и затѣмъ нѣсколько разъ внушается Константину, что онъ не долженъ забывать и пренебрегать своими земными дѣлами для бесѣдъ съ духами.

Изъ житейскихъ совѣтовъ и наставленій, преподаваемыхъ духами покойному Корбе, особенное вниманіе обращаютъ на себя наставленія, относящіяся къ тому времени, когда Корбе, по его собственному показанію, занятъ былъ исправленіемъ своего сына. Повѣренный истцевъ, г. Конисскій, въ процессныхъ бумагахъ и словесно на судѣ старался всячески доказать, что и эти наказанія, и самый поводъ къ нимъ были внушаемы духами, то-есть г-жею Алымовою. Кромѣ того, истцы доказываютъ, что и духовное завѣщаніе было продиктовано Корбе духами.

Что касается наказаній сына, то изъ записокъ мы видимъ, что Корбе дѣйствительно весьма часто спрашивалъ совѣта у духа Василія относительно своихъ дѣтей. Въ то время, когда начались бесѣды съ духомъ Василія и другими, чрезъ г-жу Алымову, г-жа Корбе не жила уже съ своимъ мужемъ и изъ дѣтей только старшій мальчикъ, Ѳедоръ, былъ у Корбе; остальныя дѣти, Наталія и Сережа, находились при матери. Корбе, какъ извѣстно, не могъ съ этимъ помириться и все его раздраженіе противъ жены имѣло своею главною причиной то, что дѣти были у него отняты. И вотъ въ самый

первый день бесѣдъ съ духами, т.-е. 13 февраля 1869 г., мы встрѣчаемъ слѣдующій вопросъ:

В. „Могу ли я возвратить дѣтей моихъ?

О. Мой тебѣ совѣтъ—выжди время; дай пройти всѣмъ бурямъ и невзгодамъ. Тогда представь всѣ доказательства въ пользу твоего желанія, и я даю тебѣ мое слово, что ты мирно, согласно твоимъ убѣжденіямъ, достигнешь желаемаго.“

Затѣмъ далѣе:

В. „Какъ мнѣ поступить съ сыномъ Ѳедоромъ?

О. Совѣтъ мой прежде всего: дай нравственное воспитаніе сыну, т.-е. дай душѣ его религіозное направленіе. Теперь онъ мало вѣруетъ въ Творца, и тогда уже думай о его образованіи Теперь скажу тебѣ, сынъ мой: не допускай себѣ мыслей, которыя недостойны тебя. Будь простъ безъ всякихъ заднихъ мыслей; поступай всегда по совѣсти; будь властелиномъ неровности своего характера; владѣй собою, какъ слѣдуетъ разумному человѣку; будь строгъ къ себѣ и снисходителенъ къ другимъ. Помни, что другіе слабѣе тебя какъ нравственно, такъ и физически. Будь имъ наставникомъ вполнѣ, но не строгимъ судьей.“

Въ тотъ же день духъ говоритъ Корбе объ его дочери:

„Думай о дочери и употреби всѣ силы, чтобы она могла сдѣлаться религіозною и высоконравственною женщиною. Въ настоящее время она не знаетъ даже что такое Богъ.... Поэтому, сынъ мой, дѣлай все, что говоритъ тебѣ здравый смыслъ, и затѣмъ, если всѣ попытки съ твоей стороны будутъ напрасны, то умой руки, какъ Пилатъ передъ народомъ.“

На это Корбе спрашиваетъ:

В. „Что такое здравый смыслъ? О. Теперь не скажу; я долженъ удалиться. Господь съ вами, милые дѣти мои. Аминь“ *).

Въ бесѣдѣ отъ 15 февраля читаемъ:

„Вѣра твоя, сынъ мой, въ Бога и въ меня, передающаго ученіе Христа, дала тебѣ право говорить съ духомъ всемогущимъ. Поэтому ты, мало того что можешь бесѣдовать о желаніи какъ исправиться, но и о томъ какъ поступать во всѣхъ твоихъ дѣйствіяхъ, согласно волѣ Премудраго Творца. Скажу тебѣ, сынъ мой, пусть твоя прошедшая жизнь остается сновидѣніемъ какъ для тебя, такъ и для окружающихъ тебя. Надѣюсь съ помощью Всевышняго и моею ты сдѣлаешься горячимъ поклонникомъ и исполнителемъ воли Творца. Теперь скажу тебѣ то, что ты хо-

*) Каждая бесѣда духовъ начинается словами: „Во имя Отца и Сына и Св. Духа“, и кончается словомъ „Аминь“.

чешь знать. Здравый смыслъ говоритъ тебѣ—представь всѣ доказательства, что дочь твоя, находясь подъ дурнымъ руководствомъ нищей духомъ женщины, не можетъ никогда быть нравственною и покорною волѣ Бога женщиной. Но говорю тебѣ, что эти слова не подѣйствуютъ на нее. Это гласъ вопіющаго въ пустынѣ. Но я для того началъ съ этого, чтобы въ послѣдствіи она могла понять всю безразсудность своего упрямства и тѣмъ самымъ, если возможно для ея бѣдной, хотя и съ добрыми наклонностями души, принести позднее раскаяніе (какъ матери, обязанной пещись о будущности своихъ дѣтей) къ престолу Всемогущаго и Всевѣдущаго Бога. Затѣмъ, скажу тебѣ, сынъ мой употреби словесное насиліе, т.-е. скажи ей, что ты насильно возьмешь ихъ. Но и это не подѣйствуетъ на нее. Но ты это сдѣлаешь для меня, потому для меня, что если совѣсть твоя во всемъ будетъ чиста, то я буду доволенъ тобою; а дѣйствуя и слѣпо довѣряя мнѣ, ты будешь также когда-нибудь кому-нибудь передавать ученіе Мудраго Христа. Затѣмъ, сынъ мой, скажи ей, что если она отдастъ дочь, ты готовъ тогда ей дать денежную помощь. Но видя, что и это средство не дѣйствуетъ на нее, тогда предложи ей отдать ее въ какое-нибудь заведеніе, которое я укажу тебѣ. Если и на это не согласится, то тогда посовѣтуй ей прочесть ученіе Христа, которое ей почти незнакомо; на что она возразитъ тебѣ обидными словами для твоего теперешняго состоянія духа. Но ты, сынъ мой, помни ученіе Христа: если тебя ударятъ въ ланиту, то подставь другую; будь кротокъ, какъ агнецъ, и незлобивъ, какъ голубь, и Господь Своею великою милостью не оставитъ твоего смиренія безъ награды“.

Чтобы поставить читателя въ возможность судить, насколько справедливо предположеніе, что наказанія, коимъ подвергалъ Корбе своего сына, были плодомъ внушеній духовъ, мы считаемъ необходимымъ привести здѣсь всѣ главныя мѣста изъ бесѣдъ духовъ, относящихся до этого предмета.

17 февраля 1869 года.

„Перекрестись, сынъ мой, съ вѣрою и слушай слова Самаго Бога. Начну съ твоего сына. Оставь его дома, не отдавай никуда; сдѣлай его прежде нравственнымъ ребенкомъ, чтобы слова твои остались или, лучше сказать, врѣзались въ его душѣ навѣки. Проси мое дорогое дитя, какъ и я прошу ее, пусть оно своею кротостью и моимъ словомъ дѣйствуетъ на ребенка. Довѣрь ей его вполнѣ, сынъ мой, я говорю тебѣ словомъ Творца моего, онъ будетъ утѣшеніемъ твоихъ преклонныхъ лѣтъ.... Еще, сынъ мой, скажу тебѣ то, что зависитъ отъ тебя: твой сынъ боленъ, но не сердцемъ, а болѣзнью тебѣ извѣстною; поэтому

онъ находится большею частью въ дурномъ расположеніи. Говорю тебѣ, ты долженъ предупредить развитіе болѣзни, которое въ твоихъ рукахъ. Не вѣрь ему, что онъ тебѣ даетъ слово; не вѣрь ему, добрый сынъ мой, сдѣлай все, что зависитъ отъ тебя, и я говорю тебѣ, что онъ отвыкнетъ отъ ежедневной привычки".

24 февраля 1869 года.

„Крещу тебя, дорогой сынъ мой, и скажу: я страдалъ; сынъ твой нарушилъ третью заповѣдь: у сына твоего вкоренилась ложь, какъ во мнѣ правда. Будь вѣрнымъ, но справедливымъ наставникомъ его, не прощай лжи. Дитя мое (т.-е. г-жа Алымова), не проси сына моего о прощеніи; есть пороки, которые не прощаютъ. Если онъ въ дни юности своей можетъ передъ именемъ Бога лгать, то что съ нимъ будетъ въ дни молодости и старости? Онъ лжетъ постоянно; у него нѣтъ правды на языкѣ. Вчера для своего оправданія онъ 10 разъ обманулъ тебя, сынъ мой. Любя горячо тебя за заботы о голубицѣ моей—говорю тебѣ устами Бога — искорени зародышъ дурнаго сѣмени и трава выростетъ хорошая. Такъ и въ сынѣ твоемъ: употреби всѣ мѣры, чтобы искоренить зло. Будь строгъ, но не жестокъ; требуй, чтобы ребенокъ говорилъ правду; провѣряй всѣ сказанныя имъ слова; строго взыскивай всякую малѣйшую ложь. Этимъ ты исправишь ребенка; но не прощай ни на волосъ. Голубка моя, не проси что во вредъ ребенку. Аминь."

26 февраля 1869 г.

„Дорогой сынъ мой! Во первыхъ, скажу тебѣ, непремѣнно переговори съ наставницей сына твоего (г-жею Мочиловою, бывшею тогда гувернаткой у малолѣтняго Корбе) кротко, ласково. Скажи ей, что дитя, соображаясь съ его дурнымъ еще характеромъ, нужно обезоруживать кротостью въ минуты вспышки, а послѣ разумно и строго доказать его вину. Онъ испорченное дитя, и ты сынъ мой, руководи имъ; будь кротокъ, когда онъ сердитъ. Ты не можешь видѣть его души, какъ я. Онъ очень сердитъ, но искусно скрываетъ, сознавая свое безсиліе. Будь разумно строгъ къ его малѣйшимъ недостаткамъ, и онъ, клянусь тебѣ, подъ моимъ руководствомъ будетъ примѣрнымъ сыномъ.... Сынъ мой, ты желаешь знать, можетъ ли мать твоя (г-жа Гердзей по второму браку) слышать мое великое слово? На это скажу слѣдующее: она женщина религіозная, высоко чтитъ Бога; но окружающіе ея далеки до нея. Они не вѣрятъ многому; одинъ страхъ къ будущимъ мученіямъ могъ бы заставить ихъ нѣсколько измѣниться. Я не страшенъ; я по милосердію Бога не умѣю стращать подобныхъ людей. Я надежда ненадѣянныхъ и сила безпомощныхъ. Я не предсказатель о томъ, что будетъ, и не судья

о томъ, что есть. Я врачъ, не ошибающійся никогда въ предпринятой мѣрѣ леченія. Я свѣтъ согрѣвающій, и хочу передавать ученіе чрезъ мою голубку (г-жу Алымову) только тѣмъ, кому слова истины залечатъ нѣсколько раны и приготовятъ безъ страха и ропота къ смерти. Любя тебя, сынъ мой, хотѣлъ бы утѣшить мать твою. Если можешь, приготовь ее къ моему слову, такъ чтобы никто не зналъ. Не спѣши, я не удаляюсь. Дѣлай все обдуманно; я приду на помощь. Аминь."

1 марта 1869 г.

„Сынъ мой, дитя мое (г-жа Алымова) говорила моими устами. Дитя лжетъ безбожно; у него имя Бога во лжи призывается. Но затѣмъ дитя мое (г-жа Алымова) обѣщая, что ты не дашь розогъ, говорила моими словами. Не нужно пріучать къ одному и тому же наказанію; онъ привыкнетъ какъ къ ежедневной грубой пищѣ. Надо дѣйствовать этотъ разъ нравственно, какъ дитя мое и сказало. Потни, сынъ мой,—она говоритъ моими устами. Сынъ твой еще не скоро исправится и розги впереди. Будь строгъ, безъ скораго прощенія; взыщи словами, какъ взыскиваешь наказаніемъ. Накажи морально; будь равнодушенъ къ нему, скажи, что надо заслужить твою любовь и не употреблять во зло доброту дитяти моей; она кротка, но она человѣкъ; для чего мучить и терзать ее выходками безнравственными? Онъ настолько развитъ, что понимаетъ. Говори съ нимъ строго и при всѣхъ; онъ самолюбивъ; это эму будетъ своего рода наказаніемъ. Я помогу тебѣ; уста твои раскроются для великаго слова правды; я буду съ тобой. Обѣщай мальчику при первой лжи наказать строго, и исполни. Я скажу когда онъ солжетъ; онъ всегда обдуманно лжетъ,думая провести, но я на дорогѣ, и поэтому вы, мои дѣти, будете знать все черезъ любящаго васъ духа Василія."

3 марта 1869 г.

„Сынъ мой, можешь быть не такъ строгимъ съ мальчикомъ; не ласкай его, но можешь говорить. Пока довольно. Я доволенъ тобою, съ Божьею помощью мы исправимъ его окончательно. Я показалъ свою власть надъ нимъ: онъ неузнаваемо перемѣнился. Дитя (г-жа Алымова) по моему указанію дѣйствовало на него. Перемѣнится и совсѣмъ; не великъ еще, дурныхъ отростковъ мало; вырветъ ихъ съ корнемъ, и онъ будетъ хорошій, честный мальчикъ; у него теперь все шатается."

10 марта 1869 г.

„Сынъ мой, скажу теперь о мальчикѣ: онъ лжетъ почти всегда; каждый день непремѣнно обманетъ кого-нибудь хоть разъ; у него правды на языкѣ почти нѣтъ. Ко всему этому любопыт-

ство его превышаетъ всѣ слова. Вчера, когда ты сказалъ ему, что онъ солгалъ и послѣ этого пошелъ въ садъ для осмотра куста, онъ вообразилъ, что ты пошелъ за розгами; сердце у него замерло. Онъ болѣе всего боится наказанія. Не грусти—исправится, увѣряю словомъ праведника. Сынъ мой, не прощай и пустой лжи; оно кажется пустяки, но только такою мѣрой можно искоренитьнеправду и пріучить ребенка къ правдѣ. Онъ тебя почти вовсемъ обманываетъ: не вѣрь ему, повторяю; повѣряй все сказанное имъ. Говори все дитяти моей и она всегда откроетъ правду; не забывай, у нея есть помощникъ, баловникъ—дѣдушка. Мальчикъ еще очень дурной, у него порою бываютъ дурныя мысли; я искореню ихъ. Мальчикъ изъ любопытства хочетъ узнать всѣ твои дѣла; запрещаю при немъ говорить о нихъ, даже о хозяйствѣ. Онъ хочетъ знать какъ ты богатъ; онъ хочетъ знать что и сколько онъ будетъ имѣть; искоренимъ и это. Главное—обрати все свое вниманіе и всю строгость, чтобы ребенокъ перестал лгать; это труднѣе всего. И это искоренимъ; не надо ничего прощать, даже пылинки. Аминь.“

12 марта.

„Сынъ мой, будь къ мальчику строгъ, взыщи за все, но не жестокъ.“

18 марта.

„Сынъ мой, не слушай никого, связывай мальчика. Будь строгъ, но не забывайся, какъ сегодня, помни меня—я невозмутимъ. Ты ученикъ правды и будь самъ правда. У мальчика развилась ежедневная привычка вслѣдствіе бездѣйствія ума; онъ думаетъ глупости не по лѣтамъ. Онъ сознательно дѣйствуетъ, не принимай болѣзни и невозмости удержаться. Вздоръ, онъ слишкомъ малъ и неразвитъ для чувственныхъ наслажденій, онъ дѣйствуетъ единственно изъ привычки. Сынъ мой, будь строгъ; то, что теперь только шутки, то чрезъ годы смерть. Я помогу все узнавать голубкѣ моей, ты долженъ быть строгимъ отцемъ, но не варваромъ; не надо давать волю необузданности своего характера. Давай мальчику пить сыворотку по утрамъ одинъ стаканъ. Аминь.“

19 марта.

Дорогой и милый сынъ мой! Духъ мой любитъ тебя, я святъ и свято буду говорить, хочу исправить мальчика и исправлю, въ томъ клянусь тебѣ. Неблагодарность и черныя мысли наполняютъ его сердце. Не вѣрь словамъ его, они не отъ души. Надо искоренить плевелы и сѣмя будетъ чисто. Онъ боится наказанія и потому извиняется, но душа далека отъ сознанія дурныхъ дѣлъ. Онъ думаетъ все дурное, не слушаетъ наставленій

твоихъ, сынъ мой. Вчера и сегодня ты былъ гласъ вопіющаго въ пустынѣ. Будь строгъ къ малѣйшему недостатку безнравственности, сынъ мой. Непризнательность и дерзость за кротость и доброту непростительны. Если теперь, при всей безсильности своей, онъ можетъ быть неблагодарнымъ и дерзкимъ, то ложь, неуваженіе къ старшимъ, злость къ счастію ближнихъ, неблагодарность, разовьются въ немъ съ лѣтами въ высшей степени. Дурныя и черныя мысли всегда господствовали въ душѣ его. Но, клянусь, черезъ годъ не будетъ и признаковъ ихъ. На то я святъ."

26 марта.

„Видя безпокойство ваше и тяжелое состояніе души, скажу вамъ, дорогіе душѣ моей дѣти: оставьте ребенка въ покоѣ, дайте ему полную свободу дѣйствій, у него почти болѣзнь и надо лѣчить. Онъ съ дурными наклонностями и привычками. Вотъ несчастіе, что добрый духъ отступился: но не отступлюсь я, буду дѣлать все для голубки моей. Теперь, клянусь вамъ, что будущій ребенокъ вашъ залѣчитъ всѣ раны; онъ — ваше блаженство и награда. Помните, то награда всемогущаго, святаго и правдиваго духа! Этого мальчика исправимъ отъ пороковъ. Я святой и почти ошибся, думая что порокъ не такъ глубоко засѣлъ; но вижу, что напрасно; исправлю, если всемогущій Господь дозволитъ мнѣ. Аминь."

Въ тотъ же день:

„Понемногу, скажи ему, что покой въ домѣ для тебя дорогъ и что заботясь о сохраненіи любимицы моей, видя ее съ каждымъ днемъ ослабѣвающею, ты оставляешь его на время, даешь ему свободу для размышленія и полнаго сознанія своихъ проступковъ. Посовѣтуй ему пробудить свою совѣсть, чтобы онъ истолковалъ ее самъ. Ты дашь ему нѣкоторое время; затѣмъ, если не исправится, то отдашь изъ дому, дорожа жизнью своею и людей уважаемыхъ тобою. Вотъ мой совѣтъ, любимый сынъ мой. Аминь."

28 марта.

„ Только изъ любви къ тебѣ, дорогой сынъ души моей, скажу нѣсколько словъ о мальчикѣ. Дурное трудно искоренить; а онъ перешелъ дурную степень, хуже трудно быть. Ты, сынъ мой, святъ въ сравненіи съ мальчикомъ. Я сказалъ — оставить его для васъ, дѣти; но теперь говорю: старайся, сынъ мой убить все дурное, чтобы совѣсть была чиста. Молись Богу, чтобы онъ помогъ тебѣ исправить преждевременно вполнѣ испорченное дитя. Помни, сынъ мой, я съ тобой, и если и отступлюсь отъ мальчика, то не оставлю никогда тебя, въ томъ клянусь тебѣ. Аминь."

29 марта.

„Прежде всего обрадую тебя, дорогой сынъ мой: отъ мальчика не отходитъ духъ чистый и непорочный и съ Божьею помощью исправитъ ребенка. Надѣйся на милость Творца и Господь благословитъ любимца души моей. Аминь.“

2 апрѣля 1869 г.

„Сынъ мой, дай мальчика голубицѣ моей. Пусть кротость попробуетъ свое вліяніе. Я берегъ ее и вотъ отчего не желалъ ея вмѣшательства. Прошу тебя, любимецъ мой, дай дитяти моей говорить и дѣлать, я съ нею. Ея уста говорятъ то, что я хочу; ея руки дѣлаютъ то, что я желаю. Оставь мальчика на время; попробуетъ святой свое вліяніе. Любя тебя, я приступаю къ дѣлу; попробуетъ мудрый свое дѣйствіе надъ ребенкомъ. Я люблю васъ и немножко забочусь, дайте отдыхъ себѣ и мальчику. Онъ золъ, но кротость обезоружитъ и дикаго звѣря. Святой стоитъ на дорогѣ и все разсыпется въ прахъ. Аминь.“

„Дитя мое выпроситъ, сынъ мой, мальчика на три дня въ свое распоряженіе, отдай его ей и не касайся ребенка, я хочу этого. Буду самъ говорить и буду самъ укрощать. Аминь.“

„Дитя мое (г-жа Алымова)! Будь покойна—я скажу тебѣ, когда уста твои откроются, и ты будешь говорить то, что хочу и въ то самое время, когда укажу я. Довѣрься мнѣ, святость проникнетъ въ душу твою и слова польются рѣкою. Аминь.“

4 апрѣля.

„Сынъ мой, не желаю тебя огорчить, но хочу говорить тебѣ всегда святую правду. Скажу: мальчикъ такъ испорченъ, что духъ тьмы одержалъ его волю. Я изгналъ изъ дома твоего духовъ грѣшныхъ, но они безъ меня бываютъ у сына твоего. При мнѣ все дурное повергается въ прахъ и преклоняется къ землѣ. Я святъ и только духи призываемые мною могутъ находиться въ одномъ мѣстѣ со мною. Дитя мое говорило моими устами; мальчикъ въ первый день поддался вліянію святости и я думалъ, что исправится, но вотъ вчера духъ тьмы почти ежечасно бывалъ съ нимъ и научилъ дурному и радовался, видя мальчика рабомъ своимъ. Будемъ еще дѣйствовать съ голубкою моею. Но вотъ о чемъ прошу тебя, сынъ мой: говори сегодня строго мальчику, что ты видишь, что онъ не исправляется и что напрасно дитя мое безпокоится, что онъ слушаетъ только наказанія и не умѣетъ пользоваться хорошимъ случаемъ безъ розогъ и голода исправиться. Начни непремѣнно разговоръ за обѣдомъ; спроси какъ онъ учился эти дни, но между прочимъ скажи, что ты помнишь свое обѣщаніе и что еще сутки остается мальчикъ во власти моей. Прости, понялъ ли ты меня? Аминь.“

„Дорогой сынъ мой, желаніе мое полное исправить мальчика. Всѣ духи святые и высшіе хотѣли бы, чтобы грѣшниковъ и преступниковъ не было на свѣтѣ; но сила праведниковъ сильна надъ слушающими ихъ, но безсильна на порочныхъ и грѣшныхъ. Сынъ мой, съ отрадою называю тебя этимъ именемъ; ты любишь меня, слушаешь меня и я могу имѣть на тебя могущественное вліяніе. Я святой, и то ошибся; я думалъ, что мальчикъ полюбитъ меня, я хотѣлъ и творилъ все надъ нимъ, но еще не оставлю: можетъ быть перемѣнится. Онъ не молится никогда, а бормочитъ молитву, какъ урокъ въ долбяшку.“

6 апрѣля.

„Сынъ мой! Попробуемъ еще мѣру кротости: пусть голубица моя выпроситъ его у тебя ради воскресенья на одинъ сегодняшній день. Но ты дѣйствуй какъ бы совершенно желая наказать, но въ критическую минуту прости ради ея... Господь да будетъ съ тобой, да наполнится сердце твое кротостью и милосердіемъ и будь кротокъ, прости недостатки другаго, какъ Господь простилъ тебѣ прошедшее.“

8 апрѣля.

„Сынъ мой дорогой! Скажу тебѣ, отдай мальчика на сегодня и завтра мнѣ, я употреблю всѣ силы, чтобы онъ послушалъ меня. Благодарю тебя, любимецъ мой, за довѣріе ко мнѣ; вчера ты доказалъ. Иди, дитя мое (г-жа Алымова) къ мальчику; я научу что сказать.“

Въ тотъ же день:

„Сынъ мой, ты правъ, говоря что простилъ во имя Вседержителя и что не знаешь какъ поступить теперь. Скажу тебѣ, прости ему ради меня; да выйдетъ онъ на дорогу святой правды.“

Въ тотъ же день:

„Вотъ тебѣ примѣръ, сынъ души моей, до какой степени ложь вкоренилась въ мальчикѣ. Я въ то время молился за тебя. Но очищаю совѣсть твою отъ отвѣта предъ престоломъ Господа. Мальчикъ не исправился, употребимъ всѣ мѣры и затѣмъ умоемъ руки.„

Въ тотъ же день:

„Прошу тебя, оставь мальчика въ покоѣ, сынъ мой. Я чрезъ голубицу мою буду дѣйствовать.“

19 апрѣля.

„Скажи, сынъ мой, мальчику что ты знаешь; скажи ему также, что безъ просьбъ прощаешь ради Воскресенія Христова. Скажи, что ты христіанинъ, а не еретикъ, какъ онъ. Я училъ его молиться, но онъ не молился, повторялъ слова за дитятей моею.

Прости ему—сегодня воскресъ Господь; прости не только ему, но и врагу все. Вотъ моя просьба, дитя мое.“

23 апрѣля.

„Сынъ мой! Если мальчик будетъ сердиться и выходить изъ себя, что не можетъ быть пороченъ, то духъ удалится. Прошу тебя, скажи ему строго, что первый разъ что онъ разсердится, ты накажешь сильно его... Сынъ мой любимый и дорогой, скажу тебѣ, дѣйствуй какъ говоритъ тебѣ совѣсть, не обращай вниманія на толки людей. Совѣсть должна быть твой первый другъ. Нѣтъ ничего въ мірѣ для христіанина дороже и милѣе, какъ правыя дѣла и чистая совѣсть. Тогда не страшна намъ смерть, тогда не мучительна дла насъ болѣзнь.„

Въ тотъ же день:

„Сынъ мой любезный и дорогой! Мальчикъ сердится на хорошія мысли, которыя внушаетъ ему духъ чистый, и зоветъ духа тьмы въ сердцахъ. Но я повелѣлъ духу чистому не покидать его. Онъ мало вѣруетъ въ Бога, и вотъ причина его порока. Еслибы одно слово истинной молитвы сорвалось съ устъ его, то я самъ руководилъ бы имъ, изъ признательности къ тебѣ, сынъ мой за дитя мое. Сынъ мой, у него дурныя мысли; онъ постоянно почти думаетъ о привычкѣ и представляетъ въ умѣ самыя безнравственныя сцены и заставляетъ себя къ пороку.“

25 апрѣля. Слова духа Евгенія:

„По велѣнію духа высшаго и святаго Василія передаю вамъ слѣдующее:“ Отрокъ дурно думаетъ о развратѣ: Духъ Василія повелѣлъ мнѣ сказать вамъ, что отрокъ еще нѣкоторое время будетъ во власти духа чистаго ради васъ. Но если отрокъ не оставитъ своихъ стремленій и будетъ сердиться на то, что духъ лишилъ его способности, то онъ будетъ оставленъ.“

30 апрѣля 1869 г. (то-есть черезъ день или два послѣ отправленія малолѣтняго Корбе въ имѣніе матери Корбе, г-жи Гердзей, откуда уже болѣе не возвращался въ домъ отца).

„Высокій, святой и милосердый духъ Василія, любящій васъ какъ отецъ, повелѣлъ мнѣ, рабу его, духу Евгенія, передать вамъ, что ангелъ съ мальчикомъ; что ангелъ не оставляетъ его ни днемъ, ни ночью. Тебѣ, рабъ Константинъ, духъ святой повелѣлъ сказать, что мальчикъ расчитываетъ на отъѣздъ твой и необходимъ болѣе надежный руководитель, котораго боялся бы онъ; тогда ангелъ не оставитъ его и высокій духъ повелитъ еще духу чистому отнять способность у мальчика и тѣмъ успокоить тебя.“

Въ тотъ же день. Слова духа Василія:

„Сынъ мой, любя тебя горячо, отъ всей души, буду съ тобой говорить о порочномъ мальчикѣ. Прошу тебя, не оставляй сына одного, онъ погрязаетъ въ порокѣ. Проси мать (должно быть мать покойнаго Корбе, г-жу Гердзей), чтобы руководила имъ... Если мальчикъ будетъ подъ надзоромъ женщины, которую любитъ, то все-таки будутъ хорошія минуты; если же будетъ только съ тѣми, къ кому не расположенъ, то отдастся пороку."

17 мая 1869 г. (Бесѣда эта датирована Кіевомъ, гдѣ въ то время находилась г-жа Алымова).

„Мальчикъ виноватъ; духъ чистый теперь не съ нимъ; не можетъ быть въ томъ домѣ, гдѣ отвергаютъ святое и оскорбляютъ клеветой дитя мое. Мальчикъ ежедневно виноватъ. Скажи, что ты знаешь; онъ думаетъ, что ты не узнаешь. Я еще не потерялъ надежды на исправленіе его."

Въ послѣдній разъ о малолѣтнемъ сынѣ Корбе упоминается въ бесѣдѣ отъ 5 августа 1869 г., когда мальчикъ, послѣ возбужденія уголовнаго преслѣдованія противъ Корбе, былъ отданъ матери по постановленію судебнаго слѣдователя и находился, кажется, въ Екатеринославлѣ. Вотъ что читаемъ мы въ этой бесѣдѣ:

„Сынъ мой, для тебя, для души твоей давно хотѣлъ сказать слѣдующее: чиста твоя совѣсть, какъ отца, въ порокѣ сына, онъ порочень и жалокъ. Святой хотѣлъ исправить его ради тебя, но люди не дали; власть моя не простирается на порочныхъ; я смиряюсь тамъ, гдѣ не могу вліять; смирись за мной и ты, невозмутимость—вотъ чего хочу въ тебѣ; не отвѣтишь ты у престола Бога, какъ отецъ; не отвѣтишь Ты, что сынъ твой рабъ лжи и пороковъ: ты дѣлалъ все, что могъ, я тому свидѣтель; оправдаютъ тебя и люди впослѣдствіи, когда сынъ твой выкажетъ себя. Благодари Творца, благословляй его имя, что ты умылъ руки въ порокахъ сына, ты чистъ передъ нимъ и ропотъ его не коснется тебя; а мать умретъ подъ упреками дѣтей и тяжело ей будетъ предстать къ суду Творца. Это не судъ людской, гдѣ правда и ложь не скоро разбираются; тамъ не надо ни денегъ, ни защиты; тамъ нѣтъ судей, тамъ одинъ Судья; тамъ правда, тамъ милосердіе, но тамъ и справедливость. И тяжело будетъ тому, кто, зная, что дѣйствуетъ ложно ради корысти, не останавливается на пути и не смяряется передъ величіемъ правды. Есть въ этомъ судѣ Отецъ для сиротъ, заступникъ за слабыхъ, но есть и кара правды, есть мученіе совѣсти, но судъ этотъ справедливъ какъ Господь; и ты, сынъ мой, на-

зываясь христіаниномъ, увидишь судилище Бога, гдѣ преклонивъ колѣна, будешь замирать отъ блаженства. Аминь."

Затѣмъ, въ виду указаній, что духовное завѣщаніе составлено покойнымъ Корбе исключительно по внушенію духовъ, считаемъ нужнымъ привести буквально всѣ тѣ мѣста записокъ, въ которыхъ говорится о завѣщаніи. Вотъ эти мѣста:

16 марта 1869 г.

„Сынъ мой, напиши такъ, какъ говорилъ, непремѣнно чрезъ адвоката, чтобы ни одно придирчивое слово не лишало будущности дѣтей, независимости дорогой для тебя женщины и полнаго спокойствія твоей души въ обители праведнаго Судьи. Будь самъ правда и Господь правдиво наградитъ духъ Константина. Аминь."

26 марта.

„Сынъ мой милый и любимый, можешь ѣхать, если желаешь. Завѣщаніе сдѣлаемъ въ Кіевѣ, тамъ лучше адвокаты. Устраивай дѣла хозяйственныя, скоро надо ѣхать; здоровье худо. Ты другъ души моей и не откажешь мнѣ ѣхать при первомъ моемъ желаніи. Аминь"

9 апрѣля.

„Дорогой сынъ мой, ты доставилъ мнѣ блаженство духа, благословляю тебя отнынѣ и во вѣки. Возрадовалась душа моя, видя заботу твою о ближнихъ тебѣ. Благословляю тебя въ путь, поѣзжай. Духъ Василія будетъ иногда съ тобою. Крещу тебя за желаніе очистить свою совѣсть распоряженіемъ имущества и благословляю на совершеніе документа." *)

10 апрѣля.

„Ты думалъ о дѣлахъ по совѣсти и доказалъ на дѣлѣ. Перемѣнимъ современемъ завѣщаніе, но то закрыто для тебя. *Теперь распредѣленіе согласно твоему убѣжденію;* ты чистъ отъ упрека близкихъ тебѣ. Но есть у меня просьба къ тебѣ. Если несогласно твоему желанію, то скажи прямо мнѣ; я не обижусь и не разсержусь. Я святъ, чистъ забочусь только о васъ; вы моя радость и отрада; на васъ покоится святой взоръ мой. Вотъ моя просьба, слушай и скажи прямо: во первыхъ, клянусь тебѣ престоломъ Творца, его подножіемъ, любимымъ мѣстомъ моимъ, клянусь прахомъ моимъ и Святыхъ Отцевъ, клянусь всѣмъ чистымъ и высокимъ, клянусь милостью Творца, да обратится она

*) Дознано, что Корбе въ Кіевъ въ 1869 году не ѣздилъ и завѣщаніе составилъ у себя дома.

въ презрѣніе, если скажу не истину. Отдавая все въ неотъемлемое распоряженіе дитяти моей, имущество и будущность дѣтей, ты не ошибся; не будетъ она тратить сиротское; не возьметъ она себѣ копѣйки чужой; довѣряй смѣло ей; не употребитъ во зло довѣрія твоего. Не будетъ духъ твой томиться послѣ смерти; нѣтъ, онъ возрадуется рядомъ со мною и будетъ также горячо благословлять ее какъ я теперь благословляю, въ томъ клянусь тебѣ. Дѣти твои все получатъ сполна, какъ ты оставилъ. Она моя ученица. Ты не понимаешь, къ чему я говорю, когда ты увѣренъ въ томъ. Но слушай далѣе: не возьметъ она на свою душу грѣха, что жила на счетъ сиротъ; нѣтъ, чужое свято для меня, значитъ и для нея. Вотъ моя просьба въ чемъ: откажи ей въ собственность маленькій капиталъ на болѣе нужныя потребности, чтобы она свято могла выполнить высокое назначеніе; чтобы ни одинъ ребенокъ не могъ сказать, что она живетъ на его счётъ; чтобы она обязана была тебѣ и въ свою очередь обязала бы тебя тѣмъ, что то, что ты сберегъ для дѣтей, осталось бы имъ сполна, чисто и свято, чтобы ни одна копѣйка не пошла на нее, а все осталось дѣтямъ. Я научу ее распоряжаться; мнѣ только подъ силу и ей безъ меня было бы трудно и она по кротости своей пала бы подъ гнетомъ упрековъ и невзгодъ. Вотъ моя мысль; со вниманіемъ ее разсуди; отвѣчай святую правду. Аминь."

Въ тотъ же день.

„Сынъ мой, любимецъ души моей; радуюсь за тебя, ты доставилъ мнѣ блаженство святаго; Господь за это простилъ тебѣ все. Сынъ мой, я испытывалъ тебя, но теперь вижу, что крѣпка твоя вѣра въ меня. Дѣлай завѣщаніе такъ, какъ говорилъ. Благословляю тебя и люблю горячо. Ты мой сынъ на землѣ и будешь братомъ на небеси. Аминь."

18 апрѣля.

„Благословеніе мое надъ тобою, дорогой сынъ души моей! По распредѣленію видно, что ты ученикъ правды, видно что святость проникла въ душу твою. Не правда ли, смерть не страшна? Ты спокойно пишешь завѣщаніе, какъ письмо къ другу, въ которомъ увѣренъ."

3 мая.

„Сынъ мой, вотъ у меня просьба: когда завѣщаніе кончится, тогда отдай его въ надежныя руки. Слухъ расходится и многіе хотѣли бы узнать, и многіе будутъ стараться уничтожить его. Я совѣтую тебѣ кончить и тогда покоенъ будешь за будущее."

Вотъ все, что находятъ въ запискахъ Корбе касательно его духовнаго завѣщанія.

Кромѣ записокъ Корбе со стороны истцевъ представлено къ дѣлу множество другихъ бумагъ, цѣль представленія которыхъ заключалась въ томъ, чтобы доказать, что Корбе служилъ въ военной службѣ, въ гусарахъ, участвовалъ въ Венгерской кампаніи и вышелъ въ отставку въ 1849 г. Въ одномъ изъ писемъ къ родителямъ изъ Молдавіи, гдѣ стоялъ его полкъ въ 1849 г., Корбе сообщаетъ, что онъ боленъ лихорадкой. Далѣе доказывалось, что братъ Корбе, Василій, умершій въ 1850 г., страдалъ падучею болѣзнью и что Константинъ Корбе по смерти брата своего оспаривалъ духовное завѣщаніе имъ составленное. Кромѣ того есть указаніе, что одна изъ сестеръ Корбе страдаетъ истерикою. Въ числѣ прочихъ имѣется при дѣлѣ письмо фабриканта Сазикова къ покойному Корбе, отъ 20 марта 1869 г., въ которомъ онъ извѣщаетъ о высылкѣ ему небольшой иконы Иверской Божіей Матери, которая предварительно отправленія, по желанію Корбе, была освящена въ часовнѣ Иверской Божіей Матери въ Москвѣ и при этомъ отслуженъ молебенъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ представлено удостовѣреніе священника Авраамія Самборскаго въ томъ, что Корбе за 1869 и 1870 годы не былъ на исповѣди и у св. причастія и не принялъ его, Самборскаго, когда онъ явился къ Корбе съ крестомъ въ Свѣтлое Воскресенье.

Письменное состязаніе по этому дѣлу окончилось въ первыхъ числахъ мая и докладъ дѣла назначенъ былъ на 14 августа. При словесномъ состязаніи 14 и 15 августа повѣренный истцевъ г. Кониссій доказывалъ ненормальность умственныхъ способностей Корбе, ссылаясь, какъ на главное доказательство, на спиритистическія записки. Кромѣ того онъ сослался на свидѣтелей, которые должны были подтвердить умственное разстройство Корбе и просилъ допросить по этому вопросу экспертовъ. Повѣренный г-жи Алымовой г. Богдановъ въ свою очередь указалъ на свидѣтелей и возражалъ противъ необходимости экспертизы, такъ какъ доказательства, представленныя истцами, настолько лишены основанія, что суду нѣтъ надобности выслушивать заключеніе свѣдущихъ людей. Судъ постановилъ допросить указанныхъ сторонами свидѣтелей и вызвать экспертовъ-психіатровъ въ числѣ трехъ, изъ коихъ двое гг. Чеховъ и Дьяковъ были указаны г. Конисскимъ, а г. Шульцъ г. Богда-

новымъ. Засѣданіе суда по этому дѣлу отсрочено было до 30 сентября.

Въ назначенный день явились въ окружный судъ свидѣтели и эксперты и судъ прямо приступилъ къ допросу свидѣтелей, который продолжался семь дней безпрерывно. На восьмой день судъ выслушалъ заключеніе экспертовъ; девятый день, то-есть 8-е октября посвященъ былъ преніямъ сторонъ и вечеромъ того же дня, по выслушаніи заключенія прокурора, провозглашена была резолюція суда.

Мы приводимъ пунктуально показанія свидѣтелей въ томъ видѣ какъ они записаны въ протоколы, дозволяя себѣ небольшія сокращенія лишь въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ встрѣчаются повторенія.

Докторъ медицины Успенскій. Корбе и Алымову я зналъ; я познакомился съ нимъ, сколько помню, въ концѣ октября и продолжалъ знать его до конца ноября 1870 года. Я познакомился съ нимъ какъ докторъ, дававшій ему помощь. Одинъ разъ я у него былъ въ деревнѣ Тимашевкѣ, а разъ десять въ Верхнеднѣпровскѣ. Когда онъ содержался подъ домашнимъ арестомъ, т. е. въ октябрѣ и ноябрѣ 1870 г., Корбе страдалъ хроническимъ страданіемъ печени; онъ имѣлъ видъ мрачный, тупое выраженіе лица; рѣчь его была весьма растянутая. Корбе имѣлъ весьма рѣзкія боли, поэтому моя помощь заключалась въ употребленіи для него разныхъ мазей и ножныхъ ваннъ. Въ отношеніи умственныхъ способностей Корбе, я могу сказать только то, что я считалъ его человѣкомъ, съ которымъ разговора объ отвлеченныхъ предметахъ вести было невозможно; особенно рѣзко это выражалось для меня въ слѣдующемъ случаѣ: я завелъ съ нимъ разговоръ по поводу статьи Тургенева „Король Лиръ„— которую я самъ и предложилъ ему прочесть; онъ высказалъ полную свою несостоятельность при выраженіи своего взгляда на эту статью, затруднялся до того, что мнѣ самому стало жаль его. Одинъ случай, могущій сколько нибудь относиться къ настоящему дѣлу, я сохранилъ въ памяти: Корбе разъ, во время приложенія ему припарокъ, вдругъ заговорилъ о севастопольской кампаніи, о достоинствѣ умѣть во время прощать, при этомъ вспомнилъ Государя Императора Александра Николаевича, и говорилъ объ этихъ предметахъ, не требуя отвѣта или возраженія. Это обстоятельство я вспомнилъ только тогда, когда возбужденъ былъ вообще въ мѣстности Екатеринославской вопросъ о его умственномъ состояніи; но я послѣ того какъ лѣчилъ его, не считалъ его за человѣка лишеннаго ума. Разъ-

ясняя мое показаніе, я долженъ добавить, что Корбе имѣлъ тупой, дикій взглядъ, память весьма также тупую, такъ что ему весьма трудно было выразить свое желаніе, напр. даже просьбу о томъ, чтобы дали обѣдать. Въ зрачкахъ больнаго Корбе я ничего ненормальнаго не замѣтилъ. Говоря о приведенномъ разсказѣ о севастопольской войнѣ, я долженъ прибавить, что онъ связывалъ его съ разсказомъ о достоинствѣ прощать, такъ что въ этихъ разсказахъ была логическая связь. Корбе, говоря, какъ бы заикивался; зрачковъ я у Корбе не изслѣдовалъ. Разсказъ о севастопольской кампаніи поразилъ меня потому, что не былъ вызванъ ничѣмъ. Корбе имѣлъ кожу сухую, трудно выдѣляющую испарину, потому что страдалъ также хроническимъ кашлемъ, мѣшающимъ ему спать, отчего мною даваемы были ему Доверовы порошки. Во время болѣзни количество мочи было уменьшено и цвѣта моча была темнаго. На страданіе спиннаго мозга и болѣзнь сердца Корбе мнѣ не жаловался. Чувствительность кожи мною не была изслѣдуема. Мною были изслѣдуемы только печень и легкія. Я, въ дополненіе показанія, долженъ сказать, что я не сказалъ, что не замѣтилъ ни малѣйшаго разстройства умственныхъ способностей у Корбе, а сказалъ, что я не считалъ Корбе сумасшедшимъ.

Врачъ Вржосекъ. Я знакомъ съ Корбе лѣтъ пять. Я былъ приглашенъ къ Корбе въ 1869 г. Корбе страдалъ хроническимъ катарромъ кишечнаго канала и острыми болями въ правомъ боку. Въ 1870 году я опять его лѣчилъ; онъ тогда страдалъ воспаленіемъ праваго легкаго, это было въ концѣ ноября и первыхъ числахъ декабря 1870 года. Я въ умственномъ отношеніи ничего болѣзненнаго у Корбе не замѣтилъ и онъ по моему мнѣнію былъ въ нормальномъ состояніи. Онъ былъ недовѣрчивъ, мраченъ, задумчивъ. (На вопросы г. Конисскаго): я не изслѣдовалъ умственнаго разстройства Корбе, наблюденій по этому предмету не дѣлалъ. Цвѣтъ лица у Корбе былъ свѣтло-бурый съ зеленоватымъ оттѣнкомъ, взглядъ его меня поражалъ: онъ былъ неподвижный, странный; онъ имѣлъ привычку сидѣть, уставляя свой взглядъ на предметъ, къ которому относился; это былъ взглядъ мало развитаго человѣка, не умнаго; онъ имѣлъ солидную походку; ни особой порывистости, ни особой медленности въ ней не замѣтилъ, походка была сообразна его лѣтамъ; Корбе говорилъ медленно и растянуто, иногда онъ какъ бы заикался; онъ протягивалъ слова, но заиканія собственно не было. Кожа у Корбе въ послѣднее время была сухая, какъ вообще у лихорадочнаго больнаго; оконечности у Корбе въ 1869 г. или въ началѣ 1870 году были прохладны, пульсъ мало развитъ. Въ послѣднее время, въ концѣ 1870 года, Корбе спалъ не много,

часъ или два; жаловался, что ему не спится. Корбе страдалъ головными болями, начиная съ 1869 г. и въ особенности въ концѣ 1870 г., т. е. въ тотъ періодъ, когда я его, какъ врачъ, наблюдалъ. О памяти Корбе я ничего сказать не могу. Со мною Корбе былъ вѣжливъ, странностей у Корбе я не замѣтилъ. Корбе въ послѣднее время, сравнительно съ прежнимъ, въ отношеніи платы мнѣ за визитъ былъ особенно щедръ, что я приписывалъ его довѣрію ко мнѣ. Я слышалъ, что онъ былъ скупой человѣкъ. Я лѣчилъ сестру Корбс отъ истерики; я наблюдалъ два припадка, но сколько ихъ было я не знаю. (На вопросъ Гольденвейзера): я не изслѣдовалъ умственной стороны Корбе, потому что не подозрѣвать же мнѣ каждаго больнаго сумасшедшимъ. Я пользовалъ Корбе три раза: въ 1869 году, въ концѣ 1869 года или началѣ 1870 года и въ концѣ 1870 года. Въ первые и послѣдніе разы я бывалъ у Корбе по нѣскольку разъ, въ послѣдній разъ болѣе 10-ти разъ; я просиживалъ у Корбе по ¼ часа. Я пользовалъ сестру Корбе года четыре тому назадъ я. Изъ всего знакомства съ Корбе я вынесъ только, что онъ человѣкъ мало развитой, но не вынесъ вовсе того, чтобы онъ страдалъ хотя малѣйшимъ разстройствомъ умственныхъ способностей. (На вопросы эксперта Дюкова): я встрѣчался съ Корбе въ клубѣ, игралъ съ нимъ въ преферансъ, не замѣтилъ скоро-ли онъ соображаетъ; онъ игралъ спокойно; я не могу сказать была ли разница во взглядѣ, въ разговорѣ, съ прежнимъ временемъ, потому что не наблюдалъ Корбе. Прежде головныя боли Корбе я приписывалъ нервному разстройству; сердце Корбе было изслѣдовано мною и оказалось нормально; мрачность Корбе я приписывалъ его физической болѣзни и положенію его какъ подсудимаго; лѣкарства я назначалъ при одномъ Корбе, т. е. разъяснялъ какъ принимать ихъ всегда ему самому, но при этомъ, большею частію, бывалъ какой нибудь человѣкъ изъ прислуги. Я игралъ въ преферансъ съ Корбе, о чемъ сказалъ вамъ, лѣтъ 5 тому назадъ. Въ 1869 и 1870 годахъ, сколько помню, Корбе въ клубѣ не встрѣчалъ.

Врачъ Бѣлинскій. Кажется въ 1866 году, въ Верхнеднѣпровскѣ, пріѣхалъ ко мнѣ исправникъ Попандопуло и пригласилъ ѣхать съ нимъ по судебному дѣлу, и въ это же время пріѣхалъ и господинъ Корбе, который и пригласилъ его ѣхать съ нимъ въ экипажѣ. Дорогою Корбе спросилъ меня: какіе первые признаки умопомѣшательства, на что я отвѣтилъ, что на это весьма трудно отвѣчать. Зная дурную жизнь Корбе съ женою, я предполагалъ, что вопросъ о сумасшествіи относится къ женѣ Корбе. Подъѣхавъ къ дому Корбе, отстоящему верстахъ въ 10 отъ Верхнеднѣпровска мы нашли его запертымъ; Корбе сходилъ за человѣкомъ, который отворилъ дверь. Ставни въ домѣ были за-

перты. Стоя возлѣ запертыхъ дверей, мы услышали голосъ Марьи Николаевны Корбе, которая спрашивала: кто мы? Мы отвѣтили, что докторъ и исправникъ, на что она отвѣтила, что ей нужны были судья и докторъ. Исправникъ отвѣтилъ ей, что онъ можетъ ее защитить. Войдя въ домъ, мы застали одну Марью Николаевну, которая намъ разсказала, что мужъ ее прибилъ, при чемъ показала пятно на ногѣ и, кажется, и на другихъ мѣстахъ, но я ее подробно не осматривалъ. Корбе при всемъ этомъ былъ молчаливъ, мало говорилъ и затѣмъ по пріѣздѣ дочери Корбе отъ помѣщика Шишкина, супруги помирились, а я и Попандопуло уѣхали. Марью Николаевну, по пріѣздѣ моемъ, я нашелъ вовсе не сумасшедшею и сейчасъ въ этомъ убѣдился. Я знакомъ съ Корбе былъ мало; первое знакомство мое было лѣтъ семь тому назадъ въ домѣ полковника Чеботарева; потомъ я былъ призванъ въ домъ Корбе, какъ врачъ, для сына и дочери, при чемъ имѣлъ дѣло съ Марьею Николаевною, а Корбе самаго большею частью не бывало дома. Встрѣчался съ Корбе внѣ его дома случайно; помню, что разъ видѣлъ его на балѣ, гдѣ онъ былъ молчаливъ. Я считалъ Корбе мало образованнымъ, скучнымъ, страннымъ, вообще избѣгалъ его общества. Онъ былъ весьма скупъ, въ чемъ я имѣлъ случай, по моимъ визитамъ къ нему, убѣдиться. Я такое мнѣніе о немъ составилъ также отчасти и по молвѣ, которая ходила о немъ. О томъ, чтобы Корбе былъ сумасшедшій, мнѣ въ голову не приходило. Послѣ 1868 и до 1869 года я не видался съ Корбе, а послѣ этого, встрѣтясь на улицѣ, мы даже и не кланялись. Во время посѣщенія мною дома Корбе съ Попандопуло, онъ, Корбе, при семейной сценѣ, былъ весьма хладнокровенъ въ присутствіи постороннихъ лицъ. Не помню точно въ какое именно время, осенью или весною, но недѣли двѣ послѣ наказанія сына Корбе отцемъ, я свидѣтельствовалъ сына Корбе. Не весь домъ Корбе былъ запертъ, а только та половина, гдѣ Марья Николаевна.

Екатеринославскій полиціймейстеръ С. К Попандопуло, бывшій Верхнеднѣпровскій исправникъ. Я первый разъ познакомился съ Корбе въ 1866 году. Знакомство это произошло слѣдующимъ образомъ: Корбе пріѣхалъ ко мнѣ и сказалъ, что его жена заперлась въ домѣ и онъ не знаетъ, что она тамъ дѣлаетъ, поэтому просилъ ѣхать съ нимъ. Подробно, впрочемъ, не помню, что сказалъ Корбе о дѣйствіяхъ жены. Первоначально выѣхалъ я одинъ съ Корбе, потомъ вернулись и пригласили уѣзднаго врача Бѣлинскаго, съ которымъ и подъѣхали къ дому Корбе, въ которомъ была заперта та половина, гдѣ была Марья Николаевна. Заперта она была снаружи, поэтому я потребовалъ отъ Корбе ключъ и отворилъ дверь. Марья Николаевна разсказала,

что ее прибилъ мужъ палкою, на которой было желѣзо и Бѣлинскій объяснилъ мнѣ, что осмотрѣвъ М. Н., дѣйствительно видѣлъ у нея на ногѣ пятно. М. Н. просила, чтобы Корбе ее отпустилъ изъ его дома; онъ согласился, лошади были запряжены. Но когда М. Н. пришла просить на дорогу денегъ, они съ мужемъ помирились при моемъ посредничествѣ. Корбе во все время былъ весьма грубъ; предъ мною впрочемъ извинился. Я вообще вынесъ то убѣжденіе, что въ этой ссорѣ виноватъ былъ Корбе, потому что зналъ его за человѣка грубаго и капризнаго. Далѣе свидѣтель объяснилъ, что Корбе пріѣхавши за нимъ въ Верхнеднѣпровскъ и приглашая его ѣхать къ нему въ имѣніе, подалъ ему собственноручное объявленіе, которое онъ потомъ, послѣ примиренія съ женой, возвратилъ Корбе. Затѣмъ свидѣтель сказалъ, что по поводу этого самаго происшествія производилось въ 1869 году слѣдствіе и у судебнаго слѣдователя показалъ сходно съ тѣмъ, что показалъ теперь. Корбе за это повидимому на него крѣпко сердился, потому что встрѣтившись съ нимъ въ Екатеринославскомъ Банкѣ, спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ показанія у слѣдователя, Корбе сказалъ ему, что за это показаніе онъ съ нимъ болѣе не знакомъ.

Бумага, о которой говорилъ свидѣтель Попандопуло, представлена въ судъ повѣреннымъ Алымовой. Вотъ ея содержаніе:

„Его высокоблагородію Верхнеднѣпровскому уѣздному исправнику штабъ-ротмистра Константина Ѳеодорова Корбе объявленіе. Въ семейной моей жизни съ нѣкотораго времени возродились между мною и женою моею неудовольствія, которыя породили слѣдующее: жена моя безъ всякой причины на письмѣ стороннему выразила для моихъ родныхъ много оскорбительнаго. Узнавъ объ этомъ, я, передавая ей, старался показать послѣдствія такихъ ея дѣйствій. Это было причиною женѣ моей поступить такъ: она тайно отъ меня, взявъ пятилѣтнюю дочь, скрылась. А затѣмъ, расчитывая на мое отсутствіе, явилась въ одно изъ моихъ имѣній, Новоторовку, гдѣ въ настоящее время жила уже безъ дочери, выказывая своими дѣйствіями нежеланіе оставаться въ немъ и отказываясь объявить мнѣ о мѣстѣ нахожденія моей дочери. Вмѣстѣ съ тѣмъ дождавшись вечера, она вновь было пошла чрезъ окно неизвѣстно куда изъ имѣнія. Такъ какъ она была одѣта очень легко, а вечеръ былъ холодный, то поэтому я, изъ опасенія худыхъ послѣдствій для ея здоровья, въ отклоненіе непріятныхъ толковъ и наконецъ желая узнать, куда она дѣвала мою дочь, съ помощью прислуги возвратилъ ее въ домъ свой и вслѣдствіе ея поведенія, *которое до времени не желаю объяснять*, вынужденнымъ нашелся помѣстить ее въ ея комнаты, подъ присмотромъ прислуги, во избѣ-

жаніе дурныхъ послѣдствій. Затѣмъ я узналъ чрезъ горничную ея, что дочь моя находится у сосѣда моего, Василія Авексѣевича Шишкина. Имѣя причины думать, что г. Шишкинъ мнѣ моей дочери не отдастъ, я покорно прошу ваше высокоблагородіе принять участіе въ возвращеніи изъ дома Шишкина въ домъ мой моей дочери. Штабъ-ротмистръ К. Корбе. Мая 19 1866 года".

Врачъ Выговскій. Я былъ знакомъ съ Корбе съ 1863 г., и мнѣ извѣстно, что до 1866 г. онъ не болѣлъ. Въ 1866 г., въ іюлѣ мѣсяцѣ, онъ пригласилъ меня къ себѣ, какъ врача, и сказалъ мнѣ, что у него былъ легкій ударъ, отъ котораго его лѣчилъ докторъ Стадіонъ. Я изслѣдовалъ тогда Корбе съ ногъ до головы и нашелъ у него легкое заиканье (легкое безгласіе—aphasia); я нашелъ, что это было послѣдствіе удара. Я замѣтилъ, что онъ сталъ глухъ на одно ухо, кажется на правое, что также я причислилъ къ послѣдствіямъ удара. Въ верхушкѣ одного изъ легкихъ я нашелъ значительное выдыханіе, въ сердцѣ—легкій шумъ, при постукиваніи въ сторонѣ, гдѣ было выдыханіе, былъ тонъ притупленный; лѣвая половина сердца была увеличена; кромѣ легкаго увеличенія печени, я не замѣтилъ ничего болѣе; но больной Корбе жаловался на тяжесть въ лѣвой половинѣ головы и на чувство холода въ концѣ спины; присутствія чувствительности я нигдѣ не нашелъ. Корбе мнѣ говорилъ, что во время удара онъ потерялъ совсѣмъ рѣчь; но при мнѣ онъ уже говорилъ. Онъ сказалъ, что рѣчь была потеряна всего на одинъ часъ времени. Послѣ удара Корбе пришелъ болѣе или менѣе въ себя, развѣ способность мышленія была немного потревожена: я это замѣтилъ изъ разговоровъ его, сравнительно съ прежнимъ временемъ, т. е. между 1865 и 1867 г. (На вопросы члена суда Поржецкаго): Память у Корбе была ослаблена. Въ концѣ 1867 или въ началѣ 1868 г. я не соглашался съ нимъ, и мы разошлись. Въ октябрѣ 1867 года я былъ приглашенъ къ Корбе опять, онъ захворалъ отъ погрѣшности въ діэтѣ. Онъ напугался этою болѣзнью потому, что боялся повторенія удара; онъ жаловался на чувство общаго недомоганія во всемъ тѣлѣ, жара при этомъ не было. (На вопросъ Конисскаго): Корбе былъ характера раздражительнаго, очень вспыльчивъ; онъ сказалъ мнѣ, что и ударъ у него былъ послѣ большой непріятности; онъ не помнилъ себя, когда вспылитъ. Онъ былъ нервный, эгоистъ, самолюбивъ, былъ очень упрямъ, былъ и гордъ, но не очень; онъ былъ жестокъ, въ особенности съ крестьянами и прислугою. Онъ особенно отличался любовью къ дѣтямъ, былъ очень нѣжный отецъ особенно при болѣзни дѣтей, чему я, зная его характеръ, удивлялся. Это было до его болѣзни; онъ не былъ довѣрчивъ; былъ

скупъ, но для себя, для того чтобъ хорошо покушать, имѣть хорошій экипажъ,—денегъ не жалѣлъ. Когда я зналъ Корбе, онъ былъ постоянно занятъ, любилъ бесѣдовать о хозяйствѣ, о политикѣ; читалъ газеты, предразсудковъ не имѣлъ; онъ не могъ, по моему мнѣнію, вѣрить велѣнію какого-нибудь духа, но я объ этомъ предметѣ съ нимъ не говорилъ. (На вопросы Богданова): Самъ я не вѣрю ни въ домовыхъ, ни въ чертей. Одинъ ребенокъ Корбе умеръ отъ сифилитической болѣзни, вѣроятно, наслѣдственной; другой отъ острой головной водянки. Очень близкая родственница Корбе страдала лишаями золотушно-сифилитическаго происхожденія, наслѣдственнаго отъ родителей свойства. Золотушное свойство самаго Корбе отразилось на его дочери, которая очень золотушна. (Конисскому): Корбе былъ очень ревнивъ, онъ былъ пристрастенъ къ женскому полу. Г-жа Корбе была очень ревнива, но изъ-за любовницъ. Доискиваясь причины болѣзни и смерти сына Корбе, я осматривалъ отца и нашелъ у него на предплечіи пятно, которое я отнесъ къ давнимъ страданіямъ сифилитическою болѣзнію родителей Корбе или его самого въ молодости. Пятно было туберкулезнаго свойства, синевато-красновато-мѣднаго цвѣта; оно, какъ разсказывалъ Корбе, то исчезало, то вновь появлялось. (Гольденвейзеру): Ослабленіе памяти у Корбе я замѣтилъ по поводу нашихъ счетовъ; онъ также разспрашивалъ меня объ одномъ и томъ же предметѣ по два раза. Неясности и сбивчивости въ разговорѣ я не замѣчалъ. Когда я видѣлъ Корбе послѣ удара въ концѣ 1867 и когда замѣтилъ у него легкое притупленіе памяти и легкое же ослабленіе способности мышленія, то предположилъ, что эти послѣдствія удара или не прошли отъ неудовлетворительнаго леченія, или, какъ это обыкновенно бываетъ въ большинствѣ случаевъ, остались на всю жизнь. Я не считалъ Корбе вполнѣ умственно здоровымъ. Я предполагалъ, что онъ не могъ уже такъ хорошо заниматься хозяйствомъ, какъ прежде занимался. Я не считалъ нужнымъ объ умственномъ здоровьи Корбе предупреждать родныхъ, потому что не видѣлъ въ домѣ людей, къ нему расположенныхъ. (На вопросы Дюкова): Глухоту и заиканье Корбе я отнесъ къ его болѣзни. Рѣчь его до болѣзни была довольно тихая, растяжная, такъ что заиканье, которое у него образовалось, было какъ бы ухудшеніемъ его природной рѣчи. Въ лицѣ Корбе не было асиметріи. До болѣзни онъ былъ болѣе любезенъ, нежели сталъ послѣ болѣзни. А въ прежнее время гораздо больше хлопоталъ о хозяйствѣ, говорилъ о новыхъ машинахъ, но послѣ гораздо менѣе, а былъ болѣе молчаливъ и задумчивъ.

Крестьянинъ Иванъ Сурской. Лѣтъ 5 назадъ я служилъ у Корбе; онъ былъ очень сердитъ, съ женою жилъ не хорошо. Разъ

онъ послалъ насъ искать барыню, и когда мы нашли ее, то велѣлъ ее связать, и я съ двумя лакеями привели ее въ домъ. Корбе заперъ ее въ комнату и велѣлъ на глухо забить ставни. Отъ лакея слышалъ я, что Корбе передъ тѣмъ прибилъ барыню. Я слышалъ, что Корбе жилъ съ Ириной и Ольгой Ѳедоровной (гувернанткой), которую я разъ проводилъ мимо Марьи Николаевны, спрятавъ въ подушки. Когда жила у Корбе Алымова, гости бывали рѣдко, одинъ Бѣлый, и то во время именинъ Алымовой. Я слышалъ, что въ Тимашевкѣ въ прошломъ году пересаживали садъ, пересаживали большія деревья, на ровесникахъ которыхъ въ 1871 г. были уже плоды. Для фонтана въ Тимашевкѣ приготовлены трубы и резервуаръ. Когда я жилъ у Корбе, онъ постоянно ѣздилъ изъ одного имѣнія въ другое, трехъ дней не посидитъ на мѣстѣ, а когда поселилась Алымова, то сидѣлъ постоянно дома, ѣздилъ, но не часто. Онъ былъ большой хозяинъ, вездѣ въ полѣ бывалъ самъ. Корбе былъ очень скупъ и драчунъ. (Конисскому): Въ Смоленскомъ дѣйствительно былъ приващикъ Савелій, а въ Тимашевкѣ (Константиновкѣ) Петръ. Исторія съ барынею была весною: ночью она выбѣжала въ окно изъ дому босая, въ однѣхъ юбкахъ, оттого что баринъ ее билъ. Когда я жилъ у Корбе, онъ ѣздилъ въ церковь, но не часто и по праздникамъ принималъ у себя священниковъ съ молитвою. . . . .

Крестьянинъ Платонъ Сербинъ. Служилъ у Корбе съ малолѣтства. Первый разъ Корбе сталъ наказывать сына въ запрошломъ году, кажется, на масляной недѣлѣ. Наказывалъ сына Корбе каждый день розгами и плетью два раза. Наказывалъ очень сильно; отъ ударовъ плети на тѣлѣ оставались синія полосы. Въ конюшнѣ, когда послѣ наказанія, я хотѣлъ Ѳедѣ помочь одѣться, Корбе не позволилъ и ударилъ Ѳедю два раза кнутомъ. Ѳедю наказывали все время вплоть до Пасхи, послѣ Пасхи недѣли черезъ двѣ сталъ наказывать меньше. Сколько розогъ давалъ Ѳедѣ—хорошенько не помню, 10—15, но наказывалъ сильно. Слышалъ я отъ лакея Степана, что онъ послѣ наказанія вынималъ изъ тѣла Ѳеди куски розогъ. (Конисскому): Въ прошломъ году, въ такое время, какъ теперь, Корбе ѣздилъ въ Кременчугъ и привезъ оттуда новаго садовника. Передъ Покровомъ пересаживали въ Константиновкѣ садъ; тѣ деревья, которыя пересадили, всѣ пропали. Послѣ Покрова въ деревянномъ домѣ въ Константиновкѣ на каменномъ фундаментѣ была сырая стѣна; я, по приказанію Корбе, высушивалъ ее, прикладывая желѣзный листъ съ горячими угольями. Въ Константиновкѣ для фонтана приготовленъ резервуаръ. Осенью прошлаго года Корбе расчиталъ прикащика Петра, и избу, гдѣ жилъ Петръ, отдалъ новому са-

довнику. У Корбе былъ лакей Василій, кучеръ Василій и есть лошадь, которую Корбе называлъ Васею; брата Алымовой звали Василіемъ Максимовичемъ. Корбе ходилъ въ баню, я растиралъ его въ банѣ медомъ и солью. Корбе жаловался на головную боль и ему прикладывали въ это время холодную воду. Корбе былъ строгъ и сильно наказывалъ своихъ людей. Корбе былъ скупъ, въ послѣдніе два года сталъ добрѣе, чѣмъ прежде. Корбе былъ хорошій хозяинъ, прежде ѣздилъ по степи самъ, а послѣ сталъ ѣздить рѣже. Хозяйство велъ пока его не взяли въ Верхнеднѣпровскъ. Бѣлый былъ у Корбе въ послѣдніе два года раза три. Къ матери Корбе ѣздилъ, но не часто; мать же бывала у него до послѣдняго времени; разъ она пріѣзжала въ Тимашевку и съ нею были сестры Корбе—это было лѣтомъ. (Гольденвейзеру): За что наказывали Ѳедю—не знаю, слышалъ отъ людей, что онъ спряталъ карандашъ и бумажку, папиросу курилъ, и за это будто наказывалъ его Корбе. Когда наказывалъ отецъ, то говорилъ Ѳедѣ, чтобъ онъ не курилъ и не рукоблудилъ, иначе умретъ. Алымова при мнѣ не просила за Ѳедю. Стѣнка просохла, но не скоро, ее бросили сушить. Въ прошломъ году, когда ѣздилъ съ вами, я не ходилъ къ Корбе просить денегъ. Когда я ѣхалъ съ вами, то заходилъ къ Корбе въ комнату брать у него деньги на покупку сыра и лекарства. Корбе былъ крѣпко сердитъ, но чтобъ онъ былъ сумасшедшій—того я не могу сказать. (Конисскому): Я видѣлъ одного сумасшедшаго, который лаялъ по собачьи, больше сумасшедшихъ мнѣ не случалось видѣть.

Свидѣтель Ксенофонтъ Смычадловъ. Слышалъ отъ людей, что Корбе жестоко наказывалъ сына; Корбе звалъ меня держать Ѳедю, но я не пошелъ. Корбе очень любилъ и ласкалъ Ѳедю; до пріѣзда Алымовой никогда его не наказывалъ. Первый разъ сталъ наказывать на масляной 1869 г. Лакей, Степанъ Склеровъ, говорилъ мнѣ, что Ѳедю наказывали по наговорамъ Алымовой, онъ говорилъ мнѣ, что на ребенка наговариваютъ неправду; я спалъ съ Ѳедею вмѣстѣ, когда ѣздилъ за нимъ въ Николаевъ, и ничего дурнаго не замѣтилъ. У Корбе служилъ 10 лѣтъ ключникомъ, имѣлъ отъ него довѣренность, выданную 17 іюня 1870 г. Прежде, когда Корбе жилъ съ женою, былъ очень скупъ, а при Алымовой сталъ щедръ, сдѣлался добрѣе, давалъ впередъ деньги, мнѣ дарилъ рублей по 10. Прежде же не только не дарилъ мнѣ ничего, когда продавалъ пшеницу, а еще съ меня взыскивалъ. Въ 1870 г. я давалъ отчетъ Корбе по экономіи, былъ у него въ Екатеринославѣ 9 декабря, разсказывалъ ему, все ли благополучно въ имѣніи, приносилъ отчетъ, но онъ его не смотрѣлъ. Здѣсь онъ далъ мнѣ на расходы 200 р. подъ росписку, а прежде давалъ безъ росписки. Когда Корбе жилъ съ

женою, то очень строго смотрѣлъ за хозяйствомъ; при косьбѣ хлѣба самъ подбиралъ колосья; взыскивалъ съ атамана, если не хорошо убранъ хлѣбъ; билъ своеручно кнутомъ, если не хорошо выбрано. Когда поселилась Алымова, то Корбе весьма рѣдко бывалъ на работахъ, ѣздилъ всегда съ Алымовою въ тюльбери, болѣе занимался Алымовою. Въ Екатеринославѣ я пробылъ у Корбе съ 9 до 17 декабря; онъ былъ боленъ, заговаривался, говорилъ какой-то вздоръ. У него бывали Гольденвейзеръ, Гальберштадтъ и докторъ, разъ приходили Кузьмицкій и Чеботаревъ. Кромѣ этихъ лицъ, никто не ходилъ. Гальберштадтъ ходилъ часто, каждый день. Я сидѣлъ въ лакейской и иногда уходилъ по дѣламъ. Деньги онъ давалъ мнѣ изъ сумки, но сколько было денегъ у Корбе—не знаю. Я видѣлъ у него сторублевыми и пятидесятирублевыми бумажками пачку съ вершокъ толщины. Сумка и ключъ отъ нея лежали на столѣ, возлѣ Корбе. Кучеръ Василій говорилъ мнѣ, что когда умеръ Корбе, то Гальберштадтъ взялъ себѣ его суковатую палку, а лакей двѣ подушки, которыя продалъ за 7 рублей. Полученные отъ Корбе 200 р. я ходилъ мѣнять въ банкъ. (На вопросы Конисскаго): Корбе былъ очень сердитый; на Пасху 1868 или 1867, когда я пришелъ къ нему христосоваться, онъ мнѣ сказалъ: „ты пьянъ?"—я отвѣтилъ: „нѣтъ." Онъ повалилъ меня на полъ, билъ ногами и рвалъ волосы. (Гольденвейзеру): Въ то время нѣтъ, а наканунѣ былъ выпивши; но Корбе побилъ меня за свою любовницу Ульяну, я ее выругалъ. (Конисскому): Когда жила Алымова, Корбе требовалъ, чтобы въ домѣ была большая тишина; онъ запирался съ Алымовою въ кабинетѣ, и тогда туда никто не смѣлъ входить. Корбе дѣйствительно заговаривался, такъ напр. на третій день Пасхи, т.-е. въ апрѣлѣ 1870 г., я пришелъ къ нему въ кабинетъ, засталъ его одного, ходитъ и разговариваетъ, говоритъ: „уѣзжайте, оставьте меня одного." Я спрашиваю его, съ кѣмъ вы разговариваете? онъ отвѣчалъ: „Марья Николавна пришла и лежитъ подъ кроватью." Я посмотрѣлъ подъ кровать, тамъ никого не было. Я сказалъ Корбе, что подъ кроватью никого нѣтъ; онъ посмотрѣлъ на меня, какъ бы опамятовался и кивнулъ мнѣ головой; я вышелъ отъ него. Въ прошломъ году, во время сѣнокоса, Корбе не позволилъ матери накосить сѣна, не смотря на то, что она объ этомъ просила; крестьянамъ же давалъ косить съ половины. Прежде онъ никогда матери не отказывалъ. Я слышалъ отъ кучера и отъ лакея, что Корбе пересталъ ѣздить къ матери, когда сталъ жить съ Алымовою, а прежде ѣздилъ часто. Въ 1869 году—не помню въ какое время, кажется осенью, изъ Смоленскаго послала меня Алымова въ Марьевку за священникомъ отцомъ Авраамiемъ Самборскимъ. Я его привезъ. Затѣмъ

онъ заходилъ ко мнѣ и говорилъ, что Алымова дала ему подписать какую-то бумагу, которую онъ подписалъ не читая; сказалъ мнѣ, что ему не дали ее прочитать. Платонъ кучеръ ѣздилъ съ Корбе рѣдко. Бѣлый рѣдко бывалъ у Корбе, раза четыре за все время моей службы. Можетъ быть, былъ и чаще, но я не знаю. (На вопросы Дюкова): Слыхалъ отъ повара Ивана— въ Тимашевкѣ Корбе билъ барыню, а въ Смоленскомъ ссоръ не было; Корбе, когда пожилъ съ Алымовою, сталъ добръ и даже щедръ. Когда Корбе побьетъ кого, то цѣлый день не въ духѣ, не смотритъ на того человѣка. Наканунѣ того, какъ Корбе заговаривался, я его видѣлъ, онъ былъ задумчивъ и тихъ. Доктора у Корбе, кромѣ Задыраки, я не видѣлъ. Въ Екатеринославѣ Корбе бредилъ женщинами, которыя требовали денегъ. Въ послѣдніе два года Корбе какъ будто заикался, забывалъ, что надо сказать, такъ что зная его думу, напоминаешь ему. Забывалъ что приказалъ, напр., сдѣлать по хозяйству. Ежели дождь идетъ, приказывалъ не молотить хлѣба, а потомъ требуетъ меня и спрашиваетъ: „Почему не молотятъ?" Въ дождь у насъ никогда не молотятъ. Корбе я видѣлъ въ тотъ день, когда Алымова меня послала въ Марьевку за священникомъ; онъ, Корбе, былъ въ задумчивости. (Конисскому): Доктора Выговскаго въ лицо вовсе не знаю.

Мѣщанинъ Степанъ Скляровъ. Я изъ крестьянъ генерала Струкова. Когда Государь Императоръ благословилъ насъ свободою отъ господъ, я поступилъ къ К. Ѳ. Корбе, прослужилъ $1^1/_2$ года и отошелъ, а потомъ поступилъ въ 1868 г., не задолго до пріѣзда Алымовой. Въ это время Ѳедя уже пріѣхалъ изъ Николаева. Отецъ встрѣтилъ Ѳедю очень ласково; онъ его любилъ и до пріѣзда Алымовой никогда не наказывалъ. Наказывать Ѳедю Корбе сталъ со втораго дня масляной и продолжалъ весь великій постъ. Первый и второй день Пасхи не наказывалъ, а на третій вспомнулъ и постъ и масляную. Наказывалъ весьма сильно. Я и прачка Прасковья вытягивали изъ тѣла спички (куски розогъ), чтобъ ему легче было спать. Наказывалъ наслѣдника отецъ собственно черезъ Алымову, потому что до ея пріѣзда никогда не наказывалъ и не за что было наказывать; учился онъ хорошо, былъ очень быстрый мальчикъ. Бывало отецъ, только что накажетъ мальчика, какъ Алымова и гувернантка встрѣчаютъ его на лѣстницѣ и начинаютъ уговаривать, что онъ виноватъ, и чтобъ онъ сознался. Ведутъ его въ столовую, гдѣ онъ со страху сознается, а Алымова и говоритъ о томъ сейчасъ Константину Ѳедоровичу, что мальчикъ сознался; его снова отецъ ведетъ и наказываетъ, пригласивъ уже другихъ людей держать, такъ какъ я и лакей Василій отказа-

лись держать. Кромѣ того, Алымова мнѣ при Прасковьѣ и Васильѣ говорила, что Ѳедя такой дуракъ, что еслибъ онъ былъ ея сынъ, то она бы его на смерть забила. При этомъ говорила, что дитя ее въ плечо цѣловалъ; но что̀ въ этомъ дурнаго она находила—я не знаю, а полагаю, что дитя цѣловало ее со страху, а она имъ пренебрегала. (На вопросы Конисскаго): По приказанію Корбè я самъ завязывалъ Ѳедѣ извѣстныя части тѣла, такъ что онѣ сильно опухали, а Ѳедя отъ боли кричалъ; онъ не могъ мочиться цѣлый день. Завязывали обыкновенно съ вечера на ночь; подъ утро развязывали для того, чтобъ ребенокъ могъ помочиться, и какъ только помочится, то снова бинтовали и завязывали. Бинтовали такъ: сначала привяжемъ ленточкою, что̀ по копѣйкѣ аршинъ, а потомъ привязываемъ косынкою въ ляшкѣ. (На вопросы члена суда Делинскаго): Алымова не любила мальчика потому, что онъ былъ рѣзвъ и на все очень внимателенъ, втыкалъ булавки въ диванъ, гдѣ садилась Алымова. Никогда никто изъ прислуги не замѣчалъ, чтобъ Ѳедя имѣлъ порокъ, замѣчала это одна только Алымова. Когда меня вызвали къ слѣдователю по дѣлу о побояхъ Ѳеди, то Алымова дала мнѣ три рубля и просила показывать, что Корбè наказывалъ Ѳедю слабо, какъ отецъ сына; она говорила мнѣ это одинъ-на-одинъ и говорила, что дастъ еще намъ, почему я и предполагалъ, что она хотѣла дать Прасковьѣ и лакею Василію, но дала ли что̀ имъ—не знаю. Въ доказательство того, что получилъ отъ Алымовой 3 р., привожу еще слѣдующее. Когда мое показаніе у слѣдователя прочелъ Корбè, то далъ мнѣ оплеуху въ затылокъ и уже не позволилъ, чтобъ я ходилъ за нимъ, а велѣлъ быть буфетчикомъ и отобралъ сюртукъ, который подарилъ прежде. (Конисскому): Я былъ свидѣтелемъ, когда Корбè давалъ касторовое масло Ѳедѣ: налилъ столовый стаканъ масла, не доливая полонъ на палецъ, смѣшалъ масло съ угольемъ или жженымъ хлѣбомъ и приказывалъ пить. Ѳедя не хотѣлъ, онъ билъ его линейкою; если Ѳедя проглатывалъ масло, то его рвало и онъ жаловался, что послѣ этого ничего ѣсть не могъ. Масло давали раза три; Алымова при этомъ не была, но потомъ я слышалъ какъ Алымова, браня Ѳедю, говорила, что снова велитъ дать ему масла. Машинку деревянную дѣйствительно привязывали Ѳедѣ; она была деревянная и дѣлалъ ее нашъ столяръ, по приказу самого Корбè. Машинка состояла изъ небольшаго куска дерева, выдолбленнаго съ одной стороны на подобіе ложки и по концамъ удлинненная; на концахъ ремешки, которыми и пристегивали вдоль, какъ пристегиваютъ поясъ. Первоначально она была сдѣлана длинною, около двухъ вершковъ, немного менѣе, но она оказалась очень длинною, такъ что, когда Ѳедя прохо-

дилъ съ нею 4 дня, то въ паху у него подѣлались ранки; поэтому сдѣлали другую, по-меньше. Ѳедя ходилъ съ такою машинкою недѣли двѣ, до того времени, пока пріѣхала мать, уничтожила ее и взяла Ѳедю. Машинку сдѣлали, какъ былъ слухъ, по приказанію доктора Задыраки. Я былъ съ Ѳедею у матери Корбѐ, и тамъ, по приказанію барина, привязывалъ машинку Ѳедѣ и привязывалъ его къ кровати за руки и за ноги; это продолжалось дня два, потому что, изъ жалости къ Ѳедѣ, я болѣе не дѣлалъ; когда завижу, что баринъ ѣдетъ, то подвяжу машинку. Когда пріѣзжалъ Корбѐ къ матери, гдѣ былъ Ѳедя, то уже больше ему не радовался. Ѳедя прибѣжитъ къ нему, цѣлуетъ руки ему, а онъ его отталкиваетъ. Ѳедю кормили очень мало: случалось, что онъ раза три въ недѣлю оставался безъ обѣда; когда его считаютъ виноватымъ, то поставятъ возлѣ прибора во время обѣда, но не даютъ ни вилки, ни ножа, или въ концѣ обѣда Алымова возьметъ чего-нибудь кусокъ на вилку и дразнитъ Ѳедю, какъ звѣрька, говоря, что этого куска ему не будетъ. Когда Ѳедѣ не давали обѣдать, то давали ему самый маленькій кусочекъ хлѣба и заставляли играть на фортепіано, задавая большіе уроки, которыхъ онъ не могъ выучить. (Гольденвейзеру): Я наблюдалъ за Ѳедей днемъ и ночью, и никогда не могъ замѣтить, чтобъ онъ ночью дѣлалъ что-нибудь дурное, и никто этого не могъ замѣтить; когда Корбѐ осматривалъ при мнѣ, то никогда ничего не могъ замѣтить; замѣчали только Алымова и гувернантка и доносили Корбѐ. Никогда Корбѐ не наказывалъ сына за вину, которую самъ замѣтилъ, потому что никогда ея не замѣчалъ, а наказывалъ только по наговорамъ Алымовой и гувернантки. Когда наказывалъ Корбѐ, то до того сердился, что не могъ слова сказать; сидитъ, ничего не говоритъ, не можетъ даже выпить стакана воды, вспотѣетъ сильно до того, что перемѣняетъ рубашку. (Конисскому): Когда увезли Ѳедю, что было тогда, когда слѣдователь производилъ слѣдствіе, то послѣ допроса онъ, Корбѐ, вошелъ въ кабинетъ, приказалъ подать палку и пошелъ на греблю, гдѣ, молча, глядя въ даль, простоялъ болѣе получаса. (Гольденвейзеру): Ночь была мѣсячная, я стоялъ возлѣ Корбѐ на плотинѣ потому, что баринъ стоялъ. Когда уѣхала Алымова въ Одессу, въ октябрѣ 1869 года, Корбѐ очень скучалъ, хозяйствомъ занимался мало; когда пріѣзжали прикащики съ отчетомъ, Корбѐ говорилъ, чтобъ послѣ пришли, выйдетъ въ день разъ на работы и вернется, долго лежитъ, куритъ, скушаетъ блюда два, а не такъ какъ при Алымовой — блюдъ пять. Такъ Корбѐ жилъ двѣ недѣли послѣ отъѣзда Алымовой, а какъ жилъ потомъ—не знаю, потому что меня Корбѐ расчиталъ. (Конисскому): Послѣ того какъ Марья Николаевна взяла Ѳедю,

Корбе ночью кричалъ. Кричалъ онъ почти каждую ночь; кричалъ обыкновенно: „человѣкъ!“, иногда „люди!“ Кромѣ крику, Корбе во снѣ говорилъ, часто и проснувшись заговаривался, такъ что его нельзя было понять. Когда придешь къ нему, онъ велитъ позвать Алымову, которую мы къ нему и призывали. Она сидѣла у него ночь, двѣ и сколько придется. Корбе звалъ человѣка, крича раза два, три въ ночь. Покойной ночи у Корбе почти не было: то клали припарки къ поясницѣ и грудямъ, то компрессы къ головѣ. (Гольденвейзеру): Компрессы и припарки клали при Алымовой иногда недѣли двѣ сряду, а иногда и ничего не дѣлали. Алымова была при мнѣ больна два раза; первая болѣзнь была притворная, собственно для испытанія Корбе, а во второй разъ дѣйствительная. Былъ и докторъ, самъ Корбе носилъ ей припарки; разъ какъ-то, когда Корбе ухаживалъ за Алымсвой, съ нимъ сдѣлался обморокъ, такъ что лакей Василій его привелъ и положилъ на кровать. Это было въ годъ пріѣзда Алымовой (Конисскому): Алымова жила съ Корбе, какъ съ мужемъ, это я могу утвердить даже и присягою.

Прасковья Чередниченкова. Корбе часто наказывалъ своего сына Ѳедю; началъ наказывать, когда жила Алымова; наказывалъ по наговору Алымовой, наказывалъ весьма сильно, такъ что онъ кровью обливался. Я была прачкою и видѣла, что бѣлье Ѳеди все было въ крови послѣ наказанія. Я сама слышала какъ Алымова наговаривала на Ѳедю Корбе; я, сожалѣя Ѳедю, просила Алымову сходить къ Корбе и попросить за Ѳедю, указывая ей, что Корбе полнокровный, что съ нимъ часто дурно дѣлается. Она и пойдетъ въ кабинетъ; покуда она тамъ, не наказываютъ его, а потомъ уйдетъ изъ кабинета и говоритъ мнѣ: „пусть его еще наказываютъ, это не мѣшаетъ.“ Когда я шла къ слѣдователю на допросъ, Алымова говорила мнѣ, чтобъ я показывала слѣдователю, что Ѳедя себя дурно велъ, что за это его наказывали, но я никогда не замѣчала, чтобъ Ѳедя себя дурно велъ; говорила Алымова: „показывай правду.“ За что наказывали Ѳедю—я не знаю. Въ день бывало разъ пять водятъ наказывать. Я служу у Корбе лѣтъ 15. Алымова очень не хорошая барыня, она нашего брата очень обижала. Наказывали Ѳедю каждый день. Слава Богу ежели его разъ въ недѣлю не накажутъ, это былъ для насъ веселый день. Алымова обѣщала мнѣ дать что-нибудь за то, если я покажу слѣдователю такъ, какъ она меня научила. (На вопросъ Конисскаго): Передъ отъѣздомъ въ Верхнеднѣпровскъ Корбе приказалъ мнѣ затопить печку, принесъ оберемокъ (охапку) записокъ. Ихъ было очень много, и каждая перерѣзана въ срединѣ—я тому очень удивлялась. Записки Корбе жегъ тогда, когда его везли изъ Верхне-

днѣпровска на судъ. Братъ Алымовой Василій пріѣзжалъ. Пріѣхалъ онъ почти въ одной рубашкѣ, а Корбе его обулъ и одѣлъ, подарилъ ему Ѳедины часы и денегъ далъ на дорогу. Я слышала отъ Василья и Степана, что брату Алымовой Корбе посылалъ деньги, но сколько—не знаю. У Корбе часто болѣла голова, ее обливали холодною водой; съ нимъ часто было дурно, ему клали на голову капустные листы. (На вопросы Гольденвейзера): Алымова была у насъ словно царица; она была больна раза три, былъ докторъ Задыраки; я подозрѣвала, что она притворялась только для того, чтобъ Корбе больше за нею ухаживалъ, потому что она, несмотря на болѣзнь, оставалась такою же полною и здоровою; она кашляла кровью, но эта кровь показалась мнѣ слишкомъ рыжеватою, не такою, какъ обыкновенно бываетъ кровь. Задыраки былъ у насъ раза три. Я не подозрѣвала, чтобъ Алымова была беременна; она была дородная. (Конисскому): Я чесала постоянно ногу Константину Ѳедоровичу Корбе, у него осенью былъ нарывъ на ногѣ, я сама дѣлала для Корбе соленую ванну, въ которой онъ держалъ ноги съ часъ или полтора. Онъ простудился очень въ Екатеринославѣ и очень кашлялъ, почему и дѣлали ванну. Послѣ ванны закрывали его шубами и теплымъ одѣяломъ, это было послѣ петропавловской ярмарки. Алымова за нимъ ухаживала. Я помню, что растирала всего Корбе сальною свѣчкой и летучею мазью; въ прошломъ году съ Корбе нѣсколько разъ было дурно, глаза сдѣлаются красные, весь онъ похолодѣетъ и всего его тянетъ, это было при Алымовой. Въ то время, когда Корбе дѣлалось дурно, онъ Богъ знаетъ что говорилъ, ничего тогда не разберешь. Корбе съ Алымовой постоянно запирались къ кабинетѣ и что тамъ дѣлали—Богъ ихъ знаетъ. Когда они тамъ сидятъ, то никто не долженъ туда ходить, а если придетъ кто-нибудь, то идешь нарочно съ шумомъ, чтобъ слышалъ Корбе; онъ выйдетъ, скажешь ему, что пришелъ кто-нибудь, онъ скажетъ „хорошо“, потомъ запрется. (На вопросы доктора Шульца): Когда съ Корбе дѣлалось дурно, онъ самъ не могъ дойти къ кровати, говорилъ нѣмо. Въ послѣднее время ключи были у Алымовой, которая и выдавала деньги, когда Корбе расчитывалъ рабочихъ людей. Во время дурноты, въ прошломъ году осенью, я вела его на кровать, а то дурнота случалась съ нимъ въ кабинетѣ, и обыкновенно я приходила къ нему на зовъ Алымовой, когда онъ лежалъ уже въ постелѣ. Первый разъ сдѣлалось дурно Корбе весною въ прошломъ году. Алымова въ страхѣ прибѣжала и говорила мнѣ, что родные будутъ говорить, что она уморила Корбе, если, не дай Богъ, случится несчастіе. Доктора рѣдко бывали у Корбе, а пользовали его домашними средствами.

Крестьянинъ Павелъ Михайловъ. Въ 1866 г., въ Екатеринославѣ, во время петропавловской ярмарки, съ покойнымъ Корбе, у котораго я тогда служилъ поваромъ, былъ ударъ. Случилось это вечеромъ; половина лица посинѣла, руки были холодныя, онъ говорилъ самъ съ собою не ясно; по утру сталъ говорить яснѣе. Лечили его докторъ Стадіонъ, и кажется, докторъ Пчелкинъ. Корбе и послѣ заговаривался, мнѣ случалось слышать это нѣсколько разъ въ Тимашевкѣ. Когда я приходилъ спрашивать къ нему, что готовить, онъ ходилъ и говорилъ какой-то вздоръ. Я такъ и уйду, не узнавъ, что готовить. О томъ, что у Корбе былъ ударъ, я слышалъ отъ него самого, онъ мнѣ это сказалъ въ тотъ же вечеръ; крови ему не пускали, піявокъ не ставили, растирали водкою и уксусомъ по его приказанію и ставили горчичники на спину. Послѣ обѣда, на другой день болѣзни, онъ сталъ прохаживаться, а на 4-й день я съ нимъ выѣхалъ въ Тимашевку, верстъ за 50 отъ Екатеринослава.

Послѣ спроса этихъ свидѣтелей повѣренные истцовъ отказались отъ спроса остальныхъ вызванныхъ судомъ четырехъ свидѣтелей и просили спросить приглашеннаго судебнаго пристава, Демяновскаго, о томъ, какимъ онъ зналъ Корбе и какъ отысканы записки? Съ согласія противной стороны, г. Демяновскій былъ допущенъ къ спросу и принявъ присягу, показалъ:

К. А. Демяновскій. Корбе знаю съ октября 1868, но ближе съ нимъ сошелся въ 1869 и 1870 г. Корбе въ это время не могъ писать и читать безъ помощи очковъ. Въ январѣ или мартѣ 1870 года, Корбе подарилъ многимъ крестьянамъ тѣ взысканія, которыя я производилъ въ пользу его по исполнительнымъ листамъ. Сумма взысканія по каждому листу не превышала 100 р. с. Предъявленныя мнѣ имъ рукописныя книги—тѣ самыя, которыя я нашелъ въ домѣ Корбе въ Тимашевкѣ въ письменномъ столѣ. Сначала я не обратилъ на нихъ никакого вниманія, думалъ, что это экономическія замѣтки, но потомъ пересматривалъ ихъ и скрѣпилъ по слѣдующему случаю. Вечеромъ, 30 декабря 1870 г., когда я изъ дому Корбе, гдѣ производилъ опись, вышелъ пройтись на площадку, ко мнѣ съ берега Днѣпра поднялся и подошелъ какой-то человѣкъ. Онъ былъ одѣтъ въ бурку, на головѣ капишонъ. Онъ спросилъ меня, не нашелъ ли я какихъ записокъ? Я отвѣчалъ, что нашелъ. Онъ началъ говорить, что это дневники и ничего не стоютъ, что они дороги только для родныхъ и знакомыхъ, что нежелательно бы было оглашать ихъ передъ опекой, и предложилъ, чтобъ я продалъ ему ихъ. Давалъ мнѣ за каждую книгу сначала по 100 руб., потомъ по 200 руб., нако-

нецъ по 300 руб. Я не согласился и разсказалъ объ этомъ г-жѣ Корбе. (Гольденвейзеру): Когда я нашелъ эти семь книгъ въ столѣ, г-жа Корбе была при этомъ и сказала: „это знакомая исторія спиритическая.“ Неизвѣстный человѣкъ, покупавшій у меня книги Корбе, былъ такъ закутанъ, что лица невозможно было разсмотрѣть. Я спрашивалъ, кто онъ? но онъ отвѣчалъ: не спрашивайте и не старайтесь узнать, всѣ мѣры приняты, чтобъ нельзя было узнать. По акценту онъ былъ еврей.

Во время производства надъ покойнымъ Корбе слѣдствія за истязанія сына, тотъ же Скляровъ и таже Чередниченкова показали слѣдующее:

Скляровъ. Первый разъ К. Ѳ. сѣкъ своего сына на масляницѣ. Это было на верху, въ залѣ. Ударилъ онъ розгами разъ 10 или 12. Когда всѣ розги вышли, я сталъ просить К. Ѳ. за Ѳедю и К. Ѳ. пересталъ сѣчь, а потомъ разсказалъ, что онъ сѣчетъ его за то, что сынъ его занимается худымъ дѣломъ. Онъ мнѣ говорилъ, что заставалъ за этимъ своего сына, когда спалъ съ нимъ въ одной комнатѣ; Ѳ. К. при мнѣ сознавался отцу, что онъ еще въ школѣ въ Николаевѣ научился. Но самъ я ни разу не замѣчалъ этого, хотя Ѳ. К. до послѣдняго времени постоянно былъ подъ моимъ надзоромъ и часто, по цѣлымъ часамъ, смотрѣлъ утромъ черезъ двери, когда онъ еще лежалъ въ постели; въ тѣ полторы недѣли какъ онъ былъ у своей бабушки, я просиживалъ у его постели цѣлыя ночи и спалъ днемъ и также я ни разу не замѣтилъ, чтобы Ѳ. К. занимался этимъ дѣломъ. Съ масляницы и до самаго Свѣтлаго Воскресенья К. Ѳ. рѣдко когда минуетъ день чтобы не высѣкъ сына. При мнѣ два раза, когда мнѣ пришлось держать Ѳ. К., ему отецъ далъ не болѣе какъ по 10 розогъ, а потомъ я отъ этого отказался. Я не видалъ какъ наказалъ К. Ѳ. своего сына на конюшнѣ. Мѣняя Ѳ. К. бѣлье я видалъ у него знаки, высѣчено всегда было сильно. Я же водою промывалъ и спички вытаскивалъ. Ѳ. К. всегда ходилъ со слѣдами розогъ и его всегда сѣкли по мѣсту, на которомъ еще не зажили слѣды прежнихъ розогъ. При мнѣ К. Ѳ. разъ ударилъ по щекѣ сына за непризнаніе; онъ и признался. Мнѣ же Ѳ. К. говорилъ, что часто говорилъ на себя напраслины, боясь наказанія. О томъ, что К. Ѳ. наказывалъ сына по жалобамъ Алымовой, я ничего не знаю. *Алымова даже заступалась за Ѳедю.* Далѣе на вопросъ, предложенный К. Ѳ. Корбе, указавшимъ на то, что Скляровъ, на котораго возложено было провожать мальчика во время его прогулокъ, одинъ разъ самъ доложилъ ему, что мальчикъ убѣжалъ отъ него, чтобы заняться своею дурною привычкою, — Скляровъ подтвердилъ, что дѣйствительно одинъ разъ, великимъ постомъ, Ѳедя отъ него ушелъ

въ овчарню, гдѣ пробылъ минутъ 10 и на вопросы его, Склярора, сказалъ ему, что ходилъ до вѣтру, на что Скляровъ ему замѣтилъ, что это неправда и что для этого ненужно было бы разстегивать помочи.

Чередниченкова у слѣдователя показала, что Ѳедю наказывалъ отецъ часто и что поводомъ къ наказанію бывали жалобы Алымовой что онъ плохо учится, а также наговоры что онъ занимается дурнымъ дѣломъ. Но Алымова часто выпрашивала Ѳ. К. у отца прощеніе и тогда его не наказывали.

Свидѣтели, выставленные со стороны отвѣтчицы, на судѣ показали:

1871 года октября 3 дня, я нижеподписавшійся докторъ медицины Веніаминъ Михайловичъ *Стадіонъ*, вѣроисповѣданія лютеранскаго. Корбе я знаю еще съ 1865 года; въ томъ году я былъ назначенъ старшимъ врачемъ богоугоднаго заведенія. 13 августа 1865 года я ѣздилъ въ отпускъ въ Одессу, чрезъ Никополь. Въ Никополѣ пересѣлъ на пароходъ, чтобы ѣхать въ Одессу; здѣсь мы сошлись съ Гердзеемъ, — это былъ мой товарищъ по университету, хотя я былъ по медицинскому факультету, а онъ по юридическому,—при этомъ онъ меня познакомилъ съ своимъ полубратомъ Корбе, такъ какъ Корбе приходился ему братомъ по матери. Прп этой поѣздкѣ была сестра г. Корбе, дѣвица Гердзей. По возвращеніи въ Екатеринославъ, въ октябрѣ или въ ноябрѣ мѣсяцѣ, когда Корбе находился здѣсь въ городѣ, онъ былъ у меня въ богоугодномъ заведеніи и нѣсколько разъ обѣдалъ, такъ что съ этого времени началось наше болѣе близкое знакомство. Въ 1865 году, я не помню, чтобы онъ ко мнѣ обращался за медицинскимъ совѣтомъ. Въ 1866 году, лѣтомъ, Корбе пріѣзжалъ въ городъ, къ петропавловской ярмаркѣ, и тутъ онъ совѣтовался со мной насчетъ своего здоровья. Не могу сказать навѣрное: былъ ли онъ у меня, или я у него; но знаю, что онъ ко мнѣ въ то время обращался и я ему прописалъ что-то, а что не помню, но знаю, что особенно серіознаго ничего не было. Сколько мнѣ помнится, онъ страдалъ заваломъ печени, иногда былъ приливъ крови къ печени, преимущественно въ правомъ боку, но особенныхъ отклоненій я никакихъ не замѣчалъ, иногда былъ недостатокъ въ пищевареніи. Въ 1867 году онъ тоже обращался ко мнѣ, и я ему прописывалъ какой-то рецептъ, но какой именно припомнить не могу. Въ 1868 году, во время петропавловской ярмарки Корбе тоже совѣтовался со мною и даже жилъ у меня на квартирѣ. Моя жена въ этомъ году, въ маѣ мѣсяцѣ, уѣхала за границу. Я самъ собирался выѣзжать изъ Екатеринослава, такъ что домъ мой былъ не занятъ; тогда, встрѣтившись со мною, Корбе просилъ меня на

время петропавловской ярмарки уступить ему квартиру. Я ему далъ квартиру и онъ кажется прожилъ у меня двѣ недѣли вмѣстѣ съ своимъ сыномъ. Сколько я могъ тогда видѣть, онъ обращался съ нимъ очень хорошо, такъ что послѣднее время, когда я узналъ, что начато дѣло о жестокомъ обращеніи его съ сыномъ, я даже былъ удивленъ, потому что въ 1868 году я ничего подобнаго не замѣчалъ. Въ это время я тоже давалъ ему совѣты на счетъ его здоровья; въ это время онъ кажется жаловался на приливъ крови къ печени, не много покашливалъ, но вообще страданія были весьма незначительны, потому что онъ купался со мною, мы обѣдали вмѣстѣ съ нимъ. Онъ занимался всѣми своими дѣлами и двигался какъ человѣкъ здоровый. Въ это время я ему что-то прописывалъ, но, опять повторяю, что ничего существеннаго не было. Помню, что онъ жаловался всего на боль въ правомъ боку. На счетъ его физическаго состоянія, я могу передать только то впечатлѣніе, которое производилъ на меня Корбе: онъ былъ атлетическаго сложенія, съ чрезвычайно развитой мышечной системой, и пользовался отличнѣйшимъ здоровьемъ. Недавно въ газетахъ чуть ли не въ концѣ августа или въ началѣ сентября была статейка, повидимому, екатеринославскаго изделія, гдѣ описывается, что будто бы Корбе былъ человѣкъ истощенный. Я не знаю, кто авторъ этой статьи, такъ какъ она не была подписана; но я могу только сказать, Корбе до того былъ истощенъ, что въ состояніи былъ разгибать подковы; это былъ страшный силачъ. Въ 1868 году, когда я уложилъ сундукъ съ книгами, чтобы его отправить въ дорогу, то Корбе, проходя чрезъ ту комнату, гдѣ стоялъ сундукъ, споткнулся и спросилъ. „не деньги ли здѣсь"?, а когда я ему отвѣтилъ, что здѣсь книги, то онъ взялъ сундукъ и поднялъ его одною рукою, между тѣмъ въ этомъ сундукѣ было пудовъ пять вѣсу, изъ чего можно видѣть, что Корбе былъ въ полномъ смыслѣ силачъ. Что касается до его нравственно-психическаго состоянія, то о его характерѣ я составилъ себѣ слѣдующее понятіе. Сколько я его зналъ, Корбе былъ примѣрной честности; я могу сказать, что человѣкъ рѣдкой энергіи и страшной силы воли и это оправдалось въ послѣднее время. Относительно его умственныхъ способностей, я не могу сказать, чтобы Корбе былъ человѣкъ необыкновенно смышленый и необыкновенно даровитый. Этого мнѣнія я себѣ о немъ не составилъ, напротивъ я думалъ, что Корбе человѣкъ недалекаго образованія. Я ему нѣсколько разъ предлагалъ книги и спрашивалъ: чѣмъ онъ занимается?—но онъ отвѣчалъ на это всегда уклончиво, такъ что изъ его отвѣта можно было заключить, что онъ вовсе не читаетъ книгъ, тѣмъ не менѣе онъ былъ любознателенъ. Въ 1868

году, когда онъ жилъ у меня, мы часто бесѣдовали, а когда я ему кое-что передавалъ изъ политики, или естественныхъ наукъ, то онъ могъ слушать и часто заслушивался; словомъ было видно, что онъ этимъ интересовался. Далѣе я замѣтилъ еще одну черту въ его характерѣ—онъ былъ довольно скупъ и, сколько я могъ замѣтить,—онъ, кажется, былъ склоненъ къ деспотизму, имѣлъ нравъ довольно абсолютный и крутой. Если онъ говорилъ: „да,“ то ничѣмъ въ мірѣ нельзя было его разубѣдить, и если онъ говорилъ: „нѣтъ,“ то никакими мольбами, никакими просьбами нельзя было его заставить отступиться отъ своего слова. Любилъ, чтобы все его окружающее, вся его прислуга и всѣ его домашніе абсолютно покорялись ему, не допускалъ никакихъ противорѣчій. Въ отношеніи его умственныхъ способностей я никогда не замѣчалъ никакихъ признаковъ, которые могли бы привести меня на мысль, что Корбе не въ себѣ, что онъ страдаетъ какимъ-либо помѣшательствомъ, мнѣ это никогда и въ голову не приходило. Онъ мнѣ даже разсказывалъ разъ, что всѣмъ тѣмъ, чѣмъ онъ владѣетъ, обязанъ себѣ самому; что онъ началъ свое хозяйство съ пятью стами десятинами земли, которыя были обременены долгами; что онъ имѣетъ нынѣ 5 т. десятинъ и около 100 т. руб. денегъ. Говоря это, онъ не хвасталъ, хвастовства не было въ его натурѣ. Это сообщеніе онъ мнѣ сдѣлалъ какъ бы не охотно, такъ какъ онъ вообще былъ человѣкъ несообщительный и замкнутый. Характеръ его былъ весьма стойкій, а сила воли необыкновенная. Вотъ тѣ черты, которыми обрисовывается его нравственно-психическій характеръ. И если разбирать въ немъ всѣ черты характера, то это былъ человѣкъ крутой, угловатый, и даже та честность, которая была въ немъ, носила отпечатокъ шероховатости. Онъ былъ человѣкъ, который могъ возбудить къ себѣ уваженіе, но мало возбуждалъ къ себѣ сочувствія, не былъ симпатиченъ, мягкаго въ немъ, дѣйствительно, было мало. Послѣднее время лѣтомъ 1870 года, когда онъ пріѣхалъ въ Екатеринославъ, я тоже его видѣлъ. Я въ то время возвратился въ Екатеринославъ и остановился въ екатеринославской гостинницѣ; Корбе жилъ рядомъ съ тѣмъ номеромъ, въ которомъ стоялъ я. Это было лѣтомъ въ концѣ іюня или въ началѣ іюля, времени точно опредѣлить не могу; въ августѣ мѣсяцѣ Корбе опять былъ въ Екатеринославѣ, и, за столомъ, за обѣдомъ я видѣлся съ нимъ. Мы опять, какъ добрые знакомые, разговорились; я спрашивалъ, гдѣ онъ остановился, „здѣсь въ 7 номерѣ“ отвѣчалъ онъ; „я тоже здѣсь живу“, сказалъ ему я, и пригласилъ его къ себѣ, и онъ далъ слово быть у меня, но потомъ не показался. Мнѣ это показалось страннымъ, а послѣ я узналъ, что онъ пріѣхалъ въ Екатеринославъ совѣ-

товаться съ адвокатомъ, что онъ здѣсь находится подъ слѣдствіемъ по уголовному дѣлу. Съ тѣхъ поръ я болѣе не встрѣчался съ нимъ до самаго декабря мѣсяца. Въ декабрѣ, когда онъ пріѣхалъ, это было кажется 3-го или 4-го, однимъ словомъ, въ началѣ декабря, когда дѣло его должно было разбираться, онъ пріѣхалъ уже больнымъ. Тогда пришелъ ко мнѣ его человѣкъ и передалъ, что Корбе желаетъ видѣть меня, и проситъ меня убѣдительно, чтобы я сейчасъ же пошелъ къ нему въ европейскую гостинницу. Я засталъ его чрезвычайно мрачнымъ, съ упавшимъ духомъ, словомъ ужасно разстроеннымъ. Онъ просилъ меня, чтобы я его осмотрѣлъ и я нашелъ, что онъ совершенно боленъ, вся нижняя доля праваго легкаго была въ состояніи hypatisatio, пульсъ былъ лихорадочный, глаза горѣли, словомъ видно было, что человѣкъ былъ больной. Я сначала прописалъ ему лекарство и остался при немъ, чтобы его нѣсколько развлекать; онъ кое-что мнѣ передавалъ о своемъ дѣлѣ и видно было, что онъ сильно былъ взволнованъ. Наконецъ наступило 9 декабря, тотъ день, когда онъ долженъ былъ явиться на судъ. Наканунѣ я ему говорилъ: „Константинъ Федоровичъ! Вы человѣкъ „больной, вы не можете быть совершенно хладнокровны. Я знаю, „что дѣло ваше васъ волнуетъ, вы лучше скажитесь больнымъ „и попросите отсрочки засѣданія, потому что вы даже не въ „состояніи хладнокровно говорить, я вамъ совѣтую не ѣздить „въ судъ.“ Но всѣ мои доводы остались напрасны. Если Корбе разъ взялъ себѣ что нибудь въ голову, то его уже ничѣмъ нельзя было разубѣдить. Я вызвался дать ему свидѣтельство, но онъ говорилъ: „чтобы тамъ ни было, я положительно хочу, что бы дѣло кончилось.“ 9-го онъ поѣхалъ въ судъ, но когда засѣданія не состоялось, то это его чрезвычайно огорчило; онъ сталъ въ высшей степени волноваться, болѣе всего его огорчило то, что онъ лишенъ былъ свободы. Онъ всѣми силами желалъ доставить себѣ свободу и отправиться домой, а тутъ всѣ его ожиданія не оправдались. Всѣ мои старанія успокоить Корбе, поддержать его—окончились ничѣмъ. И вотъ въ это время онъ началъ страдать безсонницей, пульсъ былъ совершенно лихорадочный, глаза горѣли, мускулы дрожали; когда я приходилъ къ нему, то постоянно замѣчалъ въ немъ дрожь и сильный ознобъ, несмотря на то, что въ его комнатѣ были двѣ печи, которыя топились. Однажды я смотрѣлъ на термометръ и было чуть ли не 22 или 23 градуса Реомюра, но онъ все-таки сидѣлъ въ халатѣ, подбитомъ мѣхомъ и говорилъ, что онъ не чувствуетъ никакой жары. Я какъ врачъ и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ добрый знакомый выдалъ ему тогда свидѣтельство, которое вѣроятно находится при дѣлѣ, гдѣ я говорилъ, что считаю необходимымъ,

для сохраненія жизни и здоровья Корбе, чтобы ему по возможности была возвращена свобода, чтобы съ него взяли денежный залогъ, потому что лишеніе свободы до такой степени его ожесточаетъ и огорчаетъ, что онъ рѣшительно ни на одну минуту не имѣетъ душевнаго спокойствія. Съ этого времени состояніе Корбе все стало хуже и хуже, онъ потерялъ аппетитъ, сталъ желтѣть, соединительная оболочка глазъ стала желтая, появились частыя и страшныя рвоты и онъ рѣшительно ничего не могъ переносить; кромѣ того безсонница, такъ что онъ въ теченіи 6 или 7 сутокъ ни разу ни спалъ. Я ему давалъ морфій, но не было никакой возможности вызвать сонъ, у него аппетитъ совершенно потерялся, языкъ сталъ сухой, обложенъ и съ трещинами и съ каждымъ днемъ ему дѣлалось все хуже. Въ это время я его убѣждалъ присоединить ко мнѣ еще одного или двухъ врачей, я ему говорилъ, „Константинъ Федоровичъ! пригласите еще 2-хъ-3-хъ врачей и мы совмѣстно будемъ васъ лечить,“ но онъ не хотѣлъ этого. Онъ сказалъ „я вполнѣ довѣряюсь вамъ,“ на это я замѣтилъ ему, „для меня самаго будетъ гораздо пріятнѣе, если будутъ лица, которыя будутъ свидѣтелями, какъ я васъ лечу.“ Но онъ не хотѣлъ этого, а чего Корбе не хотѣлъ, въ томъ не было никакой возможности убѣдить его. Наконецъ видя, что его состояніе все ухудшается, я прибѣгнулъ къ другому средству: „ну представьте себѣ мое положеніе, еслибы вы были обыкновенный паціентъ“—говорилъ я ему—„а то вы вѣдь состоите подъ судомъ, имѣете много враговъ, находясь въ разладѣ съ своимъ семействомъ; въ какое же щекотливое положеніе ставите вы меня! вѣдь противъ меня могутъ быть какіе-нибудь извѣты; если вы питаете ко мнѣ хоть какую либо дружбу, то вы должны согласиться на мое предложеніе.“—„А! если ради васъ—сказалъ онъ—то созывайте кого хотите.“ Тогда я предложилъ, чтобы пригласить здѣшнихъ врачей: Барафа, Рекса и Врасскаго. Они пришли вечеромъ. Я имъ передалъ то, что было до этого времени. Они осмотрѣли состояніе больнаго, и мы совмѣстно порѣшили, что ему прописать. На другой день утромъ, не помню 26 или 27 декабря, мы снова всѣ собрались, но въ этотъ день меня отозвали къ больному въ Новомосковскъ. Я старался всѣми мѣрами отказаться отъ этой поѣздки, но я не могъ этого сдѣлать; я долженъ былъ ѣхать и я рѣшился, зная, что тутъ есть другіе врачи, которые обѣщались смотрѣть за нимъ. Поѣхалъ я утромъ, пріѣзжаю вечеромъ и посылаю спросить: какъ состояніе Корбе; мнѣ говорятъ, что онъ уже скончался. (На вопросъ эксперта Дюкова): На счетъ діагностики я сознаюсь вполнѣ, что діагностики несомнѣнной у меня не было, и вы, какъ врачъ, надѣюсь не будете этому удивляться. Діа-

гнозъ у меня былъ поставленъ, но онъ колебался между 2-мя предположеніями: есть ли здѣсь одна лишь обыкновенная иперемія мозга, или же мы имѣемъ дѣло съ febris typhoidea biliosa, какъ ее описываетъ Гризингеръ; но я его не выдаю за вѣрный, было многое, что говорило въ пользу одного и другаго предположенія. Хотя по временамъ иперемія мозга, мнѣ казалась, вѣроятнѣе; въ пользу биліознаго тифа говорило: пораженіе печени, желтизна соединительной оболочки глазъ, рвоты, отчасти поносъ; но я не могъ убѣдиться въ увеличеніи селезенки, никогда недостающей въ биліозномъ тифѣ. Въ пользу ипереміи говорили: сокращенные зрачки, сильная головная боль, ночной бредъ, безсонница, сомнительное состояніе селезенки и явныя intermisciones, продолжавшіяся цѣлые часы. Противъ febris typhoidea biliosa говорило наконецъ и то обстоятельство, что лихорадка эта, большею частью, является эпидимическою; здѣсь же этого не было, въ городѣ у меня не было ни одного больнаго подобнаго рода. Далѣе же, и этіологическое происхожденіе тифа, а именно: дурная пища, нечистый, гнилостный воздухъ, нечистоты разнаго рода, вообще говорило въ данномъ случаѣ скорѣе противъ, чѣмъ въ пользу этой болѣзни, то-есть биліознаго тифа. Корбе же питался самой отличной пищею, онъ былъ чрезвычайно чистоплотенъ, онъ даже въ гостинницѣ мѣнялъ по 2 раза на день бѣлье, ему постоянно возили корзины съ бѣльемъ, простыни, рубашки, все это мѣнялось по возможности часто; пища была здоровая, воздухъ былъ хорошій. Впрочемъ онъ говорилъ, что, когда былъ въ Верхнеднѣпровскѣ, подъ арестомъ, то для него наняли тамъ квартиру, чрезвычайно скверную и сырую, и эта квартира принесла ему страшнѣйшій вредъ, такъ что опять-таки я могъ заключить, что это была febris typhoidea biliosa. Принимая страданія Корбе даже за пораженія мозга, можно было въ немъ видѣть одну только иперемію: не было ни paraplegia, ни haemiplegia, ни strabismus, ни иныхъ частныхъ параличей, ни измѣненій въ рѣчи. Бредъ ночью былъ, но когда разбужали больнаго онъ приходилъ въ себя, все помнилъ и рѣшительно все зналъ, онъ зналъ о всѣхъ деньгахъ, о бумагахъ, которыя хранились у него. Когда былъ консиліумъ и порѣшили, чтобы давать ему шампанское, то онъ при мнѣ велѣлъ вынуть деньги 3 или 4 рубля, далъ человѣку и самъ себѣ назначилъ шампанское, словомъ онъ все помнилъ, такъ что я имѣлъ разговоръ съ нимъ о его разладѣ съ семьей; у него было дрожаніе въ то время, но не конвульсіи. Конвульсій у больнаго не было никакихъ, но все тѣло вообще дрожало; когда онъ лежалъ на желѣзной складной кровати (ее онъ всегда возилъ съ собою, потому что боялся чтобы клопы его не тревожили), то вся она дрожала. Послѣдній разъ

я видѣлъ покойнаго Корбе утромъ часовъ въ 8, но не помню 27 или 28 декабря. Въ этотъ день я уѣзжалъ въ уѣздный городъ Новомосковскъ, въ 25 верстахъ отсюда, а когда оттуда пріѣхалъ, то уже не видѣлъ его, потому что сейчасъ же послалъ человѣка разузнать и мнѣ сказали, что Корбе умеръ и идутъ различные обряды о похоронахъ. Я изслѣдовалъ сердце и легкія Корбе, когда онъ еще былъ у меня въ богоугодномъ заведеніи, но при этомъ осмотрѣ я въ легкихъ рѣшительно ничего не нашелъ. Это было въ 1865 году. Въ 1866 году во время холеры, онъ тоже обращался ко мнѣ и я ему прописалъ антихолерныя капли, но грудные органы были совершенно въ порядкѣ. Сердце не имѣло ни малѣйшаго отклоненія; у него не было никакой stenosis либо insufficientia заслонокъ, толчки сердца были совершенно нормальные, пульсъ былъ также совершенно нормальный. Онъ только жаловался постоянно на боль въ боку, но серіозной болѣзни у него не было: ни carcinoma, ни cirrhosis. (На вопросы эксперта Чехова): Въ рѣчи Корбе я не замѣтилъ никакихъ измѣненій, заиканія никогда не было; не только во все прежнее время, но до самой смерти онъ сохранилъ прежнее сознаніе. Когда я пріѣхалъ изъ Новомосковска, то мнѣ говорили, что онъ въ день смерти призвалъ дѣтей своихъ, благословилъ и давалъ два рубля, чтобы имъ купили конфектъ. Во время сильнаго возбужденія онъ бредилъ; я поставилъ при немъ фельдшера, который бы присматривалъ за нимъ, а когда приходилъ утромъ, то спрашивалъ: какъ больной проводилъ ночь, и фельдшеръ отвѣчалъ мнѣ: „нехорошо, онъ бредитъ." Я еще долженъ вспомнить одно обстоятельство, хотя оно было кажется 19 или 20 декабря, дней 8 до кончины Корбе. Тогда былъ здѣсь балъ въ клубѣ я тоже поѣхалъ туда; вдругъ часовъ въ 11-ть пріѣзжаетъ за мной г. Гальберштадтъ и говоритъ, что съ Корбе дурно. Я сейчасъ же отправился къ нему и нашелъ у него сильнѣйшее возбужденіе, я спросилъ, „что съ вами?" и онъ отвѣтилъ, что ему ужасно плохо, неспится. Голова горячая какъ огонь, пульсъ полный, частый. Я не думалъ тогда, чтобы эта была febris biliosa, я принималъ за обыкновенную иперемію мозга; тутъ же велѣлъ сдѣлать ему кровопусканіе и взялъ у него фунта $1\frac{1}{2}$ или 2 крови, но онъ при этомъ не оказалъ ни малѣйшаго сопротивленія, самъ протянулъ руку и сказалъ: „дѣлайте, что хотите, я все исполню, что вы скажете." На другой день больному было гораздо лучше, но послѣ опять начался упадокъ силъ и ему становилось все хуже. (На вопросъ эксперта Чехова): Въ постели больной лежалъ дней 8 или 9, первое время до кровопусканія онъ еще вставалъ и ходилъ; но послѣ уже не поднимался. Передъ смертію онъ до того измѣнился, что его узнать не-

льзя было. Послѣдній день болѣзни онъ, несмотря на свою опрятность, откашливаясь, извергалъ мокроты прямо на себя. Зрѣніе и слухъ во время болѣзни были въ высшей степени чувствительны, т.-е. возбуждены; въ особенности было болѣзненное возбужденіе слуха, Корбе слышалъ все, что въ комнатѣ говорилось даже шопотомъ. Свѣчку мы старались держать сзади головы, но если, когда желали его осматривать и ставили свѣчку передъ его глазами, то это было ему въ высшей степени непріятно; онъ казалось могъ даже слышать, что говорилось на дворѣ. Я относился къ нему не только какъ къ паціенту, но и какъ къ человѣку, къ которому былъ весьма расположенъ. Разсмотрѣвъ представленные рецепты, я заявляю, что вотъ это противъ запоровъ; это—антихолерные капли; въ сущности же эти рецепты подтверждаютъ только то, что я говорилъ, то есть, что у Корбе не было ничего существеннаго, исключая того, что онъ всегда жаловался на гиперемію печени. (На вопросы Конисскаго): Въ этомъ составѣ настоящій рецептъ можетъ быть прописанъ только какъ противохолерное средство. (На вопросъ Гольденвейзера): Я не помню того случая, когда Корбе посылалъ за мною на разсвѣтѣ, а также не знаю и того, встрѣчался ли я когда нибудь съ докторомъ Пчелкинымъ у Корбе. Въ практическомъ значеніи слова мы называемъ больнымъ того человѣка, который лежитъ въ кровати. Людей одержимыхъ хроническими пороками вы найдете сплошь да рядомъ. Скрытыхъ болѣзней я у Корбе никакихъ не подозрѣвалъ; худосочія въ немъ не замѣчалъ, а также никакихъ симптомовъ апоплексическаго удара не наблюдалъ. Онъ часто жаловался на боль головы, но это было явленіе чистой гипереміи; апоплексія оставляетъ за собою параличи, strabismus, а этого у Корбе не было. Я никогда не могу смѣшать гипереміи съ апоплексіей. Мы никогда не имѣемъ возможности объяснить больному, чѣмъ онъ одержимъ. Наконецъ, еслибы у Корбе была апоплексія, тогда я принялъ бы другія мѣры. Я могу вамъ сказать съ полнѣйшею достовѣрностью, что у Корбе, бывало, быть можетъ, біеніе сердца, бывало раздраженіе, но не было апоплексіи. Я долженъ еще вспомнить здѣсь одно весьма существенное обстоятельство: была еще одна газетная статейка, которая также никѣмъ не была подписана, и въ которой, между прочимъ, говорилось, что Корбе былъ человѣкъ пьющій. Но я на основаніи присяги, на основаніи совѣсти, положительно могу увѣрить, что это ложь. Когда Корбе жилъ у меня, то у него за столомъ всегда стояла бутылка вина; но онъ едва въ состояніи былъ выпивать маленькую рюмку и вообще заявлялъ мнѣ, что онъ никогда ничего не пьетъ. Быть можетъ, какъ сельскій хозяинъ, разъѣзжая по имѣнію, онъ возьметъ рюмку

водки, но это для совершенно здороваго человѣка, какимъ былъ Корбе, вовсе не значило быть пьющимъ. Apoplexia nervosa есть миѳъ, котораго ниодинъ врачъ никогда не наблюдалъ. Apoplexia всегда имѣетъ опредѣленную форму: бываетъ разрывъ сосудовъ, бываетъ выступленіе крови изъ мозга, то есть въ вещество мозга, или между мозговыми оболочками. Въ 1868 году, когда Корбе пріѣхалъ сюда на ярмарку, онъ привелъ сюда много лошадей, а между тѣмъ мои лошади, вслѣдствіе постоянной моей ѣзды по больнымъ, въ теченіи цѣлаго дня къ вечеру были измучены. Вслѣдствіе чего, я всегда вечеромъ ѣздилъ купаться вмѣстѣ съ Корбе, въ его экипажѣ; но при этомъ ничего особеннаго въ немъ не замѣчалъ, въ рѣчи его я также не видѣлъ ни малѣйшихъ отклоненій отъ того, какъ я его зналъ въ 1865 г.; рѣчь его была медленная, растяжистая и наканунѣ смерти онъ говорилъ также, какъ и за 5 лѣтъ до смерти. Взглядъ его не представлялъ собою ничего особеннаго, страннаго. Начиная съ 1865 года и до самаго послѣдняго времени, въ глазахъ его я незамѣчалъ никакой перемѣны. Мѣсяца за 4 или 5 до кончины, я съ нимъ вмѣстѣ обѣдалъ, разговаривалъ и видѣлъ передъ собою того же Корбе, какимъ я зналъ его назадъ тому 5 лѣтъ. Характеръ его былъ дѣйствительно суровый, деспотическій, но вмѣстѣ съ тѣмъ это былъ человѣкъ съ желѣзной волей и онъ до послѣдней минуты остался непоколебимъ, совершенно нетронутъ. (На вопросы Конискаго): Когда нужны были деньги, то Корбе взялъ свой сакъ-вояжъ и оттуда вынулъ нѣсколько рублей, отсчиталъ и послалъ за виномъ. (На вопросы предсѣдателя): Однажды я уговаривалъ Корбе, не можетъ ли онъ какъ-нибудь помириться съ своею женою, но онъ меня и слушать не хотѣлъ. За 7 или 8 дней до его кончины я сидѣлъ у него вечеромъ, въ это время ему принесли пакетъ отъ нотаріуса Бочарова. Онъ при мнѣ распечаталъ этотъ пакетъ, скоро прочелъ и засунулъ подъ изголовье. Я видѣлъ, что это чрезвычайно его встревожило, но такъ какъ съ нимъ нельзя было говорить прямо, то я лавировалъ и старался осторожно разузнать, что въ сущности заключалъ этотъ конвертъ. Тогда Корбе сказалъ, что „это письмо отъ моей жены.“ Я говорю: съ какой стати жена ваша пишетъ вамъ черезъ нотаріуса? — „Это — сказалъ онъ—она проситъ, чтобы я ей выдалъ на содержаніе 5-т. руб., это—говоритъ—глупость!“—Я говорю: „Константинъ Ѳедоровичъ! вы серіозно больны, вы находитесь подъ уголовнымъ слѣдствіемъ, Богъ знаетъ что Васъ ожидаетъ, у Васъ дѣти. Нельзя-ли какъ нибудь сойтись вамъ съ семьей, вѣдь вы отецъ.“ Онъ тогда мнѣ отвѣтилъ чрезвычайно рѣзкимъ отзывомъ о женѣ; хотя я и помню его слова, но слова эти были произнесены съ

большою желчностью, такъ что я не считаю себя вправѣ повторить ихъ здѣсь. Но я зналъ, что онъ питаетъ къ своей женѣ непріязненныя чувства. При этомъ, по поводу несостоявшагося засѣданія, онъ высказался, что „въ интересахъ жены лишить его свободы.“ И онъ обвинялъ ее въ томъ, что она нарочно не явилась въ засѣданіе. Однажды я пришелъ къ нему, засталъ его въ чрезвычайно плохомъ состояніи, какъ говорится—въ минуту совершеннаго упадка духа; я его утѣшалъ, успокоивалъ, поддерживалъ, но онъ вздохнулъ и сказалъ: „Ахъ! поля! поля! еслибы мнѣ теперь посмотрѣть на нихъ.“ Онъ рвался на свободу и привыкъ къ деревенской жизни. Ему хотѣлось по возможности пріобрѣсти драгоцѣнную свободу; его стѣсняло то, что онъ долго сидитъ въ заперти. Я считалъ Корбе всегда не только человѣкомъ умственно-здоровымъ, но я считалъ его человѣкомъ въ высшей степени практическимъ, хотя можетъ быть необладающимъ большими свѣдѣніями. Я никогда не сомнѣвался, что Корбе былъ въ высшей степени практическій человѣкъ. Въ одномъ дѣлѣ, гдѣ я заангажировалъ все свое состояніе, именно по поводу покупки мною имѣнія, недѣли за три до его смерти, я совѣтывался съ Корбе. Имѣніе это находится смежно съ его имѣніемъ и я спрашивалъ его: выгодна-ли эта покупка, хороша-ли эта земля, какъ онъ объ этомъ думаетъ? Я пріобрѣлъ эту землю, на основаніи совѣтовъ, которые далъ мнѣ Корбе, за три недѣли до его смерти.

Врачи *Вронскій*, *Рексъ* и *Барафъ* подтвердили изложенное въ актѣ, котоырй приведенъ въ началѣ отчета, касательно умственнаго состоянія Корбе наканунѣ и въ день смерти.

Купецъ А. А. Савельевъ. Корбе я зналъ еще съ малыхъ лѣтъ, т.-е. видалъ его въ томъ домѣ, гдѣ я постоянно жилъ; зналъ я его за человѣка серіознаго, точнаго въ своемъ словѣ, за человѣка честнаго, за человѣка энергичнаго, а въ хозяйствѣ за образцоваго хозяина. (На вопросы Гольденвейзера): Я жилъ въ домѣ Андрея Андреевича Кузьмицкаго, имѣніе котораго находится въ верстѣ отъ имѣнія Корбе—Михайловки. Хотя за его хозяйствомъ я не слѣдилъ въ послѣднее время, но зналъ, что хозяйство его идетъ хорошо, кромѣ Михайловки, гдѣ немного постройки разстроились, опустились; а въ тѣхъ двухъ имѣніяхъ, я могу сказать, до того года, когда онъ былъ арестованъ, онъ занимался самъ—въ Тимашевкѣ онъ поправлялъ домъ, а въ Смоленскомъ строилъ конюшню и каменную кухню. Когда именно производились эти постройки я не могу сказать, но знаю, что не задолго до того, когда онъ былъ арестованъ. Прежде Корбе я часто видѣлъ, но съ 1868 года всего разъ пять или шесть: я бы-

валъ у него въ домѣ и онъ у меня. Сколько разъ я его видѣлъ въ теченіи 1869 и 1870 г. сказать не могу, но въ 1868 году онъ былъ у меня на свадьбѣ. Это было 1 сентября, а кажется въ октябрѣ мѣсяцѣ того же года я былъ у него. Въ теченіи 1869 года, я этого хорошо не помню, но мнѣ кажется, что я у него былъ въ имѣніи Смоленскомъ; въ 1870 году я видѣлъ его въ то время, когда онъ былъ арестованъ въ городѣ Верхнеднѣпровскѣ и ѣздилъ къ нему посовѣтываться на счетъ постройки дома, такъ какъ я зналъ, что онъ строилъ и перестраивалъ дома. Въ томъ имѣніи, которое я недавно купилъ, есть старый домъ, и я спрашивалъ у него совѣта, пересыпать ли его только, или вновь поправить стѣны; онъ мнѣ на это отвѣчалъ, что онъ занимался поправкой дома, и когда поправлялъ стѣны, то онѣ постоянно садятся и что ему гораздо дешевле стоило бы, еслибы онъ исправилъ совсѣмъ. Это онъ говорилъ, когда былъ въ Верхнеднѣпровскѣ, и я просидѣлъ у него тогда можетъ быть часъ или полтора; я только просилъ у него совѣта относительно хозяйства; но о чемъ еще былъ разговоръ, я не знаю; помню только, что онъ просилъ меня привезти къ нему моего сына, который былъ тогда малютка, поэтому я былъ тамъ съ семействомъ. (На вопросы Богданова): Желаніе видѣть моего сына Корбе заявилъ черезъ мать. (На вопросы Гольденвейзера): Я женатъ на родной сестрѣ Корбе. Когда я привезъ къ нему своего сына, то онъ обласкалъ его. До Верхнеднѣпровска я встрѣчалъ его, кажется, здѣсь въ окружномъ судѣ, но о чемъ въ это время разговаривалъ съ нимъ, я не знаю. На мой взглядъ Корбе былъ въ самомъ здравомъ умѣ и никогда ничего страннаго я въ немъ не видалъ, а вообще зналъ его за человѣка разсудительнаго, за человѣка честнаго. Вѣровалъ ли Корбе въ ученіе спиритизма не знаю, но я слышалъ что онъ занимался спиритизмомъ. Года, когда я это слышалъ, опредѣлить вамъ не могу, но это было еще до моей женитьбы, т.-е. до 1 сентября 1868 года; г-жи Алымовой у Корбе тогда еще не было. При разговорѣ съ Корбе о спиритизмѣ, я, желая знать это новое какое-то ученіе, спрашивалъ его, и онъ мнѣ сказалъ, что у него есть книги о спиритизмѣ, и показалъ мнѣ книгу „Alan Cordek“ на французскомъ языкѣ и при этомъ была часть перевода. Книгу эту онъ кажется привезъ изъ Петербурга или изъ Москвы. Ученіе спиритизма состоитъ въ томъ, что можно сноситься съ духами, но я не слыхалъ, что для этого нуженъ былъ медіумъ и кто былъ у Корбе медіумомъ я не знаю. (На вопросъ Конисскаго): Василій Ѳедоровичъ Корбе былъ человѣкъ больной, но чѣмъ я не знаю, и вообще я его мало помню. Мнѣ 31 годъ; воспитывался я въ Екатеринославской гимназіи; по французски я прежде читалъ, но понимаю мало, читать я могу и те-

перь, но понималъ ли я по-французски въ 1868 году я не помню. Ученіе спиритизма Корбе мнѣ не объяснялъ, но мнѣ помнится— онъ говорилъ, что можно говорить съ духами; кто разговаривалъ съ духами, Корбе мнѣ не говорилъ. Корбе я знаю за человѣка расчетливаго. Былъ ли Корбе ревнивъ, я не могу знать, хотя и близко жилъ возлѣ него; былъ ли Корбе сердитъ, я не знаю, но знаю, что во время крѣпостнаго права онъ наказывалъ людей. Самъ я не видалъ какъ Корбе хозяйничалъ, но отъ всѣхъ слышалъ, что онъ распоряжается лично. (На вопросъ Гольденвейзера): Корбе говорилъ мнѣ, что онъ сносился съ духомъ Андреемъ; это былъ покойный его другъ Андрей Андреевичъ Кузьмицкій. О содержаніи бесѣды съ нимъ Корбе мнѣ ничего не говорилъ, но знаю только, что разговоръ этотъ былъ еще до моей женитьбы. Взявши у Корбе книгу „Alan Cordek," я ее не читалъ; она пробыла у меня съ недѣлю, или такъ недѣли полторы. Книга эта, кажется, была у меня до женитьбы, и Корбе ее потомъ взялъ. (На вопросъ Конисскаго): Заглавія и цвѣта той книги, которую я взялъ у Корбе, я не припомню, но кажется книга эта была безъ переплета и разрѣзана. Разговоръ о сообщеніи съ духами былъ у насъ съ Корбе только одинъ разъ, и послѣ того я ничего у Корбе объ этомъ не спрашивалъ и онъ мнѣ ничего не говорилъ. Еслибы мнѣ показали эту книгу, то я навѣрное узнать ее не могу.

Штабъ-ротмистръ А. А. Бѣлый. Съ покойнымъ Константиномъ Ѳедоровичемъ Корбе я былъ знакомъ около тридцати лѣтъ и зналъ я его очень хорошо, потому что мы вмѣстѣ съ нимъ служили въ одной бригадѣ. Даже послѣ того когда онъ вышелъ въ отставку и я вышелъ въ отставку, мы часто съ нимъ встрѣчались. Знакомство наше продолжалось до послѣдняго времени, до самой смерти. Въ послѣднее время, передъ смертію, я тоже часто съ нимъ видался и взносилъ залогъ за него по уголовному слѣдствію, которое производилось противъ него. Мы всегда были съ нимъ въ хорошихъ отношеніяхъ. О характерѣ его я могу сказать только то, что онъ былъ человѣкъ чрезвычайно честный, человѣкъ, слово котораго было тоже что законъ, на него совершенно можно было положиться. Если что онъ сказалъ, такъ это было свято, никогда своему слову не измѣнялъ. Даже когда мы служили съ нимъ, то въ обществѣ офицеровъ всѣ признавали его за человѣка честнаго. Честность свою Корбе сохранилъ до послѣдняго времени; мы съ нимъ имѣли нѣсколько дѣлъ, но все это дѣлалось на одномъ словѣ. Онъ былъ человѣкъ чрезвычайно твердый, энергичный; во все время моего съ нимъ знакомства, я въ немъ никакой перемѣны не замѣчалъ; онъ былъ совершенно одинаковъ. Я положительно утверждаю, что его чест-

ность и энергія до самой смерти ни въ чемъ не измѣнилась; Корбе былъ примѣрный хозяинъ, очень мало есть такихъ, которые такъ могутъ вести дѣла. Ему многіе удивлялись, и въ отношеніи его хозяйства, за послѣдніе два года его жизни, я никакихъ измѣненій не замѣтилъ. Наслѣдственное имѣніе Корбе было небольшое; это имѣніе было Михайловка да и тамъ, кажется, онъ еще прикупилъ. Я знаю, что всѣ остальныя имѣнія его благопріобрѣтенныя. Всѣми своими имѣніями онъ управлялъ самъ; вездѣ бывалъ самъ. Можно сказать, что онъ жилъ въ экипажѣ; онъ постоянно переѣзжалъ по всѣмъ имѣніямъ и за всѣмъ слѣдилъ самъ. У него не было такого довѣреннаго лица, на которое бы онъ полагался. Я положительно могу сказать, что такого лица не было у Корбе и въ послѣднее время его жизни. Я занималъ у него деньги, и онъ никогда мнѣ не отказывалъ; а въ прошломъ году, кажется въ іюнѣ мѣсяцѣ, я даже сдѣлалъ съ нимъ закладную на 30,000 руб. Въ прошломъ году я въ особенности часто видался съ Корбе, потому что онъ часто ѣздилъ въ Софіевку къ судьѣ, и эта дорога въ Софіевку была чрезъ мое имѣніе, и онъ бывало когда ѣдетъ, то заѣзжаетъ ко мнѣ и даже одинъ разъ я съ нимъ ѣздилъ туда, и оттуда опять возвратились ко мнѣ. Во все время моего знакомства съ Корбе я не замѣтилъ ничего такого, что могло бы навести на мысль, что этотъ человѣкъ не обладаетъ правильными умственными способностями. Какимъ я зналъ Корбе сначала, таковъ онъ былъ и подъ конецъ; онъ всегда былъ одинаковъ, я никакихъ перемѣнъ не знаю. Онъ былъ человѣкъ разсудительный, онъ не былъ человѣкъ съ большимъ образованіемъ, но у него былъ природный умъ. Читалъ ли онъ что-нибудь, я не знаю; интересовался ли онъ политикой, я тоже сказать не могу. Газеты онъ выписывалъ, и когда я бывалъ у него, то видѣлъ *Сынъ Отечества*; выписывалъ ли онъ *Ниву*, я не знаю. Года четыре тому назадъ, я былъ у Корбе въ Смоленскомъ имѣніи, пробылъ тамъ цѣлый день. Въ это время мы съ нимъ разговаривали и какъ-то зашелъ разговоръ о спиритизмѣ, и Корбе мнѣ разсказывалъ, что онъ говорилъ съ покойнымъ Андреемъ Андреевичемъ Кузьмицкимъ, съ которымъ онъ очень хорошо былъ знакомъ. Говорилъ мнѣ, что онъ спрашивалъ Андрея Андреевича, каково ему на томъ свѣтѣ. Я засмѣялся при этомъ и говорю: „ну, что же онъ сказалъ тебѣ?" —„Онъ говоритъ, что тамъ худо." Я говорю: „неужели ты этому вѣришь?" Онъ посмотрѣлъ на меня серьезно и сказалъ: „я вѣрю, а ты, не вѣришь?" „Нѣтъ, я не посвященъ въ эти тайны." И этимъ окончился нашъ разговоръ о спиритизмѣ, больше мы съ нимъ ничего не говорили. (На вопросъ Конисскаго): Когда Корбе разсказывалъ о разговорѣ съ покойнымъ Андреемъ Андрееви-

чемъ, то это меня не интересовало; я зналъ, что Корбе бывалъ въ домѣ Кузьмицкаго, гдѣ племянница занималась спиритизмомъ Но какъ онъ, посредствомъ чего спрашивалъ духъ, я не знаю; какъ отвѣчалъ духъ на словахъ или на бумагѣ, тоже я не знаю, меня это не интересовало, потому что я не вѣрилъ. Корбе сказалъ мнѣ, что онъ серіозно вѣритъ въ спиритизмъ и послѣ этихъ словъ у насъ разговора о спиритизмѣ никогда не было. Корбе ко мнѣ былъ очень довѣрчивъ и при счетахъ обязательствъ у насъ не было, а больше все дѣлалось на честное слово. Мнѣ случалось по 3, по 4 и по 5 тысячъ брать у Корбе на слово; что же касается до 800 р., на которые выданъ мною Корбе вексель, то это случилось послѣ того, какъ я выдалъ Корбе закладную. Это было спустя недѣли двѣ, не больше; онъ присылаетъ, чтобы я пріѣхалъ къ нему, это было кажется въ августѣ; я пріѣхалъ и онъ говоритъ мнѣ: „знаешь ли что, счеты у насъ съ тобою не вѣрны, вотъ, говоритъ, давай-ко посчитаемся.“ Начали считать и дѣйствительно оказалось, что мы ошиблись на 800 р. Такъ я и говорю: „дай же вексельную бумагу, у тебя вѣрно есть,“ и написалъ вексель, нигдѣ незасвидѣтельствованный. Умѣлъ ли Корбе читать по французски, я утвердительно сказать не могу, но знаю, что онъ всегда говорилъ по русски. Во время службы моей съ Корбе, мы не были ни въ Бессарабіи, ни въ Молдавіи, ни въ Валахіи. Во время службы съ Корбе, я съ нимъ встрѣчался на смотрахъ. Нашъ полкъ тогда квартировалъ въ Ольшанахъ; страдалъ ли въ то время Корбе лихорадкой, покупалъ ли старое платье я не помню; но только знаю, что онъ съ одного жалованья жилъ всегда прилично, такъ что тѣ, которые всегда получали изъ дому деньги, жили хуже его. Посылали ли офицеры къ Корбе своихъ деньщиковъ для наказанія, я не знаю; онъ дѣйствительно былъ строгъ, но такого обстоятельства, что если деньщику сказать, что я тебя отправлю къ Корбе, такъ тотъ падалъ въ ноги, я не припомню. Былъ ли Корбе ревнивъ не знаю; любилъ ли женскій полъ не знаю, но кутить не любилъ. Въ гусарскихъ попойкахъ хотя онъ и участвовалъ, но не былъ изъ числа тѣхъ, которые любили предаваться этому удовольствію. Пьянымъ Корбе я никогда не видалъ; г-жу Алымову я видѣлъ въ 1869 г. только одинъ разъ; когда это было, право не помню, но помню, что я одинъ разъ пріѣхалъ къ нему, обѣдалъ у него и видѣлъ за столомъ двухъ женщинъ; но онъ при мнѣ г-жу Алымову никакъ не называлъ и я самъ у него о ней не спрашивалъ; но зная, что у него былъ сынъ, я подумалъ, что это были гувернантки, которыя занимаются съ дѣтьми. Я думалъ, что одна занимается изъ одного предмета, а другая изъ другаго. Какъ Корбе жилъ съ женою въ послѣднее время, я не знаю, но первое

время я знаю, что они вмѣстѣ бывали, выѣзжали вмѣстѣ. Былъ ли Корбе вспыльчивъ, я не знаю, а также не замѣчалъ былъ ли онъ раздражителенъ, но знаю, что онъ былъ человѣкъ суровый, крутой. (На вопросъ Спасовича, распространенъ ли спиритизмъ въ Верхнеднѣпровскомъ уѣздѣ): Я не знаю. Но слышалъ вотъ о племянницѣ Кузьмицкаго, что она занимается спиритизмомъ, но былъ ли у меня разговоръ объ этомъ съ Корбе я не помню. (На вопросы Гольденвейзера): Корбе говорилъ мнѣ, что племянница Кузьмицкаго занимается спиритизмомъ, но кто вызывалъ духа Андрея—племянница ли Кузьмицкаго или самъ Корбе, я припомнить не могу, но знаю только, что Корбе мнѣ сказалъ, что онъ самъ спрашивалъ. Племянницу эту зовутъ Анна Тимоѳеевна. Сколько лѣтъ тому назадъ мнѣ стало извѣстно о томъ, что Корбе живетъ дурно съ своей женой, навѣрное опредѣлить не могу, но кажется, лѣтъ пять или шесть; я знаю только, что они одинъ разъ разошлись и опять сошлись; когда это было, не припомню, но должно быть лѣтъ шесть или семь тому назадъ. Въ послѣднее же время лѣтъ шесть они жили дурно.

А. Я. Немировскій. (На вопросы Гольденвейзера): Корбе я зналъ съ 1863 года по день смерти его, то-есть за десять дней до смерти его; я видѣлся съ нимъ здѣсь въ городѣ Екатеринославѣ и вообще я съ нимъ часто видѣлся, въ особенности въ прошломъ 1870 году; въ 1869 году отношенія наши съ нимъ были прерваны, потомъ эти отношенія возстановились; прерваны были наши отношенія потому, что между нашимъ отцемъ и покойнымъ Корбе вышли несогласія. Несогласія эти вышли изъ-за того, что Корбе взыскивалъ съ моего отца и съ насъ по векселю 4.500 рублей, но потомъ въ концѣ 1869 года отношенія наши опять возстановились; мы съ нимъ часто видались по дѣламъ; онъ забиралъ у меня въ лавкѣ. Мы съ нимъ часто расчитывались и онъ хорошо зналъ свои счеты, считалъ вѣрно, когда расчитывались; я книгъ ему не давалъ, но расчеты всегда производились у меня въ лавкѣ. Когда онъ былъ арестованъ, онъ меня призывалъ къ себѣ. Присылалъ за мною Платона Сербина, потомъ, когда онъ былъ арестованъ въ Верхнеднѣпровскѣ, такъ онъ тоже часто за мной присылалъ и почти не было того вечера, чтобы я у него не бывалъ. Мы съ нимъ сидѣли, разговаривали, но что именно говорилось, я припомнить не могу. Я къ нему заходилъ очень часто. Однажды зашелъ къ нему, у него былъ докторъ. Лакей сказалъ мнѣ, что у него докторъ и я ушелъ; потомъ, когда Корбе узналъ, что я у него былъ, то онъ посылалъ своего лакея искать меня по городу; тогда я пришелъ къ нему, просидѣлъ у него часа четыре. Мы съ нимъ разговаривали, но о чемъ, я припомнить не могу; разумѣется о чемъ-ни-

будь да говорили. Мало ли о чемъ говорилось! Во время разговора съ нимъ, я не имѣлъ надобности за нимъ слѣдить настояще, а потому не могу сказать утвердительно о томъ, что онъ былъ разстроенъ. О томъ, чтобы Корбе страдалъ умственными разстройствами, у меня никогда мысль не родилась. (На вопросы Конисскаго): Изъ моего знакомства съ Корбе я могъ заключить, что онъ былъ скупъ, а послѣднее время, когда онъ былъ арестованъ въ Верхнеднѣпровскѣ, такъ мнѣ показалось, что онъ былъ щедръ. Какъ говорилъ въ 1863 году, я не припомню, а въ послѣднее время онъ рѣчь свою растягивалъ, напримѣръ э... э... Если начиналъ рѣчь, такъ не доканчивалъ. На ярмаркѣ я бываю каждый годъ и въ 1866 году я также былъ на ярмаркѣ, тогда видѣлъ Константина Өедоровича Корбе, и помню, что онъ одинъ разъ былъ боленъ, въ 1866 ли г. или въ 1865 г., а также чѣмъ онъ былъ боленъ, я припомнить не могу. Тогда, помню, я ѣхалъ въ Екатеринославъ на своихъ лошадяхъ, дорогой встрѣтился съ Корбе и онъ сказалъ мнѣ: „Садитесь со мною въ экипажъ;“ тогда мы пріѣхали ночью въ Екатеринославъ и остановились у извозчика Шабельскаго. Мы тамъ переночевали. Утромъ я перешелъ на другую квартиру, а онъ остался тамъ. На другой или на третій день захожу я къ нему часу въ первомъ, я вижу выѣзжаетъ со двора докторъ Пчелкинъ. Вошелъ я въ залъ, вижу тамъ докторъ Стадіонъ. Такъ я и спрашиваю у лакея: „Что это значитъ?“ Онъ говоритъ: „Константинъ Өедоровичъ заболѣлъ.“ Я обождалъ въ залѣ пока уѣхалъ докторъ Стадіонъ. Потомъ лакей доложилъ. Онъ зазвалъ къ себѣ. Онъ въ это время сидѣлъ на постелѣ. Я спрашиваю: „Что съ вами, Константинъ Өедоровичъ?“ „Я, говоритъ, не знаю! Изъ сада пришелъ и мнѣ сдѣлалось ужасно дурно — болитъ подъ сердцемъ и голова болитъ.“ Долго ли Корбе былъ боленъ, я утвердительно сказать не могу, но этотъ случай я помню, потому что я съ нимъ въ это время ѣхалъ. Съ г. Бѣлымъ Корбе былъ знакомъ и однажды Корбе заплатилъ мнѣ за Бѣлаго долгъ. Аөанасія Савельева принималъ не часто; по моему мнѣнію и я по совѣсти долженъ сказать, что Корбе не слишкомъ расположенъ къ Савельеву; я могу сказать, что Корбе больше ко мнѣ былъ довѣрчивъ, чѣмъ къ Савельеву, и когда онъ былъ подъ арестомъ въ Верхнеднѣпровскѣ, то здѣсь никого онъ не могъ допустить къ себѣ кромѣ меня и приказывалъ лакею, чтобы не допускали кромѣ меня никого и сказывали, что онъ боленъ. Въ прошломъ году онъ у меня ничего не покупалъ, но въ послѣднее время я къ нему часто заходилъ, почти каждый вечеръ, а о чемъ у насъ былъ разговоръ припомнить не могу; просиживалъ же я у него по три, по четыре часа. Когда я бывалъ у него, то людей не видалъ никого. Сравнительно съ

тѣмъ какъ я зналъ прежде Корбе, я странности за нимъ не замѣтилъ, да и не имѣлъ повода на это обратить вниманіе. Корбе жаловался, что онъ боленъ, но что онъ мнѣ разсказывалъ о своей болѣзни, я не помню. О томъ, сколько было денегъ у Корбе въ Екатеринославѣ, онъ мнѣ не говорилъ. Передъ смертію и еще въ Верхнеднѣпровскѣ онъ былъ задумчивъ, но я это не относилъ къ странностямъ, я думалъ, что онъ боленъ. Перемѣнился ли Корбе передъ смертію, поглупѣлъ ли онъ, я этого не слыхалъ. (На вопросы Гольденвейзера): Относительно скупости Корбе я имѣю много разныхъ анекдотовъ, я могу указать одинъ примѣръ. Бывало я съ нимъ часто ѣзжу въ Екатеринославъ. Однажды мы пріѣхали и заѣхали на почтовую станцію. У Корбе было дѣло въ губернскомъ правленіи. На станціи былъ мальчикъ, который прислуживалъ: чистилъ платье, сапоги, бѣгалъ за извозчиками въ городъ на разстояніи почти трехъ верстъ; потомъ, когда Корбе управился здѣсь съ своими дѣлами, мальчикъ уложилъ въ тарантасъ всѣ покупки и Корбе оставилъ ему на послѣдокъ отъѣзднаго одинъ гривенникъ. Мальчикъ торговался съ нимъ съ четверть часа и онъ прибавилъ ему пять копѣекъ; это было въ 1866 или 1865 году, когда Корбе купилъ имѣніе Ганґеблова — Семеновку. Что же касается до того, что передъ смертію Корбе сталъ щедрѣе, то однажды, когда онъ былъ подъ арестомъ, я зашелъ къ нему и видѣлъ на столѣ серебряныя и мѣдныя деньги и онъ приказывалъ людямъ: „возьмите деньги и идите покупайте, что вамъ нужно.“ Въ обхожденіи съ прислугою онъ прежде былъ суровъ, а въ Верхнеднѣпровскѣ гораздо былъ мягче. Я остался Корбе долженъ, до сихъ поръ, по векселю 2.800 р. с. на продолжительный срокъ. (На вопросы Конисскаго): Когда Корбе заѣзжалъ ко мнѣ въ лавку, то просиживалъ часъ, а иногда полтора. При счетахъ Корбе книгъ не провѣрялъ, вѣроятно потому, что онъ у себя дома записывалъ; счетовъ домой онъ также, кажется, не бралъ. Отецъ мой также имѣлъ лавку и Корбе имѣлъ также счеты съ нимъ, но провѣрялъ ли онъ ихъ, я не могу навѣрное сказать. Съ Кузьмицкимъ, Андреемъ Андреевичемъ, Корбе жилъ хорошо. Въ послѣднее время, онъ хотѣлъ мнѣ дать довѣренность на управленіе его имѣніями. Онъ тогда жаловался мнѣ, что противъ него вооружаютъ людей, чтобы они не служили, такъ какъ имъ сказали, что онъ будетъ въ Сибири,—поэтому онъ мнѣ хотѣлъ дать довѣренность, чтобы я поѣхалъ по его имѣніямъ, уговорилъ людей и сдѣлалъ бы порядокъ; для этого я обѣщался пріѣхать въ Екатеринославъ вскорѣ, но когда я пріѣхалъ, то засталъ его мертвымъ. Отецъ мой и я брали деньги у Корбе, но безъ векселей онъ намъ не давалъ; послѣднее же время онъ вѣрилъ мнѣ по двѣсти и по триста руб.

безъ росписки; последнее же время онъ настолько былъ довѣрчивъ ко мнѣ, что когда былъ арестованъ въ Верхнеднѣпровскѣ, то предлагалъ мнѣ взять всѣ почтовыя станціи отъ Верхнеднѣпровска до Екатеринослава и сказалъ, что онъ для этого дастъ мнѣ деньги, на это я, разумѣется, ему отвѣчалъ, что Богъ дастъ вы выздоровѣете, тогда лучше будетъ объ этомъ переговорить. Кромѣ этого свидѣтель добавляетъ, что кажется въ 1865 или 1866 году у Корбе былъ ударъ и это ему говорилъ самъ Корбе. (На вопросы Конисскаго): Фельштейна я знаю, а что я говорилъ съ нимъ назадъ тому 3 или 4 недѣли, не помню. Однажды въ 1870 году, не помню въ маѣ или апрѣлѣ мѣсяцѣ, Корбе былъ у меня въ лавкѣ, мы съ нимъ разговаривали и онъ говорилъ что-то невнятно; я посмотрѣлъ ему въ лицо, обождалъ минуты двѣ или три и говорю: „Константинъ Ѳедоровичъ, вамъ дурно сдѣлалось, не дать ли вамъ воды,“ онъ мнѣ тяжело отвѣтилъ, выпилъ полъстакана воды и я потомъ спрашиваю, что такое съ вами? У меня говоритъ голова кружилась, мнѣ дурно сдѣлалось. Потомъ въ Екатеринославѣ онъ мнѣ говорилъ, что будто бы его судъ стѣсняетъ, что онъ будетъ жаловаться на судъ, что ему запретили выѣздъ въ Петербургъ. За обѣдомъ Корбе дѣйствительно пилъ вино и выпивалъ по цѣлой бутылкѣ, но пьянымъ я его никогда не замѣтилъ; вино онъ пилъ, кажется, красное, не помню, можетъ быть иногда пилъ и другое. Когда Корбе сдѣлалось дурно, лицо его было блѣдное, желтое.

Купецъ А. И. Безпаловъ. Я зналъ Корбе и покупалъ у него хлѣбъ и нѣсколько разъ держалъ его землю по залогамъ по акцизу и вообще зналъ его лѣтъ десять. Покойный Корбе нѣсколько разъ останавливался у меня на квартирѣ въ Никополѣ и я бывалъ въ его домѣ, особенно, когда ѣзжалъ хлѣбъ покупать. Срокъ взятыхъ мною у него залоговъ по акцизу кончался 11 сентября 1870 г. и 11 февраля 1871 г. Хлѣбъ я покупалъ у него давно четвертей по 500 и по 600 и хотя покупалъ въ качествѣ коммиссіонера, но сдѣлки дѣлалъ на свое имя. Въ 1869 и 1870 г. я у него хлѣба уже не покупалъ, а въ это время всѣ наши отношенія сводились только на счетъ залоговъ по акцизу и въ эти послѣдніе два года я видѣлся съ нимъ не часто. 10 декабря 1870 г., когда онъ находился подъ арестомъ, я былъ у него и просилъ залоговъ, но онъ мнѣ сказалъ: „теперь мнѣ не до залоговъ, вотъ, дастъ Богъ, дѣло окончится и я тогда дамъ тебѣ еще больше.“ Въ это время были у меня по залогу его билеты, въ обезпеченіе исправнаго возврата залога мною ему выданъ былъ вексель, которому уже кончался срокъ; онъ мнѣ сказалъ: „когда хотите пусть они останутся у васъ, а теперь мнѣ не до залоговъ.“ Онъ говорилъ: „когда дѣло мое кончится, то мы тогда съ

вами сдѣлаемся." Когда онъ мнѣ давалъ землю подъ залогъ, то онъ выдавалъ мнѣ довѣренность, а я ему давалъ контрактъ. О срокѣ векселя обезпечивавшаго возвратъ билетовъ онъ самъ мнѣ напомнилъ и сказалъ, что имъ уже приходитъ срокъ, при этомъ онъ засмѣялся и сказалъ, „что еслибъ вы пропустили еще три дня, то я бы протестовалъ ваши документы," но я сказалъ ему: „вы этого никогда бы не сдѣлали." Въ обезпеченіе билетовъ я давалъ ему вексель. Вексель этотъ на 1.600 р. я перемѣнилъ 10 декабря 1871 г. (На вопросы Конисскаго): На другой день послѣ того, какъ несостоялось засѣданіе, я былъ у Корбе, онъ былъ нездоровъ и сидѣлъ на стулѣ. Онъ меня просилъ садиться, говорилъ громко, и въ это время сидѣлъ здѣсь нотаріусъ Гальберштадтъ, но Гальберштадтъ ничего не говорилъ, а только слушалъ какъ мы разговаривали. Нельзя сказать, чтобы Корбе былъ щедръ, онъ былъ скупъ. Дѣла свои Корбе исполнялъ очень хорошо и былъ человѣкъ честный. Разъ онъ обѣщалъ дать мнѣ залогъ и далъ слово, что онъ пріѣдетъ для этого въ Екатеринославъ; онъ пріѣхалъ хотя въ это время была большая грязь А другой разъ, когда кончался срокъ по залогу земли, я пріѣхалъ къ нему въ имѣніе и сталъ говорить, что нужно перемѣнить документы, онъ спросилъ меня: „когда вы можете ѣхать въ Екатеринославъ, когда есть вамъ время, чтобы быть туда?" я ему сказалъ на 10-е; это было кажется въ 1868 или 1869 году; онъ говоритъ: „хорошо, я буду на то время," и пріѣхалъ прежде меня днемъ, такъ что онъ меня ждалъ цѣлыя сутки. Говорилъ покойный Корбе медленно, но не заикался.

Купецъ Д. Н. Павленко. (На вопросы Гольденвейзера): Корбе пріѣзжалъ ко мнѣ заказывать мебель и во время петропавловской ярмарки въ прошломъ году онъ у меня квартировалъ. Я видалъ его разъ пять или шесть въ годъ; знакомъ съ нимъ былъ года три; случалось, что мы съ нимъ сидѣли въ одной комнатѣ часа по два и разговаривали; онъ меня разспрашивалъ о моихъ работахъ, а я спрашивалъ его о томъ, какъ идетъ его хозяйство, но что именно говорилось, я не помню. Однажды я былъ у него въ деревнѣ, которая надъ Днѣпромъ, измѣрялъ тамъ комнаты, потому что онъ въ это время мнѣ заказывалъ мебель, но мы съ нимъ не сошлись въ цѣнѣ, онъ скупился, и разошлись только въ трехстахъ рубляхъ, онъ давалъ двѣ тысячи, а я хотѣлъ двѣ тысячи триста. Во все время съ нимъ моего знакомства, я не замѣтилъ, чтобы онъ былъ человѣкъ умалишенный; по моему онъ былъ человѣкъ умный и страннаго въ немъ я ничего не замѣтилъ. Въ прошедшемъ году въ августѣ мѣсяцѣ я съ нимъ ѣздилъ на параходѣ до Тимашевки, тамъ ночевалъ у него, но страннаго опять ничего не замѣтилъ, онъ также былъ

разуменъ, какъ и прежде. (На вопросы Конисскаго): Ѣхали мы съ нимъ въ одной каютѣ перваго класса и онъ за меня заплатилъ деньги, мебель онъ смотрѣлъ у меня нѣсколько разъ, раза четыре или пять. Однажды пріѣзжала г-жа Алымова тоже смотрѣть мебель, это было въ августѣ или въ первыхъ числахъ сентября, не припомню; та мебель, которую заказывалъ Корбе, стоила двѣ тысячи триста рублей; это я могу сказать по совѣсти, и у насъ не случается такъ, чтобы запросить сорокъ рублей и уступить за двадцать. Насколько Корбе былъ скупъ, я не знаю, былъ ли онъ сердитъ, я тоже не знаю. Когда онъ пріѣзжалъ сюда въ 1870 г. я былъ у него, но были-ли у него минеральныя воды, я не видѣлъ, бутылокъ тоже никакихъ не видѣлъ. Исключая чаю онъ ничего не пилъ. Онъ не заикался, а говорилъ также, какъ и я, рѣчь онъ не тянулъ, а говорилъ плавно.

Послѣ спроса свидѣтелей судъ выслушалъ мнѣніе экспертовъ, письменное заключеніе которыхъ гласитъ такъ:

Мнѣніе о состояніи умственныхъ способностей отставнаго штабъ-ротмистра Константина Ѳедоровича Корбе за періодъ времени 1869 и 1870 годовъ.

Г. Корбе родился въ 1821 году; о здоровьѣ его отца не имѣется никакихъ свѣдѣній; мать пользуется хорошимъ здоровьемъ до сихъ поръ; родной его старшій братъ Василій, умершій въ 1850 году, страдалъ всю жизнь падучею болѣзнью и былъ слабоуменъ; родная сестра его въ теченіи многихъ лѣтъ подвергалась сильнымъ, такъ называемымъ, приступамъ истерики, длившимся иногда по 6 часовъ сряду. Мальчикомъ въ семьѣ Корбе отличался упрямствомъ, дерзостью, своеволіемъ; учился въ гимназіи, но могъ дойти только до 5 класса, которымъ и закончилось его школьное образованіе; быстрыми умственными способностями онъ не отличался и во всю остальную жизнь; чтеніемъ какихъ-нибудь книгъ особенно не занимался. Въ 1840 году поступилъ въ военную службу, сначала въ уланскій полкъ, а потомъ въ гусарскій; въ 1848 году былъ въ походѣ въ Молдавіи и Валахіи, гдѣ заболѣлъ сильною молдаванскою лихорадкою, такъ что въ слѣдующемъ 1849 году по болѣзни вышелъ въ отставку. Эта лихорадка повторялась у него ежегодно, сряду нѣсколько лѣтъ. Не имѣется никакихъ свѣдѣній, чтобы, кромѣ лихорадки, у Корбе были какія-нибудь другія болѣзни въ то время, чтобы онъ имѣлъ какіе-нибудь ушибы головы и т. п. поврежденія. О жизни Корбе въ полку извѣстно только то, что онъ былъ строгъ съ солдатами и любилъ порядокъ; жизнь велъ экономную. По выходѣ въ отставку, Корбе поселился въ деревнѣ навсегда и сталъ заниматься сельскимъ хозяйствомъ. За-

нятія эти шли у него очень успѣшно, такъ что въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, при постоянныхъ и исключительныхъ заботахъ объ увеличеніи своего состоянія, онъ пріобрѣлъ большое имущество. Нравъ его въ это время выразился въ полной силѣ: суровый, энергическій, непреклонный, жестокій; характеръ онъ имѣлъ деспотическій; въ обрядномъ смыслѣ былъ религіозенъ; съ крестьянами обращался чрезвычайно строго, ходилъ самъ часто по полю и, замѣтивъ неисправность кого-нибудь изъ рабочихъ, собственноручно наказывалъ за это кнутомъ. Между тѣмъ жизнь велъ Корбе неправильную, очень злоупотреблялъ половыми сношеніями, пилъ вино, хотя и нѣтъ указаній на то, чтобъ онъ предавался злоупотребленію спиртныхъ напитковъ.

Въ 1857 году Корбе женился на молодой дѣвушкѣ и первое время жилъ съ нею хорошо, хотя и въ отношеніяхъ къ женѣ продолжалъ выражать свойства своего деспотическаго характера; былъ строгъ и самостоятеленъ. Не смотря однакожъ на суровость своего характера, онъ былъ особенно нѣженъ къ своимъ дѣтямъ и приходилъ въ отчаяніе, когда они бывали больны (двое изъ нихъ умерли). При своей семейной жизни, при постоянныхъ заботахъ о хозяйствѣ, въ которомъ онъ бывалъ всюду самъ, онъ продолжалъ, какъ разсказываютъ окружавшія его въ то время лица, имѣть невоздерныя сношенія безъ разбора съ различными женщинами. Съ женою потомъ началъ часто ссориться, и, наконецъ, въ 1866 году, эти ссоры сопровождались побоями, такъ что въ маѣ мѣсяцѣ этого года, когда жена, вслѣдствіе жестокаго обращенія его, хотѣла бѣжать изъ дома, онъ догналъ и, избивъ ее, заперъ въ темной комнатѣ, а самъ поѣхалъ въ городъ за исправникомъ и докторомъ, требуя отъ нихъ, повидимому, освидѣтельствованія умственныхъ способностей жены.

Въ слѣдующемъ мѣсяцѣ, іюнѣ, Корбе, бывъ въ Екатеринославѣ на ярмаркѣ, имѣлъ какую-то непріятность, былъ сильно встревоженъ и неожиданно заболѣлъ, какъ самъ потомъ разсказывалъ, апоплексическимъ ударомъ. Съ этого случая, пользуясь всегда хорошимъ здоровьемъ и не обращаясь за совѣтами къ врачамъ, онъ замѣтно начинаетъ слѣдить за состояніемъ своего здоровья, бояться за него. По возвращеніи послѣ неожиданной болѣзни изъ Екатеринослава въ деревню, онъ призываетъ своего домашняго врача и разсказываетъ ему о томъ, что въ Екатеринославѣ былъ у него легкій апоплексическій ударъ, послѣ котораго онъ лишенъ былъ на нѣкоторое время способности рѣчи, и что до сихъ поръ чувствуетъ себя нехорошо, имѣетъ тяжесть и тупую боль головы. При болѣе подробномъ медицинскомъ изслѣдованіи оказалось, что въ рѣчи Корбе

произошла явная перемѣна: онъ началъ по временамъ заикаться, нѣкоторыя слова какъ-бы забывалъ (aphasia) или произносилъ ихъ съ очевиднымъ усиліемъ и сталъ неясно слышать, кажется, правымъ ухомъ; языкъ не представлялъ никакихъ измѣненій, асиметріи въ лицѣ не замѣчалось, въ состояніи зрачковъ и вообще зрѣнія не было замѣчено никакой перемѣны. При изслѣдованіи органовъ грудной полости, въ верхушкѣ одного изъ легкихъ было слышно усиленное выдыханіе и тупой звукъ при постукиваніи, лѣвая половина сердца была увеличена, выслушиваніе открывало посторонній шумъ. Въ органахъ брюшной полости, кромѣ увеличенія печени въ объемѣ и катарра желудочно-кишечнаго канала, не открыто никакихъ измѣненій. Движенія были правильны, въ походкѣ не замѣчалось ничего особеннаго; конечности бывали холодны и самъ Корбе жаловался на ощущеніе холода въ спинѣ и конечностяхъ. На одномъ изъ предплечій изслѣдовавшій его въ то время врачъ нашелъ мѣсто кожи, пораженное сыпью бугорчатаго свойства, относимое имъ къ давнему страданію сифилитическою болѣзнью; сыпь эта по временамъ у него усиливалась, по временамъ исчезала. Сифилитическое страданіе было у одного изъ дѣтей Корбе, умершаго отъ этой болѣзни въ 1865 году, другой его ребенокъ умеръ въ 1863 году отъ острой водянки мозга; старшая его дочь была въ дѣтствѣ сильно золотушною. Корбе въ это время находился въ мрачномъ расположеніи духа, былъ встревоженъ своею болѣзнью и боялся новаго неожиданнаго повторенія апоплексическаго удара; мыслительныя способности его были очевидно угнетены (потревожены), память притуплена. Врачъ совѣтывалъ ему главнымъ образомъ избѣгать погрѣшностей въ діэтѣ, которымъ онъ нерѣдко подвергался, и подтвердилъ совѣтъ бывшаго у него во время болѣзни въ городѣ врача: не употреблять спиртныхъ напитковъ, въ видѣ предупрежденія бывающихъ у него сильныхъ гиперемій мозга.

О слѣдующемъ 1867 годѣ имѣются лишь свѣдѣнія, что Корбе изрѣдка обращался къ врачамъ и однажды въ октябрѣ нарочно призвалъ къ себѣ врача, который нашелъ его встревоженнымъ, испуганнымъ, безпокоющимся о своемъ здоровьи. Корбе полагалъ, что ему предстоитъ повтореніе апоплексическаго удара. Кромѣ общаго недомоганья и катарра кишекъ, врачъ ничего особеннаго въ состояніи его здоровья не нашелъ и относилъ болѣзненные припадки къ погрѣшности въ діэтѣ и неисполненію совѣтовъ относительно неупотребленія спиртныхъ напитковъ. Въ психическомъ состояніи онъ, не видѣвъ до того Корбе продолжительное время, нашелъ еще большее ослабленіе умственныхъ способностей и въ особенности притупленіе па-

мяти. Одинъ и тотъ же, напр., разсказъ Корбе вызывалъ вопросами и выслушивалъ его повтореніе по нѣскольку разъ; при общемъ денежномъ расчетѣ за визиты, ошибся и долго никакъ не могъ признать своей ошибки.

Въ 1868 году Корбе по временамъ продолжалъ обращаться къ врачамъ, которые находили у него хроническій катарръ легкихъ, гиперемію печени, привычные запоры и повторявшіеся время отъ времени приливы крови къ головѣ; преимущественно же онъ пользовался домашними средствами. При всемъ этомъ, однакожъ, онъ продолжалъ заниматься хозяйствомъ и вести свои дѣла безъ особенныхъ упущеній. Въ этомъ же году онъ ѣздилъ въ Петербургъ и Москву и, какъ видно изъ приложенныхъ къ дѣлу писемъ его къ женѣ, думалъ тоже о хозяйствѣ и заботился о дѣтяхъ. Весною этого года у него повторились ссоры съ женою въ такой степени, что они должны были разъѣхаться; поводомъ къ этому окончательному разладу было повидимому то, что Корбе рѣшился принять къ себѣ въ домъ, противъ согласія жены, случайно познакомившуюся съ нимъ молодую женщину. Изъ дѣтей онъ оставилъ при себѣ любимаго имъ особенно старшаго сына, для котораго въ тоже время была выписана гувернатка. Объ остальной половинѣ этого года, послѣ разлада са женою, извѣстно, что онъ жилъ съ пріѣзжею къ нему женщиною въ тѣсныхъ связяхъ и чрезвычайно былъ занятъ доставленіемъ ей всевозможныхъ удобствъ и спокойствія; во время болѣзни ея онъ оставлялъ свои обычныя занятія хозяйствомъ, бывалъ сильно встревоженъ и вмѣстѣ съ этимъ часто самъ дотого разстроивался, что ему дѣлалось дурно: у него бывалъ родъ обморока. Для окружавшихъ его, въ это время, лицъ стала замѣтна вообще происшедшая въ немъ перемѣна: онъ дѣлался менѣе расчетливъ, былъ снисходительнѣе къ прислугѣ, болѣе оставался дома и менѣе занимался дѣлами хозяйства. За 1869 г. имѣется уже гораздо болѣе свѣдѣній относительно его образа жизни и здоровья. Извѣстно, что Корбе прежде былъ нѣсколько знакомъ съ ученіемъ о спиритизмѣ, хотя и никогда не примѣнялъ его для практическихъ цѣлей; въ это время, совершенно предавшись жившей у него женщинѣ, онъ былъ увѣренъ ею мало-по-малу въ возможности бесѣдъ съ духами. По смерти Корбе найдено семь большихъ книгъ, писанныхъ его рукой, начало которыхъ относится къ 13-му февраля 1869 г., а конецъ къ 31-му октября 1870 г. Въ эти книги ежедневно почти вписывались откровенія духовъ, подъ диктовку упомянутой женщины, игравшей въ этомъ случаѣ роль медіума. Изъ книгъ видно, что вся послѣдующая дѣятельность Корбе, его отношенія къ семьѣ, къ родственникамъ, его хозяйственныя и всѣ даже чисто мелоч-

ныя распоряженія, лѣченіе отъ различныхъ, чаще и чаще появлявшихся у него болѣзненныхъ припадковъ, находились въ полной зависимости отъ откровеній того или другаго духа. Особенно выдающимся явленіемъ было то, что во все это время онъ часто находился въ мрачномъ расположеніи духа, тосковалъ, отчаявался и т. п., по временамъ чувствовалъ раздраженіе мозга, тяжесть въ головѣ, головныя боли, послѣ которыхъ у него появлялись приступы сильныхъ волненій и безпокойства а затѣмъ слѣдовалъ общій упадокъ силъ, разслабленіе и опять тоска, отчаяніе, раскаяніе и т. п. Не смотря на происшедшую въ его характерѣ и въ обращеніи его съ окружавшими перемѣну какъ бы къ лучшему (онъ сталъ мягче и снисходительнѣе), страннымъ сдѣлалось его обращеніе съ сыномъ, именно преслѣдованіе подозрѣваемаго порока (онанизма); подозрѣнія эти были внушены откровеніемъ духа и повлекли за собою ужасныя истязанія сына различными способами въ теченіи почти двухъ мѣсяцевъ. Корбе сѣкъ его собственноручно розгами, наказывалъ кнутомъ, билъ палкой и приходилъ самъ въ сильнѣйшее ожесточеніе. Послѣ каждаго наказанія онъ обыкновенно долго не могъ самъ успокоиться, взволнованный, задыхающійся съ лицомъ налитымъ кровью, онъ усаживался въ кресло и долго не могъ выговорить слова. Затѣмъ онъ перемѣнялъ на себѣ всю мокрую, отъ сильной испарины, рубашку. Вынужденное въ сынѣ сознаніе въ порокѣ, слѣдовавшее за такого рода наказаніями, влекло за собою не прощеніе со стороны отца, а повтореніе наказанія, иногда еще болѣе сильное наказаніе. Что касается собственно состоянія здоровья Корбе за это время, то изъ книгъ, такъ и изъ свидѣтельствъ окружавшихъ его въ то время лицъ видно, что онъ часто подвергался различнымъ болѣзненнымъ припадкамъ, при которыхъ врачей не призывали а пользовали исключительно домашними средствами. У него бывала безсонница, по ночамъ онъ иногда разговаривалъ самъ съ собою или неожиданно вскрикивалъ, вскакивалъ съ постели въ очевидномъ испугѣ, головныя боли, головокруженія и дурноты повторялись довольно часто. При этихъ страданіяхъ ему то прикладывали холодные компрессы на голову или клали на нее охлажденные листья капусты, то дѣлали теплыя раздражающія ножныя ванны, то растирали все тѣло уксусомъ, спину саломъ, клали припарки на грудь и поясницу, согрѣвали ноги бутылками съ горячей водой, ставили горчишники и т. д. Внутрь онъ употреблялъ довольно часто успокоивающія капли, а преимущественно слабительныя средства. Повидимому, онъ отказывалъ себѣ уже въ это время въ употребленіи вина и куреніи сигаръ.

Одновременно съ этими физическими явленіями, указывающими уже на глубокое разстройство организма Корбе, умственныя его способности приходили, очевидно, въ болѣе и болѣе сильный упадокъ. Соображеніе и память его постепенно ослабѣвали, ему уже въ самыхъ обыкновенныхъ домашнихъ и хозяйственныхъ распоряженіяхъ и дѣйствіяхъ требовались частыя напоминанія и указанія, какъ поступить и что́ слѣдуетъ дѣлать при различныхъ обстоятельствахъ. Скупость его не только ослабѣла, но измѣнилась въ щедрость. Видѣвшіе его въ этомъ году врачи утверждаютъ, что взглядъ его поражалъ странностью, неподвижностью, рѣчь была медленная, онъ растягивалъ слова; нѣкоторые изъ врачей утверждаютъ, что въ произношеніи словъ замѣчалась значительная перемѣна; одинъ показываетъ, что онъ повременамъ заикался и затруднялся при выговорѣ нѣкоторыхъ словъ. Мрачное расположеніе духа его было обыкновенно, онъ мало и неохотно разговаривалъ, отвѣчая лишь на обыкновенные, несложные вопросы.

Въ теченіи слѣдующаго 1870 г., въ концѣ котораго онъ и умеръ, еще яснѣе выражаются описанныя выше болѣзненныя явленія; здѣсь уже часто появляются такъ-называемыя дурноты и описываются нѣкоторыми свидѣтелями обмороки, безъ всякаго внѣшняго къ тому повода; обмороки эти случались съ нимъ обыкновенно неожиданно, иногда они заставали его въ общихъ комнатахъ, и тогда прислуга отводила его въ спальню и укладывала въ постель; глаза его въ это время были красны, все тѣло его какъ-бы окоченѣвшимъ, холоднымъ; его обыкновенно растирали всего, клали бутылки съ горячей водой для согрѣванія. Иногда во время этого припадка, въ началѣ его, онъ невнятно бормоталъ какія-то слова. Разъ, когда онъ находился въ лавкѣ купца, ему неожиданно сдѣлалось дурно; онъ вдругъ поблѣднѣлъ и лишился чувствъ. На предложенный вопросъ о томъ что́ съ нимъ, не нужно ли ему воды, онъ ничего не могъ отвѣтить. По прошествіи только нѣсколькихъ минутъ, онъ съ усиліемъ выговорилъ: „дайте воды". Иногда замѣчали, что, оставшись одинъ, онъ разговаривалъ самъ съ собою и имѣлъ въ это время, повидимому, мнимоощущенія (hallucinationes) зрѣнія. Такъ однажды пришедшій къ нему служитель остановился у дверей, услышавъ въ комнатѣ оживленный говоръ; думая, что онъ съ кѣмъ-нибудь разговариваетъ, служитель заглянулъ въ дверь и увидѣлъ, что Корбе стоитъ посреди комнаты, глаза неподвижно устремлены въ одно мѣсто и говоритъ: „зачѣмъ вы пришли ко мнѣ? Уѣзжайте, пошли прочь!..." На вопросъ служителя, съ кѣмъ вы разговариваете, отвѣчалъ: „да вотъ Марья Николаевна (жена его), вотъ, вотъ видишь, подъ

кровать ушла". Никого, кромѣ его, въ комнатѣ не было. Несмотря на довольно частыя повторенія припадковъ, онъ, повидимому, продолжалъ заниматься хозяйствомъ, хотя въ это время онъ большею частью руководился откровеніями духовъ, безъ ихъ же внушеній иногда давалъ неосновательныя приказанія. Въ одномъ случаѣ онъ, напримѣръ, распорядился пересадкою всего сада на другое мѣсто, непредставлявшее для этого выгодныхъ условій, а на мѣсто стараго насадилъ новыя деревья, что сопряжено было съ значительною растратою денегъ. Въ другомъ случаѣ онъ назначилъ молотьбу хлѣба, если не будетъ дождя, и потомъ досадовалъ на рабочихъ, что они не молотятъ, не смотря на то, что идетъ дождь. По показанію вообще свидѣтелей, его образцовое всегда хозяйство очевидно опускалось; проводя большую часть времени въ кабинетѣ, онъ принималъ лишь прикащиковъ со счетами, и то часто, совсѣмъ не просматривая и не повѣряя послѣднихъ, откладывалъ ихъ въ сторону. Прежняя алчность къ деньгамъ значительно ослабѣла; онъ, напримѣръ, простилъ долги многимъ крестьянамъ, имѣя уже у себя исполнительные листы для взысканія, охотнѣе давалъ деньги взаймы и значительными суммами (30,000 руб.), началъ деньгами награждать прислугу, сдѣлался, въ сравненіи съ прежнимъ, довѣрчивъ къ людямъ; отъ свиданія же съ своими родными (мать, сестры) упорно отказывался и почти не ѣздилъ къ нимъ.

Въ октябрѣ 1870 года, приглашаемымъ къ нему врачамъ онъ жаловался на безсонницу, частыя головныя боли, запоры на низъ, боли въ правомъ боку, приписываемыя имъ давнему страданію печени, образованію и прохожденію желчныхъ камней; кромѣ этого, они находили въ немъ катарръ легкихъ, одышку и разстройство желудочно-кишечнаго канала; онъ бывалъ при этомъ въ мрачномъ расположеніи духа; соображеніе и память его были уже замѣтно ослаблены. Къ этому катарру легкихъ, во время уже его ареста, присоединилось воспаленіе праваго изъ нихъ, воспаленіе, съ которымъ онъ и былъ привезенъ въ Екатеринославъ. Пользовавшій его здѣсь врачъ нашелъ у него приливъ крови къ мозгу съ общимъ лихорадочнымъ состояніемъ, безсонницу; больной находился въ бреду, голова его сильно горѣла, такъ что на ней нужно было держать постоянно пузырь со льдомъ; глаза были красные; мускулы дрожали, такъ что кровать, на которой онъ лежалъ, также сотрясалась; аппетита у него не было никакого; появилась неудержимая рвота.

Въ это время случайно было отложено засѣданіе суда по дѣлу Корбе объ истязаніи сына, и адвокатъ его, представляя свидѣтельство пользовавшаго его врача, заявилъ въ своемъ прошеніи, что Корбе далеко не въ нормальной степени владѣлъ ум-

ственными способностями. Вскорѣ затѣмъ, однажды поздно вечеромъ, за врачемъ прислали неожиданно, и онъ, найдя больнаго въ сильнѣйшемъ возбужденіи, въ бреду и въ безпокойствѣ съ опаснымъ по своей силѣ приливомъ крови къ мозгу и съ учащеннымъ сердцебіеніемъ, сдѣлалъ ему обильное (2 фун.) кровопусканіе. На второй же день слѣдовало нѣкоторое облегченіе припадковъ вообще, но больной уже больше не вставалъ съ постели. Въ послѣдніе дни онъ становился все слабѣе и слабѣе, тошнота и рвота были почти постоянны, лихорадка то усиливалась, то ослабѣвала, бредъ также повторялся ежедневно. Опасное состояніе больнаго заставило пользовавшаго его врача поставить къ нему отдѣльнаго фельдшера и пригласить врачей на консультацію. Врачи нашли его безнадежнымъ и слышали отъ пригласившаго ихъ товарища, что передъ этимъ больной бывалъ въ бреду и сильномъ безпокойствѣ. На второй день утромъ тѣ же врачи, при второй консультаціи, нашли его уже въ агоніи; къ вечеру этого дня онъ умеръ. Вскрытія произведено не было.

Резюмируя все изложенное нами, мы говоримъ, что въ семействѣ Корбе существовало предрасположеніе къ нервнымъ страданіямъ и выразилось именно болѣзнью старшаго его брата (падучая болѣзнь и слабоуміе) и продолжительнымъ нервнымъ разстройствомъ сестры, подвергавшейся сильнымъ, такъ называемымъ, истерическимъ припадкамъ. Самъ Корбе не обладалъ хорошо развитыми умственными способностями, характеръ имѣлъ вспыльчивый, раздражительный, упрямый, деспотическій; онъ былъ скупъ до крайности, велъ жизнь невоздержную, подвергался молдаванской лихорадкѣ, повторявшейся у него ежегодно продолжительное время и въ давнее время страдалъ сифилисомъ. Въ послѣдствіи имѣлъ хроническія болѣзни печени, желудочно-кишечнаго канала, сердца и легкихъ. Въ 1866 году у него одновременно съ указанными болѣзнями обнаружилось страданіе мозга, головныя боли, головокруженіе, обмороки, сильные приливы крови къ мозгу, сопровождавшіеся бредомъ и легкіе мозговые удары, которые въ продолженіи послѣднихъ двухъ лѣтъ повторялись по нѣскольку разъ, часто безъ всякой внѣшней причины. Такое болѣзненное состояніе мозга повлекло за собою разстройство въ его умственной дѣятельности, выразившееся перемѣною въ его характерѣ и образѣ жизни и явнымъ ослабленіемъ его умственныхъ способностей. На основаніи изложенныхъ здѣсь данныхъ, мы заключаемъ, что покойный Корбе страдалъ хроническимъ воспаленіемъ мозговыхъ оболочекъ и сѣраго вещества мозга, извѣстнымъ въ наукѣ подъ названіемъ постепенно-развивающейся мозговой атрофіи. При существованіи такого страда-

нія, умственная его дѣятельность падала мало по малу, и Корбе, не будучи въ состояніи свободно владѣть своими умственными способностями, за періодъ времени 1869 и 1870 г., не былъ въ здравомъ умѣ и твердой памяти. Екатеринославъ, 7-го октября 1871 года. Подлинное подписали: Врачъ, состоящій при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, надворный совѣтникъ Владиміръ Чеховъ. Директоръ частной лѣчебницы для умалишенныхъ Александръ Васильевъ Шульцъ. Старшій врачъ клиники душевныхъ болѣзней, состоящій при с.-петербургскомъ клиническомъ военномъ госпиталѣ и лѣчебницѣ умалишенныхъ при исправительномъ заведеніи, докторъ медицины коллежскій совѣтникъ Н. Дюковъ.

Затѣмъ судъ перешелъ къ преніямъ.

Первый началъ говорить г. Спасовичъ.

Гг. судьи! Искъ, предъявленный моей довѣрительницей, началъ онъ, состоитъ изъ двухъ предметовъ и совмѣщаетъ въ себѣ два требованія: требованіе о признаніи недѣйствительности духовнаго завѣщанія и о признаніи недѣйствительности купчей крѣпости. Возраженіе противной стороны, предъявленное 27-го февраля нынѣшняго года, основанное на допущенномъ будто бы смѣшеніи исковъ, было оставлено судомъ безъ вниманія. И въ самомъ дѣлѣ, эти оба требованія неразрывно связаны одно съ дугимъ, и мнѣ кажется, что они не могутъ даже быть раздѣлены. Всѣ требованія вытекаютъ *ex eodem facto*—будемъ ли смотрѣть на ходатайство истицы какъ на одинъ сложный искъ, состоящій, согласно 336 ст. устава гражд. судопр., изъ нѣсколькихъ предметовъ, или какъ на совокупность нѣсколькихъ исковъ,—это требованія, истекающія, согласно 258 ст., изъ одного основанія. Такимъ основаніемъ въ настоящемъ дѣлѣ я считаю тотъ фактъ (который если будетъ доказанъ, то всѣ требованія будутъ логически истекать изъ него, какъ изъ общаго источника), что покойный Константинъ Корбе былъ человѣкъ помѣшанный. Если душевная болѣзнь его будетъ доказана, то оба требованя удовлетворяются. Не надо забывать, что правило о несмѣшеніи исковъ имѣетъ значеніе чисто процессуальное. Оно постановлено только для облегченія суда; но оно стѣсняло бы судъ, еслибъ одинъ и тотъ же фактъ, фактъ сумасшествія, приходилось доказывать по одному, по другому и по третьему иску, по каждому изъ нихъ порознь. Признавъ за искомъ полнѣйшее единство, слѣдуетъ вникнуть въ его сущность, которая заключается въ томъ: былъ ли Константинъ Корбе пораженъ разстройствомъ умственныхъ способностей въ 1869 г., въ то время, когда имъ составлены оба оспариваемые акта?

Ежели разсматривать этотъ вопросъ съ точки зрѣнія матеріальнаго гражданскаго права, то онъ разрѣшается несомнѣнно и самымъ простѣйшимъ образомъ въ пользу истицы, причемъ едва ли возможны пререканіе и споръ. Въ самомъ дѣлѣ, ежели человѣкъ пораженъ разстройствомъ умственныхъ способностей, не имѣетъ настоящаго сознанія, не имѣетъ той настоящей человѣческой воли, которая одна способна рождать права и обязанности, то само собою разумѣется, что этотъ человѣкъ не могъ ни совершать сдѣлокъ при жизни, ни дѣлать распоряженій на случай смерти. Если это общее начало примѣнить къ настоящему случаю, то само собою выходитъ, во-первыхъ, въ отношеніи завѣщанія что даже по точной буквѣ закона оно вполнѣ недѣйствительно; этотъ вопросъ положительно разрѣшается 1016 ст. X т. ч. I. Статья эта гласитъ, что всѣ завѣщанія должны быть *составляемы* въ твердой памяти и здравомъ умѣ. Не всегда на завѣщаніи выставлено число, часто оно пишется на-единѣ и затѣмъ только предъявляется свидѣтелямъ; но если свидѣтели завѣрятъ и закрѣпятъ такимъ образомъ тотъ фактъ, что они видали завѣщателя, предъявлявшаго имъ завѣщаніе умственно здоровымъ, то завѣщаніе должно быть признано дѣйствительнымъ. Въ законѣ сказано: *составляемы*; — моментъ составленія прошелъ, случилось впослѣдствіи, что здоровый въ моментъ составленія завѣщанія завѣщатель сошелъ потомъ съ ума—завѣщаніе всетаки будетъ вполнѣ дѣйствительно. Въ противномъ случаѣ, пришлось бы уничтожать большую половину завѣщаній, такъ какъ рѣдкій человѣкъ сохраняетъ до послѣдняго издыханія сознаніе и бредъ и запамятованіе являются обыкновенными спутниками агоніи. Съ другой стороны, еслибъ человѣкъ составилъ завѣщаніе въ нетвердой памяти, въ сумасшествіи, а впослѣдствіи онъ выздоровѣлъ, то все-таки завѣщаніе, страдающее такимъ порокомъ, не можетъ имѣть никакой юридической силы и никакого значенія. Порокъ этотъ не можетъ быть прикрытъ позднѣйшемъ исцѣленіемъ. Таковъ смыслъ нашего закона, и такое толкованіе даетъ этому закону г. Побѣдоносцевъ, который въ этомъ дѣлѣ можетъ служить авторитетомъ; таковъ, наконецъ, смыслъ того кассаціоннаго рѣшенія, на которое сама противная сторона ссылается, и которое послѣдовало по дѣлу Карасева, въ 1868 г., за № 331. Въ этомъ кассаціонномъ рѣшеніи признано, что сколько бы ни было свидѣтелей, удостовѣрившихъ на завѣщаніи, что завѣщатель былъ въ твердой памяти и здравомъ умѣ, хотя бы этотъ человѣкъ никогда не подвергался освидѣтельствованію въ состояніи своихъ умственныхъ способностей, все-таки можно доказывать свидѣтельскими показаніями умственное его разстройство. Свидѣтели завѣщанія могли не замѣтить этого разстройства, хотя оно существовало и могло быть рас-

крыто при особенно внимательномъ изученіи. Перейдемъ отъ завѣщанія къ купчей. Здѣсь какъ будто бы задача истца труднѣе, нежели по отношенію къ духовному завѣщанію; здѣсь вопросъ какъ будто бы усложняется преюдикатами и прецедентами, за которыми противная сторона защищается, точно за стѣнами, и отъ которыхъ прежде всего слѣдуетъ очистить почву. Я утверждаю, что недѣйствительны не только духовныя завѣщанія, но и всякіе акты, составленные сумасшедшими, хотя бы эти сумасшедшіе не были признаны сумасшедшими и не были освидѣтельствованы. Это свое положеніе я постараюсь доказать, во-первыхъ, ссылкою на *здравый смыслъ*, и, во-вторыхъ, ссылкою на теорію и практику нашего законодательства. О здравомъ смыслѣ можетъ судить всякій человѣкъ, юристъ ли онъ или не юристъ. Какъ доказать, что извѣстное положеніе согласно съ здравымъ смысломъ? Я полагаю, что это возможно сдѣлать, указавъ, что положеніе поддерживается лучшими иностранными законодательствами; законы иностранные, конечно, не обязательны для насъ; но вѣсъ ихъ великъ, когда окажется, что, по единогласному сознанію всѣхъ вѣковъ и различныхъ народовъ, признаваемо было мое положеніе, что актъ, совершенный сумасшедшимъ, хотя бы этотъ человѣкъ и не былъ еще признанъ сумасшедшимъ, ничтоженъ. Обыкновенно обзоръ источниковъ права начинаютъ съ римскаго права; я такъ и сдѣлаю. *Furiosi nulla voluntas est*, говорятъ глоссаторы. Позвольте мнѣ привести два отрывка изъ Дигестъ. Одинъ изъ нихъ гласитъ: Furiosum sive stipulatur sive promittat nihil agere natura manifestum est; другой: furiosus nullum negotium contrahere potest. По прусскому ландрехту (1794 г.), если кто объявленъ сумасшедшимъ и взятъ подъ опеку, то все, что онъ ни дѣлаетъ, предполагается совершеннымъ въ безуміи, причемъ даже невозможно доказывать противное. Но если этотъ человѣкъ еще не былъ признанъ сумасшедшимъ, то въ такомъ случаѣ предполагается, что то, что онъ совершилъ, совершено въ свѣтлый промежутокъ, и можно все-таки искать уничтоженія сдѣлки, доказывая противное, то есть, отсутствіе свѣтлаго промежутка. По австрійскому кодексу 1811 г. (§ 865), человѣкъ, лишенный разсудка, не можетъ ни дать на себя обязательства, ни принять таковое отъ другихъ. Юристы австрійскіе, напримѣръ Кирхштетеръ, до того строго держатся этого правила, что раздѣляютъ неспособность дѣйствовать на юридическую, напр., у малолѣтняго, и естественную, напр., у сумасшедшаго; послѣдняя такъ сильна, что она потомъ ничѣмъ не можетъ быть покрыта, даже послѣдующимъ выздоровленіемъ; между тѣмъ юридическая неспособность можетъ быть покрыта

тѣмъ, что, напримѣръ, несовершеннолѣтній обязанъ платить долги, коль скоро они будутъ имъ признаны по достиженіи совершеннолѣтія (unheibare Handlungsunfähigkeit). — Наконецъ, я здѣсь не могу обойтись безъ ссылки на одно изъ самыхъ знаменитыхъ законодательствъ гражданскихъ, а именно на кодексъ Наполеона. По этому кодексу, сумасшедшій подвергается такъназываемой *интердикціи* (interdiction judiciaire) то есть тому, что называется у насъ законнымъ прещеніемъ — взятіемъ подъ опеку по опредѣленію суда. Само собой разумѣется, что всѣ юридическія дѣйствія лица, состоящаго подъ такимъ прещеніемъ, ipso jure, недѣйствительны; но онъ самъ и его наслѣдники могутъ, кромѣ того, искать уничтоженія сдѣлокъ, совершенныхъ до интердикціи (art. 1125). Истцы должны доказать, что состояніе, повлекшее за собою интердикцію, было извѣстно другому контрагенту. Одинъ изъ извѣстныхъ цивилистовъ по французскому кодексу Цахаріэ выражается такимъ образомъ: Les actes antérieurs à l'interdiction ne sont pas necessairement nuls, ils peuvent seulement être annulés.—Этихъ ссылокъ достаточно; онѣ доказываютъ повсемѣстность правилъ, что можно добиваться уничтоженія дѣйствій человѣка, страдавшаго разстройствомъ умственныхъ способностей, потому что онъ *дѣйствіенеспособенъ*. Я говорю „дѣйствіенеспособенъ" и всегда буду употреблять это слово, потому что оно гораздо точнѣе выражаетъ то понятіе, которое я хочу здѣсь провести. Въ нашемъ законѣ говорится только о правоспособности и неправоспособности; но эти слова, мнѣ кажется, далеко не точно выражаютъ мысль законодателя. Не только ребенокъ, но даже плодъ во чревѣ матери правоспособны, даже могутъ пріобрѣтать права имущественныя; они только дѣйствіенеспособны и раздѣляютъ эту неспособность со всѣми несовершеннолѣтними и сумасшедшими. Заявивъ, что я буду говорить объ одной дѣйствіенеспособности и сдѣлавъ ссылки на иностранныя законодательства, я теперь перехожу къ русскому праву. Тотъ вопросъ, на который я имѣлъ честь указать, буквою нашего закона не разрѣшается, такъ что, по нашему праву, его можно только разрѣшить по общему духу законодательства и на основаніи судебной практики. Нашъ законъ вообще для всѣхъ юридическихъ дѣйствій требуетъ полной свободы воли. Въ ст. 1528 о договорахъ сказано: договоры составляются по взаимному согласію сторонъ. Въ ст. 700, X т., ч. I, сказано, что всѣ способы пріобрѣтенія правъ тогда только дѣйствительны, когда утверждаются на непринужденномъ произволѣ и согласіи. Статья 701 заявляетъ, что свобода и произволъ должны быть свободны, значитъ актъ недѣйствителенъ, когда свободы не было. Есть разные виды этой свободы

воли, есть внѣшняя свобода, — она можетъ быть нарушена принужденіемъ, когда кого-нибудь заставляютъ совершить актъ. Есть еще и внутренняя свобода, обусловливаемая знаніемъ существа дѣйствія и его послѣдствій; ея нѣтъ, когда человѣкъ находится въ заблужденіи, и когда, вслѣдствіе такого заблужденія, естественнаго или искуственнаго, ею былъ вовлеченъ въ невыгодную сдѣлку. Если я не имѣю надлежащаго знанія о дѣйствіи или сознанія всякихъ вообще моихъ дѣйствій, если меня привели въ состояніе безчувственности, или если воспользовались моею болѣзнью, физическою, или психическою, и заставили меня подписать какой-нибудь актъ, то тутъ нѣтъ очевидно свободы ни внѣшней, ни внутренней, не только нѣтъ знанія, но даже и самосознанія, отъ котораго вполнѣ и безусловно зависитъ какъ гражданская, такъ и уголовная отвѣтственность. Такъ какъ сумасшедшій можетъ вредить своими дѣйствіями, вступая въ юридическія сдѣлки, какъ себѣ, такъ и другимъ — себѣ потому, что его сумасшествіемъ могутъ воспользоваться всякіе люди, которые пожелаютъ его обобрать; другимъ онъ можетъ вредить потому, что заключенныя съ нимъ сдѣлки оказываются сдѣлками мнимыми, не серьозными, не дѣйствительными, — то заботливость государствъ, съ точки зрѣнія благоустройства и благочинія, должна была направиться къ тому, чтобъ создать порядокъ освидѣтельствованія сумасшедшихъ и приведенія ихъ въ состояніе прещенія, о которомъ говорится въ 1383 ст. X т., ч. 1. Порядокъ этотъ, темный, неуклюжій, остался почти въ томъ же видѣ, въ какомъ былъ созданъ Петромъ Великимъ, съ тою разницею, что въ 1722 году Петръ велѣлъ всѣхъ дураковъ слать въ Петербургъ для освидѣтельствованія въ Правительствующемъ Сенатѣ, что еще было кое-какъ возможно въ небольшой Россіи петровской; а съ 1815 г. велѣно свидѣтельствовать сумасшедшихъ въ губернскихъ правленіяхъ и отсылать только самые акты освидѣтельствованія на окончательное утвержденіе Сената, причемъ на мѣстныя власти, именно на губернское правленіе, возложили обязанность, не учреждая опеки, принимать мѣры къ призрѣнію свидѣтельствуемаго и сохраненію его имущества (374, ч. I, т. X). Какія мѣры? Можно ли было, напр., посадить такого человѣка въ домъ умалишенныхъ? Нельзя. Можно ли заключить его въ тюрьму? Нельзя. Можно ли сообщить всѣмъ нотаріусамъ, чтобъ они не совершали никакихъ актовъ такого лица? Нѣтъ, и того нельзя. Слѣдовательно мѣры сохраненія имуществъ равняются нулю, а между тѣмъ проходили мѣсяцы и годы между освидѣтельствованіемъ и окончательнымъ учрежденіемъ опеки. По этому мудреному вопросу были всегда два мнѣнія, рѣзко противоположныя въ нашей судебной практикѣ. Одно

изъ нихъ, исполненное самаго черстваго формализма, ставитъ въ зависимость дѣйствительность дѣйствій страждущаго душевно субъекта не отъ того, была ли у него воля или нѣтъ, но отъ того—была ли за нимъ не признана или признана эта воля свыше, т. е. со стороны власти. Это мнѣніе преобладало въ нашей прежней практикѣ старыхъ судовъ, практикѣ, боявшейся разбора вопроса по существу и изощрявшейся почти исключительно въ тонкостяхъ формальныхъ, въ развитіи формальной стороны всякаго юридическаго отношенія. Наши старые цивилисты большею частью того мнѣнія, что человѣкъ долженъ считаться сумасшедшимъ только съ той минуты, когда онъ былъ признанъ таковымъ; до той же минуты всѣ его дѣйствія должны были считаться дѣйствительными. Я не отрицаю, что можно подыскать массу подобныхъ рѣшеній въ сборникахъ рѣшеній стараго Правительствующаго Сената. Практика кассаціоннаго Сената сначала какъ будто бы тоже пошла по этому пути. Въ 1869 году состоялось рѣшеніе по дѣлу Будаевскаго, № 19. Дѣло заключается въ томъ, что Будаевскій всучилъ помѣшанному, по мнѣнію родныхъ, Коняеву, карету за 400 р.; родные Коняева стали опровергать эту сдѣлку, доказывая, что Будаевскій зналъ о томъ, что Коняевъ помѣшанъ. На этомъ обстоятельствѣ знанія или незнанія о сумасшествіи все вертѣлось въ тверскихъ мировыхъ учрежденіяхъ. Тверской съѣздъ нашелъ, что Будаевскій зналъ о сумасшествіи Коняева и что потому деньги должны быть съ него обратно взысканы. Это рѣшеніе отмѣнено Сенатомъ, который нашелъ, что лицо, непризнанное надлежащими властями сумасшедшимъ, не можетъ быть стѣсняемо въ правѣ распоряжаться своимъ имуществомъ и что съѣздъ даже не имѣлъ права входить въ разсмотрѣніе вопроса, былъ ли Коняевъ сумасшедшимъ. Конечно, если бы Правительствующій Сенатъ стоялъ до-сихъ-поръ на этой точкѣ зрѣнія, то искъ г-жи Корбе былъ бы несомнѣнно проигранъ; но дѣло въ томъ, что кассаціонный Сенатъ не разъ уже измѣнялъ свои взгляды, что естественно: всякій кассаціонный судъ дѣлаетъ тоже. Въ томъ же самомъ 1869 году, черезъ два мѣсяца, въ мартѣ, Правительствующій Сенатъ выразилъ мнѣніе совершенно противоположное. Подвернулось дѣло Мосоловыхъ, одно изъ самыхъ безобразныхъ. Тульскій помѣщикъ Мосоловъ былъ въ 1850 году освидѣтельствованъ по просьбѣ родныхъ, но Сенатъ не утвердилъ опеки. Мосоловъ продолжалъ мотать свое состояніе, пока черезъ шесть лѣтъ спустя въ 1856 г., не была учреждена опека по Высочайшему повелѣнію. Возникъ вопросъ о дѣйствительности всѣхъ сдѣлокъ, совершонныхъ Мосоловымъ съ 1850 по 1856 годъ. Гражданскій кассаціон-

ный департаментъ (рѣшен. 1869 г. № 235) нашелъ, что со времени признанія кого-либо сумасшедшимъ подлежащею властью, неправоспособность его уже законно предполагается существующею и не требуетъ особаго на каждый случай удостовѣренія. Но независимо отъ этого общаго формально-удостовѣряемаго состоянія неправоспособности, законъ допускаетъ возможность случайнаго и временнаго отсутствія воли въ лицѣ, совершившемъ актъ, въ моментъ совершенія акта, вслѣдствіе чего актъ можетъ быть признанъ недѣйствительнымъ; значитъ, въ противность рѣшенію по дѣлу Будаевскаго, судъ можетъ входить въ разсмотрѣніе, не былъ ли лишенъ сознанія субъектъ въ извѣстный моментъ, вслѣдствіе того ли, что онъ былъ сумасшедшимъ, или того, что былъ одержимъ бѣлою горячкой (delirium tremens), или иною физическою болѣзнью, сопряженною съ бредомъ, или что просто-на-просто былъ мертвецки пьянъ. Я не вхожу въ критическій разборъ этой новой, теперешней практики Сената; я только утверждаю, что на основаніи этого рѣшенія можно доказывать недѣйствительность актовъ, совершонныхъ извѣстными лицами, потому что эти лица были во временномъ помраченіи ума, въ безсознательномъ состояніи. Область изслѣдованія расширяется почти безпредѣльно. Главные случаи, которые подлежатъ изслѣдованію, бываютъ слѣдующіе:

1) Человѣкъ, вообще здоровый, испыталъ одно или нѣсколько переходящихъ затмѣній сознанія. Этотъ моментъ или эти моменты безсознательности являются въ видѣ темныхъ пятенъ на ткани вообще ровной и свѣтлой.

2) Человѣкъ вообще больной, разстроенный; тогда моменты яснаго сознанія являются на оборотъ свѣтлыми промежутками, исключеніями изъ общаго правила, и возникаетъ вопросъ: не было ли въ его жизни въ періодъ болѣзни такихъ свѣтлыхъ промежутковъ? Я вчера предлагалъ этотъ вопросъ экспертамъ, но г. экспертъ Шульцъ удостовѣрилъ и другіе эксперты подтвердили, что вообще теперешняя наука отвергаетъ совсѣмъ понятіе lucida intervalla, такъ что ихъ допустить нельзя не только по отношенію къ Корбе, но и ко всѣмъ другимъ. Устраненіе этого понятія ставитъ въ совершенно иное положеніе сумасшедшаго, нежели всѣ другія лица, временно терявшія сознаніе. Если дѣло идетъ о потерѣ сознанія вслѣдствіе физической болѣзни, то необходимо доказать, что при самомъ составленіи даннаго акта субъектъ не обладалъ сознаніемъ; но что касается до психическаго разстройства, то достаточно доказать, что эта болѣзнь или это разстройство появились раньше того момента, когда были совершены акты и продолжались послѣ того, какъ они были совершены, и акты эти падаютъ сами со-

собой. Что это именно такъ, въ томъ я ссылаюсь на кассаціонныя рѣшенія за 1870 годъ по дѣлу князя Грузинскаго, № 873, и по дѣлу Куликова, № 1886. Куликовъ былъ формально свидѣтельствуемъ и признанъ сумасшедшимъ; родственники его возбудили вопросъ объ актѣ, который былъ совершенъ еще до освидѣтельствованія; судебная палата спросила свидѣтелей, которые удостовѣрили, что онъ былъ давно боленъ; эксперты замѣтили, что сумасшествіе не могло вдругъ развиться. На основаніи этихъ данныхъ палата признала заемныя письма Куликова недѣйствительными и Сенатъ призналъ это рѣшеніе правильнымъ, причемъ сослался на свое рѣшеніе по дѣлу Мосолова. Такимъ образомъ новая практика Сената вся въ мою пользу. Если относительно закона существуетъ правило lex posterior derogat priori, то тоже можно сказать и относительно кассаціонной практики. Вмѣстѣ съ тѣмъ я считаю главный вопросъ совершенно оконченнымъ на почвѣ матеріальнаго права и перехожу на другую точку зрѣнія, а именно на процессуальную, и ставлю его такимъ образомъ: несомнѣнно ли доказано, что Корбе былъ сумасшедшимъ въ 1869 году, когда имъ подписаны и духовное завѣщаніе, и купчая? На этомъ полѣ процессуальномъ я наталкиваюсь на тотъ же самый сухой цивилистическій формализмъ, который воздвигалъ свои укрѣпленія и на полѣ матеріальнаго права; онъ и здѣсь дѣйствуетъ точно такимъ же образомъ и говоритъ: умственныхъ способностей умершаго нельзя никакъ повѣрять, въ противномъ случаѣ, ни одно духовное завѣщаніе не будетъ имѣть силы. Большею частью духовныя завѣщанія пишутся людьми въ ненормальномъ состояніи, незадолго передъ смертью, когда смерть стоитъ у изголовья, когда леденящій ея холодъ отражается на отходящемъ и начинается уже бредъ послѣднихъ минутъ. Если человѣкъ въ такомъ состояніи сдѣлалъ предсмертное распоряженіе и есть свидѣтели, которые нашли, что онъ понималъ, чего хотѣлъ, то воля его въ этомъ отношеніи должна быть исполнена. Такое возраженіе еще сильнѣе можетъ быть сдѣлано противъ другихъ актовъ, противъ другихъ изъявленій воли между живыми, напр., въ отношеніи купчей крѣпости, заемныхъ писемъ, векселей и т. д. Могутъ сказать, что если только допустить такой способъ уничтоженія актовъ, то весь кредитъ будетъ поколебленъ. Обязательства частныхъ лицъ имѣютъ свою коммерческую денежную цѣнность. Они предметъ торговли. Допускаютъ, напр., что вексель ходитъ по рукамъ, передается отъ одного лица къ другому вмѣстѣ съ подписью векселедателя и съ бланкомъ какого-нибудь Штиглица, Гинцбурга или Фелейзена. Пріобрѣтающему достаточно убѣдиться, что подписи подлинны, больше ничего не требуется. Но до-

пустите только то начало, по которому всякую подпись на актѣ можно оспаривать, по отсутствію при совершеніи ея самосознанія—что тогда станется со всѣми этими актами? во что же тогда обратится крѣпость всѣхъ этихъ сдѣлокъ? Заведется обычай удостовѣряться напередъ свидѣтелями, въ какомъ расположеніи духа былъ подписавшій актъ непринужденно и безъ обмана. Я полагаю, что всѣ эти возраженія доказываютъ только, что трудно, рискованно и опасно, послѣ поверхностнаго разбора, не будучи вооруженнымъ сильными доказательствами, признавать извѣстный актъ недѣйствительнымъ. Но изъ того, что это трудно, рискованно и опасно, никакъ нельзя вывесть заключеніе, чтобъ было невозможно подходить къ вопросу, чтобъ вопросъ былъ неразрѣшенъ. Можетъ быть, изъ 100, изъ 1,000, изъ 10,000 случаевъ только въ одномъ подобное признаніе недѣйствительности акта будетъ имѣть мѣсто; но я именно и утверждаю, что мы имѣемъ дѣло съ такимъ рѣдчайшимъ и исключительнымъ случаемъ, въ которомъ именно возможно, на основаніи положительныхъ и юридическихъ данныхъ, доказать недѣйствительность акта. Вы знаете, какъ трудно доказывать безденежность заемнаго письма; оно весьма трудно, но все таки возможно. Я полагаю, что настоящій случай отличается отъ всѣхъ однородныхъ прежде всего тѣмъ, что въ него не попадаютъ, но проносятся мимо, главныя возраженія, дѣлаемыя обыкновенно противъ уничтоженія формальныхъ изъявленій воли. Извѣстно, что оспариваемое духовное завѣщаніе было составлено еще задолго до смерти — за полтора года; писалось оно два мѣсяца, т. е. первое свѣдѣніе о немъ мы получили въ началѣ марта, затѣмъ носитъ оно на себѣ число 29-го апрѣля, а свидѣтели на немъ подписались только въ началѣ мая; что касается купчей крѣпости, то она выдана не какому-нибудь лицу, совсѣмъ неосвѣдомлявшемуся объ умственныхъ способностяхъ Корбе, но г-жѣ Алымовой, которая жила у Корбе, которая каждый день проводила съ нимъ по нѣсколько часовъ въ одной комнатѣ, диктуя свои бесѣды съ духами, г-жѣ Алымовой, которая могла слѣдить самымъ точнымъ образомъ за ходомъ мыслей, а значитъ и за ходомъ умопомѣшательства Корбе, такъ что относительно ея нельзя сказать, чтобъ уничтоженіе акта колебало кредитъ и переходъ сдѣлокъ изъ рукъ въ руки. Изъ обращенія ея съ Корбе, изъ всѣхъ ея дѣйствій въ домѣ Корбе слѣдуетъ заключить, что она дѣйствовала недобросовѣстно, что она умышленно вовлекала его въ заблужденіе; возникаетъ мысль, нельзя ли даже путемъ уголовнымъ разрушить эти два акта, потому что оба были составлены лицомъ обманутымъ, введеннымъ въ заблужденіе. Но я долженъ по этому предмету заявить, что, по моему разу-

мѣнію, я могу опровергать оба акта въ настоящее время только въ порядкѣ гражданскаго, а никакъ не уголовнаго судопроизводства.

Статья 1688 улож. о нак. грозитъ наказаніемъ за вовлеченіе кого-нибудь обманомъ въ убыточную для него сдѣлку. Но духовное завѣщаніе не есть сдѣлка; духовное завѣщаніе есть распоряженіе на случай смерти; оно либо будетъ признано дѣйствительнымъ, либо не будетъ признано, но во всякомъ случаѣ вслѣдъ за признаніемъ его недѣйствительнымъ нельзя и помышлять объ отвѣтственности лицъ, посовѣтовавшихъ завѣщателю сдѣлать подобное распоряженіе; здѣсь даже вопросъ уголовный не можетъ быть возбужденъ. Что же касается до купчей крѣпости, то какъ бы ни были велики усилія г-жи Алымовой для того, чтобъ заставить Корбе написать эту купчую крѣпость, а все-таки преслѣдованіе ея зависитъ отъ того, былъ ли Корбе сумасшедшимъ, или нѣтъ; если онъ былъ сумасшедшимъ, то введеніе его въ заблужденіе будетъ delictum putativum, мнимое преступленіе, ненаказуемое по отсутствію объекта, столь же невозможное, какъ, напр., убіеніе убитаго. Только тогда, когда признано будетъ, что купчая крѣпость подписана Корбе, не страдающимъ разстройствомъ умственныхъ способностей, дѣло о купчей крѣпости можетъ быть направлено на путь уголовный; да и притомъ этотъ уголовный искъ будетъ весьма сомнителенъ, потому что уже неоднократно разъясняемо было опытомъ, что значатъ ложныя свѣдѣнія и увѣренія, которыми вовлекается въ заблужденіе обманываемый. Я помню, что подъ ложными свѣдѣніями и увѣреніями разумѣется втолкованіе такихъ обстоятельствъ, которыя могли бы подѣйствовать и расположить извѣстнымъ образомъ волю всякаго здравомыслящаго человѣка, но не передача кому-либо нелѣпыхъ вещей, ни съ чѣмъ несообразныхъ бредней, напримѣръ, бесѣдъ съ духами. Идя по необходимости по пути гражданскому и отрѣшившись отъ всякаго цивилистическаго предубѣжденія, надлежитъ безпристрастно и тщательнымъ образомъ разобрать вопросъ: былъ ли Корбе сумасшедшій или нѣтъ? По этому предмету спрошено много свидѣтелей, гг. эксперты дали свое заключеніе, такъ что я нахожусь въ нѣкоторомъ затрудненіи: какъ бы не сказать чего-нибудь лишняго. Я бы могъ привести десятки выдержекъ изъ медицинскихъ книгъ и руководствъ, но я увѣренъ, что гг. эксперты знаютъ больше, нежели я могъ бы привести. Да и то, что я привелъ бы для васъ, гг. судьи, осталось бы сомнительнымъ, потому, что, какъ сторона, я приводилъ бы изъ этихъ книгъ все для меня подходящее, причемъ нельзя не подумать, не пропускаю ли я всего неподходящаго къ интересамъ моей довѣритель-

ницы, противнаго. Съ другой стороны, вы, гг. судьи, не стѣснены сужденіемъ экспертовъ, вы можете принять его или отвергнуть, вы можете сказать, что Корбе былъ умственно здоровъ. Я постараюсь выйти изъ затруднительнаго положенія такимъ образомъ, что, не приводя ни одного книжнаго авторитета и подкрѣпляя себя готовыми результатами экспертизы, но не вдаваясь въ разборъ ея, — я постараюсь въ особенности уяснить значеніе того доказательства моего иска, которое гг. экспертами затронуто лишь слегка, а именно записокъ Корбе. Начиная искъ, мы совершенно не знали, существуютъ ли и найдутся ли другія какія-либо доказательства, поддержатъ ли насъ свидѣтели и эксперты. Я уже имѣлъ честь сдѣлать предъ вами, гг. судьи, краткій и весьма краткій разборъ этихъ записокъ по составнымъ ихъ элементамъ. Спрашивается, къ какой формѣ умопомѣшательства, предусмотрѣнной нашимъ закономъ, слѣдуетъ отнести душевную болѣзнь Корбе. Нашъ законъ въ 374 ст. и послѣдующихъ I ч. X т. указываетъ только на два состоянія разстройства умственныхъ способностей, которыя влекутъ за собою отдачу подъ опеку: безуміе и сумасшествіе. Безуміемъ считается то, что въ наукѣ привыкли называть *идіотизмомъ*, т. е. безуміе отъ рожденія; сумасшедшимъ называется человѣкъ, впавшій въ болѣзнь, доводящую его иногда до бѣшенства; значитъ, это острая, психическая болѣзнь. Перечень болѣзней, очевидно, неполонъ; въ немъ недостаетъ умственнаго разслабленія безъ бѣшенства, или, послѣ психической подавленности и бѣшенства, такого разслабленія, которое ставитъ страдающее имъ лицо въ положеніе идіота, хотя онъ и не былъ идіотомъ отъ рожденія. Вотъ почему 1017 ст. I ч. X т. дополнила пробѣлъ, говоря о духовномъ завѣщаніи и сверхъ безумныхъ и сумасшедшихъ помѣстила еще общій терминъ — умалишенные. Эта категорія объемлетъ по моему все то, что пропущено, что не содержится въ первыхъ двухъ терминахъ. Объ этомъ-то состояніи и идетъ рѣчь въ настоящемъ случаѣ. Оно ничто иное, какъ слабоуміе, можетъ быть усиливающееся, развивающееся, но безъ острой болѣзни, т. е. когда нѣтъ бѣшенства, когда это состояніе является состояніемъ постепеннаго притупленія и упадка всѣхъ силъ, чувствъ, мысли и воли. Всѣ свидѣтельскія показанія положительно утверждаютъ, что Корбе былъ боленъ; онъ не былъ идіотъ отъ рожденія, онъ не страдалъ припадками психической острой болѣзни, но онъ страдалъ вслѣдствіе апоплексическаго удара постепеннымъ притупленіемъ чувствъ, мышленія и воли. Медицинскія данныя, которыя раскрылись на судѣ, вполнѣ подтвердили наше предположеніе. Они составляютъ основаніе весьма прочное. Конечно, самымъ очевиднымъ образомъ вопросъ

объ умственномъ разстройствѣ разрѣшился бы тогда, еслибъ вскрыли трупъ умершаго Корбе и еслибъ въ мозговомъ веществѣ нашли измѣненія патологическаго свойства, несомнѣнно указывающія на болѣзнь. Но во 1-хъ, вскрытіе не всегда возможно, а во 2-хъ, наука наша еще не дошла до того, чтобъ по изслѣдованіи мозговаго вещества положительно опредѣлять состояніе умственныхъ способностей. Бывали случаи, что умиралъ человѣкъ несомнѣнно сумасшедшій, но въ тоже время въ мозгу этого человѣка ненормальнаго ничего не оказалось. Посему и безъ анатомическаго изслѣдованія мозга можно и слѣдуетъ обойтись. Для насъ гораздо важнѣе тотъ фактъ, что семейство Корбе было расположено къ психическимъ болѣзнямъ; сестра Корбе страдала нервными, истерическими припадками; братъ его былъ слабоуменъ, точно также, какъ и онъ. Этотъ сильный человѣкъ, рѣдкій атлетъ, ломающій подковы, перенесъ сильную молдаванскую лихорадку; по всей вѣроятности, онъ страдалъ сифилисомъ; кромѣ того, выяснилось, что въ 1866 г. онъ испыталъ мозговой ударъ, съ разрывомъ волосныхъ сосудовъ. Подобные удары, по мнѣнію экспертовъ, никогда не могутъ остаться безслѣдными, полное излеченіе отъ нихъ бываетъ чрезвычайно рѣдко. Въ подтвержденіе того, что подобные удары съ Корбе повторялись, особенно въ послѣднее время, явился цѣлый рядъ свидѣтельскихъ показаній,—людей, близко знавшихъ Корбе, отчасти врачей, отчасти прислуги. Эти лица удостовѣрили, что у Корбе было заиканье и отъ запамятованія происходящая растяжность рѣчи, что у него были обмороки и даже галлюцинаціи. Независимо отъ этихъ данныхъ, изъ которыхъ надлежащее заключеніе можетъ вывести только техникъ, существуютъ еще и записки Корбе, доступныя пониманію всякаго, кто сколько-нибудь знакомъ съ психологіей. Какъ на ладони видно изъ нихъ, что думалъ, какъ чувствовалъ, чего хотѣлъ Корбе впродолженіи значительнаго періода времени. По моему мнѣнію, эти записки представляютъ собой гораздо лучшій матеріалъ для разрѣшенія вопроса о душевномъ разстройствѣ, нежели само его освидѣтельствованіе, установленнымъ порядкомъ, по правиламъ 374 ст. I ч. X т., потому что освидѣтельствованіе производится почти всегда при весьма неблагопріятныхъ условіяхъ, во 1-хъ, по своей кратковременности, во 2-хъ, потому, что оно ограничивается предложеніемъ самыхъ обыкновенныхъ вопросовъ лицу, которое предупреждено, что его подвергаютъ испытанію, и потому держитъ себя на сторожѣ. Посему гораздо было бы полезнѣе для дѣла, еслибъ наблюденія продолжались весьма долго и, такимъ образомъ, чтобъ испытуемый вовсе не зналъ, что за нимъ слѣдятъ. Эти-то

условія и совмѣщаютъ въ себѣ записки Корбе: эти записки раскрываютъ намъ умственную жизнь Корбе почти до самой его кончины. Очевидно, Корбе занимали сильнѣйшимъ образомъ эти записки; онъ считалъ ихъ самою серьезною жизненною задачей и принималъ всѣ мѣры, чтобъ онѣ остались тайной. Излагая содержаніе записокъ, я заявилъ уже, что я смотрю на нихъ какъ на драму, въ которую входятъ три дѣятеля, трояkaго рода дѣйствующія лица: во первыхъ—духи, во вторыхъ—Корбе, получающій откровеніе и вѣрующій, и, наконецъ, г-жа Алымова, какъ медіумъ. Что касается до перваго изъ нихъ элемента, то судъ, вѣроятно, не взыщетъ съ меня, если я, прежде всего, откажусь отъ этихъ господъ и отвергну ихъ существованіе безъ всякихъ дальнѣйшихъ разговоровъ. Я не могу допустить, чтобъ можно было толковать серьозно объ ихъ реальности. Собственно важенъ въ данномъ случаѣ не вопросъ о существованіи духовъ, но вопросъ, что думали, какъ относились къ этимъ духамъ два другія, живыя, дѣйствующія лица, заправду вѣровали ли они, что можно съ духами говорить, цѣловаться, сообщаться. При такой постановкѣ вопроса, надлежитъ, мнѣ кажется, отмѣтить глубочайшее различіе, какое существуетъ на этотъ счетъ между простолюдиномъ и человѣкомъ мало-мальски образованнымъ, но такимъ, который терся въ свѣтѣ и бывалъ офицеромъ, чиновникомъ, купцомъ, помѣщикомъ. Простолюдинъ, нашъ мужикъ, въ полномъ смыслѣ слова дитя природы; культура существуетъ не для него; его міросозерцаніе младенческое, страдающее антропоморфизмомъ. Онъ олицетворяетъ силы природы и всякое необыкновенное ея явленіе; въ вихрѣ и молніи, въ тѣни лѣсовъ и пучинахъ водяныхъ, онъ усматриваетъ дѣйствія подобныхъ ему живыхъ существъ, добрыхъ или злыхъ, дѣйствующихъ сознательно и произвольно. Этотъ простонародный антропоморфизмъ чрезвычайно неподвиженъ, онъ стоитъ на точкѣ замерзанія. Это вѣра, которая передается изъ поколѣнія въ поколѣніе, изъ вѣка въ вѣкъ; въ ней, какъ въ геологіи, можно различать послѣдовательно наслоившіеся пласты представленій. Самый древній, самый нижній пластъ—это представленія языческія, которыя восходятъ къ тѣмъ временамъ, когда поклонялись Перуну и Волосу. Затѣмъ слѣдуетъ цѣлая область представленій и образовъ, которыми мы одолжены церкви и ея преданіямъ о чудесномъ. Изъ этого міросозерцанія не выходитъ нашъ крестьянинъ и до сихъ поръ, потому что вся жизнь общественная несется надъ его головою, не затрогивая его, и что для просвѣщенія его дѣлается чрезвычайно мало со стороны образованныхъ классовъ общества. Иное дѣло человѣкъ свѣтскій, мало-мальски образованный, т. е. вкусив-

щій отъ млека культуры, отъ плодовъ современнаго образованія. Вся цивилизація наша есть цивилизація раціоналистическая, т. е. такая, которая пропитана началомъ, что существующее разумно, что нѣтъ ничего сверхъестественнаго, что нѣтъ, въ грубомъ смыслѣ слова, чудесъ, что во всѣхъ явленіяхъ жизни дѣйствуютъ вѣчные законы, что сама причина причинъ—Богъ есть не произволъ, но вѣчный законъ, управляющій вселенной. Складъ ума, сообщаемый намъ культурою, таковъ, что если мы созерцаемъ нѣчто странное, необъяснимое, то мы не кричимъ, что случилось чудо, а доискиваемся за этимъ явленіемъ общаго закона, хотя и понимаемъ, что далеко не всѣ законы могутъ быть умомъ постигнуты и что навсегда, можетъ быть, останется неразъяснимымъ,—и значитъ, въ обширномъ смыслѣ слова, чудеснымъ,—что такое духъ, что такое матерія, какъ міръ произошелъ, отъ чего солнце горитъ и т. под. Я полагаю, что даже люди, занимавшіеся верченіемъ столовъ, дѣлали это не съ вѣрою въ духовъ, а изъ любопытства узнать подкладку загадочныхъ явленій въ мірѣ физическомъ. Я полагаю, когда напримѣръ даютъ представленіе Девенпорты, или Юмъ приглашаетъ на сеансъ, то большая часть посѣтителей или приглашенныхъ отправляются туда съ цѣлью разгадать фокусъ, и что настоящихъ адептовъ мистическаго искусства, вѣрующихъ въ духовъ, весьма мало, что это только единицы. На этихъ единицахъ мы теперь и остановимся. Что касается до нихъ, то я долженъ опять различить людей, которые сами непосредственно сообщаются и разговариваютъ съ духами, и людей, которые сами не духовидцы, но вѣруютъ по слуху и передачѣ отъ духовидцевъ. Что касается людей, вѣрующихъ въ общеніе съ духами по слуху и разсказамъ другихъ, то я заявляю прямо, что это *ложная идея*, но изъ ложной идеи еще никакъ нельзя заключить о сумасшествіи того, кто ею одержимъ—разстояніе еще громадное. Ложныхъ идей не оберешься; ихъ тьма-тьмущая у каждаго изъ насъ, несмотря на все наше просвѣщеніе. Ложная идея, что понедѣльникъ несчастный день, что несчастное число 13, что слѣдуетъ пересаживаться, играя въ карты, когда не везетъ; ложная идея—вѣра въ вѣдьмъ и чертей; ложная идея, когда кто воображаетъ, что въ головѣ у него сидитъ воробей, или что змѣи плодятся въ животѣ. Есть мелкія ложныя идеи, есть и покрупнѣе. Нѣтъ человѣка, который былъ бы вполнѣ свободенъ отъ ложныхъ идей и предразсудковъ; странно было бы, еслибъ ихъ вовсе не имѣли. Часть ихъ, во первыхъ, по моему, вкоренилась съ привычками ранняго дѣтства и перешла къ намъ отъ няньки и мамки, повара, кучера и т. д. Онѣ засѣли въ сознаніи нашемъ чрезвычайно крѣпко, когда никакія другія сформировавшіяся

понятія не могли еще оказать усвоенію ихъ нами противодѣйствія. Затѣмъ, во вторыхъ, значительною частью этихъ ложныхъ идей мы одолжены не всегда удачному нашему воспитанію. Насъ учатъ и теперь такъ, какъ учили нашихъ отцовъ, а между тѣмъ время ушло впередъ, познанія сдѣлались богаче, вѣрованія тоньше. Въ былыя времена сочли бы еретикомъ и атеистомъ того, кто не вѣрилъ бы въ вѣдьмъ и чертей, между тѣмъ какъ со временъ Екатерины II самъ законъ призналъ вѣру въ вошебство суевѣріемъ и обманомъ. И такъ второй источникъ ложныхъ идей—это богословская схоластика въ воспитаніи. Третьимъ источникомъ ложныхъ идей является то, что обыкновенно называютъ табуннымъ чувствомъ, подражательностью, заразительностью примѣра. Выдумай кто-нибудь, что у него лѣшій на посылкахъ, что домовой ставитъ ему самоваръ или пѣсенки поетъ, очевидно, что всѣ надъ нимъ посмѣются, какъ надъ сумасшедшимъ или дуракомъ. Но нужно только, чтобъ составился кружокъ изъ одного учителя и нѣсколькихъ адептовъ, которые бы проникнулись новымъ ученіемъ, хотя бы самымъ дикимъ; нужно только, чтобъ прокричали газеты, русскія и иностранныя, хотя бы съ бранью и ругательствами, съ недовѣріемъ и насмѣшками,—и найдутся всегда лица, которыя соблазнятся и прельстятся новизною и пойдутъ за одно съ другими дурачиться, сказавъ себѣ: попробуемъ-ка и мы, не станетъ ли стучать столъ, что писалъ карандашъ. Кто повѣрилъ, кто усвоилъ себѣ идею спиритизма, тотъ безъ сомнѣнія слабый умъ, но слабый умъ можетъ быть все-таки здравый умъ только низкаго полета. Чтобъ оцѣнить, есть ли данная ложная идея показаніе сумасшествія, необходимо сообразить, какое мѣсто занимаетъ она въ психическихъ процессахъ даннаго субъекта въ его міросозерцаніи. У каждаго изъ насъ промежъ ощущеніемъ, которое есть воспріятіе нами внѣшняго впечатлѣнія, и произвольнымъ дѣйствіемъ, которое можно назвать сознательнымъ рефлексомъ ощущеній, лежитъ промежуточная обширнѣйшая область образныхъ представленій и отвлеченныхъ понятій, выработка которыхъ приписывается памяти, воображенію и разсудку. Каждое новое представленіе и понятіе, производя извѣстную перемѣну въ цѣломъ строѣ міросозерцанія, прежде нежели уляжется въ головѣ, испытываетъ извѣстную реакцію со стороны всѣхъ уже прежде пріобрѣтенныхъ и нажитыхъ идей. Чѣмъ сильнѣе умъ, тѣмъ сильнѣе реакція, вотъ почему она самая незначительная у дитяти, но несравненно значительнѣе у взрослаго. Если пріобрѣтенная ложная идея займетъ въ сознаніи укромный уголокъ, если обволокнется другими здравыми идеями, которыя будутъ ее нейтрализовать и отнимутъ у нея вліяніе, такъ что

она не будетъ мѣшать человѣку мыслить и дѣйствовать разумно, то она не больше какъ странность. Самъ обладатель ея можетъ относиться къ ней не серьозно, скептически, вполнѣ сознавая, что она дичь. Я, напримѣръ, не вѣрю, чтобъ отъ перемѣны мѣста за столомъ могла идти лучшая карта, однакоже я это дѣлаю, смѣясь самъ надъ собой. Я могу имѣть даже ложныя ощущенія или галлюцинаціи, вполнѣ сознавая, что галлюцинировалъ. Но если крупная ложная идея войдетъ въ умъ, если она тамъ воцарится, если она вытѣснитъ другія здравыя идеи, которыя могли бы служить ей противовѣсомъ, или если она водворится въ умѣ не испытавъ никакой реакціи, если она обовьется какъ плющъ вокругъ дуба, займетъ первенствующее мѣсто въ сознаніи, сдѣлается центральнымъ представленіемъ, вѣрою человѣка, его двигателемъ и руководителемъ, то въ такомъ случаѣ, независимо отъ всѣхъ другихъ доказательствъ, по одному тому, что вотъ этотъ человѣкъ порабощенъ одною ложною идеей, мы, профаны, не входя даже въ то, не боленъ ли этотъ человѣкъ физически, прямо заключаемъ о его сумасшествіи. Это убѣжденіе и дало начало настоящему иску. Искъ держится исключительно на доказательствѣ *a posteriori*, что не могъ Корбе быть въ здравомъ умѣ, когда у него были столь дикія, странныя, ложныя идеи.

Къ этому доказательству a posteriori медицинскія данныя, добытыя спросомъ свидѣтелей, и экспертиза присовокупили другое, соотвѣтствующее доказательство a priori. Коль скоро обнаружилось и признано, что у Корбе была болѣзнь въ мозгу, а мозговая болѣзнь не обходится безъ ложныхъ идей, то немыслимо, чтобъ у Корбе не было ложныхъ идей: онѣ и нашлись, ими преисполнены записки. Оба доказательства дополняются и составляютъ одно цѣлое; въ соединеніи они пріобрѣтаютъ такую могучую силу, что утверждаемое ими положеніе покоится на незыблемомъ основаніи. Ясно, что Корбе былъ помѣшанъ. Что же касается до третьяго дѣйствующаго лица въ драмѣ, кромѣ духовъ и Корбе, т. е. до г-жи Алымовой, то она является медіумомъ; черезъ нее вѣщали духи; она была посредникомъ ихъ бесѣдъ. Они говорятъ ея устами. Когда мы имѣемъ дѣло съ живымъ собесѣдникомъ духовъ, то являются на выборъ только два предположенія. Одно—что у г-жи Алымовой были галлюцинаціи слуха, что ей самой чудилось, будто бы ее навѣщаютъ духи. Но на мой вопросъ, обращенный вчера къ г. эксперту Шульцу, онъ отвѣчалъ, а товарищъ его подтвердилъ, что галлюцинаціи не могутъ долго длиться, что онѣ не могутъ быть безъ причинъ предшествовавшихъ, и что при долговременномъ и частомъ повтореніи галлюцинаціи ведутъ неизбѣжно за собою настоящее

помѣшательство. Значитъ, слѣдуетъ отвергнуть гипотезу галлюцинацій и, переходя ко второму предположенію, заключить, что бесѣды съ духами были просто ея изобрѣтеніе и вымыселъ, фикція. Но фикціи бываютъ тоже различны. Есть фикціи поэтическія, великолѣпныя произведенія творчества: „Божественная комедія" Данте, „Потерянный рай" Мильтона, „Фаустъ" Гете, отличительная черта которыхъ состоитъ въ томъ, что поэтъ создаетъ картины, вполнѣ сознавая, что онъ не изображаетъ настоящей дѣйствительности, а только то, что жило въ его воображеніи. Наконецъ, есть фикція уже чисто практическая, когда кто-нибудь выдаетъ за дѣйствительное ложь, втолковываетъ другимъ за-вѣдомо ложь съ тѣмъ, чтобъ они этой лжи повѣрили и, повѣривъ, извѣстнымъ образомъ, дѣйствовали. Употребленіе такой фикціи есть уже просто-на-просто введеніе въ заблужденіе легковѣрнаго человѣка, обманъ надъ слабоумнымъ. Въ запискахъ, въ которыхъ медіумомъ была Алымова, насъ поражаетъ не только яркость красокъ, не только богатство фантазіи г-жи Алымовой, но еще и необычайная цѣлесообразность во всѣхъ ея поступкахъ, отъ самаго начала и до конца ея отношеній къ Корбе. Мы мало знаемъ о предыдущей жизни Корбе, о томъ, занимался ли онъ прежде того спиритизмомъ или нѣтъ; кажется, по нѣкоторымъ свидѣтельскимъ показаніямъ, онъ и прежде еще былъ не чуждъ спиритизму. Гг. Бѣлый и Савельевъ утверждаютъ, что Корбе даже имѣлъ книгу Алланъ Кардека, но, конечно, знакомство это съ спиритизмомъ было самое поверхностное и не доходило до сообщенія и бесѣдъ съ духами. Корбе страдалъ многими болѣзнями: пораженіемъ въ легкихъ, ударомъ въ мозгу, который потомъ повторялся и отъ котораго произошло заиканье, тупость взгляда, тупость слуха и другіе симптомы; этотъ человѣкъ притомъ былъ весьма пристрастенъ къ женщинамъ. Въ половинѣ 1868 года знакомится съ нимъ г-жа Алымова. Проходитъ періодъ отъ половины 1868 г. до февраля 1869 г., который ничѣмъ особеннымъ не ознаменованъ и вѣроятно прошелъ въ ознакомленіи Алымовой съ характеромъ и привычками покойнаго Корбе, въ томъ числѣ и съ расположеніемъ его къ спиритизму. Затѣмъ въ началѣ 1869 г. уже начинаетъ составляться весьма связный планъ дѣйствій, имѣющій цѣлью подчинить себѣ Корбе, прибрать его въ свои руки. Откровеніе послѣдовало 13-го февраля 1868 г.; Алымова запрягла его тотчасъ въ тяжелую физическую работу писанія записокъ, которая отучила его отъ моціона и отъ занятій по хозяйству. Какъ слабоумный, увѣровавъ въ духовъ, онъ ушелъ весь въ этотъ міръ фиктивный, открываемый ему Алымовою; какъ слабоумный, онъ далъ себя заполонить и сдѣлать рабомъ духа Василія Соколинскаго. Безъ

всякаго съ своей стороны противодѣйствія завладѣвъ умомъ и сердцемъ Корбе, Алымова употребляетъ всю свою власть во-первыхъ на то, чтобы упрочить свое положеніе и дать ему всю крѣпость брачныхъ узъ. Къ тому ведутъ тѣ парафразы евангельскихъ притчъ и нравоученій, которыя имѣли ближайшее сходство съ ея положеніемъ, напримѣръ, передѣлка притчи о прелюбодѣйной женѣ, о женѣ, имѣвшей семь мужей, о различіи между мужемъ и наложникомъ. Духи благословляютъ ея союзъ съ Корбе, велятъ изготовить обручальныя кольца, союзу приданъ почти смыслъ таинства. Во-вторыхъ, г-жа Алымова старается еще болѣе упрочить свое положеніе, удаливъ отъ г. Корбе всѣхъ тѣхъ, къ которымъ онъ хоть сколько-нибудь былъ привязанъ, расположенъ, кого онъ считалъ своею обязанностью любить. Въ запискахъ есть мѣста, въ которыхъ духи внушаютъ Корбе, что жена его живетъ животной жизнью, что жену не слѣдуетъ любить, что ей не слѣдуетъ говорить правду. Возмутительны наставленія, относящіяся къ обращенію съ сыномъ; они клонятся, чтобъ сдѣлать отца палачемъ. Передъ нами воскресли сцены, напоминающія собою нюренбергскую фольтеркаммеръ или венеціанскій арсеналъ. Мальчика немилосердно сѣкли, истязали; отецъ, у котораго отъ этихъ истязаній, при всей его жестокости, переворачивалось все нутро, сидѣлъ угрюмый, молчаливый, скучный, но продолжалъ истязать дитя въ угоду духамъ. Я полагаю, гг. судьи, что мальчикъ ни въ чемъ не виноватъ, всего меньше въ томъ порокѣ, въ которомъ обвиняли его собесѣдники г-жи Алымовой. Едвали вы повѣрите, чтобы этотъ мальчикъ считалъ деньги отцовскія, расчитывалъ на отцовское состояніе, подбиралъ ключи для того, чтобы воспользоваться тетрадями, наконецъ занимался онанизмомъ. Я положительно отвергаю на этотъ счетъ свидѣтельство, потому что всѣ признаки, которые приводятся имъ, могли произойти отъ того внѣшняго насилія, которому подвергался мальчикъ, когда его бинтовали до того, что распухали органы, когда на него надѣвали манишку. Г-жа Алымова отчуждаетъ отъ Корбе не только семью, но и прислугу. Духи внушаютъ, что противъ внучки Соколинской готовится злоумышленіе на жизнь ея, что въ заговорѣ участвуютъ пять человѣкъ. Корбе все это слушаетъ, записываетъ, Корбе всему вѣритъ; но это вѣра не Петра, это вѣра человѣка, который не можетъ связать двухъ идей; это вѣра слабоумнаго идіота, которому говорятъ: „внучка беременна отъ тебя Васею"—онъ вѣритъ и надѣется; а завтра говорятъ: „у внучки не ребенокъ, а нарывъ"—онъ и этому вѣритъ и подчиняется. Измѣненія, которыя происходили въ душѣ Корбе, и до того разслабленной, не могли не повліять на весь его физическій орга-

низмъ. Этотъ человѣкъ постоянно раздражался и волновался, а ничто такъ не способствуетъ развитію психическихъ болѣзней, какъ сильныя волненія и страсти. Тутъ волненія и страсти были сильныя, во-первыхъ, любовь къ женщинѣ, во-вторыхъ, гнѣвъ, подстрекаемый ежедневно и доводимый до разлитія желчи, въ-третьихъ, недовѣрчивость, возбужденная до послѣдней возможности ко всему окружающему. Къ этому времени относятся обмороки, разговоры въ кабинетѣ съ самимъ собою, вскрикиваніе по ночамъ, исканіе Марьи Николаевны подъ кроватью. Болѣзнь психическая развивается; между тѣмъ идутъ событія, уже совсѣмъ независимыя отъ воли сторонъ, которыя должны ускорить развязку. Г-жа Алымова должна была уѣхать въ Петербургъ къ больному отцу, что весьма естественно ожесточило Корбе; съ другой стороны, Корбе былъ арестованъ, подвергся аресту вслѣдствіе возникшаго дѣла объ истязаніяхъ сына, перевезенъ въ Верхнеднѣпровскъ, долженъ былъ ѣхать въ Екатеринославъ. Письма Алымовой не могли ободрять его такъ, какъ живое съ ней общеніе, онъ былъ скученъ и, по словамъ своего защитника, ближе и ближе къ помѣшательству. Наконецъ, онъ впалъ въ острую болѣзнь, которая была или febris typhoidea biliosa, или менингитъ, съ невѣроятною раздражительностью зрѣнія и слуха, рвотами, буйнымъ бредомъ по ночамъ. Наконецъ, онъ умираетъ.

Я, гг. судьи, кончилъ мой разсказъ и перехожу къ заключенію. Прошу судъ объ уничтоженіи духовнаго завѣщанія и объ уничтоженіи купчей крѣпости. Но когда уничтожается такой двусторонній договоръ, какъ купчая крѣпость, заключенный съ человѣкомъ, не лишеннымъ ума, то при этомъ возникаетъ вопросъ о тѣхъ деньгахъ, которыя были даны за имѣніе. Я полагаю, что въ данномъ случаѣ такого вопроса быть не можетъ, потому что коль-скоро купчая недѣйствительна вслѣдствіе того, что продавецъ сумасшедшій, то точно также недѣйствительна всякая его росписка въ полученіи денегъ. На этой крѣпости, конечно, покупщица можетъ доказывать, но только на основаніи другихъ данныхъ, а не этой росписки, что она уплатила деньги; моя довѣрительница съ своей стороны нисколько не желаетъ, чтобъ пропала хоть одна копѣйка г-жи Алымовой; я полагаю, что ежели г-жа Алымова докажетъ, что она заплатила Корбе хоть что-нибудь за это имѣніе, то ей все сполна будетъ возвращено.

Гг. судьи! вы по всей вѣроятности не могли не замѣтить, что въ этомъ дѣлѣ весьма много патетическаго, что весьма легко было дѣйствовать на чувства. Я этого не дѣлалъ и отъ всего подобнаго тщательно воздерживался, и вы, я думаю, оцѣните и это воздержаніе. Если было какое-нибудь дѣло, о которомъ

можно сказать, что оно дѣло вдовы и сиротъ, такъ это настоящее. Но и дѣло вдовы и сиротъ заслуживаетъ уваженія настолько, насколько оно согласно съ справедливостью. Я же полагаю, что эта сторона моего дѣла весьма сильная, требованіе моей довѣрительницы, какъ представительницы сиротъ, весьма справедливо. Я прошу, гг. судьи, разрѣшая это дѣло, уважить не только интересъ вдовы и сиротъ, но и тотъ великій принципъ, который я здѣсь отстаиваю. Это важное начало заключается въ слѣдующемъ: сущность гражданскихъ отношеній не можетъ быть приносима въ жертву бездушной формѣ, которая сама по себѣ не имѣетъ никакого значенія. Не поддавайтесь идолопоклонству формѣ, вслѣдствіе котораго какъ только актъ не зараженъ въ своемъ основаніи привходящимъ уголовнымъ обманомъ или насиліемъ, то онъ уже такъ крѣпокъ, что его поколебать ничѣмъ нельзя. Этотъ цивилистическій формализмъ и есть самый худшій изъ всѣхъ духовъ; онъ гораздо вреднѣе всѣхъ духовъ, съ которыми бесѣдовала г-жа Алымова, потому что тѣ духи существовали только въ одномъ больномъ воображеніи умершаго Корбе.

Гольденвейзеръ. Гг. судьи! Задача, которую мнѣ предстоитъ теперь исполнить, въ высшей степени трудна. Я испытываю какъ физическое, такъ и нравственное утомленіе: въ головѣ моей тѣснятся самыя разнообразныя мысли, нравственныя, психологическія, юридическія, житейскія, и я едва ли сумѣю сгруппировать ихъ и изложить въ стройномъ послѣдовательномъ порядкѣ. Мое положеніе вдвойнѣ затруднительно вслѣдствіе того, что мнѣ приходится возражать противнику, который своею блестящею рѣчью произвелъ на всѣхъ сильное впечатлѣніе, противнику, которому я считаю долгомъ выразить мое глубокое уваженіе и принести мою дань удивленія его блестящему таланту. Ко всему этому присоединяется гнетущее чувство извращенной истины, насквозь проникнувшей настоящее дѣло; я поставилъ своею задачею разбирать это извращеніе истины,— вотъ какъ не легка моя задача. Я знаю, что противъ насъ говоритъ многое, но я постараюсь по силѣ исполнить то, что лежитъ на моей обязанности, добровольно мною на себя принятой. Что касается юридической стороны вопроса, въ томъ видѣ какъ онъ поставленъ былъ Владиміромъ Даниловичемъ (г. Спасовичемъ) въ первой половинѣ его рѣчи, то я вполнѣ съ нимъ согласенъ, что противъ духовнаго завѣщанія можетъ быть предъявленъ споръ, основанный на умственномъ разстройствѣ завѣщателя, несмотря на то что при жизни онъ не былъ признанъ въ этомъ состояніи. Я согласенъ и съ тѣмъ, что это положеніе, установленное теперь безспорно Гражд. Кас. Деп. Прав. Сената,

составляетъ прогрессъ въ нашей судебной практикѣ. Поэтому, не останавливаясь далѣе на первой части доводовъ моего противника, я перехожу къ тому вопросу, которому посвящена была вторая и самая блестящая часть рѣчи г. Спасовича, именно къ вопросу о томъ, доказано ли, что при составленіи своего духовнаго завѣщанія и при совершеніи купчей крѣпости, Корбе находился въ умопомѣшательствѣ? Собственно говоря, гг. судьи, этотъ вопросъ здѣсь уже разрѣшенъ. Разрѣшеніе этого вопроса мы слышали вчера отъ спеціалистовъ ученыхъ, пріѣхавшихъ къ намъ издалека. Эти господа произнесли категорически, что Корбе находился не въ здравомъ умѣ и не въ твердой памяти въ 1869 и 1870 годахъ. Я точно также, какъ и мой противникъ, не рѣшаюсь разбирать этого вопроса съ спеціальной точки зрѣнія; но я отнесусь къ нему такъ, какъ мыслящій человѣкъ долженъ относиться ко всякому научному результату, построенному на извѣстномъ основаніи. Съ этой точки зрѣнія я не могу не выразить моего удивленія остроумію, съ которымъ построены выводы гг. экспертовъ. Настоящую работу гг. экспертовъ слѣдуетъ признать торжествомъ науки, однимъ изъ тѣхъ подвиговъ человѣческаго ума и проницательности, которые заслуживаютъ занять мѣсто въ исторіи науки рядомъ съ другими блестящими фактами того же рода. Одинъ изъ такихъ фактовъ я теперь припоминаю. Извѣстно, что Кювье (спѣшу оговориться: я естественными науками не занимался и Кювье не читалъ, но кажется, что фактъ мною передаваемый вѣренъ), извѣстно, что Кювье по одной ископаемой кости возстановилъ цѣлый остовъ мастодонта. Я готовъ приравнить теперешнюю работу гг. экспертовъ къ этому великому научному подвигу Кювье. Разница между ними лишь въ томъ, что безсмертный палеонтологъ *a priori*, по одной кости возстановилъ скелетъ допотопнаго животнаго; наши же психіатры, имѣя предъ собою цѣлый остовъ слона, и притомъ слона недопотопнаго, а такого, котораго годъ тому назадъ мы всѣ видѣли живымъ, а иные даже испытали на себѣ удары его хобота,—гг. психіатры, *не* видѣвшіе сами этого слона въ живыхъ, доказали намъ однако, что мы всѣ ошибались и что это былъ не слонъ, а крыса. Повторяю, я не осмѣливаюсь критиковать выводы гг. экспертовъ, тѣ спеціально - научные пріемы, относящіеся къ области психіатріи, *посредствомъ* которыхъ сдѣланы эти выводы. Но я считаю себя вполнѣ компетентнымъ разобрать тѣ факты, которые служили посылкой для научнаго силлогизма, на которыхъ выводы гг. экспертовъ построены. Они построены на фактахъ, обнаруженныхъ судебнымъ производствомъ. Здѣсь гг. эксперты вторглись въ область юридическую. И вотъ въ этой-то области будетъ вращаться мой разборъ мнѣ-

нія гг. экспертовъ. Гг. судьи, прежде всего я долженъ сказать, что эти факты, въ томъ видѣ какъ они изложены и сгруппированы въ экспертизѣ, рѣшительно не доказаны. Мало того, я утверждаю, что все, что выяснилось здѣсь на судѣ, рѣшительно противоположно выводу гг. экспертовъ. Оставляя въ сторонѣ психіатрію и ея тонкости, я смѣю сказать, что всякій человѣкъ съ здравымъ смысломъ, который прослѣдилъ со вниманіемъ все, что сообщалось свидѣтелями здѣсь на судѣ о покойномъ Корбе, не могъ не прійти къ твердому убѣжденію, что это былъ человѣкъ въ умственномъ отношеніи какъ нельзя болѣе здоровый. Простой здравый смыслъ, такимъ образомъ, соверш енно расходится въ данномъ случаѣ съ психіатріей, и суду предстоитъ выборъ между здравымъ смысломъ и психіатріей въ лицѣ ея представителей здѣсь на судѣ. Предвидя возможность такого во всякомъ случаѣ печальнаго столкновенія, я еще до спроса гг. экспертовъ, по окончаніи допроса свидѣтелей, возбудилъ вопросъ о томъ, есть ли надобность въ спросѣ экспертовъ? Къ этому общему, предварительному вопросу я считаю нужнымъ возвратиться теперь болѣе чѣмъ когда-либо. Я утверждаю, что суду не было никакой надобности спрашивать экспертовъ. Чтобы доказать это, мнѣ необходимо разобрать, въ чемъ долженъ заключаться допросъ свидѣтелей, когда рѣчь идетъ объ умственныхъ способностяхъ лица умершаго, которое при жизни не было признано умалишеннымъ? Я не отрицаю того, что противъ духовнаго завѣщанія споръ возможенъ на томъ основаніи, что завѣщатель, при составленіи завѣщанія, находился не въ нормальномъ состояніи; но спрашиваю—и это уже вопросъ не психіатрическій, а чисто юридическій—когда и въ какихъ случаяхъ можетъ быть допущенъ подобный споръ? Изслѣдованіе умственныхъ способностей лицо умершаго есть во всякомъ случаѣ задача въ высшей степени трудная и исключительная. Огромное большинство людей живутъ и умираютъ въ здравомъ умѣ. Для того чтобы утверждать о комъ-либо противоположное, и по закону и по здравому смыслу требуется достаточный поводъ. Относительно живыхъ людей возникаетъ вопросъ объ ихъ умственныхъ способностяхъ, когда имѣются въ виду какіе-либо факты, какія-либо дѣйствія, заставляющія несомнѣнно предполагать, что это человѣкъ ненормальный. Безъ такого рѣзкаго повода никогда никому въ голову не прійдетъ усомниться въ нормальности умственныхъ способностей того или другаго субъекта. Я полагаю, что и относительно лица умершаго невозможенъ никакой другой путь. Словомъ, въ вопросахъ подобнаго рода, прежде всего требуется исходный пунктъ, какой-нибудь доказанный крупный фактъ, который представляется здравому

человѣку лишеннымъ разумности и смысла. Теперь я спрашиваю,—на основаніи всего того, что мы здѣсь слышали о Корбе отъ свидѣтелей, было ли въ его дѣйствіяхъ что-нибудь странное, что могло-бы подать поводъ возбудить вопросъ объ его умственномъ состояніи? Указали ли гг. эксперты въ своемъ письменномъ заключеніи хотя что нибудь такое, что заставляло бы *предположить*, что это былъ человѣкъ умалишенный? Въ исковомъ прошенія, которое послужило началомъ этого дѣла, исходною точкою, поводомъ для возбужденія вопроса объ умственномъ состояніи Корбе послужили его записки, изъ которыхъ видно, что онъ былъ спиритъ. Къ вопросу о спиритизмѣ я возвращусь и разберу его подробно, но гг. эксперты этого вопроса коснулись лишь мимоходомъ, повидимому не придавая ему никакого значенія. Гдѣ же, спрашиваю еще разъ, въ картинѣ, ими изображенной, тотъ рельефный фактъ, который долженъ сосредоточить на себѣ все наше вниманіе, съ которымъ остальные пункты должны быть приведены въ связь, дабы получилось цѣльное впечатлѣніе? Еслибъ такой фактъ былъ и на него указали намъ заранѣе, мы приготовились бы къ разработкѣ его въ порядкѣ состязательнаго процесса. Но вамъ, гг. судьи, извѣстно, что когда началось настоящее дѣло, у насъ не имѣлось въ виду фактовъ въ родѣ истерики сестры Корбе; мы не знали страдалъ ли Корбе въ Молдавіи лихорадкою, клали-ли ему когда-нибудь на голову капустные листья, принималъ ли онъ, и когда именно, валеріанныя капли и т. п. Доказывалось умственное разстройство Корбе и въ подтвержденіе этого истцы сослались на свидѣтелей. Мы полагали, что всѣ эти свидѣтели будутъ о томъ и спрошены, какъ они находили Корбе при жизни, сумасшедшимъ или нѣтъ? Противъ свидѣтелей истцевъ мы выставили своихъ свидѣтелей, взятыхъ наудачу изъ всѣхъ слоевъ общества, мы могли бы выставить ихъ въ десять, въ сто разъ больше. И что же? Не только наши, но и свидѣтели противной стороны, какъ одинъ человѣкъ, отвѣчали, что они не находили у Корбе ничего ненормальнаго? Но гг. эксперты этимъ категорическимъ отвѣтамъ не придали никакого значенія, не обратили на нихъ вниманія. Гг. эксперты выхватили изъ этихъ показаній одни мелочные, отрывочные факты, сгруппировали эти факты совершенно произвольно, привели ихъ между собою въ связь, которой эти факты не имѣютъ, такъ какъ она ничѣмъ рѣшительно не подтверждена, и заключили изъ нихъ, что Корбе былъ умопомѣшанный. Какія же это однако факты, на которыхъ построенъ столь категорическій и рѣзкій выводъ? Изъ нихъ видно, что К. Ѳ. Корбе въ разное время прикладывали то теплые, то холодные компрессы, дѣлали припарки и ванны, что ему иногда

дѣлалось дурно, иногда голова кружилась; ему прикладывали капустные листья, а одинъ свидѣтель показалъ даже, что Корбе однажды поблѣднѣлъ, выпилъ стаканъ холодной воды и сталъ говорить невнятно. Далѣе докторъ Выговскій показалъ, что въ 1866 году онъ замѣтилъ нѣкоторое ослабленіе умственныхъ способностей Корбе и именно ослабленіе памяти, которое выразилось въ томъ, во первыхъ, что Корбе въ 1867 г. два раза заставилъ свидѣтеля повторить разсказъ о своихъ впечатлѣніяхъ, вынесенныхъ изъ Парижской выставки, куда Корбе самъ собирался, по показанію того же свидѣтеля. Другой фактъ, касающійся ослабленія памяти Корбе, заключается въ томъ, что докторъ Выговскій, однажды, при расчетѣ съ Корбе напомнилъ ему о какихъ-то 60 р., о которыхъ Корбе будто бы забылъ. Вотъ и все. Есть ли тутъ хоть что-нибудь прямо наводящее на мысль, что мы имѣемъ дѣло съ субъектомъ умопомѣшаннымъ? Но и эти ничтожныя данныя приняты гг. экспертами за доказанныя совершенно произвольно. Еслибы они ограничились фактами чисто медицинскаго свойства, то мнѣ было бы трудно возражать противъ нихъ; но нѣтъ, гг. эксперты не побрезгали діагностикой такихъ лицъ какъ Смычадловъ, Скляровъ и Чередниченковъ; психіатрическія наблюденія этихъ свидѣтелей надъ Корбе приняты ими во вниманіе. Зато, съ другой стороны, гг. эксперты совершенно отвергли наблюденія другихъ свидѣтелей: Бѣлаго, Савельева, Безпалова, Павленко и др.; они наконецъ не придали никакого значенія дѣйствительной научной діагностикѣ семи медиковъ, выслушанныхъ здѣсь на судѣ, которые наблюдали Корбе при жизни и не замѣтили въ немъ ни малѣйшихъ признаковъ умственнаго разстройства. Возможно-ли чтобы судъ послѣдовалъ за гг. экспертами по этому скользкому пути, чтобы судъ отвергъ категорическое показаніе медиковъ, наблюдавшихъ Корбе при жизни, которымъ и въ мысль не приходило что это человѣкъ психически-больной, и принялъ бы мнѣніе медиковъ, которые Корбе живаго не наблюдали, а построили свои выводы на единичныхъ фактахъ, изъ коихъ ни одинъ не заключаетъ въ себѣ прямаго отвѣта на интересующій насъ вопросъ? На это скажутъ, что медики-свидѣтели не психіатры, тогда какъ медики-эксперты спеціалисты по психіатріи. Но что же такое психіатрія? спрошу я въ свою очередь; относится ли она къ медицинѣ приблизительно такъ, какъ дифференціалы къ юриспруденціи?... Мнѣ кажется, что какъ ни развѣтвилась въ послѣднее время наука медицины, все же между ея главными отдѣлами сохранилась хотя нѣкоторая связь; и я думаю, что нѣтъ медика, знающаго свое дѣло, который не понималъ бы ничего въ психіатріи. Допускаю, хотя вовсе въ томъ не убѣжденъ, что гг. эк-

сперты болѣе свѣдущи въ этой отрасли медицины, чѣмъ доктора лечившіе Корбе; но за то они поставлены относительно Корбе въ положеніе несравненно менѣе выгодное, ибо психіатрія, какъ наука медицинская, основываетъ свои выгоды не на умозрительныхъ данныхъ, а на непосредственномъ наблюденіи, а гг. эксперты Корбе не наблюдали. По моему мнѣнію непосредственное наблюденіе есть условіе столь существенное, что его не можетъ восполнить никакая спеціальная ученость. По моему мнѣнію не только медики-свидѣтели, но и Платонъ Сербинъ, бывшій кучеромъ у Корбе, лучшій экспертъ относительно Корбе нежели гг. эксперты. Гг. судьи, я прошу васъ отвлечься на одну минуту,—я не останусь въ долгу и отвѣчу на все—я прошу васъ задать себѣ только одинъ вопросъ: что будетъ если подобный пріемъ экспертизы будетъ постоянно прилагаемъ въ нашей практикѣ? Что будетъ, если противъ каждаго завѣщанія можно будетъ предъявить споръ подобный настоящему?... Оспаривающему завѣщаніе дано будетъ представить рядъ свидѣтельскихъ показаній относительно единичныхъ медицинскихъ фактовъ, безъ всякой связи между ними, и эксперты—психіатры прійдутъ къ заключенію, что завѣщатель былъ сумасшедшій, не смотря на то что сотни людей, знавшихъ этого человѣка при жизни, будутъ говорить совершенно противное?... Но въ такомъ случаѣ, какихъ же актовъ нельзя будетъ опровергнуть, кого изъ насъ нельзя будетъ признать сумасшедшимъ? Кто изъ насъ не страдаетъ тою или другою болѣзнью? У кого сестры не страдали истерикой, кто изъ насъ можетъ сказать, что въ семействѣ его не было слѣдовъ сифилиса? Кто не бралъ ваннъ? Кто не прикладывалъ холодныхъ компрессовъ? Кто не принималъ валеріановыхъ капель? Кто не чувствовалъ приливовъ крови къ головѣ? Кто не выпивалъ стакана воды, когда ему дѣлалось дурно?... Я не имѣю надобности заподозрѣвать добросовѣстность гг. экспертовъ. Но, вопервыхъ, мнѣ извѣстно, что психіатрія сама по себѣ наука молодая, далеко неустановившаяся, и какъ всякая молодая наука представляетъ собою рядъ доктринъ весьма разнообразныхъ и далеко между собою расходящихся: есть психіатры, которые склонны всѣхъ и каждаго признавать психически—больнымъ. Но вопросъ не въ томъ, кого признаетъ сумасшедшимъ психіатрія, а кто можетъ быть признанъ таковымъ по закону. Законъ, допуская споръ противъ духовнаго завѣщанія, не понимаетъ этого въ томъ широкомъ смыслѣ, который допущенъ здѣсь на судѣ, въ особенности законъ гражданскій. Гг. эксперты распорядились въ настоящемъ дѣлѣ через чуръ самовластно, а это весьма опасно. Если такое самовластіе еще можетъ имѣть нѣкоторое оправданіе, то это въ области уголовнаго права; въ вопросѣ о

свободной волѣ, о вмѣненіи. Тутъ дѣйствительно понятія весьма еще сбивчивы и въ видахъ гуманности, дабы спасти отъ наказанія преступника, почему-либо возбудившаго наше сочувствіе, почему не склониться къ мнѣнію приверженцевъ той школы, которая утверждаетъ, что преступленіе есть вообще продуктъ умственнаго разстройства? Но это пріемъ весьма опасный, если допустить его примѣненіе и въ области гражданскихъ сдѣлокъ. Твердость и крѣпость актовъ и обязательствъ составляютъ необходимое условіе гражданскихъ оборотовъ, а при самовластіи психіатріи, какъ я позволяю себѣ назвать этотъ пріемъ, они не мыслимы.

Гг. эксперты, распоряжаясь произвольно данными выясненными на судѣ, обошли молчаніемъ самыя существенныя. Но судъ не можетъ не обратить вниманія на показанія свидѣтелей относительно необыкновенной памяти Корбе, на полную разсудительность, которую сохранилъ онъ до послѣдней минуты своей жизни. Наконецъ судъ не можетъ не принять къ свѣдѣнію того, что Корбе въ эти самые два года подвергался уголовному преслѣдованію, что надъ нимъ производились два слѣдствія, что о немъ были допрошены масса свидѣтелей, что Корбе самъ нѣсколько разъ былъ допрашиваемъ и что онъ былъ преданъ суду; а между тѣмъ ни слѣдователю, ни свидѣтелямъ, ни роднымъ, ни лицамъ прокурорскаго надзора, ни судебной палатѣ, никогда не приходило на умъ возбуждать вопросъ объ умственномъ состояніи Корбе.

Покончивъ съ экспертизой, я перехожу къ разсмотрѣнію того доказательства, котораго экспертиза почти не коснулась вовсе, между тѣмъ какъ именно оно послужило основаніемъ настоящаго дѣла, такъ какъ на немъ исключительно основано исковое прошеніе и только одно это доказательство имѣлъ въ виду судъ, когда, при обсужденіи вопроса объ обезпеченіи иска наслѣдниковъ Корбе къ Алымовой, онъ призналъ этотъ искъ „болѣе или менѣе доказаннымъ“. Я говорю о запискахъ Корбе, заключающихся въ семи тетрадяхъ, писанныхъ его собственною рукою, лежащихъ предъ нами, которыя были найдены послѣ смерти Корбе. Въ смыслѣ доказательства этихъ записокъ нельзя коснуться слегка. Вопросъ о спиритизмѣ заслуживаетъ въ этомъ дѣлѣ самаго тщательнаго изслѣдованія. Это единственный достовѣрный фактъ, единственное серіозное доказательство, такъ какъ эти записки даютъ намъ драгоцѣнный матеріалъ; посредствомъ ихъ мы имѣемъ возможность проникнуть въ самыя сокровенныя помышленія Корбе, прослѣдить день за день все, что онъ думалъ, все, что онъ чувствовалъ въ послѣдніе два года своей жизни. Можно сказать, что рѣдко удавалось имѣть столь вѣрную и непритворную

картину внутренней жизни человѣка. Что же дають намъ эти записки? Само собою разумѣется, что я не имѣю надобности разсматривать вопросъ спиритизма какъ метафизическаго ученія. Въ данномъ случаѣ намъ слѣдуетъ разсматривать этотъ вопросъ исключительно лишь по отношенію къ Корбе, тоесть рѣшить насколько его вѣрованіе и занятіе спиритизмомъ, какъ они отразились въ его запискахъ, подкрѣпляютъ домогательство истцевъ о признаніи его умопомѣшаннымъ? Поставленный такимъ образомъ, вопросъ этотъ распадается на нѣсколько вопросовъ, которые я разсмотрю каждый въ отдѣльности.

Прежде всего важно знать, съ какого времени Корбе сталъ вѣровать въ спиритизмъ? Относительно этого мы имѣли драгоцѣнныя указанія на судѣ. Мы знаемъ теперь положительно, что Корбе занимался спиритизмомъ гораздо раньше, чѣмъ онъ познакомился съ г-жей Алымовой. Доказано, что истица, г-жа Корбе, знала объ этомъ вѣрованіи своего мужа и при первомъ изглядѣ на записки Корбе, найденныя послѣ его смерти, признала ихъ за спиритическія записки. Между тѣмъ, въ исковомъ прошеніи утверждается положительно, что Алымова, посвятила Корбе въ ученіе спиритизма и сдѣлала это съ корыстною цѣлью! Предоставляю всякому безпристрастному человѣку оцѣнить этотъ пріемъ истцевъ.

Затѣмъ предстоитъ разсмотрѣть общій вопросъ: вѣрованіе и занятіе спиритизмомъ можно ли считать за признакъ умопомѣшательства? Г. Спасовичь, сколько я понимаю его доводы, разрѣшаетъ этотъ вопросъ утвердительно. Доказывая нелѣпость основныхъ догматовъ этого ученія или вѣрованія, съ точки зрѣнія раціоналистической, г. Спасовичь приходитъ къ тому заключенію, что человѣкъ развитой, если онъ не сумасшедшій, не можетъ принимать на вѣру нелѣпостей спиритизма, а такъ какъ доказано, продолжаетъ далѣе Спасовичь, что Корбе крѣпко вѣровалъ въ спиритизмъ, то онъ считаетъ доказаннымъ и его умопомѣшательство. Хотя я никогда не ставилъ вопроса такимъ образомъ и никакъ не могу отъ несообразностей извѣстныхъ вѣрованій умозаключать о сумасшествіи приверженцевъ такого вѣрованія, тѣмъ не менѣе я долженъ сознаться, что при чтеніи записокъ Корбе, которыя въ первый разъ привели меня въ близское соприкосновеніе съ спиритизмомъ, я самъ нашелъ многое весьма несообразнымъ и недоумѣвалъ, какимъ образомъ Корбе, котораго я хорошо зналъ, могъ относиться съ вѣрою къ подобнымъ нелѣпостямъ. Но тутъ возникаетъ другой вопросъ: вѣдь Корбе не одинъ? Спиритизмъ имѣетъ огромное множество приверженцевъ въ цѣлой Европѣ, не исключая и Россіи; и эти приверженцы принадлежатъ къ самымъ высшимъ, а стало-быть вооб-

ще самымъ образованнымъ классамъ; а въ Америкѣ, по свидѣтельству Диксона, число спиритовъ простирается до четырехъ милліоновъ! Спиритизмъ имѣетъ свою литературу и журналистику. Неужели же всѣ эти люди сумасшедшіе? Повѣренный истцевъ, г. Кониссkій, на судѣ при первомъ докладѣ дѣла, утверждалъ, что то, что мы читаемъ въ запискахъ Корбе, не имѣетъ ничего общаго съ ученіемъ спиритизма, а что все это сочинено г-жею Алымовою съ цѣлью обмана. Собственныя недоумѣнія и указанія повѣреннаго истцевъ побудили меня искать разрѣшенія въ сочиненіяхъ о спиритизмѣ. Я постарался узнать, что такое спиритизмъ. Я взялъ сочиненіе самаго популярнаго изъ проповѣдниковъ спиритизма—французскаго писателя Аллана Кардека. Ознакомленіе съ сущностью ученія спиритизма разрѣшало всѣ мои недоумѣнія. Утвержденіе противной стороны оказалось такою же ложью, какъ и разсказъ о томъ, что Алымова посвятила Корбе въ это ученіе. Такъ какъ этотъ вопросъ, то-есть вопросъ о согласіи содержанія записокъ Корбе съ ученіемъ спиритизма, я считаю самымъ существеннымъ, ибо если Корбе былъ спиритъ, то вмѣстѣ съ нимъ должны быть признаны сумасшедшими всѣ приверженцы этого ученія, то мнѣ необходимо ознакомить и судъ съ сущностью этого ученія. Вы убѣдитесь тогда, что всѣ странности въ запискахъ Корбе вполнѣ объясняются основными догматами этого ученія. Это не отниметъ у насъ много времени. Я выписалъ изъ сочиненія Кардека *Qu'est ce que le spiritisme* всего четыре страницы, въ которыхъ изложена вся суть спиритизма. Вотъ что мы читаемъ въ этой книгѣ:

„§ 7 и 8. Неправильно представляютъ себѣ духовъ какъ существа, стоящія особнякомъ въ мірозданіи. Это души тѣхъ, которые жили на землѣ или въ другихъ мірахъ, души лишенныя своей тѣлесной оболочки. Столь же невѣрное понятіе существуетъ и на счетъ самаго состоянія духовъ. Это не туманныя и не опредѣленныя существа, какъ обыкновенно думаютъ, неблуждающіе огоньки и не привидѣнія, какъ ихъ рисуютъ народныя сказки. Это—существа похожія на насъ, имѣющія тѣло какъ мы, но тѣло, которое въ нормальномъ своемъ состояніи имѣетъ эѳирную консистенцію и потому невидимо для смертнаго глаза. Человѣкъ есть составное существо и заключаетъ въ себѣ три элемента: душу, тѣло и ту эѳирную оболочку, которую спириты по-французски называютъ perisprit. Когда тѣлесная оболочка теряетъ способность къ дальнѣйшему бытію, она падаетъ; духъ, то-есть душа и эѳирная оболочка освобождается отъ нея также какъ плодъ отъ скорлупы, какъ дерево отъ коры, какъ змѣя сбрасываетъ свою кожу, словомъ какъ мы бросаемъ ста-

рую негодную одежду. Этотъ процессъ мы назыаемъ *смертью.* § 13. Смерть тѣла избавляетъ духъ отъ оболочки, которая привязывала его къ землѣ и заставляла его страдать. По освобожденіи отъ этой тяжести ему остается лишь эѳирная его оболочка, которая даетъ ему возможность паритъ въ пространствѣ и перелетать разстоянія съ быстротою мысли. § 17. Духи сохраняютъ всѣ душевныя способности, коими они обладали на землѣ; но способности эти, непритупленныя матеріей, дѣйствуютъ съ гораздо большею силой. Кромѣ того, у нихъ есть чувства, которыя намъ неизвѣстны. Они видятъ и слышатъ вещи, которыя недоступны нашему ограниченному зрѣнію и слуху. Для нихъ не существуетъ темноты, за исключеніемъ тѣхъ, кои осуждены пребывать въ тьмѣ. Наша мысль отражается въ нихъ и они читаютъ ее какъ открытую книгу, такъ что предъ духомъ умершаго мы не въ состояніи утаить то, что мы скрывали отъ него при жизни."

„§ 21. Между людьми незнакомыми съ ученіемъ спиритизма преобладаетъ мнѣніе, что духи, по тому одному, что они освобождены отъ матеріи, должны все знать и обладать высшею премудростью. Это ошибка очень важная. Духи, которые суть не что иное какъ души умершихъ людей, не могутъ достигнуть совершенствъ вслѣдствіе одного того, что они покинули свою земную оболочку. Прогрессъ духовъ совершается во времени, только постепенно духъ освобождается отъ своихъ недостатковъ и пріобрѣтаетъ познаніе, котораго онъ прежде не имѣлъ. Подобно тому какъ есть люди всѣхъ ступеней знанія и невѣжества, доброты и злобы, точно также и духи. Есть напримѣръ духи легкомысленные и шаловливые; есть лжецы, хитрецы, ханжи; есть духи злобные и мстительные; другіе напротивъ обладаютъ высокими добродѣтелями и познаніями несравненно высшими нежели земныя. Это различіе между духами есть одинъ изъ пунктовъ наиболѣе важныхъ, котораго не слѣдуетъ упускать изъ виду, ибо этимъ объясняется самое свойство наставленій, получаемыхъ нами отъ духовъ посредствомъ спиритизма."

„§ 36. Сообщенія, получаемыя нами отъ духовъ, могутъ быть хорошія или дурныя, вѣрныя или невѣрныя, глубокомысленныя, либо поверхностныя, смотря по свойству того духа, съ которымъ мы сообщаемся. Добрые совѣты мы получаемъ отъ духовъ, достигнувшихъ уже высшаго развитія, дурные отъ тѣхъ, которые отстали еще по пути развитія; но и они достигнутъ его со временемъ. Духи могутъ давать отвѣты лишь о томъ, что они сами знаютъ и при томъ если имъ это дозволено, ибо есть вещи, коихъ они не имѣютъ права открывать, ибо людямъ не дано еще познать эти вещи. Изъ этого видно, что наставле-

8

нія и совѣты, получаемые нами отъ духовъ, не всегда вѣрны; очень часто они высказываютъ лишь свое личное мнѣніе, которое можетъ быть вѣрно и фальшиво. Если мы имѣемъ дѣло съ духомъ разумнымъ, то онъ въ случаѣ вопроса о предметѣ ему неизвѣстномъ, прямо сознается въ своемъ невѣдѣніи; но если онъ легкомысленъ и любитъ лгать, то онъ отвѣтитъ вамъ на все, не заботясь объ истинѣ; если онъ тщеславенъ, онъ будетъ навязывать свое мнѣніе какъ абсолютную истину. Духовъ обыкновенно можно различить по ихъ способу выражать свои мысли; языкъ или слогъ духовъ высшихъ всегда благороденъ, логиченъ и послѣдователенъ; онъ дышетъ мудростью, милосердіемъ, скромностью и чистѣйшею нравственностью. Онъ не отличается многословіемъ. Напротивъ, духи невѣжественные или тщеславные всегда прикрываютъ пустоту мысли обиліемъ фразъ. Кругъ знанія низшихъ духовъ, а также ихъ нравственный кругозоръ, весьма ограничены. Кромѣ того, они обыкновенно еще находятся подъ вліяніемъ земныхъ предразсудковъ, которые имъ кажутся истиной. Вотъ почему они неспособны отвѣтить разумно на словесные вопросы и могутъ умышленно или неумышленно ввести насъ въ заблужденіе. Это не значитъ, что низшіе духи всегда дурны; есть между ними такіе, которые отличаются лишь легкомысліемъ и невѣдѣніемъ; но они бываютъ иногда довольно остроумны, любятъ пошутить."

„§ 72. Одна изъ отличительныхъ чертъ дурныхъ духовъ заключается въ ихъ навязчивости: они всегда приказываютъ и хотятъ чтобы ихъ слушались. Добрые духи напротивъ даютъ лишь совѣты."

„§ 93. Между духами, какъ и между людьми, есть такіе, которыхъ любимое средство есть хитрость и ложь. Имъ ничего не стоитъ присвоить себѣ чужое имя для возбужденія къ себѣ довѣрія. *Самозванство развито между духами низшихъ разрядовъ.*

Интересны размышленія, которыя мы встрѣчаемъ у Аллана Кардека по поводу спиритизма. Главная заслуга этого ученія, или открытія, по его словамъ, заключается въ томъ, что оно даетъ намъ осязательное, матеріальное подтвержденіе того, во что вѣровало до сихъ поръ бездоказательно большинство человѣчества, а именно бытія загробнаго міра. „Увѣренность въ будущей жизни, говоритъ Алланъ Кардекъ, и послѣдствія, вытекающія изъ этой увѣренности, совершенно измѣняетъ теченіе мыслей человѣческихъ и заставляетъ его смотрѣть на вещи совсѣмъ другими глазами. Это поднятая завѣса, открывающая взору необъятный и лучезарный горизонтъ. Передъ безконечностью и грандіозностью загробнаго міра жизнь земная исчезаетъ какъ мигъ передъ вѣчностью, какъ пылинка передъ горою.

Все въ ней мельчаетъ, съуживается и невольно удивляешься какую важность придавали мы вещамъ столь ничтожнымъ и дѣтскимъ. Отсюда проистекаетъ для вѣрующаго такая безмятежность, такое душевное спокойствіе въ мірскихъ дѣлахъ, которое уже само по себѣ есть блаженство въ сравненіи съ обычными треволненіями и досадами, которыя всегда сопровождаютъ наши земные интересы. Изъ этого же вѣрованія почерпается полное равнодушіе въ случаѣ бѣдствій и неудачъ всякаго рода; она устраняетъ возможность отчаянія и *тѣмъ самымъ предотвращаетъ самые многочисленные случаи сумасшествія* и совершенно уничтожаетъ побужденіе къ самоубійству.“ Словомъ, Алланъ Кардекъ всячески превозноситъ свое ученіе и ждетъ отъ его распространенія величайшихъ благъ для человѣчества; приравниваетъ новое ученіе къ величайшимъ открытіямъ въ области науки и говоритъ, что подобно тому какъ маленькія причины, въ родѣ упавшаго яблока и лягушки, прыгавшей мертвою на сковородѣ, повели къ открытію законовъ тяготѣнія и гальванизма управляющихъ мірами, что такъ вульгарное явленіе вертящихся столовъ открыло уму просвѣтъ въ загробный міръ. Я сказалъ и повторяю, что здѣсь не мѣсто разбирать основательность или лживость ученія спиритизма. Если я считалъ нужнымъ познакомить судъ съ сущностью этого ученія, то, только для того чтобы съ помощью его принциповъ разобрать то, что кажется намъ страннымъ въ запискахъ Корбе. Страннымъ мнѣ казалось, какимъ образомъ человѣкъ съ здравымъ умомъ, какимъ я зналъ Корбе, могъ принимать за чистую монету и терпѣливо выслушивать такую чепуху со стороны духа безтѣлеснаго и потому безгрѣшнаго, какъ обыкновенно представляютъ духовъ въ легендахъ и народныхъ преданіяхъ? Знакомство съ ученіемъ спиритизма изъ сочиненій Аллана Кардека разрѣшило для меня это недоумѣніе, ибо тутъ только я узналъ, что спиритизмъ вовсе не рисуетъ духовъ въ томъ видѣ какъ ихъ изображаетъ народная легенда. Спиритизмъ утверждаетъ, что души людей умершихъ сохраняютъ свою умственную и нравственную индивидуальность, которую имѣли они въ земной жизни, что они раздѣляются на множество разрядовъ, смотря по своимъ нравственнымъ качествамъ, что духи часто лгутъ, хвастаютъ и самозванствуютъ. Потому, разъ какъ доказано что Корбе былъ приверженцемъ спиритизма, нельзя удивляться тому, что онъ принималъ и послѣдствія этого ученія и выслушивалъ рѣчи Василія Соколинскаго, преисполненныя иногда нелѣпаго самохвальства. Покажите эти мѣста изъ записокъ Корбе Аллану Кардеку. Что онъ вамъ на это скажетъ? Кардекъ сказалъ бы вамъ, что духъ Василія Соколинскаго принадлежитъ къ разряду духовъ

низшихъ, а по поводу его самохвальства онъ сталъ бы увѣрять, что типъ Ивана Александровича Хлестакова безсмертенъ въ буквальномъ смыслѣ этого слова и что духъ Василія Соколинскаго есть именно такой загробный Хлестаковъ. Возможно ли послѣ этого изъ того, что въ рѣчахъ Василія Соколинскаго заключаются нелѣпости вывести заключеніе, что Корбе былъ сумасшедшій, потому что выслушивалъ эти рѣчи?.. Изъ содержанія записокъ мы можемъ одно заключить съ достовѣрностью. То, что Корбе глубоко вѣрилъ въ это ученіе. Вопросъ такимъ образомъ долженъ быть поставленъ въ болѣе общей формѣ: искреннее вѣрованіе въ ученіе спиритизма возможно ли при нормальномъ состояніи ума? Я уже указалъ на фактъ общеизвѣстный, что спиритизмъ считаетъ своихъ послѣдователей милліонами, и при томъ въ странахъ самыхъ цивилизованныхъ; я читалъ вамъ выписки изъ Аллана Кардека. Что бы кто ни думалъ о состоятельности развиваемыхъ имъ мыслей съ философской точки зрѣнія, этому писателю нельзя отказать въ замѣчательной ясности и послѣдовательности его выводовъ, такъ что Кардеку можно возражать, противъ него спорить, лишь отрицая тотъ фактъ, на которомъ построены всѣ его выводы, — фактъ, что души умершихъ дѣйствительно сносятся съ живыми людьми. Но Кардекъ этого факта не навязываетъ а priori, а предлагаетъ каждому убѣдиться въ немъ путемъ опыта. Допустите, что Корбе убѣдился въ этомъ на опытѣ. При этомъ, для разрѣшенія интересующаго *насъ* вопроса, безразлично, былъ ли тутъ обманъ со стороны лица, служившаго ему медіумомъ или нѣтъ. Довольно того что Корбе вѣрилъ; стало быть онъ не могъ не выслушивать того, что говорили ему духи. Я прошу припомнить, что Корбе былъ человѣкъ необразованный, что онъ вращался въ средѣ, гдѣ сумма идей, которыми питается умственная и нравственная жизнь, крайне ограничена. Такому человѣку предлагаютъ новоеученіе, которое такъ легко разрѣшаетъ высшіе вопросы о жизни, о божествѣ, о загробномъ мірѣ. Для ума, невыдержавшаго строгій искусъ мысли, такое ученіе должно показаться соблазнительнымъ во всѣхъ отношеніяхъ; онъ не могъ ему не подчиниться, разъ увѣровавши въ тотъ фактъ, который служитъ основаніемъ этому ученію. Въ томъ, что Корбе такъ твердо и настойчиво вѣрилъ въ спиритизмъ, я вижу полное доказательство его умственнаго здоровья; сумасшедшій вообще не способенъ къ той послѣдовательности и постоянству душевнаго настроенія, которыя составляютъ необходимое условіе всякой вѣры.

До сихъ поръ я старался доказать, что спиритизмъ не заключаетъ въ себѣ такихъ нелѣпостей, вѣрованіе въ которыя было

бы невозможно при нормальномъ умственномъ состояніи. Г. Спасовичъ напротивъ доказываетъ, что спиритизмъ именно настолько нелѣпъ. Допустимъ, что спиритизмъ крайне нелѣпъ, но тогда я спрошу: убѣжденіе, какъ бы оно ни было нелѣпо, можетъ ли быть признано за фактъ, дающій право подозрѣвать человѣка въ умопомѣшательствѣ? Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ, я позволю себѣ прочесть нѣсколько словъ изъ обвинительнаго акта по дѣлу о скопцахъ, которое на дняхъ разбиралось въ московскомъ окружномъ судѣ. Описывается радѣніе у скопцевъ: „Они происходятъ подъ большіе праздники, преимущественно рано утромъ. Для радѣнія мущины надѣваютъ халатъ, а женщины иногда бѣлые, длинные сарафаны, но всегда покрываютъ голову бѣлыми платками съ мушками или полосами и такіе же платки надѣваютъ на шею. Затѣмъ разсаживаются въ комнатѣ по старшинству. Въ комнату ставятъ портреты и иконы прежнихъ старшихъ учителей, которыхъ называютъ: „милосердый батюшка, великій страдалецъ;“ потомъ молятся на иконы и портреты и кланяются другъ другу въ ноги. Послѣ этого начинается пѣніе стиховъ; послѣ пѣнія всѣ кланяются въ ноги тому, кто будетъ ходить въ этотъ разъ въ словѣ или милости божіей т.-е. пророчествовать. Пророчества эти бываютъ общія обо всѣхъ членахъ ереси и особо каждому изъ присутствующихъ. Тотъ которому особо пророчествуется, стоитъ на колѣнахъ, крестится обѣими руками и кланяется въ ноги. По окончаніи пророчества начинается радѣніе. Оно бываетъ четырехъ родовъ: *корабельное*, состоящее въ томъ, что всѣ становятся въ кругъ и ходятъ по солнцу, при чемъ поютъ стихи; *стѣнкой*, заключающееся въ томъ, что ставъ рядомъ, плечо къ плечу, ходятъ долго и сопровождаютъ это снова пѣніемъ стиховъ. Радѣніе *крестикомъ* производится такъ, что 4, 6, или 8 человѣкъ, ставъ другъ противъ друга, крестообразно перебѣгаютъ одинъ на мѣсто другаго, сидящіе же въ это время поютъ. Наконецъ радѣніе *кружкомъ* совершается каждымъ отдѣльно, при чемъ радѣющіе крайне быстро вертятся на одномъ мѣстѣ. Это самое трудное радѣніе и его производятъ особые мастера, или пророки. Послѣ радѣнія всѣ молятся, цѣлуютъ портреты и, напившись вмѣстѣ чаю, расходятся.“ Таковы радѣнія. „Сущность ученія скопцевъ, сказано далѣе въ томъ же актѣ, состоитъ въ искаженіи христіанскаго ученія объ искупленіи и отрицаніи основанной Іисусомъ Христомъ церкви, хотя наружно они принимаютъ таинства и обряды церкви. Христомъ искупителемъ они признаютъ основателя своей ереси, Селиванова, совершившаго будто бы искупленіе чрезъ оскопленіе. Селиванова они отождествляютъ съ лицомъ императора

Петра III, торжественнаго пришествія котораго и воцаренія они постоянно ожидаютъ." Еслибы вамъ, гг. судьи, ничего не было извѣстно о существованіи секты скопцовъ и ихъ обычаяхъ и вы въ первый разъ прочитали вотъ это описаніе ихъ радѣній, вы конечно подумали бы, что сцены эти происходили въ домѣ умалишенныхъ. Но участвовавшіе въ этихъ радѣніяхъ отправлены не въ домъ умалишенныхъ, а посажены на скамью подсудимыхъ, и не только обвинительной власти, но и защитѣ и въ голову не приходило усомниться въ ихъ состояніи вмѣняемости. Большая половина по дѣлу о скопцахъ признаны виновными и приговорены къ лишенію всѣхъ правъ состоянія. Отсюда ясно, насколько вѣрованіе и убѣжденіе, какъ бы нелѣпы и сумасбродны они ни были, почитаются вообще признакомъ умственнаго разстройства.

Противная сторона, указывая на то, что всѣ записки Корбе, вмѣстѣ взятыя, составляютъ признакъ сумасшествія, подтверждаетъ свой выводъ не только содержаніемъ записокъ, но и тѣмъ что Корбе будто бы находился все это время, такъ сказать, въ психическомъ рабствѣ, что его воля была совершенно парализована, что онъ все дѣлалъ и дѣйствовалъ только на основаніи этихъ записокъ. Я немедленно перейду къ разсмотрѣнію этихъ послѣднихъ доводовъ противной стороны; мы увидимъ насколько они подтверждаются обстоятельствами дѣла. Но прежде ставлю такой вопросъ: допустимъ, что Корбе, вѣруя въ спиритизмъ, то-есть въ сношеніе съ духами и въ то, что они даютъ совѣтъ, дѣйствительно безпрекословно слѣдовалъ этимъ совѣтамъ,— есть ли *это* признакъ сумасшествія? Нѣсколько лѣтъ тому назадъ умеръ въ Москвѣ Иванъ Яковлевичъ Корейша, біографію котораго описалъ одинъ изъ подсудимыхъ по Нечаевскому дѣлу, Прыжовъ. Этотъ Иванъ Яковлевичъ около полустолѣтія содержался въ домѣ умалишенныхъ и все это время оффиціально признаваемъ былъ сумасшедшимъ, въ чемъ и безъ того нельзя сомнѣваться. И этого сумасшедшаго чуть не полъ-Москвы признаетъ и признавала пророкомъ! Жилъ онъ въ особой комнатѣ, въ такой неопрятности, одно описаніе которой вызываетъ тошноту; обращался съ посѣтителями возмутительно-грубо и бормоталъ какія-то безсвязныя, лишенныя всякаго смысла слова. Эти-то *кололацы* Ивана Яковлевича съ благоговѣніемъ выслушивали московскія барыни, и какъ бы нелѣпы ни были приказанія этого оракула, вѣрующіе въ него исполняли ихъ безпрекословно. Если это признакъ сумасшествія, то слѣдуетъ признать сумасшедшими огромное количество Москвичей и притомъ въ гораздо большей степени, чѣмъ Корбе. Но правда ли, что Корбе исполнялъ все, что ему приказывалъ духъ и дѣйствительно ли

духи до такой степени подчинили себѣ волю Корбе, что онъ уже вовсе не имѣлъ своей собственной воли? Что Корбе, вѣруя въ духовъ и въ то что они иногда даютъ наставленія, часто спрашивалъ ихъ совѣта и дѣйствовалъ согласно ихъ наставленіямъ, это весьма естественно. Вопросъ въ томъ, были ли эти наставленія безсмысленны, такъ что человѣкъ здравомыслящій не могъ бы имъ подчиняться? Это я отрицаю рѣшительно и въ этомъ ссылаюсь на всѣхъ, кто читалъ записки. Въ нихъ нѣтъ ничего безсмысленнаго. Въ исковомъ прошеніи и остальныхъ бумагахъ разсказывалось, правда, будто бы Корбе среди лѣта пересадилъ весь свой садъ, по указаніямъ духовъ. Опровергать это обстоятельство какими-либо фактическими данными мы не имѣли никакой возможности, такъ какъ всѣ имѣнія Корбе находятся въ рукахъ истцовъ. Но показанія свидѣтелей, выставленныхъ самими истцами, вполнѣ разрѣшили этотъ доводъ. Изъ нихъ видно, что Корбе пересадилъ лишь нѣкоторыя деревья изъ одного мѣста на другое; нѣкоторыя на новомъ мѣстѣ принялись нѣкоторыя нѣтъ; но при этомъ слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что весь садъ въ Константиновкѣ только разводился въ это время. По поводу сада въ запискахъ встрѣчается совѣтъ духа Льва, который говоритъ Корбе: „купи себѣ растеній въ Кременчугѣ.“ И вотъ истцы съ торжествомъ приводятъ доказательства, что Корбе дѣйствительно купилъ въ Кременчугѣ растеній. Но что же въ этомъ страннаго? Положимъ, что Корбе имѣлъ знакомаго хорошаго садовника, спрашивалъ у него совѣты на счетъ сада и исполнялъ эти совѣты. Духъ Левъ, какъ видно изъ записокъ, рекомендовалъ себя какъ знатока природы, и Корбе, вѣруя въ его авторитетъ, слѣдовалъ его наставленіямъ, которыя, вѣроятно, совпадали съ его собственнымъ мнѣніемъ. Это особенно ясно видно изъ факта сушенія стѣны жаровней, ибо здѣсь на судѣ выяснилось, что стѣна дѣйствительно была сыра, и способъ, употребленный для сушенія, по указанію духа Льва, вопервыхъ вполнѣ достигъ цѣли, а вовторыхъ соотвѣтствовалъ существующимъ на этотъ счетъ пріемамъ въ сельскомъ хозяйствѣ. Повторяю, разъ признавъ что Корбе вѣровалъ въ дѣйствительность сношенія съ нимъ существъ изъ загробнаго міра нельзя уже находить ничего страннаго въ томъ, что онъ дѣйствительно съ ними сносился и слѣдовалъ иногда ихъ указаніямъ. Но чтобы въ запискахъ заключалось прямое и ясное указаніе, отъ самаго начала до конца, что Корбе ничего другаго не дѣлалъ, какъ только исполнялъ велѣнія духовъ—это я отрицаю энергически; это я вполнѣ могу опровергнуть весьма крупными, весьма рельефными фактами.

Прежде всего я обращусь къ положительнымъ указаніямъ ист-

цевъ, затѣмъ укажу на такъ-называемыя мною отрицательныя доказательства. Истцы прямо говорятъ, что духовное завѣщаніе и купчая крѣпость, ими оспариваемыя, произошли помимо воли Корбе, которой вовсе не было, такъ какъ она была парализована. Что касается духовнаго завѣщанія, то относительно его есть въ запискахъ нѣсколько мѣстъ, которыя имѣютъ болѣе или менѣе отдаленную связь съ содержаніемъ завѣщанія; но можетъ ли противная сторона представить хоть что-нибудь указывающее на то, что воля Корбе дѣйствительно не участвовала въ составленіи завѣщанія, что имъ ворочали какъ автоматомъ? Мнѣ случилось видѣть въ заведеніи умалишенныхъ субъекта, страдающаго парализаціей воли, у котораго воля представляла собой пружину, лишенную всякой упругости. Глядѣть на этого живаго мертвеца было дѣйствительно страшно; его толкнешь — онъ пойдетъ, посадишь—онъ будетъ сидѣть; положишь—онъ будетъ лежать. Такую ли болѣзнь приписываютъ истцы покойному Корбе? То ли было при составленіи духовнаго завѣщанія? Неужели кто-либо дерзнетъ открыто предъ судомъ утверждать что-либо подобное, основываясь на запискахъ? Всего важнѣе то, что на основаніи записокъ мы можемъ положительно сказать, что завѣщаніе не было продиктовано духами, хотя я утверждаю, что еслибы даже было такъ, то домогательства истцевъ отъ этого не выиграли бы нисколько. Но мы, напротивъ, въ одномъ мѣстѣ записокъ читаемъ относительно завѣщанія: „Напиши такъ, какъ говорилъ". Изъ этой фразы явствуетъ несомнѣнно, что Корбе, задумавъ завѣщаніе, обратился за совѣтомъ къ духу и тотъ отвѣтилъ ему, чтобы онъ написалъ такъ, какъ говорилъ. Завѣщаніе значитъ задумано Корбе, а не духомъ. Затѣмъ въ запискахъ встрѣчаемъ наставленіе, чтобы Корбе написалъ завѣщаніе въ Кіевѣ черезъ адвоката. Но я положительно утверждаю, что Корбе во все продолженіе 1869 года не былъ въ Кіевѣ; онъ написалъ завѣщаніе въ своемъ имѣніи, Смоленскомъ, безъ всякой помощи адвоката. Отсюда ясно, что въ этомъ, самомъ важномъ для истцевъ фактѣ, въ составленіи духовнаго завѣщанія, Корбе поступилъ по своему собственному усмотрѣнію вопреки прямаго указанія духа. Къ этому столь существенному доказательству, такъ радикально опровергающему указанія истцевъ, нужно ли мнѣ прибавлять еще что-либо? Если нужно, то могу привести еще многія, не менѣе вѣскія доказательства. Это будутъ отрицательныя доказательства. Прежде всего укажу на другой актъ, оспариваемый истцами, на купчую крѣпость. Придерживаясь исковаго прошенія слѣдуетъ думать, что основаніемъ къ ея опроверженію служатъ тѣ же записки Корбе; по крайней мѣрѣ никакихъ особыхъ доводовъ,

спеціально до купчей крѣпости относящихся, состороны истцевъ указано не было. Эту купчую крѣпость на имя г-жи Алымовой Корбе совершилъ 29 октября 1869 года. До утвержденія ея онъ нѣсколько разъ ѣздилъ въ Екатеринославъ, потому что прошло 9 мѣсяцевъ прежде чѣмъ она была утверждена старшимъ нотаріусомъ. И что же? Въ тѣхъ самыхъ запискахъ, которыя по словамъ истцевъ доказываютъ, что Корбе шагу не дѣлалъ по собственному побужденію, и въ которыхъ дѣйствительно читаемъ день за день бесѣды Корбе съ духами, мы не встрѣчаемъ ни одного слова, относящагося до купчей крѣпости, такъ что еслибы эти записки могли дѣйствительно имѣть то значеніе юридическаго доказательства, опровергающаго формальные и крѣпостные акты, которое присвоиваютъ ему истцы, то на основаніи записокъ можно было бы доказать не недѣйствительность купчей крѣпости на Михайловку, а скорѣе то, что она вовсе никогда не была совершена....

Но мои отрицательные доводы не ограничиваются и этимъ. Съ мая 1869 года и до конца 1870 года, по день смерти, Корбе постоянно находился подъ уголовнымъ слѣдствіемъ, или лучше подъ двумя слѣдствіями—одно объ истязаніяхъ сына, другое о жестокомъ обращеніи съ женою. Корбе постоянно тяготился своимъ положеніемъ обвиняемаго, которое ограничивало его свободу передвиженія, такъ какъ онъ непремѣнно хотѣлъ ѣхать въ Крымъ, вопервыхъ, для леченія виноградомъ, которое ему предписывали доктора, а вовторыхъ, вѣроятно потому что осенью 1869 года туда ѣздила г-жа Алымова. Корбе во все время производства дѣла приносилъ постоянно жалобы, то на одного, то на другаго слѣдователя, то на задержаніе дѣла товарищемъ прокурора, къ которому оно поступило по заключеніи предварительнаго слѣдствія. Далѣе, въ сентябрѣ или октябрѣ 1869 года Корбе познакомился со мною и заключилъ формальный договоръ о защитѣ его. Въ 1870 году Корбе взялъ отъ помѣщика Бѣлаго закладную на 30000 руб. Кромѣ того, онъ имѣлъ множество дѣлъ со многими лицами и въ судѣ, и внѣ суда. Нѣкоторые изъ этихъ лицъ, Бѣлый, Немировскій, Безпаловъ, Павленко, являлись здѣсь въ качествѣ свидѣтелей. Находимъ ли мы въ запискахъ хотя малѣйшее указаніе на всѣ эти дѣйствія Корбе? Ни одного слова! Ничего подобнаго мы не находимъ, а находимъ вотъ что: въ началѣ 1869 года, 16 февраля, то-есть чрезъ три дня послѣ начала бесѣдъ съ духами, духъ говоритъ Корбе: „сынъ мой, ты не долженъ оставлять земныя дѣла и предаваться единственно только бесѣдѣ съ духами; ты долженъ исполнять всѣ житейскія обязанности и быть полезнымъ гражданиномъ“. Затѣмъ 17 февраля 1870 года духъ указываетъ снова

Корбе, что онъ не долженъ забывать земныхъ дѣлъ для небесныхъ. Изъ этого, какъ вообще изъ всего содержанія записокъ, видно, что въ жизни Корбе были двѣ области, рѣзко разграниченныя—область духовныхъ вѣрованій, въ которой преобладалъ спиритизмъ, и область практическихъ житейскихъ интересовъ, которымъ заправлялъ его здравый практическій смыслъ, его независимая и необузданная воля. Но кромѣ этихъ указаній отрицательнаго свойства, сколько же нами было выслушано свидѣтельскихъ показаній, что Корбе до конца своей жизни вполнѣ сохранилъ свой практическій смыслъ и свою необыкновенную энергію по своимъ хозяйственнымъ дѣламъ! Какое же право имѣетъ кто бы то ни было относиться недовѣрчиво къ этимъ показаніямъ, которыя всѣ сводятся къ одному выводу, что Корбе былъ человѣкъ необыкновенно здраваго и зрѣлаго ума и твердой энергической воли? какое право имѣютъ, оставляя въ сторонѣ этотъ существенный смыслъ всѣхъ показаній вмѣстѣ взятыхъ, выхватывать отрывки изъ показаній свидѣтелей менѣе достовѣрныхъ, останавливаясь напримѣръ на томъ, что, по показанію Смычадлова, Корбе разъ какъ-то разсердился на то, что въ дождь молотили, между тѣмъ какъ онъ самъ приказалъ чтобы въ дождь *не* молотили? Этотъ фактъ должно быть принятъ гг. экспертами въ томъ смыслѣ, что Корбе дурно понималъ интересы своего хозяйства. Какъ же посмотрѣли они на другой фактъ изъ показанія того же свидѣтеля, разсказавшаго намъ, какъ Корбе за 10 дней до своей смерти, находясь въ столь отчаянномъ физическомъ и нравственномъ состояніи, разспрашивалъ его однако о каждой отдѣльной подробности хозяйства, о лошадяхъ, скотѣ, овцахъ, о томъ—не больна ли какая изъ лошадей, которыхъ было у Корбе 160? Корбе въ это же время далъ тому же свидѣтелю 200 руб. на расходы по хозяйству и взялъ отъ него въ томъ росписку, чего онъ прежде не дѣлалъ. Въ этомъ фактѣ я вижу Корбе живьемъ: онъ боленъ при смерти, онъ можетъ ожидать ссылки, и вотъ онъ помнитъ, что надо взять росписку въ столь ничтожной суммѣ. Не правда ли, удивительный сумасшедшій? Затѣмъ, по показанію Безпалова, Корбе опять за нѣсколько дней до смерти первый вспомнилъ, что вексель, который онъ имѣлъ отъ Безпалова, чрезъ три дня истекалъ срокъ и сказалъ Безпалову: „хорошо, что вы пріѣхали, а то я бы протестовалъ вашъ вексель". Далѣе мы знаемъ, что въ августѣ 1870 года Корбе разошелся съ мебельщикомъ Павленко изъ за 300 руб., которыхъ Корбе не соглашался прибавить къ 200 р., предложеннымъ имъ за мебель. При сдѣлкѣ съ Бѣлымъ онъ вспомнилъ объ ошибкѣ въ 800 руб., происшедшей при расчетѣ, и эта ошибка оказалась дѣйствительною. Что

Корбе былъ примѣрнымъ образцовымъ хозяиномъ, это доказывается помимо свидѣтельскихъ показаній тѣмъ состояніемъ, поистинѣ образцовымъ, въ которомъ оказалось это имущество послѣ его смерти. А что это образцовое состояніе было исключительно дѣло его рукъ, его энергіи, его ума, это доказывается категорически тѣмъ, что до послѣдняго дня своей жизни Корбе не имѣлъ даже управляющаго, а самъ лично управлялъ своими имѣніями. Всѣ эти поразительные факты обойдены гг. экспертами, какъ будто бы ихъ вовсе не было или они не имѣли существеннаго значенія для разрѣшенія вопроса о его умственныхъ способностяхъ. За то гг. эксперты сочли нужнымъ указать, что Корбе въ 1867 году забылъ будто бы о 60 р., которые онъ былъ долженъ Выговскому. Этимъ подтверждается, изволите видѣть, ослабленіе памяти Корбе послѣ пресловутаго удара, постигшаго его въ 1866 году. Но почему же не предположить, что г. Выговскій самъ забылъ о 60 руб., и напрасно требовалъ ихъ отъ Корбе? Полагаю, что это предположеніе будетъ болѣе вѣроятно, въ виду того что Корбе за 10 дней до смерти настолько сохранилъ необыкновенную память, что зналъ срокъ протеста векселя на ничтожную сумму. Но г. Выговскому какъ-то особенно посчастливилось предъ гг. экспертами. Ему они повѣрили, что Корбе сталъ заикаться послѣ 1866 года, несмотря на то, что всѣ остальные свидѣтели, и въ томъ числѣ медики его лечившіе, положительно отвергли этотъ фактъ, а удостовѣрили, что рѣчь Корбе всегда отличалась медленностью и что до 1866 года онъ говорилъ также, какъ не задолго до своей смерти. Во всякомъ случаѣ это доказываетъ, что гг. эксперты дозволили себѣ выбирать изъ свидѣтельскихъ показаній то, что подходило подъ ихъ картину и отбрасывать то, что рѣшительно для нея негодилось; они присвоили себѣ не принадлежащую имъ роль судей и присяжныхъ.

Мотивы, руководившіе Корбе при составленіи его духовнаго завѣщанія, объясняются совершенно просто и естественно. Прежде всего не мѣшаетъ напомнить, что Корбе не оставилъ г-жѣ Алымовой имѣнія свои въ собственность. Въ собственность имѣніе его оставлено дѣтямъ и онъ распредѣлилъ между ними свое состояніе по равной долѣ. Алымовой же отдалъ состояніе только въ пожизненное пользованіе. Въ основаніи этихъ распоряженій, кромѣ горячей любви къ Алымовой, лежало еще чувство ненависти къ женѣ. Я не разбираю насколько то и другое чувство было заслуженно,но дѣло въ томъ, что фактически они подтверждены вполнѣ. Распорядившись извѣстнымъ образомъ, Корбе дѣйствовалъ совершенно сообразно внутреннему своему расположенію, какъ существо разумное, дѣйствія котораго всегда

имѣютъ внутреннее побужденіе. Задача психіатріи, какъ положительной и точной науки, умозаключать отъ внѣшнихъ дѣйствій къ внутреннимъ побужденіямъ. Индуктивный методъ повелѣвалъ гг. экспертамъ прежде всего обратить вниманіе на то, есть ли разумная связь между внѣшними дѣйствіями Корбе и его внутренними побужденіями, и еслибъ они строго придерживались этого метода, они отыскали бы эту связь относительно каждаго изъ поступковъ Корбе, выясненныхъ здѣсь на судѣ. Въ этомъ отношеніи мнѣ остается разобрать еще одно чрезвычайно важное указаніе экспертизы. Гг. эксперты обратили вниманіе на то, что характеръ Корбе значительно измѣнился къ лучшему въ послѣдніе два года его жизни, съ которыми совпадаетъ его связь съ г-жею Алымовой, и спиритизмъ, при которомъ она служила Корбе медіумомъ. Это поразительное явленіе въ психической жизни Корбе я признаю вполнѣ; оно какъ нельзя болѣе доказано. Корбе въ послѣдніе два года своей жизни дѣйствительно значительно измѣнился въ характерѣ: прежней суровости какъ не бывало. Къ людямъ, какъ близкимъ, такъ и посторонним, онъ относился далеко не такъ какъ прежде. Доискаться причины столь радикальной перемѣны можно и слѣдуетъ. Но гг. эксперты ограничились приведеніемъ этого факта, не объясняя его ничѣмъ, и тѣмъ, надо полагать, желая указать, что этому не было достаточнаго основанія. Я не знаю читали-ли гг. эксперты записки; но я прошу тѣхъ, которые прочитали записки отъ начала до конца или по крайней мѣрѣ большую часть изъ нихъ, положа руку на сердце сказать, не совершенно ли достаточно эта перемѣна объясняется содержаніемъ записокъ, которое есть не что иное какъ постоянная и неизмѣнная проповѣдь любви, смиренія, прощенія и прочихъ христіанскихъ добродѣтелей? Я полагаю, что Корбе, относившійся съ такою полною вѣрою къ внушеніямъ духовъ, не могъ не измѣниться подъ ихъ вліяніемъ. Мало того, подъ конецъ записокъ указывается на это измѣненіе характера Корбе, какъ на совершившійся фактъ; мы встрѣчаемъ здѣсь Корбе кающагося въ своихъ грѣхахъ, въ необузданности своей воли, которая не знала границъ; мы видимъ Корбе сѣтующаго на свои страсти, на свой прежній развратъ. Казалось бы причина ясна и очевидна! Нужно ли намъ прибѣгать еще къ помощи спеціалистовъ для объясненія любопытнаго явленія, когда это объясненіе у насъ здѣсь подъ рукою? Нѣтъ, экспертиза не требуется для подтвержденія очевидности и должна быть безусловно отвергнута тамъ, гдѣ она идетъ въ разрѣзъ съ очевидностью и отрицаетъ фактъ несомнѣнный. Предположимъ, что какіе-либо эксперты изъ Петербурга по какой либо отрасли, имѣли бы надобность коснуться колокольни

на Успенской церкви въ Екатеринославѣ и основываясь на фактахъ гадательныхъ, на научныхъ гипотезахъ, они стали бы увѣрять, что на этой башнѣ нѣтъ часовъ. Какую цѣну могла бы имѣть вся экспертиза въ глазахъ Екатеринославца, который каждый день видитъ эти часы на башнѣ?

Гг. эксперты пришли къ заключенію объ умопомѣшательствѣ Корбе почти не касаясь записокъ, а основываясь главнымъ образомъ на фактахъ выясненныхъ на судѣ, съ другой стороны повѣренные истцевъ напирали главнымъ образомъ на записки и указывали на нихъ, какъ на доказательство сумасшествія. Что касается вывода экспертовъ, то я говорю смѣло, что онъ совершенно противорѣчитъ тому что, выяснилось здѣсь на судѣ. Къ нему можно было прійти лишь отвергнувъ свидѣтельскія показанія, а не основываясь на нихъ. Но если и отвергнуть очевидность и придать хоть какую-нибудь цѣну выводу экспертовъ, то этотъ выводъ не только не подтверждается записками, какъ старался доказать г. Спасовичъ; нѣтъ, онъ вполнѣ ими опровергается. Разобравъ подробно эти записки съ точки зрѣнія вопроса объ умственныхъ способностяхъ Корбе, я позволяю себѣ сказать еще разъ, что эти записки служатъ яснымъ и полнымъ доказательствомъ его умственнаго здоровья. Повторяю, такой человѣкъ какъ Корбе, съ ограниченнымъ образованіемъ, но съ желѣзной волей, и вмѣстѣ съ тѣмъ обладавшій всѣми добрыми задатками души нравственной и возвышенной, задатками, заглушенными, но не уничтоженными тою недоброю средой, въ которой жилъ и развивался Корбе—такой человѣкъ, относившійся ко всему энергично, не могъ не ухватиться съ жадностью за спиритизмъ, который удовлетворялъ его умственно, ибо онъ не былъ подготовленъ предшествовавшимъ образованіемъ настолько, чтобы противоставить этому соблазнительному ученію раціональную практику философскаго мышленія. Но за то чистота нравственныхъ идеаловъ, которые онъ нашелъ въ этомъ ученіи, усвоена имъ вполнѣ и подъ ихъ вліяніемъ онъ сталъ другимъ, лучшимъ человѣкомъ. Вотъ въ чемъ заключается истинное значеніе этихъ записокъ.

Собственно говоря, гг. судьи, задача моя кончена и на основаніи ст. 366 уст. гр. суд. я считаю себя вправѣ сказать, что искъ не только не доказанъ, но что доказано противоположное, несмотря на экспертизу. Но, гг. судьи, я чувствую и сознаю, что въ этомъ дѣлѣ есть сторона, которая можетъ нравственно подкупить всѣхъ и каждаго въ пользу истцовъ, и я не могу обойти молчаніемъ этой стороны дѣла. Я далекъ отъ мысли оправдывать Корбе по отношенію къ завѣщанію, коимъ онъ такъ тщательно старался устранить свою законную жену отъ всякаго

пользованія его имуществомъ. При жизни Корбе мнѣ случалось не разъ уговаривать его сойтись съ женой; я всегда говорилъ ему, что каковы бы ни были причины его озлобленія противъ нея, она все-таки мать его дѣтей. Вотъ почему я и теперь не могу не высказать порицанія его распоряженіямъ, коими онъ имѣлъ главнымъ образомъ въ виду свою жену. Но, гг. судьи, порицая Корбе, вовсе нѣтъ надобности топтать въ грязь г-жу Алымову. Правда, ее здѣсь выставили фуріей, женщиной въ высшей степени хитрой, злой, жестокосердой; но такою она представлена противною стороною, повѣреннымъ истцевъ въ процессѣ, съ исходомъ котораго связанъ большой матеріальный интересъ.... Если Алымова хотя въ десятой долѣ окажется тѣмъ, чѣмъ она выставлена противною стороною; если справедливо, что всѣ эти записки суть ея сочиненіе и вымышлены ею съ корыстною цѣлью; если хоть сколько нибудь подтвердятся тѣ показанія, по которымъ она является главною виновницею истязаній малолѣтняго Ѳедора, то я первый отрекусь отъ нея. Она обманщица и притомъ самая гнусная, а коль скоро она будетъ признана обманщицей, она не можетъ пользоваться плодами своего преступленія. Вотъ почему я утверждаю, что единственный и правильный путь къ начатію настоящаго процесса былъ путь уголовный. Г. Спасовичъ доказывалъ невозможность уголовнаго иска на томъ основаніи, что ст. 1688 Уложенія относится до обмановъ для дачи обязательствъ, а не до обмановъ, плодомъ которыхъ было духовное завѣщаніе въ пользу обманщика. Я съ этимъ не согласенъ. Ст. 151 Уложенія, толкуемая такъ широко уголовнымъ кассаціоннымъ департаментомъ, давала и даетъ полную возможность примѣнить эту статью и къ данному случаю. Такимъ образомъ, если уже были основанія обвинять Алымову въ уголовномъ преступленіи, то для этого есть единственный путь, указанный уставомъ уголовнаго, а не гражданскаго судопроизводства. Алымова была бы выслушана въ качествѣ обвиняемой; она должна была бы сама давать отвѣтъ, а не выставлять повѣренныхъ. Но за то и обвинительный актъ составилъ бы также не повѣренный истца, домогающійся денежнаго интереса, а оффиціальный обвинитель, обязанный относиться къ обвиняемому безпристрастно. Тогда и судъ могъ бы прійти къ болѣе или менѣе правильному выводу; между тѣмъ какъ теперешній уголовный судъ надъ Алымовой, творимый надъ нею заочно, лишенъ всякой доказательности и убѣдительности. Я вовсе не думаю защищать здѣсь г-жу Алымову; я не имѣю къ тому и нужнаго матеріала. Я очень мало знаю г-жу Алымову. Я ее видѣлъ одинъ только разъ въ теченіи нѣсколькихъ часовъ и въ то время не могъ получить отъ нея никакихъ разъясненій

по поводу записокъ, о которыхъ въ то время доходили до меня одни неопредѣленные слухи. Это было до предъявленія исковаго прошенія. Но на основаніи того, что теперь обнаружено судомъ относительно Алымовой, я далеко не убѣжденъ въ томъ, что она виновна въ сознательномъ обманѣ. Тѣ дурные отзывы, которые дали намъ о ней свидѣтели Скляровъ и Чередникова не были для меня нисколько убѣдительны. Эти люди питаютъ непримиримую ненависть къ Алымовой; озлобленіе противъ нея проглядывало въ каждомъ ихъ словѣ, а эту злобу я объясняю себѣ обыкновенною ненавистью прислуги къ лицу пришлому, неимѣющему права быть членомъ семейства. Корбе, по словамъ этихъ свидѣтелей, берегъ Алымову, словно царицу, и имъ за нее часто доставалось. Вотъ и объясненіе ихъ ненависти. Но я не вѣрю имъ и потому, что они теперь показывали совсѣмъ не то, что у судебнаго слѣдователя; наконецъ я отношусь недовѣрчиво къ Склярову потому, что онъ отрицаетъ такой фактъ, который не можетъ подлежать сомнѣнію: фактъ порока, которому подверженъ былъ малолѣтній Корбе. Скляровъ представляетъ собою типъ слуги, которые въ прежнее время служили главною причиною развращенія дѣтей нашего барства. Мнѣ кажется, что Скляровъ потому такъ упорно отрицаетъ порокъ Ѳедора, что онъ самъ ему въ этомъ содѣйствовалъ. Чтобы повѣрить въ подстрекательство со стороны Алымовой къ истязанію Ѳедора, слѣдовало бы указать какой интересъ она въ томъ имѣла; этого интереса я не вижу. При томъ же это рѣшительно противорѣчитъ образу дѣйствій Алымовой. Если вы такъ положительно утверждаете, что записки Корбе суть ея сочиненія; если вы считаете ее способной задумать и выполнить столь хитрый планъ; если она способна говорить такимъ языкомъ, какимъ написаны записки,—то вы должны согласиться, что Алымова женщина съ необыкновеннымъ умомъ, способная вполнѣ владѣть собою, обдумать каждый свой шагъ, дѣйствовать послѣдовательно. Если для достиженія своихъ цѣлей ей нужно было сдѣлать Корбе нравственно лучшимъ; если она подъ видомъ духовъ проповѣдывала ему христіанскую любовь и всяческія добродѣтели, то какъ же могла она, эта умная женщина, въ тоже время внушать ему ненависть къ собственному сыну? Далѣе, въ образѣ дѣйствій Алымовой оказывается слѣдующее необъяснимое противорѣчіе: намъ говорятъ, что бесѣды духовъ сочинены Алымовой съ тою цѣлью, чтобы лишить Корбе его собственной воли и заставить его сдѣлать въ ея пользу завѣщаніе и совершить купчую крѣпость на Михайловку. Но если г-жа Алымова способна была задумать и такъ успѣшно выполнить такой планъ, то отъ женщины столь необыкновеннаго ума можно бы ожидать хоть

самой обыкновенной осторожности; первымъ дѣломъ ея должна была быть забота о томъ, чтобы были истреблены слѣды ея преступленій, чтобы записки не попались въ руки никому. И чтожъ? Г-жа Алымова внушаетъ только Корбе, чрезъ духовъ разумѣется, что черновыя надо уничтожить, а переписанныя записки сохранить навсегда! Въ октябрѣ 1870 года она уѣзжаетъ въ Петербургъ, оставивъ Корбе подъ арестомъ; можетъ быть его обвинятъ и сошлютъ; опасность, чтобы записки не попались кому либо, становится очень вѣроятною; тѣмъ не менѣе она и тутъ ничего не дѣлаетъ. Мало того, она еще сама пишетъ ему письма изъ Петербурга и къ нимъ опять прилагаетъ бесѣды духовъ!....

Еще одно замѣчаніе на счетъ Алымовой. Судебный приставъ Верхнеднѣпровскаго съѣзда, дававшій здѣсь показаніе, разсказалъ тутъ исторію о таинственномъ незнакомцѣ. Это показаніе, данное на вопросъ повѣреннаго истцевъ, приведено было конечно съ извѣстною цѣлью и цѣль эта, безъ сомнѣнія, достигнута. Для огромнаго большинства выслушавшихъ этотъ разсказъ, ни на одну минуту не было сомнѣнія, что таинственный незнакомецъ, добивавшійся купить записки Корбе, былъ агентомъ Алымовой, ибо въ чьихъ же, какъ не въ ея интересахъ, было истребить этотъ важный документъ? Между тѣмъ это не могло быть дѣломъ Алымовой. Происшествіе это случилось чрезъ три дня послѣ смерти Корбе, когда Алымова была въ Петербургѣ. Скажутъ, что Алымова имѣла здѣсь повѣреннаго человѣка, которому поручено было заранѣе постараться объ истребленіи записокъ въ случаѣ смерти Корбе. Но я уже прежде указалъ, что Алымова не думала о необходимости истребленія записокъ, а еслибы подумала, то имѣла полную возможность достигнуть этого при жизни Корбе. Мало того, мы можемъ доказать, что Алымова узнала о смерти Корбе лишь гораздо послѣ, въ концѣ января, когда объ этомъ было напечатано въ газетахъ. Такимъ образомъ, таинственный незнакомецъ не былъ агентомъ Алымовой. Кто же онъ былъ? Кому еще, кромѣ Алымовой, нужно было не допустить эти записки до оглашенія? Этотъ вопросъ я себѣ задавалъ и долго объ этомъ думалъ. Мнѣ кажется, что я нашелъ разрѣшеніе загадки. Вы помните разсказъ судебнаго пристава; онъ сказалъ, что Марья Николаевна Корбе при первомъ взглядѣ на найденныя въ столѣ Корбе тетради, сказала: „это пустяки, спиритизмъ.“ Затѣмъ тотъ же свидѣтель показываетъ, что при описи имущества Корбе были родственники г-жи Корбе, которые тоже видѣли записки. Затѣмъ, въ саду, таинственный незнакомецъ сдѣлалъ приставу извѣстное предложеніе. Я полагаю, что незнакомецъ этотъ былъ кто-нибудь изъ близ-

кихъ родственниковъ г-жи Корбе, если только вообще былъ этотъ незнакомецъ. Г-жа Корбе и другіе члены семейства знали о томъ, что Корбе давно занимался спиритизмомъ; между ними вѣроятно были такіе, которые сами этимъ занимались. Имъ было извѣстно, что въ бесѣдахъ съ духами бываютъ откровенные разговоры о семейныхъ дѣлахъ, вообще о вещахъ, которыя никому не желательно оглашать. Въ семействѣ Корбе такихъ семейныхъ тайнъ и дрязгъ было особенно много. Г-жа Корбе сама объ этомъ заявляла, жалуясь на своего мужа, на его обращеніе съ нею и прочее. Не подозрѣвая, что записки эти могутъ пригодиться для того употребленія, которое впослѣдствіи изъ нихъ сдѣлалъ повѣренный истицы, г-жа Корбе и ея родственники вѣроятно рѣшили не допускать, чтобы эти записки пошли въ руки властей. И вотъ одинъ изъ родственниковъ пошелъ за судебнымъ приставомъ, чтобы сдѣлать ему предложеніе не вносить эти записки въ опись и выдать ихъ ему. Уговаривая пристава отдать ихъ ему, онъ именно говорилъ ему, что оглашеніе ихъ будетъ непріятно для семейства Корбе. Таково мое предположеніе, которое я считаю весьма вѣроятнымъ на томъ основаніи, что, какъ положительно доказано, это не могло быть дѣломъ Алымовой. А между тѣмъ происшествіемъ этимъ воспользовались для того, чтобы набросить тѣнь подозрѣнія на Алымову... Гг. судьи, я кончилъ совершенно но да будетъ мнѣ позволено отдать послѣднюю дань уваженія памяти несчастнаго Корбе. Я зналъ его при жизни и питалъ къ нему уваженіе, не смотря на то, что, по сосредоточенности его натуры, трудно было судить что онъ за человѣкъ. Его истинно мученическая кончина привлекла къ нему всю мою симпатію потому что я, зная хорошо уголовное дѣло, свято убѣжденъ былъ въ томъ, что преданіе его суду было послѣдствіемъ печальнаго заблужденія со стороны властей, и недостойныхъ интригъ со стороны людей, которыхъ я не желаю назвать... Записки, открытыя послѣ смерти Корбе, доказали мнѣ, что мое мнѣніе о немъ было вполнѣ справедливо. Корбе, и по своимъ наклонностямъ, и по жизни, которую онъ велъ въ прежнее время, во многихъ отношеніяхъ заслуживалъ порицанія; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ всегда, по общему отзыву, отличался высокою честностью, непоколебимою вѣрностью своему слову, прямотою и честностью въ отношеніяхъ къ людямъ, желѣзною волею и энергіей. Такія, хотя и суровыя, натуры мнѣ всегда милѣе разныхъ Маниловыхъ. Но содержаніе записокъ доказываетъ, что его—съ виду черствой—душѣ доступны были самыя нѣжныя чувства, самыя высокія помышленія, что въ немъ таились, однимъ словомъ, задатки всего хорошаго. Вотъ почему я говорю, что

этотъ человѣкъ никоимъ образомъ не заслужилъ тѣхъ мукъ, которыя онъ перенесъ подъ конецъ своей жизни. Я говорю, что Корбе былъ мученикомъ своей судьбы. И вотъ люди, приготовившіе ему эту злополучную судьбу, этимъ еще не довольствуются; они тревожатъ его прахъ, они ругаются надъ его памятью, добиваясь признанія его послѣ смерти сумасшедшимъ, тогда какъ при жизни они добивались признанія его злодѣемъ, преступникомъ. Послѣ всего мною высказаннаго по поводу настоящаго дѣла, мнѣ остается сказать вамъ, гг. судьи, лишь слѣдующее: пора возстановить здравый смыслъ въ его правахъ, пора вспомнить, что выше интересовъ г-жи Корбе и г-жи Алымовой, стоитъ интересъ закона, который вы призваны охранять.

Богдановъ. Гг. судьи! Весь интересъ настоящаго процесса сосредоточивается исключительно на вопросѣ о порядкѣ признанія умопомѣшательства завѣщателя уже умершаго. Здѣсь идетъ рѣчь о томъ, признать ли г. Корбе за человѣка, или признать его за существо, лишенное человѣческаго достоинства и стоящее ниже всякаго звѣря, т. е. совершенно его уничтожить. Я полагаю, что каждый изъ присутствующихъ ни на одну минуту не можетъ согласиться съ тѣмъ, чтобъ подобное признаніе было возможно; ибо каждый задается вопросомъ: неужели же, послѣ всего видѣннаго и слышаннаго въ теченіе семидневнаго процесса, Корбе можетъ быть признанъ умопомѣшаннымъ? Исторія нашего законодательства объ умопомѣшательствѣ, какъ справедливо замѣтилъ мой противникъ, дѣйствительно не изобилуетъ указами о помѣшанныхъ. Два, три указа Петра Великаго понятіе объ умопомѣшанныхъ приравнивали понятію о дурачкахъ, которыхъ, какъ небывалое явленіе, выставляли на показъ. Впрочемъ, на этихъ несчастныхъ и послѣдующее законодательство обращало заботливое вниманіе до такой степени, что непремѣнно требовало доставленія ихъ въ Петербургъ, какъ явленій необычайныхъ и достойныхъ привлечь вниманіе человѣколюбія; доброе сердце законодателей считало нужнымъ слѣдить и заботиться о нихъ. Эта заботливость особенно выразилась въ тѣхъ указаніяхъ, которыми опредѣлялось окончательное освидѣтельствованіе такъ называемыхъ дурачковъ, такъ что освидѣтельствованія этого не предоставляли какой нибудь уѣздной, мѣстной власти, а напротивъ, высшему въ то время государственному учрежденію, именно Правительствующему Сенату. Слѣдовательно, мы не можемъ упрекнуть наше законодательство въ недостаткѣ желанія—оградить этихъ несчастныхъ отъ какихъ-либо случайностей; но, кромѣ этой человѣколюбивой мысли, тутъ видно еще, что законодатель постоянно придавалъ этому вопросу огромное значеніе. Дѣйствительно, опредѣленіе того,

что такое юридическая личность, имѣющая право пользоваться всѣми правами, необходимо въ государствѣ, оно въ высшей степени существенно для каждаго. Понятно, что государство, стараясь объ охранѣ правъ личныхъ, правъ каждаго гражданина, должно сознавать, что оно не можетъ ограничивать этихъ правъ иначе, какъ только по особымъ, исключительнымъ случаямъ, по особымъ, точнымъ, необходимымъ основаніямъ. Оно не можетъ ограничивать ихъ только потому, что одинъ по своему характеру жестокъ, другой—произволенъ, третій—не довольно развитъ. Нѣтъ, государство понимаетъ только одно общечеловѣческое достоинство, и только въ ту минуту, когда являются несчастные порывы сумасшествія, исключающіе всякую возможность сомнѣваться,—только въ эту минуту законъ говоритъ: довольно тебѣ, тебя посѣтила явная болѣзнь, ты не можешь стоять наравнѣ съ другими. Вотъ причины, по которымъ наше законодательство старалось точно опредѣлить, что признаетъ оно за умопомѣшательство въ смыслѣ ограниченія юридической правоспособности. Вотъ почему законы наши указываютъ съ большою точностью самый порядокъ освидѣтельствованія умопомѣшанныхъ, именно по закону только тогда можетъ быть стѣснена свобода человѣка, когда онъ не въ состояніи отвѣчать на самые обыкновенные вопросы, взятые изъ обыденной жизни. Только тотъ, кто дошелъ до того болѣзненнаго состоянія, которое лишаетъ его возможности понимать свои простѣйшія, гражданскія, беззатѣйливыя отношенія, можетъ считаться неправоспособнымъ. Вотъ почему главнымъ условіемъ, главнымъ основаніемъ при освидѣтельствованіи умопомѣшанныхъ всегда, по закону, является личное ихъ обозрѣніе, личные переговоры съ нами. Несмотря, однако, на такое существенное требованіе закона, я никакъ не позволю себѣ идти въ разрѣзъ съ тѣми прогрессивными началами, которыя по этому поводу провозглашены кассаціоннымъ департаментомъ сената относительно возбужденія вопроса объ умопомѣшательствѣ лицъ уже умершихъ; я полагаю только, что въ подобныхъ случаяхъ надо быть осторожнымъ, крайне осмотрительнымъ. Чѣмъ болѣе кому предоставлено власти, тѣмъ болѣе лицо это должно быть осторожнымъ, тѣмъ болѣе должно обдумать тотъ случай, къ которому примѣняется эта широкая, огромная власть. Я не стану распространяться о томъ, какія послѣдствія возможны отъ легкомысленнаго отношенія къ такому дѣлу, какая произойдетъ отъ этого страшная неурядица, какъ подорветъ она уваженіе къ закону и суду. Тутъ мы касаемся самаго священнаго права каждаго отдѣльнаго лица. Необходимость подобной осторожности, подобнаго строгаго отношенія къ дѣлу вытекаетъ прямо изъ того,

что въ этихъ случаяхъ мы не имѣемъ предъ собою главнаго фактора,—именно лица, о которомъ идетъ рѣчь. Слѣдовательно, все должно быть основано на однѣхъ догадкахъ, или, во всякомъ случаѣ, не болѣе какъ на предположеніяхъ, и то если еще столь новая, едва ли достигшая полной математической точности наука, какъ психіатрія, можетъ дать намъ лишенныя всякаго сомнѣнія данныя. По крайней мѣрѣ въ судебной практикѣ есть много случаевъ, въ которыхъ лица, признанныя психіатрами-экспертами за умопомѣшанныхъ, оказывались впослѣдствіи не только вполнѣ умственно-здоровыми, но и грубыми, закоренѣлыми злодѣями. Наконецъ самая экспертиза далеко не составляетъ послѣдняго слова науки. Всякій человѣкъ, какъ бы онъ ни былъ честенъ, какъ бы онъ ни былъ высоко развитъ, тѣмъ не менѣе никогда не отрѣшится отъ извѣстныхъ, усвоенныхъ себѣ ошибочнымъ образомъ, убѣжденій. Каждому, вѣроятно, извѣстенъ историческій примѣръ ошибочности заключеній, ошибочности такъ называемыхъ свѣдущихъ лицъ; каждый легко вспомнитъ, что практическое примѣненіе силы пара отвергнуто было цѣлымъ ареопагомъ науки, въ лицѣ французской Академіи. Я думаю, что Наполеонъ не разъ пожалѣлъ о такой ошибочной экспертизѣ, тяжесть которой ему пришлось испытать. А въ настоящемъ случаѣ, мнѣ кажется, здѣсь — на судѣ—недостаточно было представлено матеріаловъ представителями науки для того, чтобы прійти къ заключенію объ умопомѣшательствѣ г. Корбе. Для того, чтобъ произвести экспертизу, во свякомъ случаѣ нуженъ матеріалъ,—матеріалъ точный и опредѣленный; а вотъ въ этомъ-то именно случаѣ мы его и не имѣемъ. Съ точки зрѣнія юридической, я,кажется, имѣю полное право разсматривать этотъ матеріалъ, обращать вниманіе на разныя его стороны, потому что для психіатріи въ высшей степени важно знать, дѣйствительно ли тѣ факты, на которые указываетъ противная сторона, и на которыхъ экспертиза должна основывать свои положенія, существовали, дѣйствительно ли они достовѣрны. Я не стану ни въ какомъ случаѣ заподозрѣвать тѣхъ свидѣтелей, которые кажутся неблагопріятными для моей защиты. Напротивъ, я отнесусь къ нимъ самымъ довѣрчивымъ, самымъ искреннимъ образомъ. Но прежде всего слѣдуетъ разрѣшить вопросъ: что такое свидѣтель, и чего можно требовать отъ каждаго свидѣтеля? Свидѣтель можетъ свидѣтельствовать только о томъ, что онъ вполнѣ понимаетъ, что онъ могъ вполнѣ сознательно оцѣнить, что онъ дѣйствительно видѣлъ. Я никакъ не могу положиться на свидѣтельство, какъ бы выгодно оно ни было для меня, если оно принадлежитъ лицу, которое, напримѣръ, говоритъ мнѣ, что такой-то человѣкъ при немъ читалъ французскую

книгу, и когда мнѣ положительно извѣстно, что свидѣтель не знаетъ французскаго языка. Я полагаю, что этотъ свидѣтель, при всей своей добросовѣстности, не въ состояніи свидѣтельствовать объ этомъ предметѣ. Мнѣ кажется, что въ данномъ процессѣ именно и приходится имѣть дѣло съ такими некомпетентными свидѣтелями, показанія которыхъ приняты, однако, въ основаніе прочитанной нами экспертизы. Такъ Паша Чередниченкова, Степанъ Скляровъ и Семычадловъ не могутъ дать вѣрныхъ и точныхъ признаковъ описываемой имъ болѣзни. Самый вопросъ объ опредѣленіи болѣзни требуетъ большой точности, требуетъ спеціальности, и, конечно, никакой медикъ не рѣшится опредѣлить болѣзнь, не рѣшится прописать рецептъ по однимъ разсказамъ простолюдина. Между тѣмъ, въ настоящей экспертизѣ, представленной суду, я не встрѣчаю ничего другаго, кромѣ изложенія фактовъ, неимѣющихъ ни точной научной опредѣленности, ни даже достовѣрности, и кромѣ полнаго опущенія всего, что засвидѣтельствовано лицами компетентными, пятьюшестью медиками, которые положительно и въ одинъ голосъ отрицаютъ возможность предположить даже умственное разстройство у покойнаго Корбе. Свидѣтельство экспертовъ содержитъ двѣ части: одна ея часть историческая, посвященная изложенію фактокъ, другая часть составляетъ выводъ. Что касается до первой, то я полагаю, что вы, гг. судьи, во все время засѣданія, продолжающагося болѣе недѣли, каждый день, съ утра до вечера, выслушивая разныя показанія, относившіяся до этого дѣла, могли составить себѣ полную картину жизни Корбе. Между тѣмъ, я могу только засвидѣтельствовать, что свидѣтельство экспертизы составлено съ такими явными упущеніями, съ такимъ явнымъ игнорированіемъ фактовъ, доказывающихъ отсутствіе помѣшательства, что еслибъ какой-нибудь секретарь какого-нибудь стараго уѣзднаго суда представилъ столь неточное, стоть несогласное съ дѣйствительностью изложеніе отдѣльныхъ фактовъ дѣла, то его непремѣнно бы предали суду...

Предсѣдатель. Я полагаю, что вы можете разбирать экспертизу, указывать на ея недостатки, но не выражаться такимъ образомъ.

Богдановъ. Перехожу ко второй части экспертизы—къ заключенію ея, и тутъ я опять не могу не удивиться, что, безъ всякихъ научныхъ посылокъ и сопоставленій, является голое заключеніе, что Корбе не находился въ здравомъ умѣ и твердой памяти втеченіи 1869 и 1870 годовъ. Вотъ тотъ результатъ, который дали намъ люди, призванные для точнаго разъясненія дѣла. Между тѣмъ результатъ этотъ является общей фразой, ничего точнаго невыражающей, потому что, съ точки зрѣнія

естественныхъ наукъ, ни одинъ человѣкъ не пользуется абсолютно твердою памятью, абсолютно свободною волею. Къ тому же понятіе о здравомъ умѣ и твердой волѣ суть едва ли понятія научныя, а, напротивъ, исключительно принадлежащія нашему своду законовъ, и слѣдовательно эксперты, вмѣсто разрѣшенія предложеннаго имъ вопроса объ умственномъ состояніи Корбе, вторглись въ область юридическую, значеніе которой предоставлено опредѣлять вамъ, гг. судьи, для которыхъ и самая экспертиза нисколько, по закону, необязательна. Затѣмъ, что касается до самаго содержанія завѣщанія, то мнѣ кажется, оно можетъ служить доказательствомъ той точности, той твердой воли и, вообще, того непреклоннаго характера, которыми запечатлѣна вся жизнь покойнаго Корбе. Въ завѣщаніи Корбе удаляетъ отъ распоряженія своимъ имуществомъ лицо, ему ненавистное и передаетъ все это другому лицу, лицу имъ любимому, и съ отеческою заботливостью, до мельчайшихъ подробностей, опредѣляетъ доли и части каждаго изъ дѣтей своихъ. Дѣйствительно Корбе имѣлъ полное основаніе и право относиться къ означенному лицу такъ, а не иначе, потому что это лицо своимъ нравственнымъ вліяніемъ, своимъ умственнымъ развитіемъ, своимъ добрымъ сердцемъ, стояло гораздо выше самого Корбе и, какъ доказали наибольшая часть свидѣтелей и посмертныя его записки, успѣло изъ этого крутаго человѣка сдѣлать человѣка вѣрующаго, который сталъ совершенно иначе относиться къ ближнимъ и ко всему окружающему. Въ юридической практикѣ мы нерѣдко встрѣчаемъ примѣры, что по духовному завѣщанію, ближайшіе наслѣдники устраняются и все достояніе предоставляется въ завѣдываніе и распоряженіе лицъ совершенно постороннихъ, и знаемъ много примѣровъ, что подобныя завѣщанія всегда безпрекословно приводились въ исполненіе. Притомъ же большею частью это бываетъ съ лицами, которыя, сами работая, пользовались довѣріемъ другихъ и, оправдывая оказываемое имъ довѣріе, научались довѣрять и другимъ. Въ этомъ только видна полная свободная воля, полное уваженіе къ личности. У Корбе былъ такой характеръ во все продолженіе его жизни и онъ сохранилъ черты его до самаго дня смерти. За три часа до смерти этотъ человѣкъ помнилъ все свое хозяйство; онъ помнилъ всякую копѣйку, которую расходовалъ; онъ довѣрялъ другимъ, ему также довѣряли все, и онъ вполнѣ понималъ, что, имѣя довѣріе отъ другихъ, онъ и къ нимъ долженъ относиться съ такимъ же довѣріемъ. Наконецъ, самый законъ нисколько не стѣсняетъ человѣка въ распоряженіи благопріобрѣтеннымъ имуществомъ и положительно указываетъ на то, что завѣщатель можетъ, на время малолѣтства

дѣтей, назначать опекунами надъ благопріобрѣтеннымъ имуществомъ лицъ совершенно постороннихъ, и тѣмъ болѣе тогда, когда, какъ въ настоящемъ случаѣ, покойный Корбе имѣлъ полное основаніе считать свою жену злѣйшимъ своимъ врагомъ. Слѣдовательно и въ этомъ отношеніи никакого затрудненія, никакого противорѣчія съ требованіемъ закона завѣщаніе Корбе не представляетъ. О дальнѣйшемъ содержаніи этого завѣщанія я говорить не стану, такъ какъ я не слыхалъ отъ противной стороны никакого возраженія и ограничусь просьбой отказать въ искѣ, предъявленномъ по настоящему дѣлу.

В. Д. Спасовичъ. Я опять заявляю, какъ и въ прошлой рѣчи, что не могу дать моему отвѣту тотъ патетическій строй, который былъ данъ моими противниками; мое положеніе таково, что я долженъ вести безпрерывно борьбу съ духами: едва отогналъ одного, является другой; на этотъ разъ я имѣю дѣло съ вызваннымъ моими противниками духомъ самаго покойнаго Корбе, Противники мои распространялись въ своихъ рѣчахъ о томъ что Корбе былъ человѣкъ съ великими задатками, имѣлъ цѣльность характера, сильную волю; доказывать, что онъ былъ сумасшедшій, значитъ, по ихъ мнѣнію, ругаться надъ его памятью, втаптывать въ грязь его имя, попирать его послѣднюю волю. Я полагаю, что всѣ эти нареканія напрасны. Корбе умеръ; я не вижу, почему бы обсужденіе его умственныхъ способностей не могло имѣть мѣста, съ полнымъ уваженіемъ къ его памяти и даже ради самаго уваженія къ этой памяти. По моему, будетъ гораздо лучше, если будетъ признано, что Корбе страдалъ душевнымъ недугомъ, что онъ былъ въ состояніи не вмѣняемости, что онъ не несетъ отвѣтственности за тѣ факты, тѣ поступки, которые лежатъ на его памяти чернымъ пятномъ, напримѣръ, за истязаніе сына. Я опять не вижу причины, почему бы мы не могли разбирать вопроса о состояніи умственныхъ способностей живаго ли, или мерваго гражданина, не вредя его чести и достоинству. Позорнаго нѣтъ ничего въ томъ, что кто-нибудь боленъ, и что это не позорно—въ томъ сошлюсь на свидѣтельство по этому дѣлу самаго г. Гольденвейзера, который въ прошеніи своемъ, поданномъ въ окружный судъ въ декабрѣ 1869 года, заявлялъ, что Корбе близокъ къ сумасшествію. Правда, г. Гольденвейзеръ нынѣ говоритъ, что онъ энергично отрицаетъ этотъ фактъ; но чтобъ съ успѣхомъ отрицать, на то мало одного желанія: разъ слово написано перомъ, его не вырубишь и топоромъ. Прошеніе это есть на лицо, и фактъ заявленія, сдѣланнаго г. Гольденвейзеромъ не подлежитъ никакому сомнѣнію. Повѣренный противной стороны пугаетъ насъ тѣнью Корбе. Я ему отвѣчу словами Святослава, сказанными здѣсь, по близости гдѣ-то, на порогахъ Днѣ-

пра, въ сѣчи съ Печенѣгами: „мертвые срама не имутъ". Добавлю еще, что тѣни ихъ не должны мѣшать живымъ разрѣшать разные практическіе вопросы, касающіеся юридическихъ отношеній между людьми.

Затѣмъ я долженъ заявить, что я не могу отвѣчать моимъ противникамъ на нѣкоторыя ихъ слова тѣмъ оружіемъ, съ которымъ они нападали. Я не могу, напримѣръ, говорить о свидѣтеляхъ противной стороны такъ, какъ говорили они, напримѣръ, о Склярѣ, что онъ изъ тѣхъ дядекъ, которые сознательно развращаютъ своихъ питомцевъ; я никогда бы не позволилъ себѣ о какомъ бы то ни было свидѣтелѣ высказать что-либо подобное. Я не могу также въ своемъ отвѣтѣ разбирать вопроса огромнѣйшей матеріальной цѣнности, какую имѣетъ этотъ искъ для одного изъ повѣренныхъ, потому что это опять палка о двухъ концахъ, — однимъ поражаешь, а другимъ самъ бываешь пораженъ. Прилично ли было бы, еслибъ я спросилъ противника: а вы даромъ что ли ведете это дѣло? Вообще у насъ не принято на практикѣ касаться подобныхъ предметовъ. Я не могу еще не указать на то, что отношенія повѣренныхъ противной стороны къ экспертамъ представляются въ высшей степени странными; вообще эксперты тутъ, какъ говорится, попали въ чужомъ пиру на похмѣлье. Конечно, эксперты должны были дать отвѣтъ въ пользу одной изъ двухъ сторонъ; неужели другая сторона вправѣ ихъ за это колотить? Неужели она вправѣ говорить, что еслибъ секретарь уѣзднаго суда составилъ подобное изложеніе дѣла, то онъ непремѣнно подвергнулся бы уголовному суду. Подобная расправа съ экспертами возможна была только въ древнемъ Новгородѣ, гдѣ, какъ извѣстно, выбираютъ третчиковъ, и какъ только третчики въ чемъ-нибудь не потрафятъ, то ихъ обыкновенно бьютъ или бросаютъ въ воду. Къ личности экспертовъ надобно относиться съ уваженіемъ.

Прежде чѣмъ я перейду къ оцѣнкѣ экспертизы, которую я долженъ сдѣлать въ виду нападеній на нее противной стороны, я долженъ указать на нѣкоторыя противорѣчія, которыхъ я не могъ не замѣтить въ рѣчахъ моихъ противниковъ. У г. Гольденвейзера я вижу противорѣчіе въ слѣдующемъ: онъ ставитъ въ упрекъ экспертамъ то, что они не вошли въ подробный разборъ записокъ г. Корбе; съ другой стороны, онъ находитъ, что какъ бы ни были нелѣпы вѣрованія, будетъ ли то вѣрованіе въ вѣдьмъ, въ чертей, въ духовъ, но, во всякомъ случаѣ, это вѣрованіе не даетъ еще основанія признать человѣка сумасшедшимъ. Значитъ, съ точки зрѣнія г. Гольденвейзера не за чѣмъ было и разбирать записки. Другое противорѣчіе я вижу въ

томъ, что, по словамъ противной стороны, всѣ спрошенные здѣсь свидѣтели дали темныя, сбивчивыя показанія; значитъ, показанія этихъ свидѣтелей не важны и имъ вѣрить нельзя; но, съ другой стороны, экспертамъ ставится въ упрекъ, что они не обратили вниманія на показанія нѣкоторыхъ свидѣтелей, и говорится, что нужно дать полную вѣру этимъ именно свидѣтелямъ, что Паша Чередниченкова, Платонъ Сербиновъ суть гораздо лучшіе эксперты нежели техники, что имъ можно въ этомъ отношеніи повѣрить гораздо больше, чѣмъ любому психіатру. Такое же противорѣчіе г. Гольденвейзера заключается въ его объясненіяхъ, почему онъ поддерживаетъ сторону г-жи Алымовой. Въ началѣ дѣла онъ заявилъ, что будетъ поддерживать г-жу Алымову до тѣхъ поръ пока нравственная сторона настоящаго дѣла не будетъ ему совершенно ясна, а затѣмъ теперь онъ говоритъ, что нравственная сторона въ этомъ процессѣ совсѣмъ не можетъ быть разъяснена путемъ гражданскаго процесса и что ее разъяснитъ только одинъ уголовный процессъ; мнѣ кажется, что нравственная сторона и теперь достаточно ясна и никакому сомнѣнію болѣе не подлежитъ. Наконецъ, я долженъ сдѣлать еще три замѣчанія, которыми и окончу мою реплику. Вопервыхъ, я долженъ обратить вниманіе на то изложеніе теоріи спиритизма, которое мы здѣсь слышали. Я бы хотѣлъ знать: зачѣмъ и съ какою цѣлью прочитаны здѣсь были г. Гольденвейзеромъ цѣлыя страницы изъ книги Алланъ Кардека? Я бы желалъ знать, какъ относится къ этой чепухѣ лично самъ г. Гольденвейзеръ, признаетъ ли онъ спиритизмъ за ученіе серьезное, основательное, или же относится къ нему совершенно объективно; но ежели я не ошибаюсь, онъ, кажется, сказалъ, что онъ не раздѣляетъ убѣжденій спиритовъ. Я долженъ сознаться, что я дѣйствительно встрѣчалъ спиритизмъ, но я не встрѣчалъ здоровыхъ людей, которые бы вѣровали въ возможность бесѣды съ духами. Въ этомъ случаѣ въ рѣчи г. Гольденвейзера я вижу только подтвержденіе моихъ собственныхъ словъ о табунномъ чувствѣ, т.-е. что есть спириты, и мы толкуемъ о спиритизмѣ только потому, что эта книга написана по-французски, въ Парижѣ, что она вышла 3-мъ или 4-мъ изданіемъ, что газеты и журналы ее ругаютъ. Я полагаю, что еслибъ Алланъ Кардекъ явился къ намъ, то вмѣсто того, чтобъ ему самому быть экспертомъ, пришлось бы подвергнуть его освидѣтельствованію въ состояніи умственныхъ способностей. Назвать его идею ученіемъ, назвать его систему наукой — ни съ чѣмъ несообразно. Распространеніе этихъ идей объясняется глубокими бытовыми причинами: отчасти тѣмъ схоластичнымъ преподаваніемъ религіозныхъ истинъ, которое видимо не соотвѣтствуетъ въ дан-

ную минуту уровню знаній; отчасти протестомъ чувства противъ того теоретическаго матеріализма, который нынѣ идетъ горою истарается вовсе исключить всякія духовныя явленія. Теорія спиритизма не есть собственно ученіе; она— только одна ложная идея, которая создала свою химію, свою физику, свою логику, діаметрально противоположныя настоящей физикѣ, химіи и логикѣ. Я не могу признать въ этой теоріи никакого смысла, и я не совѣтовалъ бы учреждать каѳедръ спиритизма, потому что вслѣдъ затѣмъ пришлось бы закрыть каѳедры психіатріи, физики и логики, а эти предметы несравненно важнѣе. Неужели въ самомъ дѣлѣ г. Гольденвейзеръ полагаетъ, что спиритизмъ можетъ быть разработываемъ научнымъ образомъ?... Во вторыхъ перехожу къ замѣчанію, будто бы эксперты вышли изъ своей роли, вторглись въ чужую область и заняли мѣсто суда присяжныхъ, потому что признали г. Корбе сумасшедшимъ, между тѣмъ какъ ни одинъ изъ свидѣтелей не говорилъ, чтобъ онъ замѣчалъ, что Корбе былъ сумасшедшій. Въ этомъ отношеніи я долженъ упомянуть о значеніи отрицательныхъ свидѣтельскихъ показаній. Положимъ, кого нибудь поймали въ воровствѣ и на это есть два свидѣтеля, но обвиняемый можетъ представить 100—300 свидѣтелей, которые не видали ничего подобнаго. Однако вора, уличаемаго двумя свидѣтелями, непремѣнно засудятъ. Съ другой стороны, могутъ быть свидѣтели, изъ которыхъ каждый свидѣтельствуетъ только объ одной частицѣ извѣстнаго факта, ипотомъ уже нужно составить всѣ эти частицы, образовать цѣлое, сдѣлать извѣстный выводъ; очевидно, что это уже будетъ работа чисто умственная, для которой нужна будетъ извѣстная спеціальность. Подобный характеръ свидѣтельскія показанія имѣли и въ данномъ случаѣ: одинъ свидѣтель замѣтилъ, что Корбе страдалъ пораженіемъ печени, другой—что у него былъ ударъ въ мозгу, третій—что Корбе страдалъ безсонницей, четвертый—что Корбе страдалъ головокруженіемъ и т. д. И вотъ, если всѣ эти кусочки, всѣ эти отдѣльныя косточки сложимъ вмѣстѣ, то получится тотъ остовъ слона, о которомъ говорила противная сторона. Но намъ говорятъ: вы не смѣйте складывать изъ костей слона, а пусть онѣ такъ и остаются разбросанными, для насъ это будетъ гораздо выгоднѣе. По моему подобное желаніе противно основному порядку нашего состязательнаго процесса, противно той ступени развитія, на которой теперь стоитъ наша общественная жизнь. Бывали времена, когда гражданскіе вопросы разрѣшались присягой, поединкомъ, когда и одной и другой сторонѣ давали палку въ руки, и та выигрывала, которая одерживала побѣду. Нынѣ брошены клятва, поединокъ и жребій; когда умъ развился, то рѣшителемъ дѣлъ явилось умозаключеніе; стало возмож-

нымъ въ процессѣ гражданскомъ и уголовномъ прибѣгать къ уликамъ. Улики—это есть факты, обстоятельства, изъ которыхъ посредствомъ умозаключеній надобно вывести данный выводъ; эти-то улики въ гражданскомъ и уголовномъ процессѣ составляютъ главное основаніе рѣшеній, безъ котораго не мыслимъ ни тотъ, ни другой процессъ. Еслибъ вы, гг. судьи, были настолько свѣдущи въ медицинѣ, что могли бы изъ тѣхъ косточекъ, которыя находятся въ дѣлѣ, построить цѣлый скелетъ, то, само собою разумѣется, для васъ не нужны бы были эксперты, тогда бы вы сами сдѣлали выводъ. Третье и послѣднее мое замѣчаніе будетъ относиться къ тому сырому матеріалу, который былъ разбираемъ противной стороной, который состоитъ изъ показаній свидѣтелей, относительно которыхъ противная сторона говоритъ, что они темны и въ высшей степени сбивчивы. Но противная сторона не сочла нужнымъ разсмотрѣть подробно содержаніе всѣхъ этихъ свидѣтельскихъ показаній и остановилась только главнымъ образомъ на одномъ свидѣтелѣ, заподозривъ насъ въ желаніи подорвать довѣріе къ этому свидѣтелю. Эти замѣчанія противной стороны относились къ свидѣтелю г. Стадіону, причемъ противная сторона полагала, что эксперты должны были сдѣлать одно изъ двухъ—или принять цѣликомъ показаніе г. Стадіона, или же принять показаніе другихъ врачей и цѣликомъ отвергнуть показаніе г. Стадіона. Я не желалъ бы сказать что-нибудь оскорбительное для свидѣтеля; но я полагаю, что всякій свидѣтель могъ показать не такъ, какъ было на самомъ дѣлѣ, или потому что не хотѣлъ, или же потому что не могъ точнѣе показать. Г. Стадіонъ, какъ видно, весьма умный, весьма находчивый человѣкъ, его показаніе весьма связно, но изъ этого еще никакъ нельзя вывести того, чтобъ оно было вполнѣ безукоризненно и правдиво. Показаніе г. Стадіона должно быть соображено съ другими обстоятельствами, и должна быть принята только та часть показанія, которая подтверждается другими обстоятельствами дѣла. Г. Стадіонъ, какъ видно, очень часто и очень долго наблюдалъ покойнаго Корбе, и я вполнѣ вѣрю той части его показанія, которая относится до хозяйства, до семейной жизни Корбе; что же касается медицинской стороны и другихъ подробностей, то я тутъ не могу признать показанія г. Стадіона непреложной истиной, потому что въ этомъ отношеніи мы имѣемъ гораздо больше другихъ показаній, прямо противорѣчащихъ показанію г. Стадіона. Прежде всего я долженъ остановиться на мозговомъ ударѣ въ 1866 г. и спросить, что же сдѣлалъ по этому поводу г. Стадіонъ? Онъ, кажется, имѣлъ поверхностный взглядъ на этотъ фактъ и только посовѣтовалъ Корбе воздерживаться отъ спиртныхъ напитковъ, и только. Ме-

жду тѣмъ, изъ показанія Выговскаго и другихъ выяснилось, что у Корбе послѣ этого удара явилось заиканіе, сдѣлалась замѣтна неправильность въ рѣчи, и вотъ эти-то обстоятельства и составляютъ такую сумму данныхъ, что придется непремѣнно припомнить, что наблюденія г. Стадіона въ началѣ болѣзни Корбе были крайне поверхностны; тоже самое можно сказать и о концѣ болѣзни. Очень вѣроятно, что смерть Корбе послѣдовала отъ менингита, хотя г. Стадіонъ этого вовсе не замѣтилъ. Г. Стадіонъ говоритъ, что докторъ Пчелкинъ не пріѣзжалъ къ г. Корбе, а между тѣмъ у насъ есть показаніе свидѣтеля противной стороны, Немеровскаго, изъ котораго видно, что докторъ Пчелкинъ посѣщалъ Корбе при Стадіонѣ. Г. Стадіонъ говоритъ, что Корбе бредилъ только по ночамъ, а между тѣмъ г. Вронскій, приглашенный г. Стадіономъ на консиліумъ, доказываетъ, что бредъ, по словамъ Стадіона, продолжался 7 дней и 7 ночей сряду. Очевидно, что г. Стадіонъ, за давностію времени, могъ забыть даже весьма крупные факты, и вотъ тутъ-то у него явилась необходимость путемъ воспоминаній возстановлять въ своей памяти извѣстныя обстоятельства; но потомъ, когда и цѣпь воспоминаній прервалась, то на подмогу явилось воображеніе, для восполненія, для связанія этихъ воспоминаній. Поэтому я полагаю, что въ этомъ случаѣ, и именно по вопросамъ чисто медицинскимъ, для насъ, людей несвѣдущихъ въ медицинѣ, необходимы были эксперты, которые бы изъ этихъ отрывочныхъ показаній могли составить намъ одну общую картину.

Гольденвейзеръ. Я постараюсь ограничиться немногими словами. Г. Спасовичъ отчасти справедливо высказалъ мнѣ упрекъ въ томъ, что я замѣшалъ свою личность въ это дѣло. Дѣйствительно, я долженъ сознаться, что этотъ пріемъ въ адвокатурѣ не употребляется и дай Богъ, чтобы онъ не употреблялся. Но я вынужденъ былъ къ этому двумя причинами,—вопервыхъ, я не могъ равнодушно относиться къ тому мнѣнію, которое намѣрено распространяли о покойномъ Корбе, какъ о злодѣѣ, незаслуживающемъ никакого сочувствія, тогда какъ мое мнѣніе о немъ, основанное на близкомъ знакомствѣ съ покойнымъ и на подробномъ изученіи того уголовнаго дѣла, которое свело его въ могилу, было діаметрально противоположно распространяемымъ о немъ слухамъ. Вотъ почему я не могъ удержаться, чтобы не разсказать гласно, предъ судомъ и публикой, моихъ воспоминаній о Корбе. Онъ горячо желалъ суда и не дождался его при жизни. Настоящій гражданскій процессъ возобновилъ отчасти и судъ надъ умершимъ Корбе. Вотъ почему я счелъ своимъ долгомъ, къ качествѣ его бывшаго защитника, высказать хотя немногое изъ того, что я могъ бы высказать въ его оправ

даніе, тѣмъ болѣе что записки его дали мнѣ для того новый и богатый матеріалъ. Вовторыхъ, я вынужденъ былъ говорить отъ себя лично, потому что я вызванъ на это противною стороною. Суду извѣстно, что въ одной изъ состязательныхъ бумагъ повѣренный истицы предлагалъ даже суду спросить меня, сколько я получаю отъ г. Алымовой вознагражденія за веденіе настоящаго дѣла. Вотъ почему я тоже вынужденъ былъ говорить о себѣ, хотя конечно для разрѣшенія настоящаго дѣла, совершенно безразлично—дурной ли я, или хорошій человѣкъ. Но г. Спасовичъ плохо меня понялъ, думая что я попрекнулъ *его* въ томъ, что онъ дѣйствуетъ неправильно вслѣдствіе крупнаго вознагражденія. Я далекъ отъ сравнительнаго изслѣдованія вопроса о вознагражденіи, получаемомъ повѣренными той или другой стороны. Я только хотѣлъ сказать, въ моей первой рѣчи, что уголовное дѣло нужно вести уголовнымъ порядкомъ и что нельзя допустить, чтобы обвинительные акты предъявлялись суду въ видѣ исковыхъ прошеній и чтобы обвиненіе поддерживалось на судѣ не оффиціальнымъ обвинителемъ, а повѣреннымъ истца. На этомъ положеніи я и теперь настаиваю.

Но я снова вынужденъ говорить о себѣ, и вынудили меня къ тому гг. эксперты, а за ними и г. Спасовичъ. Они выставили и меня какимъ-то свидѣтелемъ по этому дѣлу и на основаніи моего показанія настаиваютъ, что Корбе былъ сумасшедшимъ. Я долженъ разъяснить это обстоятельство въ точности. 15 декабря прошедшаго года, то-есть за 12 дней до смерти Корбе, я подалъ въ окружный судъ прошеніе, съ приложеніемъ докторскаго свидѣтельства, въ которомъ ходатайствовалъ объ освобожденіи его изъ-подъ домашняго ареста, такъ какъ состояніе подъ арестомъ причиняетъ больному страшныя терзанія. Въ этомъ прошеніи я высказалъ, что „умственное состояніе Корбе уже и теперь далеко ненормально и *что если онъ не будетъ освобожденъ отъ ареста, то онъ или умретъ, или съ ума сойдетъ.*“ Увы, мое предсказаніе сбылось слишкомъ скоро. Но вотъ эти слова мои ставятся мнѣ въ улику; мнѣ говорятъ, что я самъ признавалъ Корбе умственно-ненормальнымъ за нѣсколько дней до смерти. Еслибъ противная сторона хорошенько обдумала дѣло, она вѣроятно отказалась бы отъ этого аргумента; но она его употребила и потому да не посѣтуетъ она на меня, если я имъ воспользуюсь противъ нея-же. Успокойтесь, я Корбе никогда не считалъ сумасшедшимъ и это я могу вамъ доказать на основаніи доказательствъ, вами же представленныхъ. Но прежде чѣмъ я приведу это доказательство, я прошу судъ обратить вниманіе на слѣдующее: Если гг. эксперты относительно умопомѣшательства Корбе сочли возможнымъ ухватиться за

субъективный взглядъ такого профана въ психіатріи, какъ я, потому только что я имѣлъ случай наблюдать субъекта при жизни его, то какже должны были они отнестись ко взгляду медиковъ, лѣчившихъ Корбе? Если и я компетентенъ въ сужденіяхъ по вопросамъ психіатріи, то стало-быть я былъ правъ, утверждая, что врачи, хотя и не спеціалисты по психіатріи, еще болѣе въ этомъ компетентны. Стало быть правда, что психіатрія вовсе не такъ далека отъ медицины, какъ дифференціальное счисленіе отъ юриспруденціи? Кювье дѣлалъ чудеса въ области палеонтологическихъ открытій, руководствуясь единственно своими глубоко-спеціальными познаніями въ геологіи, зоологіи и сравнительной анатоміи; Леверье открылъ планету Нептунъ единственно на основаніи своихъ глубокихъ познаній въ астрономіи путемъ высшихъ математическихъ выкладокъ. Повѣрять выводы этихъ ученыхъ, прежде всего, не было ни какой надобности, потому что самою блистательною повѣркой послужила имъ дѣйствительность. Когда удалось открыть цѣлый остовъ мастодонта, то онъ оказался именно такимъ, какимъ изобразилъ его à priori Кювье; планета Нептунъ была усмотрѣна въ первый разъ именно въ томъ пунктѣ, гдѣ по вычисленіямъ Леверье она должна была оказаться. Но если бы понадобилась научная повѣрка подобныхъ выводовъ, то это конечно возможно было бы сдѣлать лишь на основаніи столь же спеціально научныхъ данныхъ. Совсѣмъ не то настоящая экспертиза гг. психіатровъ. Мое мнѣніе для нихъ важно, потому что я наблюдалъ Корбе при жизни. Но кто же больше наблюдалъ Корбе въ медицинскомъ отношеніи, чѣмъ доктора его лечившіе? Тѣмъ не менѣе гг. экспертамъ почему то угодно было игнорировать показаніе этихъ докторовъ, которые всѣ въ одинъ голосъ сказали, что Корбе вполнѣ обладалъ своими умственными способностями, а остановились на моемъ показаніи, потому что имъ показалось, что я былъ противоположнаго мнѣнія. Но я сейчасъ докажу, что я не относился къ Корбе какъ къ сумасшедшему. Докажу я это письмомъ, которое я написалъ Корбе. Письмо это найдено между бумагами Корбе послѣ его смерти и представлено повѣреннымъ истцевъ къ дѣлу. Для какой цѣли оно представлено, я до сихъ поръ не понимаю. Я былъ возмущенъ оглашеніемъ этого письма; я видѣлъ въ томъ нарушеніе тайны писемъ, которую долженъ уважать всякій порядочный человѣкъ и которая строго охраняется во всемъ цивилизованномъ мірѣ. Но разъ какъ оно находится при дѣлѣ, я имѣю право и желаю имъ воспользоваться какъ доказательствомъ. На другой день по написаніи этого письма, я уѣхалъ изъ Екатеринослава и болѣе Корбе не видалъ; въ немъ стало быть выразился мой взглядъ на Корбе

за самый послѣдній моментъ, въ который мнѣ пришлось видѣть его въ живыхъ. Прочтите же это письмо и скажите по совѣсти, пишутъ ли такъ человѣку, котораго считаютъ сумасшедшимъ? Это письмо начинается ссылкой на ту самую бумагу, которую я подалъ въ судъ и на основаніи которой меня уличаютъ, что я самъ призналъ Корбе сумасшедшимъ *). Но разъ коснувшись этого письма, я вынужденъ объяснить, что именно послужило поводомъ къ моему неудовольствію противъ покойнаго Корбе и заставило меня написать ему это письмо. Отъ самаго начала

*) Письмо, о которомъ здѣсь говорится, слѣдующаго содержанія: „Милостивый Государь Константинъ Ѳедоровичъ. Я сегодня подалъ въ окружный судъ прошеніе о томъ, что бы съ васъ сняли домашній арестъ. Завтра я уѣзжаю въ Одессу, откуда возвращусь около 15 января. Ваше дѣло будетъ докладываться не ранѣе половины февраля. До моего возвращенія вы имѣете достаточно времени обдумать то, что я предложилъ вамъ при послѣднемъ моемъ личномъ свиданіи съ вами, а именно: можете ли вы ввѣрить свою судьбу человѣку, котораго вы могли, имѣли духъ заподозрить въ низкомъ предательствѣ. Я до сихъ поръ не могъ свыкнуться съ мыслью о томъ неслыханномъ оскорбленіи, которое вы мнѣ нанесли, несмотря на то что это было слѣдствіемъ крайняго раздраженія и болѣзненнаго вашего состоянія. Но Богъ съ вами. Вы слишкомъ несчастны тѣмъ внутреннимъ своимъ состояніемъ, въ которомъ вы теперь находитесь, чтобы я могъ упрекать васъ. Но прежде чѣмъ я возвращусь, я бы посовѣтывалъ вамъ хорошенько подумать о томъ, что такое защитникъ въ уголовномъ дѣлѣ, или распросить объ этомъ людей болѣе свѣдущихъ. Вы тогда убѣдитесь, что я не нанялся вамъ ни въ лакеи, ни въ прикащики, и что вообще отношенія между нами, какъ защитника и кліента, могутъ продолжаться лишь подъ условіемъ полнаго и безусловнаго равенства. Своимъ личнымъ достоинствомъ я не поступлюсь предъ вами за все ваше богатство. Точно также я лишь въ томъ случаѣ буду защищать васъ съ искреннимъ жаромъ и увлеченіемъ, когда по прежнему буду видѣть въ васъ человѣка, хотя и суроваго, но вполнѣ честнаго. А честный человѣкъ, по моему мнѣнію, умѣетъ предполагать честность и въ другихъ. По окончаніи дѣла, если, какъ я отъ души вамъ желаю, васъ оправдаютъ, вы снова будете богатымъ помѣщикомъ и можете смотрѣть на меня съ какой угодно высоты своего величія. Вы тогда мало будете меня интересовать. Но пока дѣло не кончено и пока я состою вашимъ защитникомъ, между нами, повторяю, должны быть отношенія полнаго равенства. Это необходимо въ интересахъ дѣла, а также и потому что униженій и оскорбленій я ни отъ кого никогда не сносилъ и не снесу. Засимъ позвольте вамъ пожелать полнаго выздоровленія, душевнаго спокойствія и, во всякомъ случаѣ, полнаго оправданія.

Готовый къ услугамъ вашимъ

М. Гольденвейзеръ.

Екатеринославъ.
15 декабря, 1870 г.

уголовнаго дѣла и до послѣдней минуты своей жизни покойный Корбе, правильно или неправильно, находился въ глубокомъ непоколебимомъ убѣжденіи, что виновницей всѣхъ его несчастій была его жена. Онъ высказывалъ мнѣ это не въ видѣ предположенія, а доказывалъ это фактами. Онъ указывалъ, что жена его, принесшая жалобу за истязаніе сына, которая послужила поводомъ къ начатію дѣла, вовсе не руководствовалась чувствами материнской любви, а желаніемъ забрать въ руки его состояніе. Доказывалъ онъ это поспѣшностью, съ какою г-жа Корбе тотчасъ по начатіи слѣдствія торопилась заявить ходатайство о взятіи имѣній его въ опеку, и дѣйствительно въ уголовномъ дѣлѣ есть постановленіе слѣдователя, коимъ онъ, разумѣется, отказалъ г-жѣ Корбе въ ея курьезномъ ходатайствѣ. Затѣмъ, когда судебная палата предала его суду, несмотря на то, что врачебное отдѣленіе, освидѣтельствовавши его сына, дало вполнѣ для него благопріятное заключеніе, Корбе узналъ, что его подозрѣваютъ въ подкупѣ врачебнаго отдѣленія и что его жена распространяетъ эти слухи подъ видомъ несомнѣннаго факта, такъ что она даже подала въ судебную палату бумагу, въ которой требовала преданія его суду, несмотря на актъ врачебнаго отдѣленія, который, по ея словамъ, несомнѣнно купленъ. Само собою разумѣется, что покойный Корбе ни на минуту недопускалъ, чтобы жена его только передавала, только повѣрила слуху до нея дошедшему, а былъ убѣжденъ, что она и ея руководители первые пустили его въ ходъ. Уже въ то время, когда Корбе былъ преданъ суду, жена его предъявила къ нему гражданскій искъ объ уплатѣ ей 3000 руб. въ годъ. Я былъ у Корбе, когда онъ получилъ повѣстку изъ суда и копію исковаго прошенія; онъ тогда уже былъ подъ арестомъ. Одновременно съ исковымъ прошеніемъ онъ получилъ отъ г. Гальберштадта письмо, въ которомъ тотъ передавалъ ему предложеніе повѣреннаго г-жи Корбе удовлетворить ея искъ и тогда она ручается ему, что уголовное обвиненіе будетъ прекращено. Изъ этого онъ выводилъ прямо, что уголовное обвиненіе послужило для его жены только средствомъ къ вымогательству отъ него денегъ. Засѣданіе по уголовному дѣлу было назначено на 9 декабря. Я уже объяснилъ суду письменно, съ какимъ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ Корбе ждалъ суда. Онъ пріѣхалъ въ Екатеринославъ больной и слышать не хотѣлъ объ отсрочкѣ засѣданія. Нетерпѣніе это совершенно объясняется, если принять во вниманіе, что Корбе никогда не зналъ ограниченія своей свободы. Онъ не боялся суда; у него было святое убѣжденіе, что онъ ничѣмъ не превысилъ своей власти, своей нравственной обязанности противъ сына. И вдругъ засѣданіе не состоялось, несмотря

на то что онъ почти умирающій явился на судъ, и не состоялось оно по нежеланію его жены. Трудно представить себѣ какъ раздражался этимъ Корбе. Я долженъ прибавить, что за нѣсколько дней до засѣданія г-жа Корбе, которую я прежде вовсе не зналъ, обратилась ко мнѣ съ вопросомъ, не сочту ли я нужнымъ ходатайствовать, чтобы дѣло докладывалось при закрытыхъ дверяхъ, такъ какъ гласный докладъ можетъ дурно повліять на репутацію ея сына. Я сказалъ ей, что я очень радъ что мы сходимся въ мнѣніяхъ, что я самъ подумалъ объ этомъ, но прежде долженъ спросить ея мужа, согласенъ ли онъ. Между тѣмъ, при этомъ единственномъ моемъ разговорѣ съ г-жею Корбе, я имѣлъ случай убѣдиться, съ какою легкостью она передаетъ за достовѣрное разные вымыслы, касающіеся ея мужа...

Предсѣдатель. Я полагаю, что это не имѣетъ никакого отношенія къ дѣлу.

Гольденвейзеръ. Все это необходимо, дабы объяснить суду тѣ обстоятельства, вслѣдствіе которыхъ я написалъ къ Корбе письмо, представленное къ дѣлу. Суду извѣстно, что то самое духовное завѣщаніе, которое теперь оспаривается г-жею Корбе, было предположено, по заявленію Корбе, прочесть на судѣ и объ этомъ было заявлено ходатайство. И вотъ г-жа Корбе не обинуясь сказала мнѣ, что ей извѣстно, что это завѣщаніе составлено нарочно съ тою цѣлью, чтобы прочесть его на судѣ. Весь этотъ разговоръ съ г-жею Корбе я передалъ покойному. Когда засѣданіе не состоялось, Корбе находился въ ужасномъ состояніи раздраженія и только объ одномъ думалъ и говорилъ, невозможно ли чтобы оно было назначено въ ту же сессію, чрезъ нѣсколько дней. Онъ умолялъ меня употребить для это всѣ усилія, и я дѣйствительно много объ этомъ старался; но мою просьбу не уважили. Когда я привезъ Корбе окончательный отвѣтъ, что засѣданіе въ эту сессію не будетъ, его раздраженію не было границъ; оно обратилось и противъ меня; онъ сталъ меня попрекать: „вы не адвокатъ, если не можете сдѣлать этого; я не думаю, чтобы законъ допускалъ подобныя вещи (то-есть чтобы его жена, какъ свидѣтельница, могла отсрочить засѣданіе по своему желанію); я думаю, что вы согласились съ моею женою дѣйствовать противъ меня.“ При этомъ онъ припомнилъ мнѣ о моемъ разговорѣ съ нею и что я былъ съ нею согласенъ ходатайствовать о докладѣ дѣла при закрытыхъ дверяхъ, на что онъ, мимоходомъ сказать, ни за что не соглашался...

Предсѣдатель. Вы не забывайте, что вы не свидѣтель здѣсь?

Гольденвейзеръ. Нѣтъ, я этого не забываю; я только разъясняю происхожденіе документа, представленнаго къ дѣлу, то-есть моего письма къ Корбе. Это подозрѣніе, высказанное мнѣ

Корбе прямо въ лицо, подало мнѣ поводъ сказать въ прошеніи окружному суду, написанномъ въ тотъ же день, что онъ далеко не въ нормальной степени владѣетъ своими умственными способностями. Но это ненормальное состояніе я приписывалъ, конечно, его крайнему раздраженію, его горячечному состоянію, а не дѣйствительному умственному разстройству. Я не простилъ Корбе того оскорбленія, которое онъ мнѣ нанесъ, несмотря на то что я признавалъ его раздраженное состояніе, и письменно высказавъ ему мое негодованіе, уѣхалъ даже не простившись съ нимъ. Такъ какъ мнѣ пришлось воспользоваться этимъ письмомъ, какъ доказательствомъ, то я не могъ не разсказать причинъ его вызвавшихъ. Теперь, судъ можетъ судить, насколько справедливо, что я признавалъ Корбе сумасшедшимъ,

Дальнѣйшее возраженіе Гольденвейзера касалось обстоятельствъ и доводовъ, уже приведенныхъ въ первой его рѣчи, и потому нѣтъ надобности приводить ихъ здѣсь.

Богдановъ. Повѣренный противной стороны замѣтилъ, что мертвые срама не имутъ. Дѣйствительно, мертвые тогда срама не имутъ, когда они смертью приносятъ пользу обществу, когда они умираютъ, напримѣръ, на полѣ брани; но мертвые имѣютъ срамъ, когда въ дѣяніяхъ ихъ стараются найти поводъ къ тому, чтобъ кидать въ нихъ грязью, когда ихъ свѣжія могилы забрасываютъ соромъ и такимъ образомъ уничтожаютъ ихъ нравственное достоинство. Я полагаю, что всякій судья, будетъ ли то судья третейскій, будетъ ли то экспертъ, долженъ рѣшить дѣло на основаніи прямыхъ, положительныхъ данныхъ; слѣдовательно, по тому впечатлѣнію, которое онъ выноситъ изъ своихъ личныхъ соображеній, изъ своихъ личныхъ наблюденій. Если разъ призваны на судъ эксперты, они обязаны разъяснить, растолковать значеніе предлагаемыхъ имъ вопросовъ, отнестись критически и принять только то, что дѣйствительно заслуживаетъ быть принятымъ. Нервнаго удара у Корбе ни одинъ медикъ не наблюдалъ, а между тѣмъ несомнѣнно, что нужно имѣть достаточныя свѣдѣнія, чтобъ опредѣлить, былъ ли у Корбе дѣйствительно ударъ. Тотъ же свидѣтель, который говоритъ, что у Корбе былъ ударъ, добавляетъ при этомъ, что свидѣтелемъ удара былъ докторъ Стадіонъ, а между тѣмъ докторъ Стадіонъ положительно отвергаетъ этотъ фактъ и говоритъ, что Корбе страдалъ совершенно другими недугами. Наконецъ, взятые изъ аптеки и представленные къ дѣлу рецепты положительно доказываютъ, что у Корбе не было ничего похожаго на ударъ, а было простое разстройство желудка. Въ дѣлѣ, дѣйствительно, есть указаніе на то, что докторъ Пчелкинъ пріѣзжалъ къ Корбе, когда съ нимъ случился ударъ, но я этому показанію не придаю ни-

какого значенія, потому что свидѣтель видѣлъ Пчелкина только выѣзжающимъ изъ воротъ того дома, гдѣ жилъ Корбе. Чтобъ повѣрить этому показанію, во-первыхъ нужно доказать, что въ этомъ домѣ, кромѣ Корбе, никто не жилъ; во-вторыхъ, что дѣйствительно докторъ Пчелкинъ пріѣзжалъ къ г. Корбе, и въ-третьихъ, что Пчелкинъ пріѣзжалъ въ Корбе въ качествѣ медика, а не въ качествѣ гостя, тѣмъ болѣе что г. Пчелкинъ не оставилъ никакихъ слѣдовъ своего посѣщенія. Еслибъ онъ пріѣзжалъ лечить Корбе отъ удара, то далъ бы какое-нибудь медицинское средство, а свидѣтельство всѣхъ екатеринославскихъ аптекъ удостовѣряетъ, что никакихъ рецептовъ Пчелкинъ для Корбе не прописывалъ. Что касается кажущагося разнорѣчія въ томъ обстоятельствѣ, что Корбе будто бы заикался, то въ этомъ отношеніи показаніе доктора Стадіона вполнѣ подтверждается многими свидѣтелями, знавшими Корбе 20—30 лѣтъ; докторъ Стадіонъ зналъ Корбе тоже нѣсколько лѣтъ, лечилъ его, и нѣтъ никакого сомнѣнія, что онъ лучше могъ бы знать и замѣтить это обстоятельство, нежели тотъ, кто видѣлъ Корбе только одинъ разъ, и притомъ не имѣлъ надобности слѣдить за нимъ. Наконецъ, настоящая экспертиза положительно теряетъ для суда всякое значеніе, въ виду того что вмѣсто научнаго заключенія она вдалась въ опредѣленіе понятій чисто-юридическихъ, разрѣшеніе которыхъ предоставляется исключительно суду. Въ виду всего этого, суду не остается ничего болѣе какъ постановить объ отказѣ въ предъявленномъ искѣ.

Г. Прокуроръ. Призванный по дѣлу наслѣдниковъ Константина Корбе съ г-жею Алымовой, по случаю участія въ немъ малолѣтнихъ, заявить суду мое заключеніе, я полагаю, что не погрѣшу противъ истины, если не обращусь къ повторенію всѣхъ обстоятельствъ этого дѣла, по моему мнѣнію, достаточно уже исчерпанныхъ въ объясненіяхъ, сдѣланныхъ на судѣ тяжущимися, въ выслушанномъ судомъ заключеніи гг. экспертовъ и, наконецъ, въ показаніяхъ спрошенныхъ на судѣ свидѣтелей. По этому дѣлу я буду имѣть честь обратить вниманіе суда лишь на тѣ главные доводы и основанія, на которыхъ истцы доказываютъ свой искъ, т. е. оспариваютъ купчую крѣпость и духовное завѣщаніе. Искъ опекуновъ надъ имѣніемъ и дѣтьми покойнаго Корбе, заключающійся въ опроверженіи или признаніи недѣйствительными духовнаго завѣщанія Корбе и совершенной имъ купчей крѣпости, основывается на ненормальномъ состояніи умственныхъ способностей Корбе, какъ завѣщателя и какъ продавца, другими словами—на неправоспособности его къ совершенію оспариваемыхъ въ настоящее время двухъ актовъ. Я при этомъ не коснусь другихъ основаній этого иска, относя-

щихся исключительно къ духовному завѣщанію, вслѣдствіе заключающихся въ немъ нѣкоторыхъ несогласныхъ съ закономъ распоряженій завѣщателя, въ виду главнаго основанія иска, въ виду ненормальнаго состоянія умственныхъ способностей Корбе. Въ доказательство предъявленнаго опекунами малолѣтнихъ дѣтей Корбе иска, они ссылаются прежде всего на книги, найденныя послѣ смерти Корбе и, наконецъ, на показанія свидѣтелей, знавшихъ Корбе и свидѣтельствующихъ здѣсь на судѣ, объ образѣ жизни Корбе, о его характерѣ, о его привычкахъ, о его умственномъ и физическомъ состояніи за послѣднее время его жизни; наконецъ, въ виду суда имѣются еще заключенія врачей-психіатровъ, сдѣлавшихъ свои научные выводы на основаніи двухъ упомянутыхъ мною доказательствъ, именно: книгъ Корбе и показаній свидѣтелей. Но прежде чѣмъ я обращусь къ оцѣнкѣ представленныхъ доказательствъ, я считаю себя обязаннымъ обратить вниманіе суда на взглядъ психіатровъ и юристовъ на тотъ вопросъ, который составляетъ сущность настоящаго дѣла, именно: на вопросъ о возможности опредѣлять состояніе умственныхъ способностей лица, уже не существующаго, уже умершаго. Такъ, по мнѣнію профессора гражданскаго права Мейера, доказывать умственное состояніе завѣщателя хотя на практикѣ и въ теоріи признается возможнымъ, но, тѣмъ не менѣе, вопросъ въ своемъ практическомъ разрѣшеніи встрѣчаетъ весьма серьезныя затрудненія. Мейеръ говоритъ, что изслѣдовать состояніе умственныхъ способностей завѣщателя есть вообще дѣло въ высшей степени трудное, развѣ въ самомъ завѣщаніи находятся такого рода распоряженія, которыя изобличаютъ ненормальное состояніе завѣщателя. Мнѣніе это раздѣляется точно также и психіатріей, въ лицѣ ея лучшихъ представителей. Они, и между прочимъ Гризингеръ, полагаютъ, что вопросъ — сумасшедшій ли данный субъектъ,—можетъ быть рѣшенъ только на основаніи личнаго изученія, на основаніи личнаго наблюденія, въ теченіи болѣе или менѣе продолжительнаго времени, со стороны врачей спеціалистовъ. Изъ мнѣнія Гризингера видно, что онъ даже отрицаетъ возможность безъ этого наблюденія, безъ самаго тщательнаго изученія подозрѣваемаго душевно-больнаго, сказать свое мнѣніе о состояніи умственныхъ способностей его. Онъ говоритъ, что еще недавно и, можетъ быть, это продолжаетъ случаться и теперь, отъ врачей требовали, чтобъ они составляли свое мнѣніе на основаніи судебныхъ документовъ. Другой профессоръ душевныхъ болѣзней, Сенкей, если не держится этого взгляда вполнѣ, то тѣмъ не менѣе признаетъ, что въ случаѣ, когда по чему-либо представляется невозможнымъ лично изслѣдовать больнаго, какъ напримѣръ въ данномъ случаѣ, гдѣ дѣло

разбирается по смерти лица, то мнѣніе о состояніи умственныхъ способностей такого лица, по мнѣнію доктора Сенкея, можно высказать лишь только въ томъ случаѣ, когда факты, на основаніи которыхъ должно быть дано это мнѣніе, представляются неоспоримыми, когда извѣстные признаки болѣзни, извѣстныя явленія смѣнялись въ послѣдовательномъ порядкѣ, или, наконецъ, когда не встрѣчается никакого сомнѣнія въ существованіи умопомѣшательства у изслѣдуемаго лица. Такъ смотрятъ психіатры на настоящій вопросъ въ лицѣ своихъ лучшихъ представителей, и я думаю, что такая осторожность въ разрѣшеніи столь важнаго вопроса, какъ вопросъ о признаніи и оцѣнкѣ умственныхъ способностей лица, уже не существующаго, умершаго вполнѣ находитъ себѣ оправданіе въ тѣхъ примѣрахъ, на которые указываютъ тѣ же знаменитые психіатры. Гризингеръ, напримѣръ, говоритъ, что случаются весьма часто примѣры, гдѣ, въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго времени, по истеченіи почти года, врачи, при самомъ тщательномъ наблюденіи за субъектомъ, не могли съ точностью высказать свое мнѣніе о состояніи больнаго и высказывали мнѣнія совершенно другъ другу противоположныя. Теперь, послѣ сдѣланныхъ общихъ указаній, общаго взгляда на этотъ вопросъ со стороны науки, въ лицѣ ея лучшихъ представителей, на которыхъ я указалъ здѣсь, я обращаюсь къ разсмотрѣнію доказательствъ, представленныхъ повѣренными истцовъ. Я уже сказалъ, что здѣсь въ виду суда представлено было два рода доказательствъ, т. е. записки и свидѣтельскія показанія. Съ этими записками я счелъ своею обязанностью познакомиться самымъ подробнымъ образомъ, прочитавъ ихъ отъ первой страницы до послѣдней. Записки эти содержатъ въ себѣ бесѣды Корбе съ духами чрезъ медіума, чрезъ посредника въ лицѣ Алымовой. Что такія бесѣды по ученію спиритизма вообще возможны, допускаются и ему не противорѣчатъ, въ этомъ, мнѣ кажется, нѣтъ никакого сомнѣнія, да, наконецъ, и сама сторона, противъ которой представлены эти доказательства, не отвергаетъ ихъ. Спрашивается, для чего же представлены эти записки? Должны ли онѣ служить доказательствомъ ненормальнаго состоянія умственныхъ способностей покойнаго Корбе? Но вѣдь прежде чѣмъ доказать, что вся та безсмыслица, которая заключается въ запискахъ, свидѣтельствуетъ о ненормальномъ состояніи Корбе, мнѣ кажется, необходимо доказать, что бесѣды Корбе, по крайней мѣрѣ въ той формѣ, въ какой онъ ихъ велъ, въ которой онѣ изложены въ тѣхъ запискахъ, не составляютъ собственно спиритизма, несогласны съ догматами этого ученія, противорѣчатъ ему, что Корбе никогда самъ спиритомъ не

былъ, что написавши въ теченіи года всѣ эти 7 книгъ, заключающихъ около 700 листовъ, онъ писалъ какъ вѣрный рабъ Алымовой, находившійся въ полномъ подчиненіи ей, писалъ какъ больной, не понимая и не зная, что онъ пишетъ. Между прочимъ обращаясь къ этимъ доказательствамъ, которыя заключаются въ дѣлѣ, къ тому объясненію, которое выслушано здѣсь, на судѣ, я не вижу, чтобы повѣренные истцовъ доказали то и другое положеніе. Напротивъ, я думаю, что вопросъ о томъ, вѣровалъ ли покойный Корбе въ спиритизмъ, допускалъ ли онъ возможность бесѣдъ съ душами лицъ, уже умершихъ, что вопросъ этотъ долженъ быть рѣшенъ въ смыслѣ противуположномъ, что на это, мнѣ кажется, даетъ полное право содержаніе этихъ же записокъ: рабское исполненіе малѣйшихъ указаній и совѣтовъ духа Василія указываетъ на то, что онъ вѣрилъ во все, что ему передавалось устами Алымовой; если такъ можно выразиться, Корбе весьма честно заблуждался въ этомъ отношеніи. На это мнѣ могутъ возразить, какъ это и было сдѣлано здѣсь на судѣ, что той нелѣпости, безсмыслицѣ, которая содержится въ этихъ запискахъ, ни одинъ здоровый человѣкъ вѣрить не можетъ. Но возражая на это, мнѣ остается только сослаться на существующія у насъ секты, на тѣ ученія, которыя точно также содержатъ въ себѣ столько страннаго, столько смѣшнаго, и которыя однако существуютъ, что въ обрядахъ ихъ выражается извѣстная вѣра, то или другое ученіе, что въ этихъ обрядахъ часто заключается столько анти-религіознаго, столько безнравственнаго, но тѣмъ не менѣе есть десятки тысячъ, сотни тысячъ послѣдователей, приверженцевъ самыхъ закоренѣлыхъ, самыхъ грубыхъ сектъ; наконецъ, что каждое послѣдованіе извѣстному ученію, какъ бы оно ложно ни было, не есть еще признакъ разстройства умственныхъ способностей. Это доказывается, какъ совершенно справедливо указано, по моему мнѣнію, противною стороною, преслѣдованіемъ приверженцевъ тѣхъ сектъ, которыя почему-либо признаются ужь особенно вредными для общества; между тѣмъ мы знаемъ, что преслѣдовать, наказывать можно только людей здоровыхъ, а не больныхъ, на которыхъ въ такомъ случаѣ распространялась бы невмѣняемость. Такимъ образомъ нѣтъ данныхъ къ тому, чтобъ бесѣды, которыя велъ Корбе съ духомъ Василіемъ, чрезъ Алымову, противорѣчили ученію о спиритизмѣ, чтобъ самъ Корбе этому ученію не вѣрилъ, и я полагаю, что записки, сами по себѣ взятыя, еще не составляютъ доказательства разстройства умственныхъ способностей Корбе въ тотъ періодъ времени, къ которому относятся эти записки, т.-е. съ февраля 1869 года по октябрь 1870 года, къ тому самому времени, къ которому относится составленіе

духовнаго завѣщанія и совершеніе купчей крѣпости, т.-е. документовъ, въ настоящее время оспариваемыхъ. Заканчивая такимъ образомъ разборъ одного изъ представленныхъ доказательствъ, т.-е. книгъ Корбе, я обращусь къ оцѣнкѣ другаго доказательства, т.-е. къ свидѣтельскимъ показаніямъ. Въ этомъ отношеніи, мнѣ кажется, выслушанные нами здѣсь свидѣтели должны быть раздѣлены на двѣ группы, на двѣ категоріи. Одни изъ нихъ—свидѣтели-врачи, показывавшіе объ умственномъ и физическомъ состояніи Корбе за извѣстный періодъ времени, другіе же, какъ не спеціалисты, свидѣтельствующіе о характерѣ, объ образѣ жизни Корбе, о его привычкахъ и, наконецъ, о разныхъ случаяхъ и обстоятельствахъ, которыя имъ были извѣстны изъ жизни покойнаго Корбе. Обращаясь къ показаніямъ свидѣтелей первой категоріи, мы встрѣчаемся съ показаніями врачей Успенскаго, Вржосека, Бѣлинскаго и Выговскаго. Я полагаю, что въ настоящемъ дѣлѣ должно ограничиться разборомъ лишь тѣхъ доказательствъ, которыя представлены повѣренными истцовъ, такъ какъ, по закону, на ихъ обязанности лежитъ прежде всего доказать искъ; поэтому я оставляю пока въ сторонѣ показанія свидѣтелей, выставленныхъ противною стороною. Итакъ, что же намъ сказали свидѣтели только что поименованные? Они указывали на нѣкоторыя страданія Корбе, на тѣ или другіе признаки болѣзней, которымъ онъ, въ теченіе своей жизни, подвергался. Наконецъ одинъ изъ этихъ свидѣтелей, а именно врачъ Выговскій, объяснилъ, что покойный Корбе въ 1867 году былъ подверженъ легкому удару, что ударъ этотъ, по мнѣнію свидѣтеля Выговскаго, долженъ былъ вредно повліять на умственныя способности Корбе, что онъ такое мнѣніе свое основываетъ на томъ, что способность мышленія у Корбе была нѣсколько потревожена, память у Корбе ослаблена, и онъ жаловался вообще, какъ говоритъ докторъ Выговскій, на общее недомоганіе во всемъ тѣлѣ. Изъ этихъ показаній можно вывести только то заключеніе, что Корбе, въ теченіи извѣстнаго періода, подвергался разнымъ болѣзнямъ, что онъ болѣлъ, какъ болѣетъ большинство людей; тотъ легкій ударъ, на который указывалъ докторъ Выговскій, по моему мнѣнію, не имѣетъ за собою полной достовѣрности, и мы не можемъ положительно утвердить этого факта, такъ какъ дѣйствительно докторъ Выговскій покойнаго Корбе въ это время не лечилъ. Объ ударѣ, которому подвергался Корбе, Выговскій будто бы зналъ и слышалъ отъ самаго же Корбе. Но можно ли на основаніи только этихъ показаній, показаній врачей, упомянутыхъ мною, прійти къ несомнѣнному заключенію (я именно говорю къ несомнѣнному заключенію), что Корбе страдалъ разстройствомъ умственныхъ

способностей въ періодъ времени 1869—1870 гг.? Къ такому заключенію, на основаніи однихъ показаній докторовъ, спрошенныхъ здѣсь въ качествѣ свидѣтелей, я полагаю, прійти нельзя, такъ какъ свѣдѣнія эти болѣе чѣмъ недостаточны. Въ такомъ вопросѣ это еще становится болѣе сомнительнымъ, если не сказать совсѣмъ невѣроятнымъ, послѣ удостовѣренія тѣхъ же врачей, а именно: Вржосека, Бѣлинскаго и Выговскаго, если разсмотрѣть тѣ отвѣты, которые они давали на вопросы, прямо относившіеся къ умственному состоянію Корбе, за тотъ періодъ, въ который они пользовали Корбе, или были въ болѣе или менѣе близкихъ отношеніяхъ къ нему, имѣли возможность, такъ или иначе, наблюдать его. Но что же эти свидѣтели сказали намъ? Успенскій показалъ, что Корбе не былъ лишенъ ума, Выговскій показалъ, что Корбе обладалъ здравымъ смысломъ, Вржосекъ показалъ, что онъ никогда не замѣчалъ у Корбе ни малѣйшаго разстройства умственныхъ способностей, наконецъ врачъ Бѣлинскій показалъ, что ему въ голову никогда не приходило, что Корбе страдалъ разстройствомъ умственныхъ способностей. Вотъ какія показанія дали свидѣтели-врачи на вопросы, предложенные имъ здѣсь, на судѣ. Что касается до показаній свидѣтелей второй группы, то, такъ какъ они не имѣютъ существенно-прямаго отношенія къ вопросу объ умственныхъ способностяхъ, объ умственно-физическомъ состояніи Корбе, то, по моему мнѣнію, показанія эти не могутъ имѣть рѣшительнаго значенія въ этомъ дѣлѣ, по крайней мѣрѣ они не могутъ быть точкою опоры для разрѣшенія спорнаго въ настоящемъ дѣлѣ вопроса; правда, нѣкоторые изъ свидѣтелей второй категоріи показали, что Корбе подвергался различнымъ болѣзнямъ, что онъ измѣнился въ характерѣ, другіе говорили объ измѣненіяхъ, которыя они замѣтили въ рѣчи Корбе, въ походкѣ его и т. д. При оцѣнкѣ этихъ показаній необходимо, какъ мнѣ кажется, имѣть въ виду личный отзывъ этихъ свидѣтелей, необходимо, при подобныхъ случаяхъ, имѣть наблюдателей, которые бы ясно и отчетливо понимали тѣ симптомы болѣзней, о которыхъ они показываютъ, о которыхъ они говорятъ; между тѣмъ, эти свидѣтели отличаются даже, быть можетъ, неумѣніемъ съ отчетливостью передать явленія, которыя имъ извѣстны, передать ихъ съ тою полнотою, которая необходима для того, чтобы гг. эксперты, врачи-психіатры могли изъ этихъ свѣдѣній представить правильный, научный выводъ. Слѣдовательно, на основаніи изложенныхъ мною соображеній, необходимо прійти къ заключенію, что и этого рода доказательства, т.-е. показанія свидѣтелей, взятыя вмѣстѣ съ другими, т.-е. съ книгами, не заключаютъ въ себѣ свѣдѣній, достовѣрность коихъ не подлежала бы ни малѣйшему сомнѣнію, ни малѣйшему спору, а вслѣдствіе это-

го и основанное на этихъ двухъ доказательствахъ заключеніе (экспертовъ) врачей-психіатровъ не можетъ быть принимаемо, по моему крайнему разумѣнію, за безусловно правильное, неподлежащее также никакому сомнѣнію, никакому спору, какъ научный выводъ объ умственномъ состояніи покойнаго Корбе. Я, конечно, не позволю себѣ критиковать вывода, сдѣланнаго гг. психіатрами въ томъ заключеніи, которое мы вчера выслушали здѣсь на судѣ. Я въ полной увѣренности, что тѣ выводы, которые содержатся въ заключеніи гг. психіатровъ, совершенно правильны, и что если здѣсь есть въ чемъ-либо ошибка, то именно въ томъ, что тѣ факты, на которыхъ врачи построили свой выводъ, приняты за достовѣрные, за факты, неподлежащіе ни малѣйшему сомнѣнію и спору. При этомъ я считаю необходимымъ указать на то, какъ наше положительное законодательство смотритъ на душевныя болѣзни, какое оно даетъ имъ опредѣленіе. Въ этомъ случаѣ мы встрѣчаемъ въ сводахъ законовъ гражданскихъ три термина, именно: безумный, сумасшедшій и умалишенный. Безумнымъ признаютъ человѣка, неимѣющаго разсудка съ самаго младенчества; сумасшедшій—тотъ человѣкъ, безуміе котораго происходитъ отъ какихъ-либо случайныхъ причинъ и составляетъ болѣзнь, доходящую иногда до бѣшенства, дѣлаетъ человѣка опаснымъ для себя и для общества. Опредѣленія третьяго термина — умалишенный мы въ законѣ не находимъ; поэтому для уясненія его я себѣ позволю сослаться на опредѣленіе этого термина, сдѣланное однимъ изъ присутствующихъ здѣсь врачей, а именно врачемъ г. Дюковымъ, который въ критической статьѣ своей, помѣщенной за сентябрь мѣсяцъ 1869 года въ „Архивѣ Судебной Медицины“, на статью Корніевича „Объ умственныхъ способностяхъ завѣщателя по русскому закону“, дѣлаетъ такое опредѣленіе, что умалишеннымъ долженъ быть признанъ человѣкъ, находящійся въ состояніи умоизступленія или совершеннаго безпамятства вслѣдствіе какой-либо болѣзни; значитъ, умопомѣшательство происходитъ отъ случайной причины и составляетъ болѣзнь, иногда доходящую до бѣшенства; умалишеніе есть состояніе, иногда вызываемое какою-либо болѣзнью. Примѣняя, слѣдовательно, опредѣленіе всѣхъ трехъ терминовъ къ вопросу объ умственномъ состояніи Корбе, казалось бы, что за отсутствіемъ данныхъ для признанія Корбе безумнымъ, точно также за невозможностью признать его сумасшедшимъ, такъ какъ нѣтъ данныхъ для того, чтобъ Корбе былъ въ состояніи умоизступленія, былъ въ совершенномъ безпамятствѣ, оставалось бы ближе всего признать его умалишеннымъ. Но гдѣ же тѣ случайныя причины, которыми обусловливается такое состояніе?

Я не буду доказывать, конечно, что во всѣхъ случаяхъ, безъ изъятія, можно съ точностью указать на существованіе тѣхъ или другихъ причинъ, вызвавшихъ болѣзненное состояніе человѣка; но въ такомъ случаѣ, если нельзя указать вызвавшія причины, весьма естественно спросить: „Да въ чемъ же выразилось болѣзненное состояніе, какими внѣшними дѣйствіями выразилъ Корбе свое ненормальное состояніе?" Обращаясь опять къ показаніямъ, для рѣшенія этого вопроса, къ доказательствамъ, т. е. къ книгамъ Корбе и свидѣтелямъ, мы не находимъ ни одного факта, который бы намъ показалъ, что дѣйствительно Корбе находился въ такомъ состояніи, чтобъ онъ совершилъ когда-нибудь такой поступокъ, который бы обнаруживалъ въ немъ явное отсутствіе здороваго состоянія въ умственномъ отношеніи. Мы слышали здѣсь цѣлый рядъ свидѣтелей. Изъ этихъ свидѣтельскихъ показаній мы только вынесли впечатлѣніе о Корбе, какъ о человѣкѣ въ высшей степени жестокомъ какъ о человѣкѣ, который истязалъ и мучилъ своего сына; но это еще далеко не составляетъ доказательства его сумасшествія. Мы знаемъ точно также изъ показаній другихъ свидѣтелей о привычкахъ Корбе, объ его образѣ жизни, что въ его характерѣ, въ его привычкахъ произошелъ переломъ, произошла большая перемѣна, — но опять едва ли мы можемъ объяснить себѣ этимъ ненормальность его умственныхъ способностей. Изъ перечня обстоятельствъ, разсказанныхъ нынѣ свидѣтелями, мы знаемъ, что именно заставило Корбе измѣниться. Поэтому, какъ со стороны науки, такъ и со стороны законодательства, я не вижу рѣшительно никакихъ основаній къ признанію Корбе въ ненормальномъ состояніи, въ числѣ тѣхъ доказательствъ, которыя были представлены въ подтвержденіе предъявленнаго иска. Но этимъ я далеко еще не могу кончить моего заключенія, далеко еще не прихожу къ тому выводу, чтобъ акты, противъ которыхъ предъявленъ споръ, несмотря на то, что Корбе находился въ здоровомъ состояніи, могли бы считаться дѣйствительными, въ силѣ актовъ юридическихъ. Я здѣсь усматриваю другое обстоятельство, которое лишаетъ значенія эти акты; я убѣжденъ, что они совершены имъ не по доброй волѣ, а составляютъ плодъ преступленія, плодъ обмана, который былъ совершенъ съ удивительною разсчетливостью надъ Корбе со стороны лица, къ которому Корбе относился съ полнымъ довѣріемъ. Въ этомъ случаѣ открывается такого рода обстоятельство, которое, по моему мнѣнію, должно пріостановить дальнѣйшее производство этого дѣла въ гражданскомъ порядкѣ. Такимъ обстоятельствомъ является, во первыхъ, явный признакъ противозаконныхъ дѣйствій, заключающихъ въ себѣ уголовное преступленіе. И вотъ

отъ разрѣшенія этихъ-то обстоятельствъ, тѣсно связанныхъ съ гражданскимъ искомъ, и будетъ зависѣть дальнѣйшая участь этого гражданскаго процесса. Въ рѣдкомъ гражданскомъ процессѣ выступаютъ такъ рельефно, съ такою яркостью уголовныя обстоятельства, какъ въ настоящемъ дѣлѣ. Всѣ доказательства, представленныя въ подтвержденіе гражданскаго иска, составляютъ богатѣйшій матеріалъ для уголовнаго изслѣдованія, — матеріалъ къ тому же вполнѣ готовый. Вспомнимъ, что всѣ свидѣтели здѣсь дали свои показанія подъ присягой; при этомъ я долженъ напомнить, что повѣренный отвѣтчицы, усматривая въ настоящемъ процессѣ уголовное обстоятельство, сознается, что самое правильное было бы съ самаго начала повести это дѣло путемъ уголовнымъ; но гдѣ же, спрашиваетъ онъ, на это есть доказательства? Я, съ своей стороны, на это отвѣчу, что теперь говорить о доказательствахъ было бы еще преждевременно, что вопросъ этотъ можетъ быть разрѣшенъ въ свое время, что доказательства могутъ быть потребованы въ то время, когда будетъ возбуждаться вопросъ о преданіи суду того лица, которое навлекаетъ на себя подозрѣніе въ совершеніи этихъ преступленій. Доказательствъ можно требовать только тогда, когда лицо это будетъ находиться на скамьѣ подсудимыхъ, здѣсь въ судѣ; а пока этого нѣтъ, я нахожу совершенно достаточнымъ ограничиться лишь указаніемъ вообще на тѣ обстоятельства, которыя могутъ носить на себѣ характеръ преступныхъ дѣяній. Обращаюсь прежде всего къ тѣмъ же доказательствамъ, т.-е. къ запискамъ и свидѣтельскимъ показаніямъ. Начну съ записокъ. Изъ содержанія ихъ намъ извѣстно, что Корбе сообщался съ духами, именно съ духомъ Василіемъ, что посредникомъ сообщенія съ такими духами ему служилъ медіумъ въ лицѣ жены капитана—Алымовой, что онъ съ этой женщиной находился въ самомъ близкомъ отношеніи, что онъ жилъ съ нею какъ мужъ съ женой, что Корбе находился въ безусловномъ подчиненіи и вліяніи этой женщины, что онъ старался не только исполнять ея малѣйшее желаніе, но и предугадывать всякій ея капризъ. Это мы видимъ изъ содержанія всѣхъ записокъ. Ей стоило только что-нибудь пожелать, и мы видимъ, что все тотчасъ же было исполняемо со стороны Корбе. Онъ говоритъ: „Я исполнялъ безпрекословно малѣйшія велѣнія духа, которыя передавались устами Алымовой“. Но что же этотъ духъ передавалъ Корбе? Вотъ въ этомъ-то случаѣ мы и усматриваемъ, что медіумъ далеко былъ не безупреченъ, что медіумъ, какъ говорится, „самъ себѣ на умѣ“: онъ рядомъ съ передачею велѣній духа Василія въ то же время говоритъ Корбе, чтобъ онъ роздалъ все свое имущество неимущимъ, бѣднымъ,

нищимъ. Это мы находимъ въ запискахъ. Но, спрашивается, что же рядомъ съ этимъ духъ говоритъ Корбе? Духъ Корбе говоритъ, что онъ прежде всего долженъ любить и почитать избранную имъ голубицу, т. е. Алымову, что онъ эту голубицу долженъ прежде всего обезпечить, охранять ее и дорожить ея пребываніемъ въ домѣ, что такимъ образомъ онъ просто, дѣлаясь угоднымъ Алымовой, вѣруетъ при этомъ духу Василію, что онъ дѣлаетъ угодное святѣйшему духу. И вотъ Корбе, вѣря въ это ученіе, будучи въ совершенномъ подчиненіи у этой женщины, будучи безотчетно въ ней привязанъ, безусловно исполняетъ всѣ эти велѣнія. Мнѣ могутъ на это возразить, что въ данномъ случаѣ здѣсь еще преступнаго со стороны Алымовой ничего нѣтъ, что если допустить возможность вѣрованія въ спиритизмъ у Корбе, то отчего же отвергать эту вѣру у Алымовой? Безъ сомнѣнія, еслибъ во мнѣ, хотя на минуту, зародилась мысль, что Алымова также свято и слѣпо вѣровала въ спиритизмъ какъ Корбе, то не могло бы и возникнуть противъ Алымовой уголовнаго преслѣдованія, но потому, что она въ это ученіе вовсе не вѣрила, что она всѣ велѣнія духа направляла только къ своимъ личнымъ выгодамъ, что она, такимъ образомъ, эксплуатировала постоянно Корбе посредствомъ ученія, ради своихъ собственныхъ видовъ, потому-то я и нахожу, что именно здѣсь обнаруживается такое обстоятельство, которое носитъ въ себѣ чисто-уголовный характеръ. Что такого рода дѣянія предусмотрѣны нашимъ закономъ, это мы видимъ изъ 1088 статьи Уложенія о наказаніяхъ. Я не могу не согласиться съ тѣмъ, что обстоятельство это не вполнѣ подходитъ подъ эту статью; но нельзя предполагать, чтобъ всѣ такого рода дѣйствія, которыя обнаруживаются со стороны Алымовой, могли бы остаться безнаказанными. Въ этомъ случаѣ я нахожу возможнымъ выходъ, именно въ толкованіи по аналогіи, по 151 ст. Уложенія. Я не считаю нужнымъ указывать текстуально тѣ мѣста, тѣ положенія, которыя приводятся мною и вполнѣ подтверждаются въ этихъ книгахъ. Суду хорошо извѣстно содержаніе всѣхъ тѣхъ семи книгъ, которыя находятся здѣсь для того, чтобъ не упустить изъ нихъ чего-либо; въ этихъ книгахъ слишкомъ много матеріала для возбужденія преслѣдованія противъ Алымовой въ томъ смыслѣ, въ которомъ я это сейчасъ объяснялъ. Но въ этомъ одномъ еще не заключается вся уголовная сторона процесса; въ этомъ дѣлѣ есть еще другія обстоятельства, по которымъ Алымова обвинялась прежде. Такъ, напримѣръ, въ книгахъ идетъ рѣчь о подстрекательствѣ покойнаго Корбе къ причиненію истязаній и мученій своему малолѣтнему сыну Ѳедору; когда не имѣлось въ виду этихъ книгъ, которыя заключаютъ въ себѣ

столь богатый матеріалъ, обвинительная власть не сочла возможнымъ предать Алымову суду. Именно вслѣдствіе того и было составлено заключеніе о прекращеніи слѣдствія, которое утверждено затѣмъ опредѣленіемъ одесской судебной палаты; въ настоящее же время открывается полная возможность возобновить это дѣло, на основаніи тѣхъ свѣдѣній, которыя заключаются въ книгахъ, взвѣсить это дѣло на основаніи тѣхъ присяжныхъ показаній Склярова и Черниченковой, которыя удостовѣряютъ, что покойный Корбе былъ постоянно подстрекаемъ со стороны Алымовой къ истязаніямъ малолѣтняго сына своего Ѳедора. Слѣдовательно, въ виду этихъ обстоятельствъ, представляется полная возможность къ возобновленію настоящаго дѣла на точномъ основаніи 2 п. 542 ст. уст. угол. судопр. представленіемъ на разрѣшеніе одесской судебной палаты. Но и это еще не все. Въ этомъ дѣлѣ, кромѣ того, обнаруживается обстоятельство о незаконномъ пріобрѣтеніи имущества, принадлежащаго покойному Корбе какъ прислугой его, такъ и нотаріусомъ Гальберштадтомъ.

Вслѣдствіе этого, а также на основаніи 8 ст. уст. гражд. судопр., я полагалъ бы, по обнаруженіи въ настоящемъ дѣлѣ такихъ уголовныхъ обстоятельствъ по отношенію обмана со стороны Алымовой къ Корбе, такихъ уголовныхъ обстоятельствъ, отъ разрѣшенія которыхъ зависитъ и разрѣшеніе самого гражданскаго иска, такъ какъ очевидно, что если купчая крѣпость есть плодъ преступленія, то она сама собою должна быть признана недѣйствительною,—въ виду этихъ обстоятельствъ производство настоящаго дѣла въ порядкѣ гражданскомъ пріостановить и передать все это дѣло со всѣми приложеніями прокурорскому надзору для возбужденія уголовнаго преслѣдованія противъ Алымовой и противъ лицъ, воспользовавшихся незаконно собственностью покойнаго г. Корбе. Этимъ я оканчиваю мое заключеніе по настоящему дѣлу.

9 октября, въ 11 часовъ вечера, послѣ непродолжительнаго совѣщанія, окружный судъ провозгласилъ слѣдующую резолюцію:

„Духовное завѣщаніе умершаго штабъ-ротмистра Константина Ѳедоровича Корбе, составленное 29 апрѣля 1869 года, и купчую крѣпость (на имѣніе Михайловку) признать недѣйствительными. Обнаружившіяся въ дѣлѣ уголовныя обстоятельства относительно допущенія со стороны отвѣтчицы, Алымовой, обмана побудившаго Корбе совершить на ея имя купчую крѣпость и составить въ пользу ея духовное завѣщаніе, также какъ и обстоятельство относительно подстрекательства его, умершаго Корбе, къ истязанію сына Ѳедора, передать на разсмотрѣніе въ

уголовный судъ чрезъ прокурора; точно также передать на разсмотрѣніе въ уголовный судъ, чрезъ прокурора, обнаружившіяся обстоятельства относительно присвоенія нотаріусомъ Гальберштадтомъ и крестьяниномъ Василіемъ Гречаниновымъ имущества, оставшагося послѣ смерти штабъ-ротмистра Корбе. Судебныя издержки по настоящему дѣлу возложить на отвѣтчицу Алымову".

00083629
ЮФ СПбГУ

